

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. ДЕВЯТОЕ ТЕРМИДОРА

ГЛАВА 1. ПОСЛЕДНИЕ МЕСЯЦЫ ЯКОБИНСКОЙ ДИКТАТУРЫ (апрель-июль 1794 г.)

I. Социально-экономическая политика робеспьеристов

В начале апреля 1794 года, после гибели фракций эбертистов и дантониистов, робеспьеристы получили сначала большую свободу действий в проведении своей социально-экономической политики. Весной 1794 года популярность и влияние Робеспьера достигли своего апогея. Никто в правительственных комитетах и в Конвенте не осмеливался открыто выступить против него. Правительственные комитеты стали всесильными, и Конвент почти без прений санкционировал все их предложения и мероприятия. Коммуна Парижа была очищена от эбертистских элементов и находилась в руках ставленников робеспьеристов. Якобинский клуб шел за робеспьеристами. Народные общества в секциях, которым не доверяли робеспьеристы, были распущены, хотя это и ослабило связь Коммуны с низами парижского населения. Однако скоро робеспьеристы натолкнулись на глухое сопротивление со стороны оформлявшегося термидорианского блока. Сужение же социальной базы революционного правительства и противоречия в экономической, политике робеспьеристов делали их положение непрочным. Вот почему, несмотря на устранение фракций и победы на внешнем фронте, террор не только не был ослаблен, а наоборот, усилен.

Третий максимум и вантозские декреты, принятые Конвентом по предложению робеспьеристов еще в конце февраля и начале марта 1794 года, в жизнь проводились уже после падения фракций. Третий максимум увеличивал в интересах крестьян и торговцев цены на предметы потребления. К ценам 1790 года, увеличенным на одну треть, новая такса прибавляла еще значительные тогда издержки транспорта и на всю сумму начисляла 5% для оптовых и 10% для розничных торговцев. Фактически, это приводило часто к удвоению цен по сравнению с 1790 г. Между тем таксация заработной платы осталась без изменения, будучи только на 50% выше по сравнению с 1790 годом.

Робеспьер считал максимум временным явлением, вызванным исключительными обстоятельствами. Он не мыслил себе общества без торговли, которая является, по его словам, «естественным обменом, дающим жизнь членам общества».²

В своей последней речи 8 термидора 2 года он говорил, что перед республикой стоит задача «восстановить обычные порядки мирного времени, ибо только они могут вернуть изобилие».³

Пустоту рынков и упадок торговли робеспьеристы приписывали нападкам эбертистов на торговцев. 27 марта 1794 года, через три дня после казни эбертистов, революционная армия, находившаяся под их руководством, была распущена. Ожидая улучшения продовольственного положения не только от выполнения максимума, но и от оживления производства и торговли, робеспьеристы провели 1 апреля 1794 года декрет, по которому функции прежней Комиссии продовольствия и снабжения были распределены между Комиссией земледелия, ремесел и мануфактур и Комиссией торговли и снабжения.

1-го же апреля был отменен институт комиссаров по скупкам, а функции их были переданы особым муниципальным служащим. Закон 26 июля 1793 года, устанавливавший смертную казнь для скупщиков, теперь был значительно смягчен. Применение смертной казни ограничивалось случаями явной экономической контрреволюции, когда умышленно портили съестные припасы или скрывали предметы потребления, предназначенные для снабжения армии. В остальных случаях нарушения закона о максимуме устанавливалась смягченная шкала наказания: штраф в десятикратном размере, двухгодичное тюремное заключение и конфискация товаров. Регулирование розничной торговли предоставлялось местным властям.⁴

Париж и другие города для облегчения торговли стремились теперь так толковать новый закон о максимуме, чтобы больше заинтересовать торговцев.

Из действия закона о максимуме делались отдельные изъятия для владельцев промышленных предприятий; были смягчены репрессии против торговцев, нарушающих максимум, за снабжение были обещаны премии; наконец, был разрешен вывоз за границу излишков продуктов. Самый максимум с весны 1794 года находил себе применение главным образом при реквизициях, которые касались прежде всего зерна. Декрет 8 мессидора 2 года (26 июня 1794 г.) предписывал учет всего зерна нового урожая, которое объявлялось находящимся в распоряжении государства для нужд армии и рынков.⁵

Закон о максимуме часто нарушался или обходился. Его лучше соблюдали в городах, чем в деревнях, где муниципалитеты состояли из крестьян-собственников, торговцев и ремесленников.⁶

Комиссар Конвента Бо доносил 16 флореаля 2 года (5 мая 1794 г.): «Члены муниципалитета везде состоят из самых богатых собственников и забывают о несчастных рабочих, которые только и нуждаются в хлебе».⁷ Один агент, донося 27 июля 1794 года о нарушении закона о максимуме в одном округе, добавлял, что поскольку «этот закон будет доверен муниципалитетам, которые состоят большей частью из торговцев и собственников, они останутся глухи к его голосу».⁸ Но там,

где муниципалитеты находились в руках якобинцев, последние прилагали значительные усилия к тому, чтобы добиться выполнения закона о максимуме. Этому помогали якобинские клубы и народные общества.⁹

При отсутствии национализации торговли и промышленности и соответствующих условий для этого максимум мог быть только необходимым паллиативом: он спас армии и города от голода, но он не мог способствовать оживлению торговли и промышленности.

Уступки, сделанные собственникам и торговцам, не удовлетворили их и не привели к заметному улучшению снабжения рынков, но эти уступки разочаровали бедноту и рабочих. Стремясь сохранить равновесие между интересами торговцев и потребителей, робеспьеристы отказались от исключительного покровительства интересам бедноты. Правда, продовольственное положение с весны 1794 года не ухудшалось. Стали поступать закупленные раньше за границей продукты. Неравная морская битва французского флота с английским, происшедшая 1 июня 1794 года, освободила, однако, проход в Брест для каравана в 200 судов с мукой и зерном, прибывшего из Америки и Сан-Доминго. Мясной кризис несколько смягчился. На мясо в Париже были введены карточки, подобно карточкам на хлеб. Каждому выдавался фунт мяса на декаду. Но очереди перед мясными лавками не прекращались, и было много нареканий на злоупотребления при раздаче мяса. Мясники считали установленную таксу низкой для себя и ссылались на то, что живой скот им приходилось покупать не по таксе.

Политикой третьего максимума были недовольны и рабочие, протестовавшие против низкой таксации заработной платы и принудительной реквизиции рабочей силы. В северной Франции, например, заработная плата летом 1793 года поднялась в 2—3 раза выше по сравнению с 1790 годом, а между тем закон 29 сентября 1793 года увеличивал таксу заработной платы только на 50%.¹⁰ Муниципалитеты более ревностно применяли таксу заработной платы, чем таксу на хлеб и предметы потребления. В Париже рабочие различных производств неоднократно требовали увеличения своей заработной платы, но муниципалитет отказывался удовлетворить эти требования и грозил объявить «подозрительными» нарушающих закон о таксации заработной платы и собирающихся без разрешения для обсуждения своих профессиональных нужд.

2 мая 1794 года Коммуна Парижа запретила булочникам-подмастерьям бросать работу и требовать плату выше установленной таксы. Декрет 15 флореаля 2 года (4 мая 1794 года) объявлял мобилизованными всех лиц, занятых в производстве, транспорте и продаже продуктов и предметов первой необходимости.¹¹ В своей прокламации от 5 мая 1794 года Коммуна осуждала, что «табачники, пекари, сортировщики, сплавщики леса и корабельщики — все они потребовали от своих работодателей повышения заработной платы сверх нормы, установленной законом» они образуют не легальные сборища, грозят прекратить работу и даже вести свою злонамеренность до того, чтобы бросить ее совсем в пасти портовых рабочих совершенно отказывались работать в портах». Коммуна грозила предать суду рабочих, покидающих работу, но все же была вынуждена повысить тарифы заработной платы. Особенно недовольны были многочисленные рабочие военных производств, зарабатывавшие меньше, чем простые чернорабочие. Комитет общественного спасения установил для них премии и шел на некоторые уступки, но не мог, не нарушая закона о максимуме, вполне удовлетворить их требования. Волнения среди рабочих оружейных мастерских не прекращались до самого 9 термидора.¹²

По отношению к сельскохозяйственным рабочим широко применялась реквизиция рабочей силы. Постановление Комитета общественного спасения от 11 прерияля 2 года (30 мая 1794 года) объявляло мобилизованными для сбора урожая поденщиков, рабочих и всех, кто «обычно занимается полевыми работами». За отказ от работы грозило предание суду революционного трибунала.¹³ Ряд других постановлений уточнял вопросы об оплате отдельных видов работы. Волнения среди сельскохозяйственных рабочих нередко происходили особенно там, где власти не соглашались платить хлебом или устанавливали слишком низкую заработную плату. Рабочие отказывались работать по таксе, ссылаясь на то, что максимум на продукты не соблюдается. Недосток рабочих рук был настолько ощутительным, что Конвент 21 мессидора 2 года (9 июля 1794 года) декретировал освобождение крестьян и батраков, арестованных в качестве подозрительных.¹⁴ Власти посылали солдат убирать и молотить хлеб. Разрешалось употреблять для работ по снятию урожая военнопленных.

Рабочие коалиции и стачки были по-прежнему запрещены. Закон Ле Шапелье оставался в силе, и «даже правительство террора оставило его неприкосновенным».¹⁵

Вантозские декреты о конфискации имущества врагов революции и о разделе их среди неимущих патриотов имели в виду создание большого числа мелких собственников, заинтересованных в революции и в демократической республике. Осуществление этих декретов должно было, по мысли Сен-Жюста, расширить социальную базу для такого общества и государства, в котором исчезло бы нищенство и был бы сглажен резкий контраст между богатыми и бедными. Проведение в жизнь вантозских декретов требовало большой предварительной работы. Нужно было рассмотреть до 80 тыс. дел о подозрительных, между тем, к 11 мая 1794 года были вынесены решения только относительно 40 тысяч. Кроме того, должны были быть

составлены опись имуществ осужденных врагов революции и списки неимущих патриотов по всей Франции. Эту большую предварительную работу можно было бы удовлетворительно и сравнительно скоро провести при согласованной деятельности правительственных комитетов и департаментской администрации. В действительности проведение в жизнь вантозских декретов натолкнулось - на пассивное сопротивление как в центре, так и на местах. «Болото» в Конвенте и часть правительственных комитетов стали, толковать вантозские декреты, как акт социальной благотворительности. В таком духе был сделан Барером 22 флореаля 2 года (11 мая 1794 года) доклад о средствах к искоренению нищенства. Под понятие неимущих подводились странники, калеки, больные и вдовы, раздавать землю которым было бы бесцельно. Власти на местах больше заботились о выполнении декрета 22 флореаля 2 года о вспомоществовании, чем о составлении списков неимущих, требуемых декретом 23 вантоза 2 года. Только 13—14 мая комитеты образовали две народные комиссии для отбора подозрительных; к рассмотрению результатов работ этих комиссий комитеты приступили через два месяца, в начале термидора, и только 22 июля, за пять дней до 9 термидора, они решили назначить остальные четыре народных комиссии, предусмотренные декретом 23 вантоза.

Составление окончательного списка осужденных подозрительных к важно было и в том отношении, чтобы наложить секвестр на их деньги до сбора урожая. Местная администрация часто накладывала секвестр на имущество всех подозрительных, но Комитет общественного спасения 14 мессидора 2 года (2 июля 1794 года) разъяснил, что секвестр может быть наложен только на имущество подозрительных, внесенных в список народными комиссиями. Кредиторы подозрительных также жаловались на неправильное наложение секвестра местными властями. Между тем Комитет законодательства держался иного мнения, и вопрос остался неразрешенным до дня 9 термидора. Практика на местах была различная.¹⁶

В некоторых департаментах, однако, была проделана значительная подготовительная работа для осуществления вантозских декретов. Это можно сказать на примере департамента Па-де-Кале, где комиссаром Конвента был ето вгея робеспьерист Лебон. Данный факт доказывает, что сами робеспьеристы серьезно относились к вопросу о наделении неимущих землею, конфискованной у врагов революции.¹⁷

В действительности вантозские декреты остались без применения. Кроме того, они не касались мелких собственников, мелких фермеров и полновников. Для дарового наделения земель малоземельных имущих осужденных подозрительных не хватило бы, а об экспроприации крупных землевладельцев робеспьеристы не думали. Результаты же продажи национальных имуществ с аукциона не были благоприятны для бедноты. Только земли эмигрантов в большей мере перешли в руки крестьян. Декрет 3 июня 1793 года выделил из эмигрантских земель фонд, из которого беднота, не имевшая ни одного арпана, могла брать в аренду землю и; выкупать ее в рассрочку. Но 13 сентября 1793 года эта льгота для деревенской бедноты была отменена, и бедняк мог лишь получить 500 ливров для покупки эмигрантских земель с выплатой в течение 20 лет. Для этого нужно было предварительно разбить эмигрантские земли на мелкие участки, но местная администрация часто этого не делала. Она очень узко толковала и понятие «неимущих», подводя под него калек, стариков и вдов.

Распродаваемые национальные имущества попадали прежде всего в руки буржуазии и зажиточного крестьянства. Бывали случаи, когда одна десятая покупателей приобретала три пятых отчуждаемых земель, а девять десятых покупателей — только две пятых земель. В департаменте Шер, например, буржуазия купила на 6040 тысяч ливров, а крестьянство на 1.723 тысячи ливров, т.е. в три с лишним раза меньше. Национальные имущества около городов и здания обыкновенно переходили в руки буржуазии (по Лучицкому). В департаменте Севера до 1794 года было уже продано 63,67% национальных имуществ, за исключением эмигрантских земель. Крестьяне купили приблизительно в два раза больше, чем буржуазия, но их доли были раза в два меньше. Здания почти все перешли в руки буржуазии. В то время как 8490 крестьян купили 43 тысячи с лишним гектаров земли (66,44%) и 123 здания, 2143 буржуа приобрели около 22 тысяч гектаров земли (33,56%) и 1200 зданий. Если взять окончательные результаты продажи национальных имуществ в департаменте Севера, то из 25 тысяч крестьян 90,58% покупали участки меньше 5 га и приобрели 39,1% земли, купленной крестьянами, причем 61,8% крестьян покупали участки меньше 1 га и приобрели всего 17,13% земли. 8,63% крестьян стали собственниками средних участков от 5 до 40 га, составлявших 38,7% купленной крестьянами земли. Крупными собственниками сделались только немногие крестьяне: 159 крестьян (0,54%) приобрели участки от 40 до 100 га и 14,4% земли и, наконец, 37 крестьян (0,15%) сделались собственниками участков от 100 до 1000 га и приобрели 7,72% земли. Крупными земельными собственниками стали преимущественно буржуа. Из 4716 буржуа 382 (1,33%) приобрели участки от 40 до 1000 га и купили 61,7% земли, попавшей в руки буржуазии, что составляло в департаменте Севера 30,83% всей проданной земли.¹⁸

Национальные имущества продолжали продаваться с аукциона. Расходы росли и значительно превышали доходы. Это превышение равнялось в жерминале 2 года 360 миллионам

ливров, в флореале — 240 миллионам ливров и в мессидоре — 226,5 миллионам ливров.¹⁹

К 1 июля 1794 года в обращении находилось свыше 6 миллиардов ливров ассигнациями. Последний обесценились на две трети, и средний курс их в июле 1794 года равнялся 34 за 100.²⁰ По предложению Камбона, заведовавшего финансами, Конвент декретом 23 флореала 2 года (12 мая 1794 года) постановил ликвидировать пожизненную ренту, которая к 1 января 1793 года составляла несколько более 100 миллионов ливров. Путем конверсии этой ренты в постоянную она была уменьшена более, чем вдвое, что задело интересы многих мелких рантье, которые, кроме того, сильно пострадали от обесценения ассигнаций²¹). Робеспьер в своей речи от 8 термидора 2 года резко нападал на ведомство финансов и на Камбона, приписывая им намерения «разорять и приводить в отчаяние бедных и увеличить число недовольных».

Буржуазия и более состоятельные слои крестьянства, скупившие большую часть национальных имуществ; торговцы предметами потребления, не подлежавшими таксации (скот, молоко и др.); скупщики, перекупщики и спекулянты всякого рода, поставщики на армию и служащие, воспользовавшиеся своим положением для своего обогащения, — все они образовали кадры «новых богачей» (*nouveaux riches*), которые вместе со старой буржуазией тяготились диктатурой якобинцев с ее террором, максимумом, реквизициями, обложениями богатых и намеченными вантозскими декретами и ждали только удобного момента, чтобы ликвидировать эту диктатуру. Политика третьего максимума не удовлетворила буржуазию и собственническое крестьянство, а, с другой стороны, беднота, разочарованная смягчением максимума, и рабочие, недовольные низкой таксацией заработной платы и реквизицией рабочей силы, охладели к якобинскому режиму и держались в большинстве пассивно во время термидорианского переворота. Вантозские декреты остались на бумаге и не привели к расширению социальной базы робеспьеристов. Наконец, неорганизованность беднейшего крестьянства мешала ему играть активную роль во время политического кризиса летом 1794 года. Таковы были последствия противоречивой, мелкобуржуазной социально-экономической политики робеспьеристов, которые в рамках товарного производства ставили себе утопическую задачу — создать и укрепить республику мелких производителей-собственников. Таким образом, результаты противоречивой социально-экономической политики робеспьеристов создавали предпосылки для переворота 9 термидора.

II. Внутреннее и внешнее положение французской республики весной и летом 1794 года. Образование термидорианского блока

Робеспьеристы сознавали громадные трудности выполнения стоявших перед ними задач. Революционное правительство могло успешно действовать, только проводя централизацию политической власти. Роль администрации революционного правительства была велика. Однако порочные члены, попадавшие в ее среду, своими злоупотреблениями вредили делу революции и компрометировали ее.

Выбор служащих среди санкюлотов был ограничен, так как большинство населения было безграмотно. В служащие набирались ремесленники и деклассированные выходцы из буржуазии, туда попадали и бывшие дворяне. Между тем, продажа национальных имуществ и поставки на армию представляли служащим много соблазнов для личного обогащения. Злоупотребляли своими неограниченными полномочиями и некоторые комиссары Конвента.

Сен-Жюст в своем докладе об общей политике республики, сделанном в Конvente 15 апреля 1794 года, дал критику действий администрации и нарисовал идеал революционера, который должен быть человеком честным, добродетельным, непоколебимым, чуждым снисходительности, грубости и обмана, но отзывчивым, прямым и простым. Революционер должен воспламеняться только ради общественного блага. «Пылкость, — говорил Сен-Жюст, — заключается в непоколебимом решении защищать права народа и Конвента; она — в презрении к богатству и в мужественной простоте нравов; пылкость, а не ярость, является добродетелью». Человек, занимающийся общественными делами, должен иметь отвращение к интриге, избегать фаворитизма и зависти. Двери властей должны быть открыты для санкюлотов и несчастных.

27 жерминаля 2 года (16 апреля 1794 года) Конвент принял декрет, который запрещал дворянам и иностранцам, за некоторыми исключениями, жить в Париже, крепостях и портах и входить в состав народных обществ и наблюдательных комитетов. Комитету общественного спасения предписывалось установить контроль над всеми своими агентами и преследовать их за злоупотребления. Лица, не имеющие, определенных занятий и уличенные в жалобах на революцию, подлежали ссылке в Гвиану.²¹

На основе декрета 27 жерминаля 2 года Комитет общественного спасения создал для наблюдения за служащими особое «Бюро полиции», находившееся в его ведении и независимое от Комитета общественной безопасности. Последний сохранял все свои функции и также не прекращал контроля над служащими, но создание параллельных органов свидетельствовало о расхождении между правительственными комитетами. Новое Бюро полиции находилось под непосредственным наблюдением Сен-Жюста, а во время его командировки в армию его заменяли

Робеспьер и Кутон. Это Бюро оказалось не в состоянии, однако, выполнить свою основную задачу наблюдения над служащими.²²

19 флореаля 2 года (8 мая 1794 года), по предложению Комитета общественного спасения и Комитета законодательства, Конвент принял декрет, по которому в департаментах упразднялись революционные трибуналы и комиссии, а рассмотрение всех контрреволюционных преступлений передавалось парижскому революционному трибуналу. Комитет общественной безопасности был отстранен от участия в составлении и этого декрета.

18 флореаля 2 года (7 мая 1794 года) Конвент принял предложенный Робеспьером декрет об установлении культа высшего существа. Этот культ должен был, по мысли Робеспьера, укрепить республиканские добродетели. Обосновывая предложение об установлении этого культа, Робеспьер в своей речи указывал, что «порок и добродетель определяют судьбы земли», что «мораль есть единственная основа гражданского общества», что «революция является переходом от царства преступления к царству справедливости» и что «идея высшего существа и бессмертия души является социальной и республиканской, так как она служит постоянным призывом к справедливости». Из всех просветителей XVIII в. Робеспьер дал высокую оценку только Ж.-Ж.Руссо, идеи которого о гражданской религии он и развивал. Врагами революции он объявлял порочных людей, а патриотами — честных и великодушных. Гильотинированных жирондистов, дантонистов и эбертистов он обличал как атеистов. Культ высшего существа заключался, по мнению Робеспьера, в исполнении гражданских обязанностей: нужно ненавидеть нечестность и тиранию, помогать несчастным, уважать слабых, защищать угнетенных, делать другим все возможное добро и не быть ни к кому несправедливым.²⁴

Робеспьеристская Коммуна в прокламации к жителям Парижа от 18 мая 1794 года, призывая не поддаваться излишним опасениям относительно недостатка продовольствия, писала: «Высшее существо, покровитель свободы народов, повелело природе приготовить для вас обильную жатву: оно хранит вас, будьте достойным له благодарений».²⁵

Популярность Робеспьера росла, но увеличивалась и ненависть к нему его противников. 22 мая некто Адмираль, искавший случая убить Робеспьера, неудачно попытка совершить покушение. На другой день у дома, где жил Робеспьер, была задержана молодая девушка Сесиль Рено, настойчиво требовавшая свидания с Робеспьером и имевшая при себе два ножа. При допросе она не скрывала, что она якобинец, ненавидит республику, а Робеспьера считает «тираном». Сосредоточив покушения Сесиль Рено врагами Робеспьера была пущена басня, будто Робеспьер опроверг на гильотину ее возлюбленного, который в Якобинском клубе и в Конвенте (Русселен и Лежандр) коварно предлагали окружить Робеспьера стражей, чтобы обвинить его потом в стремлении к диктатуре. Барер в своем докладе, сделанном в Конвенте 26 мая, связал произведенное покушение с политикой Питта, который путем шпионажа, диверсий, голода, заговоров и убийств хочет дезорганизовать республиканскую Францию. Но в то же время Барер подчеркивал те места из английских газет, где указывалось на исключительное положение Робеспьера и где французские солдаты назывались солдатами Робеспьера.

Уже 24 мая депутат Лекуантр, купец по профессии и близкий к дантонистам, составил обвинительный акт против Робеспьера, подписанный восемью другими депутатами. Этот клеветнический акт тайно распространялся среди депутатов Конвента. Комиссары Конвента, отозванные за вымогательства и злоупотребления властью, также были активными противниками Робеспьера и интриговали против него. Их попытки оправдаться перед Робеспьером были безуспешны, и в «Неподкупном» они видели главную угрозу для себя. Среди скомпрометированных комиссаров был Фуше, будущий министр полиции при Наполеоне I. Он вместе с Колло д'Эрбуа был ответственен за эксцессы в Лионе, где преследовал сторонников якобинца Шалье [Автор подает пример, как одной неловко или умышленно неловкой фразой можно исказить информацию. Правды ради надо сказать, что Коло и Фуше были направлены в Лион для исполнения декрета Конвента и расправы над противниками Шалье. Эксцессы происходили не без участия сторонников Шалье, во время лионского восстания вынужденных скрываться и подвергавшихся репрессиям. Фуше изменил отчасти политику в отношении крайних лионских якобинцев лишь в марте 1794 г., когда проконсулов вызвали для отчета в Париж, где в разгаре была борьба с ультра-левой фракцией «эбертистов», довольно близкой по идеям с Шалье. — *Vive Liberta*]. К личным врагам Робеспьера принадлежал Тальен, торговавший в Бордо правосудием, арестовывавший бордоских купцов и отпускавший на свободу тех, кто давал большие взятки. Соучастницей Тальена была выпущенная им из тюрьмы Тереза Кабаррю, дочь испанского банкира, ставшая его женой. По инициативе Робеспьера Комитет общественного спасения 22 мая издал приказ о вторичном аресте Терезы Кабаррю.

Тальен вместе с Фрероном после 9 термидора стали главными вдохновителями антиякобинских выступлений «золотой молодежи». Самые искренние монтаньяры упрекали Фрерона в неистовствах в Тулоне и Марселе, в массовых расстрелах и бессмысленных разрушениях зданий. К числу депутатов, которые пытались устранить Робеспьера, чтобы спасти себя, принадлежал авантюрист и казнокрад Баррас, аристократ по происхождению, соединявший

все пороки дворянства и буржуазии. Из других скомпрометированных депутатов нужно отметить еще близких к дантонистам Бурдона из Уазы, Дюбуа-Крансе [Наверное, все же стоит упомянуть, что Дюбуа-Крансе – не первый встречный, а депутат, предложивший военную реформу и активно участвовавший в организации новой армии Республики. – *Vive Liberta*] и Ровера, покровительствовавшего вора в Воклюзе. Все это были будущие активные термидорианцы. Робеспьер действительно помогал аресту некоторых из них, но противники его в Комитете общественной безопасности щадили их, стремясь сделать из них орудие в своей борьбе против Робеспьера.

Были отозваны также из Вандеи комиссары Конвента, которые организовывали адские колонны, предававшие огню поселения, где были мятежники. Постановлением 21 мая Комитет общественного спасения прежний способ борьбы с вандейскими мятежниками — способ искоренения — заменил способом переписи и учета населения.

20 прериаля 2 года (8 июня 1794 года) состоялось торжественное празднество в честь высшего существа [Верховного существа – так, по традиции, переводится *Supreme Etre*. – *Vive Liberta*]. Робеспьер возглавлял его в качестве председателя Конвента. Праздник закончился исполнением особого гимна высшему существу, республиканский припев к которому был повторен многими тысячами собравшегося народа: «Прежде чем положить наши торжествующие мечи, Поклянемся уничтожить преступления и тиранов».

Подобные празднества были организованы по всей Франции. Люди самых различных взглядов торжественно поздравляли Робеспьера. В действительности это всеобщее «примирение» было только обманчивой видимостью. На самом празднестве некоторые члены Конвента и комитетов позволяли себе делать вполголоса насмешливые и непочтительные замечания по адресу Робеспьера. Его саркастически называли «первосвященником» и с угрозой шептались: «Бруты еще не перевелись».

О скрытой закулисной борьбе свидетельствовал и новый закон о терроре, предложенный Кутоном 22 прериаля 2 года (10 июня 1794 г.). И на этот раз Комитет общественной безопасности был обойден и не принял участия в выработке закона, который изменял состав и функции подведомственного ему революционного трибунала. Кутон в своей речи нападал на «безнравственную клику снисходительных» и отвергал по отношению к заговорщикам необходимость соблюдения тех судебных формальностей, которые замедляют вынесение приговора. «Наказание врагов отечества, — говорил он, — должно следовать немедленно за их обнаружением; дело идет не столько об их наказании, сколько об их уничтожении».

Новый декрет о терроре устанавливал число и личный состав революционного трибунала, определял, кто является врагом народа, устанавливал для них единственное наказание — смерть и устранял необходимость представления материальных доказательств вины, когда у судей имеются относительно нее моральные доказательства. Тайный предварительный допрос отменялся. Понятие врагов народа было очень расширено: к ним причислялись не только изменники, предатели, недобросовестные поставщики и служащие, злоупотребляющие своей властью для притеснения патриотов и угнетения народа, но и те, кто клеветает на патриотов, распространяет ложные известия, извращает революционные принципы, портит нравы, развращает общественную совесть, искажает чистоту республиканских и революционных принципов.

Робеспьер выступил против внесенного предложения отсрочить обсуждение декрета, указывая, что такая отсрочка дала бы повод думать о существовании разногласий между Конвентом и Комитетом общественного спасения. Декрет был вотирован в тот же день.

На другой день Бурдон из Уазы, в отсутствие членов Комитета, внес в Конвенте поправку, что комитеты не могут без согласия Конвента привлекать его членов к суду революционного трибунала. Предлагая эту поправку, враги Робеспьера хотели показать, что Робеспьер посягает на права Конвента, и в то же время стремились гарантировать свою личную неприкосновенность. Конвент принял резолюцию, что его предварительное согласие на предание суду членов Конвента является его неотъемлемым правом. 11 же июня в Комитете общественного спасения Билло-Варенн [Бийо-Варен – *Vive Liberta*] резко упрекал Робеспьера за то, что он вместе с Кутоном внес на утверждение Конвента новый декрет о терроре, не обсудив его предварительно в Комитете. Между ними произошло очень резкое объяснение.

12 июня Кутон заявил в Конвенте протест против того смысла, который Бурдон из Уазы придавал некоторым статьям декрета 22 прериаля, и назвал такое предположение «клеветой» по адресу Комитета общественного спасения. Напуганный Бурдон из Уазы старался оправдаться и признал свои опасения «неуместными». Но Робеспьер резко напал на интриганов, которые путем клеветы хотят ввести Гору и Конвент в заблуждение относительно намерений добрых патриотов. Когда Бурдон из Уазы запротестовал, что его без доказательств называют «злодеем», Робеспьер угрожающе ответил: «Я не назвал Бурдона. Горе тому, кто сам себя называет». Затем Робеспьер стал обличать как интригана Тальена, не называя его, однако, по имени. Он рассказал, что накануне один депутат обругал шпионами некоторых служащих Комитета общественного спасения, когда те приблизились к нему и его двум спутникам в Тюильрийском саду. Объяснения,

которые пытался дать Тальен, Робеспьер и Билло-Варенн называли «лживыми». Конвент отменил принятую им накануне резолюцию.²⁶ На другой день Тальен в письме к Робеспьеру в подобострастном тоне старался оправдать свою деятельность во время революции и в частности в Бордо.

Робеспьер еще сохранял свое влияние в Конвенте, но уже не имел большинства в правительственных комитетах. Большинство Комитета общественной безопасности было враждебно к нему. Амар не прощал Робеспьеру, который указал ему на неудовлетворительность его доклада по делу об индийской компании. Скептик Вадье враждебно относился к религиозной политике Робеспьера. Эли Лакост, Мойз Бейль и Жаго враждебно относились к Робеспьеру. Только Леба и Давид в Комитете общественной безопасности поддерживали Робеспьера. Комитет общественной безопасности питал злобу против Робеспьера и его друзей за то, что те взяли в свои руки расследование дела эбертистов и дантонов и проведение важных декретов 27 жерминаля, 19 флореаля и 22 прериала 2 года. Создание Бюро полиции при Комитете общественного спасения Комитет общественной безопасности рассматривал, как выражение недоверия к нему.

Робеспьер мог бы преодолеть сопротивление Комитета общественной безопасности, если бы не произошел раскол в самом Комитете общественного спасения. Но и в последнем Робеспьер теперь мог положиться только на Кутона и Сен-Жюста, причем Сен-Жюст летом 1794 года был в командировке в северную армию, а Кутона Комитет общественного спасения дважды пытался отправить в командировку. После 22 прериала Робеспьер не мог более положиться на Билло-Варенна, Коло д'Эрбуа и Барера. Более правые члены Комитета общественного спасения — Карно, Приер и Робер Ленде — не сочувствовали социально-экономической политике робеспьеристов. У Карно с Сен-Жюстом было несколько резких столкновений. Властный Карно называл Сен-Жюста и Робеспьера «смехотворными диктаторами», а Сен-Жюст упрекал Карно, что тот примет на службу аристократов и чуть не привел к поражению при Флелюсе, отдав приказ об усилении на 17—18 тысяч армии Глиеро за счет ослабления армии Жюдаа. К противникам Робеспьера принадлежали и прогрессивные революционеры, такие как Бюль-Тонвилль.

Закон 22 прериала вызвал недовольство части искренних монтаньяров, не связанных с фракциями, например, Р.Левассера.²⁷ Проводя новый закон о терроре, Робеспьер и его друзья хотели провести в жизнь свою социально-экономическую политику, бороться с эксцессами и злоупотреблениями и подготовить возвращение к конституционным порядкам мирного времени. Большинство Конвента также хотело прекращения террора, но многие члены правительственных комитетов полагали, что осуществление планов Робеспьера означало бы конец их власти. Кроме того, некоторые из них чувствовали себя под угрозой. Комитет общественной безопасности усиливал террор, возлагая ответственность за него на Робеспьера, который достиг такой популярности, что революционный режим отождествлялся с ним. Террор же достиг своего апогея. За сорок пять дней, прошедших после издания закона 22 прериала до 9 термидора, было вынесено 1285 смертных приговоров, в то время как за такой же предшествующий промежуток времени их было только 577. В Париже количество арестованных достигло 7800 человек. Стремясь терроризировать членов Конвента, враги Робеспьера составляли ложные проскрипционные списки, будто бы исходившие от Робеспьера, и заносили в них лиц всех фракций. Таким путем инициаторы казни Дантона и Камилла Демулена объединяли вокруг себя тех, кто оплакивал Дантона и Демулена. Усилением террора большинство правительственных комитетов снискало себе доверие левых, а перед умеренными вся ответственность за террор возлагалась на Робеспьера. Так подготавливался пестрый и беспринципный термидорианский блок.²⁸

Арест 13 июня полицейского шпиона Роша Меркандье показал, что против Робеспьера составлялись адреса парижским секциям и памфлеты, в которых Робеспьер сравнивался с Суллой. Чтобы поколебать влияние Робеспьера и выставить в смешном виде культ высшего существа, Вадье создал дело Екатерины Тео. Последняя называла себя богородицей и возвещала среди иллюминатов близкое пришествие мессии, который возродит всю землю. Она считала себя «провидицей», но пророчествовала об успехах революции. Вадье представил все дело как заговор, с которым связал священника Жерля, бывшего духовником Екатерины, Ламонта, бывшего врача герцога Орлеанского, и маркизу де Шатенуа. Жерль [Все-таки Герль. И в современных книгах французские авторы, Жан-Пьер Тома в частности, чтобы закрепить такое произношение фамилии, пишут «Guerle». – *Vive Liberta*] был членом левой группы Учредительного собрания, и Робеспьер недавно дал ему свидетельство о гражданстве (о гражданской благонадежности). Среди посещавших Екатерину Тео была и невестка столяра Дюпле, у которого жил Робеспьер. Агенты Вадье сообщили, что Робеспьер и был тем мессией, о котором пророчествовала Екатерина Тео. 15 июня Вадье сделал в Конвенте доклад о деле Екатерины Тео, выставляя ее и Жерля в смешном виде и выбывая неоднократно аплодисменты и смех. Имя Робеспьера, который председательствовал в Собрании, не произносилось, но многие понимали, что все дело было манифестацией, направленной против Робеспьера. Конвент постановил предать суду революционного трибунала лиц, указанных в докладе Вадье.

На другой день Вадье повторил свой доклад в Якобинском клубе, не там его встретили молчанием и прерывали ропотом. После больших усилий Робеспьеру удалось добиться 26 июня в Комитете общественного спасения приказа об отсрочке дела Екатерины Тео. Для врагов Робеспьера это был новый предлог, чтобы обвинить его в диктатуре и в нарушении прав Конвента.²⁹

Опору Робеспьер находил в Якобинском клубе. 11 июня он говорил там о борьбе порочных людей, нечестивых и мошенников, против честных патриотов. Кутон в речи от 14 июня говорил о 4—5 злонамеренных в среде Конвента, которые распускают слухи об аресте честных депутатов, чтобы спастись за их спиной.

Усиление террора совпало с успехами в войне с коалицией, которые делали этот террор ненужным в глазах буржуазии и состоятельного крестьянства. Осенью 1793 года кампания велась с переменным успехом, зимой она была прервана, а к весне 1794 года французские войска увеличились до 750—800 тысяч, из которых даже одна треть, не бывавшая раньше в бою, имела время для организации и обучения. Армия была совершенно реорганизована. Исчезло различие между линейными войсками и волонтерами. Один батальон линейных войск и два батальона волонтеров образовывали полубригаду в 3 тысячи человек, имевшую легкую артиллерию. К лету 1794 года французская армия насчитывала до 250 таких полубригад. Технически она была вооружена гораздо лучше, чем год назад. Значительно увеличилась продукция военных заводов — оружейных и пороховых. Французская армия имела до миллиона ружей и до 7 тысяч орудий. Республиканские солдаты чувствовали доверие к своим командирам, которые часто были выходцами из плебейских слоев населения и разделяли вместе с ними лишения и опасности. Республиканские генералы стояли значительно выше неприятельских, хотя наделали вместе с Карно немало ошибок. Энгельс, критикуя планы военной кампании, разработанные Карно для 1793—1794 гг., писал: «Он предполагал разделить французские армии, вместо того чтобы их концентрировать; и проектировал такого рода операции против флангов неприятеля, которые должны были привести к сосредоточению этого последнего».³⁰ Комиссары Конвента вели энергичную борьбу с злоупотреблениями поставщиков и своим примером воодушевляли войска во время атаки.

Политика революционной пропаганды была оставлена, и французская дипломатия стремилась лишь сохранить дружественные отношения с нейтральными странами, чтобы получать оттуда продукты и военное сырье. Комитет общественного спасения дорожил связями с Соединенными Штатами Америки, Швейцарией и Скандинавскими странами. Победа нужна была как для упрочения революции, так и для улучшения продовольственного положения. После первых побед войска начали содержать себя за счет занятых областей.

Успехи французских войск с весны 1794 года были облегчены и несогласованностью действий держав коалиции. Решительные сражения разыгрались в Бельгии, куда австрийцы, не доверяя Пруссии, опасались допустить прусские войска, оставшиеся на Рейне. Война с Францией в Германии была непопулярна. Вдохновителем борьбы против Франции было английское правительство во главе с Питом-младшим, который давал ежегодную субсидию Пруссии, чтобы она увеличивала войска на Рейне, платил эмигрантам, подкупал испанских министров и подстрекал Австрию и другие державы к продолжению войны с Францией. Вот почему в Конвенте нападки были сосредоточены главным образом на Англии, на которую стали смотреть, как на новый Карфаген. Товары могли ввозиться во Францию только на французских судах или на судах нейтральных стран. Восстание Костюшко в Польше весной 1794 года усилило разногласия между Австрией и Пруссией. Войска последней оставались довольно пассивными в решающую кампанию летом, 1794 года.³¹

Распри между членами коалиции отразились на их действиях в Бельгии весной и летом 1794 года. Австрийский главнокомандующий герцог Кобургский не хотел помощи прусских войск, но должен был считаться с герцогом Йоркским и принцем Оранским, командовавшими английскими и голландскими силами. Его планы заключались в походе на Париж через Лилль. Войска герцога Кобургского между Самброй и Шельдой входили клином в республиканские армии — в северную и арденскую. Французские армии имели приказ наступать. Северная армия Пишегрю в 150 тысяч человек должна была вторгнуться во Фландрию и занять сначала Ипр. Арденская армия в 25 тысяч действовала против Шарлеруа, а мозельская, насчитывавшая 40 тысяч и находившаяся под начальством Журдана, имела задание двигаться к Льежу. Если бы инициатива осталась в руках неприятеля, то он мог бы прорвать довольно слабый центр французских армий. Кампания началась неудачно для французов, но 18 мая генералы Сугам, Моро, Вандам и Макдональд разбили при Туркоэне по одиночке отряды австрийцев, двигавшиеся на Лилль. Арденская армия, при которой в качестве комиссаров Конвента находились Сен-Жюст и Леба, несколько раз пыталась безуспешно форсировать Самбру, прорвать австрийские линии и взять Шарлеруа. Только объединение арденской и мозельской армий под общим командованием Журдана и доведение ее численности до 90 тысяч дало возможность после двухкратных упорных попыток перейти Самбру (18 июня) и взять Шарлеруа (25 июня). В это время Пишегрю овладел уже Ипром (17 июня). На

выручку Шарлеруа двинулся с главными силами герцог Кобургский и 26 июня, не зная о падении Шарлеруа, пятью колоннами атаковал французов при Флерюсе. Позиция французов образовывала длинную вогнутую дугу, центр которой был в Шарлеруа, а концы опирались в Самбру. Обе стороны не применяли еще движений концентрированных больших масс. Каждая колонна австрийских войск билась изолированно, но французские генералы частично помогали друг другу. Борьба была очень упорная и кровопролитная: она продолжалась с пяти часов утра и до семи часов вечера, причем потери австрийцев достигли до 10 тысяч человек, а французов до 6 тысяч. Сначала левый фланг и центр французской линии были частично прорваны, но скоро положение было восстановлено. Встретив упорное сопротивление французских войск и получив известие о падении Шарлеруа, герцог Кобургский дал приказ об отступлении. Победа при Флерюсе имела решающее значение. В результате ее скоро вся Бельгия была занята французами. 10 июля армии Пишегрю и Журдана вступили в Брюссель; 27 июля (9 термидора) Пишегрю занял Антверпен, а Журдан — Льеж.

Республиканские войска одерживали успехи на всех фронтах. На Рейне соединенные рейнская и мозельская армии под начальством Моро прогнали прусские войска Меллендорфа. На юге к началу термидора война была перенесена за Альпы и Пиринеи. На французской территории не оставалось более ни одного неприятельского солдата. Содержание громадной армии ложилось бременем уже не на Францию, а на захваченные области. На взятые города накладывалась контрибуция. Часть продовольствия вывозилась во Францию. Но революционное правительство не думало об аннексиях и завоеваниях, а только об упрочении победы. Завоевательная политика началась только после победы реакции.

Энгельс, подчеркивая огромное влияние, какое война против коалиции оказывала на весь ход французской революции, писал: «Но... в то время террор достиг безумных размеров, он был необходим, чтобы помочь Робеспьеру при наличных внутренних условиях удержать власть в своих руках, однако террор стал совершенно излишним после победы при Флерюсе, 24 июня 1794 года. Эта победа не только освободила границы, но передала Франции Бельгию и косвенным образом левый берег Рейна; Робеспьер стал тогда также лишним и пал 27 июля». Те же мысли Энгельс развивал в письме от 20 февраля 1881 г.: «К концу 1793 года границы были почти обеспечены. 1794 год начался благоприятно, французские армии почти повсюду продвигались вперед. Коммуна с ее крайним направлением стала излишней; ее пропаганда революции сделалась помехой для Робеспьера, как и для Дантона, которые — каждый по-своему — хотели мира. В этом конфликте трех направлений победил Робеспьер, но с тех пор террор сделался для него средством самохранения и тем самым стал абсурдом, 26 июня при Флерюсе Журдан положил к ногам Робеспьера всю Бельгию тем самым террор потерял под собой почву, 27 июля Робеспьер пал, и началась буржуазная реакция».³²

После победы при Флерюсе на улицах Парижа организовывались братские обеды, на которые богачи и бедняки приносили свои припасы. Граждане обращались друг к другу на «ты», пили за победу республики, за близкий мир, который означал бы конец исключительных мероприятий революционного правления. Представители правительственных комитетов выступили против призыва к миру между санкюлотами и аристократами.

Кампанию за применение конституции 1793 года и против революционного правления вели и остатки эбертистов. 10 июня секция Горы открыла запись граждан, одоббивших конституцию 1793 года. Скоро список собрал 2 тысячи подписей. Это была демонстрация против революционного правления, но через декаду секция заявила Конвенту, что была введена в заблуждение интриганами.

2 термидора (20 июля) был арестован Легре, член революционного комитета секции Музея, где жило много ремесленников. Его два товарища, которым он доверился, донесли, что 14 июля, в день взятия Бастилии, Легре вел с ними разговоры о том, что Эро де Сешель, автор конституции 1793 года, погиб невинно и что готовы к распространению листки, призывающие ввести в действие конституцию 1793 года, допустить свободу печати и ликвидировать революционное правление. В частности Легре осуждал издание декрета 27 жерминаля. Несмотря на серьезность дела, по которому был арестован Легре, на защиту его выступили 8 членов революционного комитета секции Музея, ссылаясь на патриотические заслуги Легре. Последний выражал, таким образом, не только свои личные мнения, а был эхом оппозиционных элементов. Легре был освобожден через три дня после 9 термидора и осенью 1794 года вместе с секцией Музея и Электоральным клубом возобновил кампанию против революционного правления, на этот раз перешедшего в нечистые руки термидорианцев.³³

С начала июля 1794 года Робеспьер перестал посещать заседания Комитета общественного спасения, где он был в меньшинстве, и стал в Якобинском клубе готовить почву для чистки комитетов и Конвента. Из командировки были вызваны Сен-Жюст и Робеспьер младший 1 июля Робеспьер, разоблачая кампанию клеветы, которая велась против него, говорил: «В Лондоне изображают меня в глазах французской армии как диктатора; та же клевета повторяется в Париже. В Лондоне рисуют карикатуры, где я изображаюсь как убийца «честных людей», но мне

приписывают те же черты и в тех пасквилях, которые распространяются в нашей прессе. В Париже говорят, что именно я организовал революционный трибунал, что этот трибунал создан для умерщвления патриотов и членов Конвента; меня выставляют как тирана и угнетателя национального представительства. В Лондоне говорят, что во Франции измышляют симулированные покушения для того, чтобы окружить меня военной стражей. Здесь обо мне говорят, что дело Рено наверное любовная история и что, вероятно, я отправил на гильотину ее возлюбленного».³⁴

В речах М.Робеспьера, его брата и Кутона все время подчеркивалось, что законом о терроре, направленным против порочных и бесчестных, злоупотребляют, чтобы притеснять патриотов, посеять смущение в народе, а ответственность возложить на Робеспьера. Распуская клевету относительно революционного правления, стремятся добиться роспуска последнего. Распуская слухи, что Комитет общественного спасения составил проскрипционные списки членов Конвента, пытаются терроризировать последний. В речи от 9 июля Робеспьер призывал быть настороже против этих инсинуаций некоторых лиц, которые, боясь за себя, хотят запугать других членов Конвента.³⁵

11 июля в Якобинском клубе сильным нападкам подвергся Фуше за то, что он в Лионе преследовал друзей Шалье. Робеспьер говорил о том, что нужно «остановить пролитие крови, производимое преступлением». По его предложению Фуше приглашался дать объяснения относительно предъявленных ему обвинений. Положение было, очевидно, так остро, что Робеспьер младший и Кутон в своих речах высказывали готовность разделить смерть вместе с Робеспьером старшим.³⁶

Фуше не явился, чтобы дать объяснения Якобинскому клубу, и 14 июля был исключен из него. Робеспьер возлагал надежды, что большинство Конвента не пойдет за заговорщиками.³⁷ 21 июля друзья Робеспьера продолжали обличать в Якобинском клубе тех, кто, маскируясь ревностными патриотами, стремится «установить царство преступления». Нападкам подверглось, в частности, военное ведомство, руководимое Карно и принимавшее на службу аристократов.³⁸

4 термидора (22 июля) объединенное заседание обоих комитетов с присутствием Сен-Жюста и Кутона постановило по инициативе Барера создать 4 народных комиссии, предписанные законом 23 вантоза. Это была уступка робеспьеристам, чтобы добиться примирения с ними. Билло-Варенн упрекал отсутствовавшего Робеспьера в стремлении к диктатуре, сравнивая его с тираном Пизистратом в Афинах, но присоединился к остальным. На объединенном заседании 5 термидора присутствовал и приглашенный Робеспьер. Сен-Жюст искренне шел на примирение и оправдывал Робеспьера от упреков в стремлении к диктатуре. Он соглашался представить Конвенту от имени комитетов доклад о политическом положении и сделал уступку относительно отсылки из Парижа части канониров, хотя Якобинский клуб отнесся с недоверием к этому мероприятию Карно. Давид поддерживал Сен-Жюста. Но Робеспьер не доверял этому видимому примирению и открыто обвинял тех, кто клеветал на него. Билло-Варенн, стремясь разубедить его, обратился к нему со словами: «Мы твои друзья: мы всегда шли вместе с тобой». Недоверие Робеспьера не было, однако, рассеяно, и действительно, не все члены Комитета шли на это примирение без задних мыслей.³⁹

После заседания правительственных комитетов 5 термидора Барер произнес речь, стремясь опровергнуть распускаемые слухи о раздорах внутри комитетов. Кутон в Якобинском клубе говорил 6 термидора (24 июля) в примирительном духе, но признавал, что «акты произвола, совершенные от имени Комитета общественной безопасности, наполнили ужасом сердца патриотов» и в Конвенте есть 5—6 «маленьких людишек и смутьянов, руки которых полны богатством республики и вызывают отвращение, будучи обгажены кровью невинных». Одновременно он выразил опасение относительно отсылки канониров из Парижа, но робеспьерист Леба пытался рассеять его недоверие.⁴⁰ Робеспьер, Сен-Жюст и Кутон, которых участники термидорианского блока называли «триумвирами» и обвиняли в стремлении к диктатуре, в последние дни перед 9 термидора не действовали сплоченной группой.

7 термидора (29 июля) Барер в дипломатически составленной речи стремился затушевать распри в правительственных комитетах и сделал ряд похвал по адресу Робеспьера. Депутация от Якобинского клуба говорила в духе Робеспьера о том, что нужно поставить в порядок дня справедливость, а не снисходительность. Дюбуа-Крансе, отозванный из миссии и исключенный из Якобинского клуба, выступил с опровержениями обвинений, брошенных по его адресу Робеспьером, и добился от Конвента постановления, чтобы комитеты в трехдневный срок представили доклад о его деле. Это побудило Робеспьера на другой день выступить в Конвенте.

1. Bulletin des lois, an 2, t. VIII, p.p. 380-383. Buchez et Roux, t.XXXII. pp.7—9.

2. Aulard. La Societe des Jacobins, t.V, p.694.

3. Buchez et Roux, t.XXXIII, p.441.

4. Moniteur, 31, 3/IV-1794, № 191, 194.

5. Bulletin des lois, an 2, № 1115.
6. G.Lefevre. Les paysans du Nord pendant la revolution, t.I, p.647.
7. An lard. Recueil des actes du Comité du S.P., t.XIII, p.307.
8. Dauban. Paris en 1794—1795, pp.478—479.
9. A.Mathiez. La vie chere, pp.574—575.
10. G.Lefevre. Les paysans du Nord, p.653.
11. Moniteur, 5/V-1794, № 226.
12. A.Mathiez. La vie chere, pp.590—595.
13. Moniteur, 4/VI-1794, № 256.
14. Moniteur, 11/VII-1794, № 293.
15. К.Маркс. Капитал, т.I, глава 24. Соч., т.XVII, стр.811.
16. Ж.Левефр. Аграрный вопрос в эпоху террора, глава I. A.Mathiez. Girondins et Montagnards Les decrets de ventose, гл.V.
17. L.Jacob. Joseph Le-Bon, 1765-1795. La terreur a la frontiere Nord et Pas-de-Calais.
18. G.Lefevre. Les paysans du Nord pendant la Revolution, t.I, p.448 и др.; t.II, pp.954, 957, 960.
19. M.Marion. Histoire Financiere de la France depuis 1715, t.III, p.179.
20. К.Добролюбский. Экономическая политика термидорианской реакции, стр.144, 151.
21. M.Marion. Histoire financiere de la France, t.III, pp.188—190.
22. Buchez et Roux, t.XXXIII, pp.303—326.
23. Arne Ording. Le Bureau de police du Comité de salut public. Etude sur le terrorisme. p.158. Oslo, 1930.
24. Buchez et Roux, t.XXXII, p.353—382.
25. Moniteur, 21/V-1794, № 242, p.983.
26. Buchez et Roux, t.XXXIII, pp.187—221.
27. R.Levasseur. Memoires, t.III, pp.178—185.
28. R. Levasseur. Memoires, t.III, pp.200—207.
29. Buchez et Roux, t.XXXIII, pp.243—260. A.Mathiez. Autour de Robespierre, pp.130—136, 151—155.
30. Ф.Энгельс. Соч., т.VIII, стр.152, ср. стр.450-453.
31. Paris et La Revolution, 1792-1799, pp.221—228 и др.
32. К.Маркс и Ф.Энгельс. Избранные письма, № 207, 209, стр.409, 413—414, (ОГИЗ, 1947).
33. A. Mathiez. Girondins et Montagnards, L'affaire Legray, pp.184—200.
34. Aulard. La Societe des Jacobins, t.VI, pp.193—197; Buchez et Roax, t.XXXIII, pp.320—325.
35. Buchez et Roux, t.XXXIII, pp.331-338.
36. Там же, т.XXXIII, стр.338—343.
37. Там же, т.XXXIII, стр.343—354.
38. Там же, т.XXXIII, стр.378-383.
39. A.Mathiez. Girondins et Montagnards. Les seances des 4 et 5 thermidor an 2, pp.139—170. 40. Buchez et Roux, t.XXXIII, pp.385-391.

I. Восьмое и девятое термидора

В начале термидора 2-го года республики оформление термидорианского блока было закончено. В состав этого пестрого блока входили так называемые «левые термидорианцы», экстремисты, дантонисты и депутаты «болота» в Конвенте. К «левым термидорианцам» принадлежали те члены правительственных комитетов, которые опасались личного влияния Робеспьера или разошлись с ним относительно методов проведения диктатуры, его социально-экономической политики и культа высшего существа. Они заключили беспринципный блок с правыми группировками в Конвенте, которые ждали только благоприятного момента для ликвидации якобинской диктатуры. Весьма активную деятельность в подготовке термидорианского переворота развили те порочные депутаты, которые были отозваны из миссии и спасали свою жизнь (Фуше, Тальен, Фрерон, Баррас и др.). Вместе с ними активно действовали оставшиеся в Конвенте друзья Дантона (Бурдон из Уазы, Дюбуа-Крансе, Ровер, Лежандр и др.).

Как Робеспьер, так и его противники рассчитывали на депутатов «болота», которые тяготились диктатурой якобинцев, но опасались выступить против сильнейшей стороны. Для депутатов «болота» Робеспьер, спасший от казни 73 жирондистов, арестованных за протест против событий 31 мая—2 июня 1793 года, казался умереннее, чем Билло-Варенн, Колло д'Эрбуа, Вадье и другие противники Робеспьера. Но вдохновители термидорианского блока, рисуя Робеспьера умеренным перед Горой, возлагали на него перед «болотом» всю ответственность за усиление террора после 22 прериаля. Устранить Робеспьера мог только Конвент, большинство в котором зависело от позиции депутатов «болота», колебавшихся до самого последнего момента. Члены Комитета общественной безопасности стремились привлечь на свою сторону и заключенных жирондистов, а тем самым и сочувствующих им в Конвенте и в Париже лиц. 5 термидора Амар и Вуллан навестили этих арестованных после 2 июня 1793 года жирондистов и лицемерно выразили возмущение, что к ним применяют обычный тюремный режим, обещая улучшить их положение и наказать виновных.

Робеспьер не верил в состоявшееся 5 термидора «примирение» и, подозревая, очевидно, о готовящемся против него ударе, решил предупредить последний и выступить в Конвенте против своих противников. 8 термидора (26 июля), после месячного молчания, он, не посоветовавшись предварительно со своими близкими друзьями, выступил в Конвенте с речью, которая и послужила сигналом к открытой и трагической для него кончившейся борьбе между ним и его противниками. В своей последней речи, являвшейся как бы его завещанием, Робеспьер сначала опровергал возводимые на него обвинения, а затем перешел к обличению своих врагов и закончил угрозами чистки Конвента и комитетов.

Разоблачая коварную тактику врагов республики, Робеспьер указывал, что они, бессильные открыто выступить против революционных и республиканских принципов, стараются извратить их и самый террор стремятся использовать для угнетения патриотов. Робеспьер разоблачал все интриги своих врагов, стремившихся запугать депутатов Конвента составлением проскрипционных списков, якобы исходивших от Робеспьера. Отвергая обвинение в стремлении к личной диктатуре, Робеспьер сказал при этом по адресу порочных депутатов: «Они называют меня тираном... Но если бы я был им, то они ползали бы у моих ног, а я осыпал бы их золотом и упрочил бы за ними право совершать любые преступления; тогда они были бы благодарны мне». Защищая революционное правление, без которого республика не может укрепиться, Робеспьер правильно утверждал, что «если только оно будет низвергнуто, то свобода сейчас же погибнет». Как бы предвидя, что последует за 9 термидора, он добавил: «но если оно попадет в преступные руки, то само станет орудием контрреволюции». Он указывал, что заговорщики, называя себя «снисходительными», стараются доказать, что революционный трибунал является «кровавым трибуналом», созданным только Робеспьером и подчиненным ему. Но среди заговорщиков есть люди, пославшие на эшафот Дантона и Демулена.

Робеспьер требовал полной чистки Комитета общественной безопасности, указывая, что Амар и Жаго окружили себя подозрительными служащими из бывших дворян и врагов революции, которые покровительствуют аристократам и преследуют мирных людей. Он обличал Вадье, создавшего дело Екатерины Тео, чтобы скомпрометировать культ высшего существа. Робеспьер считал нужным частично обновить и Комитет общественного спасения и подчинить ему Комитет общественной безопасности. Он резко порицал расточительную и хищную финансовую политику, проводимую Камбоном, создавшим много недовольных декретом о пожизненной ренте. Робеспьер обличал и двуличных политиков и, подразумевая Барера, осуждал последнего за то, что им произносятся речи о победах «с помпой и академической легковесностью».

Робеспьер апеллировал к большинству Конвента на большинство тех, кто находился у власти. Разоблачаемые им заговорщики рисковали головой и приняли брошенный им вызов. Бурдон из Уазы предложил отослать речь Робеспьера на рассмотрение тех самых комитетов,

чистки которых требовал Робеспьер. Сначала Конвент постановил было напечатать речь Робеспьера и разослать ее по коммунам, но тотчас же Вадье, Камбон и Билло-Варенн потребовали отмены этого постановления. Камбон заявил, что Робеспьер «парализовал волю всего Национального конвента». Билло-Варенн назвал Робеспьера честолюбцем, который мешает свободному высказыванию взглядов, и настойчиво требовал отослать речь Робеспьера на рассмотрение комитетов. Панис и Шарлье, поддержанные несколькими голосами, потребовали, чтобы Робеспьер назвал тех, кого он обвиняет. Робеспьер отказался это сделать. Тогда большинство Конвента почувствовало себя под угрозой и присоединилось к тем, которые настаивали на отсылке речи Робеспьера на рассмотрение комитетов. Это было первое поражение Робеспьера в Конвенте за время якобинской диктатуры).

Робеспьер не отказался от борьбы. Вечером он повторил свою речь в Якобинском клубе и был там встречен овациями. Билло-Варенн и Колло д'Эрбуа, пытавшиеся ему возражать, были освищены и изгнаны из клуба под клики: «На гильотину!». Робеспьер и его друзья полагали, что на другой день Конвент последует за Якобинским клубом и они восторжествуют над своими противниками.

В ночь на 9 термидора заговорщикам после долгих переговоров удалось убедить вождей «болота» — Дюрана-Майяна, Буаси д'Англа и других — согласиться отступить от Робеспьера под условием отмены террора. Роли заговорщиков на другой день были распределены.

На дневном заседании Конвента 9 термидора (27 июля) Сен-Жюст начал было говорить свою речь, составленную в примирительном духе, но Тальен прервал его, заявив, что Сен-Жюст говорит только от своего имени, а не от имени Комитета общественного спасения, и нужно, чтобы «завеса была окончательно разорвана». Председательствовавший Колло д'Эрбуа дал слово Билло-Варенну, который стал говорить о заговоре, будто бы составленном Якобинским клубом. Робеспьера он обвинял в том, что тот один издал декрет 22 прериаля и что он, как тиран, «в течение шести месяцев диктовал комитетам свою волю». Билло-Варенн осуждал Робеспьера за то, что последний восставал против ареста Дантона и не сразу отказался от Эбера. Многие депутаты шумными аплодисментами и криками «да погибнут все тираны!» выражали свое одобрение речи Билло-Варенна. Робеспьер бросился к трибуне, но его встретили криками «долой тирана!», и председатель Колло д'Эрбуа предоставил слово Тальену. Последний, потрясая кинжалом, требовал пересмотреть декрет 22 прериаля и подвергнуть аресту начальника национальной гвардии Анрио, его штаб и другие креатуры Робеспьера.

На новые требования Робеспьера, чтобы ему дали слово, депутаты отвечали криками: «Долой тирана!». Барер провел декрет, отменявший должность начальника национальной гвардии и возлагавший на мэра Парижа и его агентов личную ответственность за безопасность национального представительства. Вадье в насмешливом тоне вернулся к делу Екатерины Тео и высмеивал «скромность» Робеспьера. Его снова сменил Тальен, утверждавший, что речь, произнесенная накануне Робеспьером, обличает его как тирана. Тщетно Робеспьера пытался прервать его и получить себе слово: ни Колло д'Эрбуа, ни сменивший его на председательском месте Тюрю не хотели предоставить слово Робеспьеру. От крика голос Робеспьера прервался, и тогда депутат Гарнье крикнул по его адресу: «Тебя душит кровь Дантона», на что Робеспьер ответил: «Значит, вы хотите отомстить мне за Дантона». Наконец, депутаты Луше и Лозо (жирондист) потребовали ареста Робеспьера. Его брат, а потом и Леба заявили, что хотят разделить участь Робеспьера. Конвент декретировал арест Робеспьеров старшего и младшего, Сен-Жюста, Кутона и Леба. Арестованных пять депутатов заставили спуститься к решетке Конвента, а потом увели их в Комитет общественной безопасности. Был издан также декрет об аресте председателя революционного трибунала Дюма и начальника национальной гвардии Анрио и его штаба.²

Было 5 часов после полудня. Вопрос о том, кто одержал верх, еще не был решен. На стороне Робеспьера стояли Якобинский клуб, Коммуна и командование национальной гвардии. Якобинский клуб высказался за Робеспьера и поддерживал сношения с Коммуной. Анрио с несколькими жандармами бросился в Комитет общественной безопасности, чтобы освободить арестованных депутатов, но сам был схвачен и задержан. Коммуна собралась в 5 часов 30 минут пополудни и объявила восстание против тех, кто угнетает волю Конвента. Она вынесла постановление пробить тревогу, закрыть заставы, запретить тюремщикам принимать и выпускать арестованных без ее разрешения. Секции были приглашены послать своих канониров к ратуше и представителей, которые поклялись бы Коммуне защищать свободу и отечество. На Гревскую площадь перед Коммуной вечером стали прибывать канониры тех секций, которые встали на сторону Коммуны.

В 7 часов вечера снова собрался Конвент и стал заслушивать сообщения о поднятом Коммуной восстании и о мерах, принятых для подавления его. Между 8 и 9 часами вечера отряд Коммуны под начальством Коффиналя освободил Анрио и увлек за собой гвардию Собраний. Узнав об этом, Колло д'Эрбуа заявил Конвенту, что «наступила минута, когда каждый должен умереть на своем посту». Действительно, Коффиналь и Анрио могли бы в тот момент захватить комитеты и занять помещение Конвента, но они ограничились тем, что удалились в Коммуну.

Конвент разослал своих представителей по секциям, чтобы пригласить их стать на свою защиту, и объявил восставших вне закона.

Сначала соотношение сил складывалось в пользу Коммуны, но последняя ограничивалась оборонительной и выжидательной тактикой. У восставших не было настоящего вождя. Около 7 часов вечера арестованные депутаты были разосланы по тюрьмам. В тюрьме Люксембург отказались принять Робеспьера и отправили его в мэрию, куда он и прибыл около 8 часов 30 минут вечера. Между тем его младший брат, освобожденный из тюрьмы, направился прямо на заседание Коммуны. Позднее туда явились и освобожденные Сен-Жюст и Леба. Только Кутон долго отказывался выйти из тюрьмы и явился в Коммуну уже около часу ночи. Для Робеспьера вспыхнувшее восстание было неожиданным. Он сначала отказался явиться на заседание Коммуны и тем самым возглавить восстание. Вероятно, он вспомнил об аресте и об освобождении Марата в мае 1793 года и о последовавшем затем падении Жиронды, надеясь еще на аналогичный исход, дававший возможность избежать восстания.

Между тем Коммуна образовала Исполнительный комитет, в который вошли Пейян, Коффиналь и другие и который начал заседать после 9 часов 30 минут вечера. Через час в него вошел и Робеспьер, получивший настойчивое приглашение комитета. Коммуне был уже известен декрет Конвента, объявлявший ее вне закона. Исполнительный комитет сообщил секции Пик, где жил Робеспьер и где он имел немало друзей, о его освобождении. Он сносился и с другими секциями. Наконец, уже ночью, с большим запозданием, комитет принял постановление об аресте четырнадцати депутатов, руководивших действиями Конвента. Но в полночь соотношение сил уже изменилось в пользу Конвента.³

II. Роль парижских секций в перевороте девятого термидора

Парижские секции, возглавляемые Парижской коммуной, сыграли в период подъема французской революции крупную революционную роль: они организовали массы на борьбу; они располагали вооруженной силой национальной гвардии; они определяли тот или иной исход революционных дней; они повалили трон 10-го августа 1792 года; они содействовали установлению якобинской диктатуры в 1793 году; они добились, наконец, введения всеобщего максимума в интересах парижской бедноты. Организованные формально как избирательные собрания и органы самоуправления по отдельным городским кварталам, они превратились в один из органов революционной диктатуры, в политическую силу, за руководство которой ожесточенно боролись жирондисты, монтаньяры, «бешеные» и отдельные фракции якобинцев. [Эта глава во многом является полемикой с Ник.Ив.Кареевым. См. на нашем сайте; также можно воспользоваться картой Парижа с указанием всех названий и местоположения секций. – *Vive Liberta*]

Политическое лицо каждой из 48 секций Парижа определялось прежде всего классовым составом населения той или иной секции и преобладанием среди нее определенных социальных слоев. Хотя этот состав был очень разнообразным, тем не менее, в то или иное соотношение аристократических элементов, крупной финансовой, торговой и промышленной буржуазии, владельцев небольших мастерских, мелких торговцев и рантье, интеллигенции, ремесленников и рабочих определяло классовый характер каждой из секций. Соотношение классовых сил во многих секциях имело свои особенности и характерные черты, но в общем представляется возможным устроить 4 основных группы секций: 1) 14 секций с преобладающим буржуазным населением; 2) 6 секций с разнородным составом населения, среди которого, однако, удельный вес буржуазных элементов был очень значительным; 3) 13 секций с преобладающим мелкобуржуазным населением и 4) 15 секций, заселенных преимущественно ремесленниками, рабочими и вообще городской беднотой.⁴

К секциям с преобладающим буржуазным населением принадлежали прежде всего 6 крупнобуржуазных секций аристократического запада и торгового центра Парижа на правом северном берегу Сены - Тюильри (№ 1), Елисейских полей (№ 2, аристократично-буржуазная), Горы (потом во время термидорианской реакции Мельничного холма, № 4), Лепелетье (№ 6), Французских гвардейцев (№ 9) и Вильгельма Телля (потом Майль, № 12). Буржуазный характер носили далее центральные секции Рынка (№ 17), Коммуны (потом Верности, № 32) и примыкающие к последней с севера и востока секции Прав человека (№ 31) и Арсенала (№ 34). Наконец, на правом берегу Сены аристократично-буржуазным характером отличалась секция Тампля (№ 23), расположенная на северо-востоке между предместьями Сен-Мартен и Антуанским. Кроме 11 секций на правом берегу Сены, буржуазными секциями являлись две секции — Сите (№ 36) и Революционная (потом Нового моста, № 37), расположенные на острове Сите (или Богоматери, там находится собор Notre Dame), лежащем между рукавами Сены, и одна секция Единства (№ 40), находившаяся на левом берегу Сены и примыкающая к Новому мосту. Нужно, однако, отметить, что и буржуазные секции не отличались полной однородностью населения: так, в секциях Тюильри, Горы, Коммуны, Прав человека, Арсенала, Тампля, Сите⁵, Революционной и Единства жила отчасти и беднота из мелкой буржуазии, ремесленников и

рабочих, что не могло не сказываться на некоторых колебаниях в позиции этих секций во время революции.

К секциям с разнородным населением, но со значительными буржуазными элементами, нужно отнести на правом берегу Сены центральные секции Ломбар (№ 18) и Арси (№ 19); далее к востоку секцию Вооруженного человека (№ 30), граничащую на севере с секцией Тампля, и секцию Нераздельности (№ 33), к которой с востока примыкала северная половина Антуанского предместья (секции Попинкур и Монтрейль). На левом берегу Сены секциями со значительным буржуазным населением являлись секции Гренельского фонтана (аристократично-буржуазное Сен-Жерменское предместье, № 39) и Муция Сцевола (Люксембургская, № 43). Нужно иметь в виду, что в секциях этой группы жили, кроме крупной и средней буржуазии, слои населения, принадлежавшие к мелкой буржуазии, ремесленникам и рабочим: так, ремесленно-рабочее население было в секциях Ломбар, где находились мастерские по изготовлению предметов роскоши, и Арси, бывшей когда-то центром скотобоен; еще более пестрым было население секций Вооруженного человека, Нераздельности, Гренельского фонтана и Муция Сцевола, где наряду с представителями вольных профессий и мелкими торговцами жили и строительные рабочие. В первые два месяца после 9 термидора секции Ломбар и Арси выступали еще вместе с ремесленно-рабочими секциями, а секция Гренельского фонтана — с секциями мелкобуржуазными.

К секциям с преобладающим мелкобуржуазным населением принадлежали 8 секций на правом берегу Сены, примыкающих с севера к буржуазным секциям запада и центра Парижа: секция Республики (№ 3), Пик (потом — Вандомской площади, № 5), Хлебного рынка № 10), Общественного договора (№ 11), Брута (№ 13), Друзей отечества (№ 15), Бонконсейль (№ 16) и Соединения (№ 29). Из остальных 5 секций этой группы 1 секция — Братства (№ 35) — была расположена на острове св. Людовика, а 4 — в юго-западной части Парижа, на левом берегу Сены: секция Марата (потом — Французского театра, № 41), Шалье (потом — Терм, № 44), Красного колпака (потом — Западная, № 42) и Инвалидов (№ 38). Из 8 секций на правом берегу Сены ремесленно-рабочее население было более представлено в 5 секциях — Республики, Пик, Друзей отечества, Бонконсейль и Соединения, причем в последних 3 секциях были мастерские по изготовлению предметов роскоши, и они были расположены в одном районе с секциями Гравилье и Бон-Нувель, где ремесленно-рабочие элементы преобладали. Для демократических секций на левом берегу Сены — Марата, Шалье и Красного колпака — характерна смесь буржуазных и довольно многочисленных рабочих элементов. В малонаселенной секции Инвалидов, отделяемой Сенной от секции Елисейских полей, жили военные и много садовников-собственников. Остальные секции этой группы отличались большею однородностью мелкобуржуазного населения (секции Хлебного рынка, Общественного договора, Брута и Братства). В секциях мелкобуржуазных реакция победила скорее, чем в секциях предместий и отчасти центра, где ремесленно-рабочее население было более значительным.

К четвертой группе секций, где было очень значительное ремесленно-рабочее население и где жило много бедноты, принадлежали 12 секций предместий и 3 центральные секции — Музея (№ 8), Бон-Нувель (№ 14) и Гравилье (№ 27), причем к последним 2 секциям примыкали предместья Сен-Дени и Сен-Мартен. К малонаселенным секциям северных предместий, где жили мануфактурные и строительные рабочие, относились 5 секций: Монблан (№ 7), Монмартр (№ 20), Пуассоньер (№ 21), Северного предместья (№ 28, предместье Сен-Дени) и Бонди (№ 22, предместье Сен-Мартен). Сент-Антуанское предместье, расположенное в восточной части Парижа к населенное мануфактурными и строительными рабочими и ремесленниками по выделке мебели, разделялось на 3 секции: Попинкур (№ 24), Монтрейль (№ 25) и Кенз-Вен (№ 26). К секциям южных предместий Сен-Марсель и Сен-Жак, расположенных на левом берегу Сены и по характеру населения похожих на Сент-Антуанское предместье, принадлежали 4 секции: Финистер (раньше — Гобеленов, № 48), Санкюлотов (потом — Ботанического сада, № 47), Обсерватории (№ 46) и Французского пантеона (№ 45). Со стороны секций четвертой группы буржуазная реакция после 9 термидора встретила более упорное и длительное сопротивление, чем со стороны остальных демократических секций. Было бы, однако, ошибочным рассматривать секции этой группы как чисто рабочие секции; в них сильно представлены были также и мелкобуржуазные элементы, и самые ремесленники по своему классовому характеру в значительной степени относились к мелкой буржуазии; но наличие значительного числа рабочих, занятых в мануфактуре, домашней промышленности и строительном деле, все же придавало иной характер этим мелкобуржуазным секциям.

Секции не действовали как обыкновенные демократические органы, и их политические выступления определялись не только социальным характером их населения, но и, находились в зависимости от классового состава руководящего политического актива секций, который менялся в разные периоды революции: при терроре патриоты и санкюлоты производят чистку секций от умеренных, от «интриганов», иначе говоря, от буржуазных элементов; наоборот, в период термидорианской реакции «интриганскими» оказываются в глазах «порядочных людей» санкюлоты,

причем «добрые граждане», т.е. буржуазные элементы, усердно занимаются чистой секций от террористов. Это нарушение принципов формальной демократии и объясняет нам неустойчивость политической позиции многих секций. Самый классовый состав граждан, объединяемых формально той или иной секцией, определял при этом, насколько легко и прочно тот или иной актив, пользуясь сложившейся политической обстановкой, захватывал в свои руки политическое руководство данной секцией. Господствующие в Конвенте политические группировки в свою очередь стремились соответствующими законодательными мероприятиями закрепить в секциях влияние желательных для них элементов. При господстве робеспьеристов Коммуна была очищена от эбертистов, массовое движение в секциях было задавлено, и там стали командовать революционные комитеты, зависимые от комитетов Конвента. Проводимая робеспьеристами политика смягчения максимума и классового равновесия не удовлетворила однако буржуазию и самостоятельное крестьянство и оттолкнула городскую и сельскую бедноту. Буржуазные настроения в одних секциях и эбертистские в других и дали о себе знать 9 термидора, когда за поддержкой к секциям обратились и робеспьеристская Коммуна, и Конвент.⁶

Борьба в секциях 9 термидора и их роль в перевороте этого дня изучены недостаточно.⁷ Хотя вследствие расхождения между революционными и гражданскими комитетами секций и общими собраниями, вследствие составления самих протоколов секций после поражения Коммуны и, наконец, из-за неполноты источников многие частности остаются невыясненными, а иногда и спорными, но несомненно одно: в ночь с 9 на 10 термидора подавляющее большинство парижских секций в конце концов, после внутренней борьбы и колебаний, встало на сторону Конвента и во всяком случае не оказало фактической помощи робеспьеристской Коммуне. В общих чертах можно так охарактеризовать позиции секций 9 термидора. Из 14 секций с преобладающим буржуазным населением на сторону Конвента сразу и без колебаний встали 11 секций: Тюильри, Елисейских полей, Горы, Лепелетье, Французских гвардейцев, Вильгельма Телля, Рынка, Коммуны, Тампля, Революционная и Единства.⁸ Не было полного единодушия только в двух буржуазных секциях — Сите⁹ и Прав человека¹⁰ Наконец отсутствуют сведения о секции Арсенала, но нужно полагать, что и эта буржуазная секция встала на сторону Конвента.¹¹

Из 6 секций с разнородным, но в очень значительной части буржуазным населением, 3 секции — Ломбар, Арси и Гренельского фонтана¹² стали на сторону Конвента, а остальные 3 секции — Муция Сцевола, Вооруженного человека и Нераздельности — присоединились к Конвенту только после некоторых колебаний и борьбы. По утверждению Орико, канониры секции Муция Сцевола первоначально встали на площадь Коммуны.¹³ Сначала секция послала было и делегатов в Коммуну, но потом решительно перешла на сторону Конвента. Через месяц после 9 термидора президент Конвента — правый термидорианец Мерлен из Тионвиля (* [Насколько он «правый» - стоит посмотреть его биографию](http://vive-liberta.narod.ru/ref/curriculumvitae.htm) <http://vive-liberta.narod.ru/ref/curriculumvitae.htm>), отвечая депутации секции Муция Сцевола, заявил, что он считает, что секция все время была сторонницей Конвента.¹⁴ Депутация от секции Муция Сцевола утверждала позднее на заседании Конвента 21 ноября 1794 года в связи с закрытием Якобинского клуба, что секция первая прибыла в Конвент 9 термидора, чтобы заявить о своей преданности.¹⁵

Канониры секции Вооруженного человека отправились с пушками поддержать Коммуну, но общее собрание секции и ее революционный комитет решительно высказались за Конвент. Позднее, на заседании Конвента 12 октября 1794 года, оратор депутации от секции Вооруженного человека заявил: «В ужасную и памятную ночь 9 термидора секция Вооруженного человека одна из первых высказалась против дерзости мятежников».¹⁶ После долгого колебания, к часу ночи, когда общее положение уже достаточно выяснилось, высказалась за Конвент и секция Нераздельности.¹⁷

Из секций с преобладающим мелкобуржуазным населением секция Хлебного рынка одна из первых присоединилась к Конвенту в ночь с 9 на 10 термидора.¹⁸ Встала на сторону Конвента и секция Инвалидов, но общее собрание секции было созвано лишь в 2 часа ночи.¹⁹ Секции Пик²¹, Общественного договора.²² Бонконсейль, Соединения и Шалье высказались за Конвент только после первоначальных колебаний и большей или меньшей борьбы. В секции Брута произошел раскол, и все поведение секции было колеблющимся и нерешительным. Секция Республики осталась нейтральной. Наконец, секции Друзей отечеств, Братства, Марата и Красного колпака сначала высказались за Коммуну, но потом в ходе событий перешли на сторону Конвента. Таким образом, позиция мелкобуржуазных секций 9 термидора отличалась нерешительностью, колебаниями и изменчивостью.

Из секций с значительным ремесленным и рабочим населением активно поддержали Конвент две центральные секции — Гравилье и Бон-Нувель, в которых раньше было сильно влияние Жака Ру и Эбера. Помимо тех данных, которые относятся к самому дню 9 термидора и приводятся историками, можно отметить еще, что эти секции сами подчеркивали потом в Конвенте свою активную роль в перевороте 9 термидора. Депутация от секции Гравилье оказывала 3 августа 1794 года, что 6 тысяч членов секции во главе с депутатом Леонаром Бурдоном выступили 9 термидора против Коммуны.²³ Секция Бон-Нувель на заседании Конвента

15 октября 1794 года заявила, что в ночь с 9 на 10 термидора на защиту Конвента выступили с оружием в руках те люди, которых один из членов прежнее революционного комитета секции обвинял на заседании Якобинского клуба в умеренности и аристократизме.²⁶ Третья из центральных секций этой группы — секция Музея, по-видимому, не сразу встала на сторону Конвента и не оказала ему такой активной помощи, как секции Гравилье и Бон-Нувель²⁷, Поддержка Конвента секциями Гравилье и Бон-Нувель была, однако, исключением для позиции остальных 13 секций с значительным ремесленным и рабочим населением. Совершенно ошибочно на основании позиции только двух секций делать обобщение о «контакте крупнобуржуазных и рабочих секций».²⁸ Такое утверждение противоречит фактам и извращает позицию, занятую 9 термидора большинством секций со значительным ремесленно-рабочим населением. Можно говорить только об ошибке этих секций, которая состояла в том, что они остались в большинстве пассивными и не оказали активной помощи Коммуне, хотя и склонялись более на ее сторону. Неправильно также отпоешь 12 секций предместий к числу мелкобуржуазных на том только основании, что они обнаружили нерешительность и колебание в ночь с 9 на 10 термидора.

Северо-восточные и юго-восточные секции предместий Парижа, где было много рабочею населения, обнаружили большую нерешительность и фактически в большинстве своем остались нейтральными представители их комитетов, а иногда и общих собраний, делали заявления в Коммуне о верности ей, но потом большинство секций предместий высказалось за Конвент. Очевидно, тут действовало и раздражение рабочих против максимальной тарифа заработной платы, установленного Коммуной 5 термидора.²⁷ Скорее склонились, на сторону Конвента малолюдные и с более разнородным составом населения 5 секций северных предместий. На общем собрании секции Монблана единогласия не было, но большинство высказалось за Конвент; комитеты секций Монмартра, Пуассоньер, Северного предместья и Бонди сносились сначала с Коммуной, но общие собрания секций также высказались за Конвент, причем больше колебаний обнаружила секция Пуассоньер. Не поддержали Коммуну и секции Сент-Антуанского предместья, хотя вначале и сносились с ней: секции Попинкур и Монтрейль склонились на сторону Конвента, а одна из самых революционных секций — секция Кенз-Вен объявила о своем нейтралитете, но на другой день депутация от нее, встреченная в Конvente аплодисментами, заявила о своей преданности национальному представительству.²⁸ Секции южных предместий Сен-Марсель и Сен-Жак встали сначала на сторону Коммуну, но из них только одна секция Обсерватории оставалась до конца верной Коммуне. Через несколько дней, на заседании Конвента 2 августа 1794 года, депутация от секции Обсерватории обвиняла во всем революционный комитет своей секции.²⁹ Секции Французского пантеона и Финистер сначала поддерживали Коммуну, но потом перешли на сторону Конвента. Секция Санкюлотов по постановлению общего собрания послала в Коммуну делегатов для принесения присяги³⁰, но фактической помощи ей, по-видимому, не оказала.³¹

Вечером 9 термидора перевес вооруженных сил был еще на стороне Коммуну, но к ночи положение стало резко меняться и к 2 часам ночи окончательно изменилось в пользу Конвента.³² Дело в том, что соотношение сил в секциях сложилось невыгодным для Коммуну образом. 11 буржуазных секций, 3 секции со значительным буржуазным населением, 1 мелкобуржуазная секция (Хлебного рынка) и 2 секции со значительным ремесленно-рабочим населением (Гравилье и Бон-Нувель) без колебаний и сразу стали на сторону Конвента. К этим 17 секциям примкнули еще 6 секций, которые не обнаружили полного единодушия или не проявили особой активности при поддержке Конвента: 3 буржуазных секции (Сите, Прав человека и Арсенала), 1 мелкобуржуазная (Инвалидов) и 2 со значительным ремесленно-рабочим населением (Музея и Монблана). После некоторых колебаний и борьбы за Конвент высказались еще 6 секций: одна со значительным буржуазным населением (Муция Сцевола), 4 мелкобуржуазных (Пик, Общественного договора, Бонконсейль и Соединения) и 1 секция предместий (Монмартр). Еще больше колебаний было в позиции следующих 8 секций, присоединившихся к Конвенту в дальнейшем ходе событий: в 2 секциях второй группы (Вооруженного человека и Нераздельности), в 2 третьей группы (Брута и Шалье) и в 4 секциях предместий (Пуассоньер, Северного предместья, Бонди и Монтрейль), причем в секциях Вооруженного человека и Брута произошел раскол. 2 секции, где жило много бедноты, остались нейтральными (Республики и Кенз-Вен).

В то время, как около половины секций (23), преимущественно с буржуазным населением (все 14 секций первой группы и 3 второй), встали на сторону Конвента, 14 секций, преимущественно демократических (6 секций третьей и 5 четвертой группы), колебались и 2 демократические секции были нейтральными, — за Коммуну высказались общие собрания только 8 демократических секций: 4 третьей группы (Друзей отечества, Братства, Марата и Красного колпака) и 4 четвертой группы (Попинкур, Французского пантеона, Санкюлотов и Финистер), но и эти 8 секций перешли на сторону Конвента, когда выяснилось, что его поддерживает большинство секций. И только одна секция предместья Сен-Жак — Обсерватории — до конца не высказалась за Конвент.

К 2 часам ночи Гревская площадь, наполненная вечером 9 термидора канонирами с их пушками, почти опустела; наоборот, около Конвента под начальством Барраса собрались колонны секции, ставших на сторону Конвента. После двух часов ночи Баррас, узнав, что, Гревская площадь почти опустела, решил перейти в наступление. Две колонны вооруженных сил Конвента проникли почти без сопротивления на Гревскую площадь и в 2 часа 30 минут ночи неожиданно вторглись в здание Коммуны. Жандарм Меда выстрелом раздробил Робеспьеру нижнюю челюсть. Робеспьер младший бросился в окно и сломал себе бедро. Леба застрелился. Арестованные депутаты ночью были приведены в Конвент, а потом отосланы в Комитет общественной безопасности, где и провели ночь.

10 термидора вместе с Робеспьером были без суда гильотинированы 22 робеспьериста, а в следующие два дня еще 82 сторонника Робеспьера, среди них 79 членов Парижской коммуны. Когда членов Коммуны везли на гильотину, рабочие кричали им: «К черту максимум».

В ряде мест Франции не хотели верить известиям о происшедшем перевороте и даже пытались арестовать тех, которые сообщали об аресте Робеспьера. Республиканские армии, успешно сражавшиеся на неприятельской территории, не подозревали, что республике нанесен первый смертельный удар. Некоторые искренние сторонники бедноты, как Бабеф, сначала не понимали реакционного характера переворота 9 термидора

В следующие после 9 термидора два дня в своей преданности заверяли Конвент не только секции, вставшие на его сторону (Тюильри, Революционная, Хлебную рынка и Инвалидов), но и секции, в которых происходили колебания или изменения позиции в ходе событий (Монблан, Брута, Кеиз-Вен и Марата) Конвент, разумеется, стремился показать, что все секции на его стороне: в опубликованном 30 июля, г. е. задним числом, в «Moniteur» отчете о заседании Конвента 9 термидора говорится, что «все секции» явились в Конвент, чтобы заявить о своей верности ему, что было, конечно, преувеличением. Делая 11 термидора сообщение о событиях 8, 9 и 10 термидора, депутат Ру заявил, что секции были на стороне Конвента, равно как и «истинные якобинцы».³⁵

На заседании 10 термидора Конвент декларировал, что «секции не переставали оказывать важные услуги отечеству» Делая на том же заседании от имени Комитета общественного спасения доклад о событиях 9 термидора, Барер восхвалял поведение секций, а колебавшиеся секции считал лишь на короткое время введенными в заблуждение: «Канониры, всегда верные отечеству, как и победе, — говорил он, — покинули Анрио; секции, некоторый момент обманутые, признали только Конвент. Секции Сент-Антуанского предместья, возбужденные комиссарами Анрио, сплотились по зову Конвента. Сен-Марсельское предместье, которое злодеи Анрио стремился увлечь к тому, чтобы оно содействовало его преступлениям, явилось со своими пушками с намерением уничтожить всех соучастников заговорщиков. Все отряды канониров, бывшие на Гревской площади, направились один за другим в те места, где больше всего грозила опасность Конвенту. Наконец, единодушным возгласом всех граждан был: «Да здравствует Национальный конвент! Да здравствует свобода, да здравствует республика! Да погибнут изменники и тираны!» Единственно этот крик раздавался на всех улицах, во всех секциях Парижа.³⁶

1. Buchez et Roux, t.XXXI, pp.406—457.

2. Buchez et Roux, t.XXXIV, pp.6—40.

3. Buchcz et Roix t.XXXIV, pp.41—71; A.Mathiez. Jour de Robespierre. Robespierre et la Commune, pp.196—234.

4. Социальный состав населения парижских секций во время революции был изучен Брэшем (F.Braesch) и его книги «La Commune du dix huit 1792» (1911). При разделении секции на 4 основных группы и руководился сопоставлением оточенных данных с политическими выступлениями секции, которые нередко вносят определенные коррективы, что являлось в классовом отношении характерным для той или иной секции. Секция Сите была населена представителями финансово-торговой буржуазии, но в то же время не случайны были ее выступления по продовольственному вопросу, в частности, 12-го жерминаля Moniteur, 5/IV 1794, № 196, p.798; 13/IV, № 204, p.832). Это отмечает еще Мишле, охарактеризовавший секцию Сите как испытывавшую нужду (Michelet. Histoire de la Revolution francaise, t.VI. p.278).

5. Cp. A.Mathiez. La Revolution francaise, t.III, pp.166, 173, 221—222;

6. E.Mellie. Les sections de Paris pendant la Revolution francaise, pp.153—155, 221.

7. Н.Кареев. Неизданные протоколы парижских секций 9 термидора 2 года (1914). Он же. Роль парижских секций в перевороте 9 термидора (1914). Cp. Ch.D'Hericault. La Revolution de Thermidor (1876). Из прежних историков, пользовавшихся сохранившимися в 1871 г. протоколами секций, см. J.Michelet. Histoire de la Revolution francaise (ed.1869), t.VI, pp.377—381, L.Blanc. Histoire de la Revolution francaise (ed.1869), t.XI, pp.227—232 (пользовался преимущественно докладом термидорианца Куртуа); E.Hamel. Histoire de Robespierre, t.III, 1867, pp. 774—778.

8. Но словам депутата Тюрио на заседании Конвента 1-го апреля 1795 г., секция Единства была одной из тех, которые совершили день 9 термидора (Moniteur, 31/V-1795. № 194, 1795). Один член революционного комитета секции Единства заявил в Конвенте Куртруа, что секция признает только Конвент (Moniteur, 30/VII-1794, № 312. p.1277; Buchez et Roux, t.XXXIV, p.69).

9. Относительно секции Сите Амель старается доказать, что она проявила свою враждебность по отношению к Коммуне лишь после победы Конвента и что не без основания высказывались обвинения в том, что протокол заседания секции 9 термидора был потом изменен (Hamel. Histoire de Robespierre, t.III, p.777). Из протокола гражданского комитета и общего собрания секции видно только, что там раздавались отдельные голоса и в пользу Коммуны (Н.Кареев. Неизданные протоколы, стр.63—64). Мишле, относя секцию Сите к числу тех, которые встали на сторону Конвента, отмечает, однако что особой активности в пользу Конвента секция не проявила (Michelet. Histoire de la Revolution francaise, t.VI, p.378).

10. Протоколов секций Прав человека от 9 термидора не сохранилось, и позиция секции остается неясной. Луи Блан относит ее к числу секций, вставших на сторону Коммуны (L.Blanc. Указан, соч., т.XI, стр.228). Эрико также утверждает, что канониры секции Прав человека одни из первых прибыли на Гревскую площадь перед Коммуной (d'Hericault. Указан.соч., стр.447), наконец, гражданский комитет этой секции принес присягу на верность Коммуне (Buchez et Roux, t.XXXIV, pp.44- 45); но с другой стороны, заявления дотаций от секции Прав человека на общих собраниях других секций дают основание относить ее к числу секций, вставших на сторону Конвента (Н.Кареев. Неизданные протоколы, стр.32—33, 34. Ср. стр.31, 47, 52,73,7(i)). Несмотря на отмеченные противоречивые известия, мало вероятно, чтобы эта буржуазная секция оказалась на сюроне Коммуны. Кроме того, нужно отметить, что секция Прав человека, к ко горой принадлежал Варле, поддерживала в июне 1793 г. требования бешеных (Mathiez A. La vie chere et le mouvement social sous le terreur, p.212).

11. В докладе Барера на заседании Конвеша 10 термидора говорится лишь, что Арсенал защищался своей секцией (Moniteur, 30/VII-1794 г., № 312, p.1279).

12. Ср. Н.Кареев. Неизданные документы, стр.73—75.

13. D'Hericault. Указан.соч., стр.447.

14. Ср. Н.Кареев. Неизданные протоколы, стр.76; Moniteur, 30/VII-1794, №312, p.1277; Michele t. Указан.соч., т.VI, стр.380.

15. Moniteur, 30/VIII-1794, № 343, p.1406, заседание Конвента 28/VIII;

16. Moniteur, 22/VI-1794, № 62, p.263.

17. Moniteur, 15/VI-1794, № 24, p.110

18. Н.Кареев. Неизданные протоколы, стр.61, 62.

19. Moniteur, 30/VIII-1794, № 343, p.1507, слова депутата Granet.

20. Н.Кареев. Неизданные документы, стр.85—86.

21. О колебаниях в этой секции ср. Hamel. Указан.соч., т.III, стр.777—778. Нужно отметить, что общее собрание секции началось лишь в полночь (Н.Кареев. Неизданные протоколы, стр.12). Н.Кареев (Роль парижских секций, стр.34) относит секцию Пик к числу тех, которые решительно высказались против робеспьеристов.

22. Луи Блан утверждает, что секция Общественного договора встала на сторону Коммуны и даже осталась ей верной до конца вместе с секциями Шалье, Ботанического сада (Санкюлотов) и Обсерватории (Указан.соч., т. XI, стр. 228, 232), но заявления депутатий от этой секции в других секциях о преданности Конвенту противоречат этому утверждению (Н.Кареев. Неизданные протоколы, стр.19, 31 и др.). Должностные лица секции Общественного договора действительно были в Коммуне и подверглись потом аресту, причем депутация от секций просила 3 октября 1794 г. Конвент освободить их как введенных в заблуждение (Moniteur, 4/X-1794, № 13, p.67).

23. Moniteur, 4/VIII-1794, № 317, p.1249.

24. Moniteur, 18/X-1794, № 27, p.122.

25. По утверждению Эрико, канониры секции Музея были первоначально на Гревской площади (D'Hericault. Указ.соч., стр.447). А.Матьез, считая, что секция Музея одна из первых встала на сторону Конвента, признает все же, что вначале она послала по требованию Анрио отряд на площадь Коммуны, но скоро его отозвала и дала даже в распоряжение одного депутата 50 человек, занявших Новый мост (A.Mathiez. L'affaire Legray, Annales Historiques de la Revolution francaise, 1927, № 4, pp.316—317). На заседании Конвента 10 термидора депутация от секции Революционной отмечала, что часть секции Музея помогала ей освобождать некоторых ее членов, арестованных агентами Коммуны за приверженность к Конвенту (Moniteur, 30/VII-1794, № 312, p.1278). Общее собрание секции Музея состоялось только 10 термидора (Н.Кареев. Неизданные протоколы, стр.16—17).

26. П.Щеголев. После термидора, стр.29 (1930 г.).

27. A.Mathiez. La Revolution francaise, t.III, pp.221—222; Annales Historiques de la Revolution francaise, 1928, № 3. p.271.

28. Moniteur, 30/VII-1794, № 12, p.1278.

29. Moniteur, 4/VIII-1794, № 317, p.1298.

30. Buchez et Roux, t.XXXIV, p.41; L.Blanc. Цит.соч., т.XI, стр.228; Н.Кареев. Роль парижских секций в перевороте 9 термидора, стр.81, 82.

31. По словам Мишле, колонны секции Санкюлотов направлялись к Коммуне, но им помешали прибыть вовремя, смутив их басней о роялистском заговоре Робеспьера (Michelet. Указан.соч., т.VI, стр.380). С этим нужно сопоставить протокол вечернего заседания Конвента 9 термидора, где говорится о появлении в Конвенте вооруженной силы секции Санкюлотов (секции Анрио) для защиты Конвента. Но это было в тот момент, когда в здании Коммуны происходили решительные события, далее в описании заседания говорится о том, что в Конвент принесли раненого Робеспьера и что скоро прибыл депутат Леонар Бурдон с сообщением о захвате в здании Коммуны робеспьеристов (Moniteur, 30/VII-1794, № 312, p.1277; Buchez et Roux, t.XXXIV, p.74).

32. A.Mathiez. Autour de Robespierre, pp.227—228; La Revolution franchise, t.III, pp.219—220. По свидетельству одного буржуа-очевидца, в наименее революционных кварталах Парижа, где было много умеренных и даже роялистов (например, в секции Лепелетье), господствующим чувством после первоначального ареста Робеспьера было любопытство, смешанное с беспокойством. Многие не знали, нужно ли радоваться падению Робеспьера и не будет ли тирания после него еще хуже. Наоборот, в народных кварталах (например, в Антуанском предместьи) раздавались крики: «Да здравствует Робеспьер! Долой Конвент!» (E.Bire. Journal dun bourgeois de Pans pendant la terreur, t.V, pp.378—382). Правый термидорианец Бентаболь высказывал потом мнение, что сторонники Робеспьера изменили свое поведение 9 термидора после 9 ч. веч., когда они увидели, что все потеряно (Moniteur, 5/X-1794, № 14, p.69).

33. Moniteur, 30—31/VII-1794, № 312—313, pp.1278, 1283.

34. Moniteur, 30/VII-1794, № 312, p.1277; Buchez et Roux, t.XXXIV. pp.70—71.

35. Moniteur, 11/VIII-1794, № 324, p.1325.

36. Moniteur, 30/VII-1794, № 312, pp.1279—1280; Buchez et Roux, t.XXXIV, pp.79, 82, 83, 84; Bulletin des lois, an 2, № 30 (№ 149).

ГЛАВА 3. СЛЕДСТВИЯ ПЕРЕВОРОТА ДЕВЯТОГО ТЕРМИДОРА

Современники и историки о перевороте девятого термидора и о термидорианской контрреволюции

Переворот 9 термидора привел к господству буржуазной реакции, направленной против тех социально-экономических и политических мероприятий демократической якобинской диктатуры, которые казались стеснительными для «свободного» развития новой и старой буржуазии. Наступление реакции после 9 термидора признают как современники французской революции, так и ее историки, но они только различно оценивают, в зависимости от своих классовых симпатий и политических взглядов, тот факт, что после 9 термидора началась буржуазная контрреволюция, пришел конец власти «санкюлотов» и было восстановлено господство «порядочных людей», т. е. буржуазии.

Г.Бабеф, считавший сначала день 9 термидора днем падения «тирана Робеспьера» и выступавший в первые два месяца после 9 термидора за уничтожение «хвоста» Робеспьера, вскоре понял, что народ в деле защиты своих прав не может рассчитывать в Конвенте ни на кого), что «все указывает на скорое и полное возвращение власти господ»², что торжествует партия, которая хочет республики «одного миллиона», республики буржуазной и аристократической, в которой существовали бы знатные и плебеи и в которой «ничтожная кучка привилегированных и господ утопала бы в роскоши, в наслаждениях, а подавляющее большинство было поставлено в положение илотов и рабов».³ Бабеф писал, что декреты издаются «партией одного миллиона», «друзьями богатого народа» и что народ ради спасения своей свободы должен восстать.⁴ Он увидел истинное лицо бывших террористов и активных участников переворота 9 термидора — Тальена, «апостола порядочных людей» и «друга богатых граждан», и Фрерона, выступавшего в защиту «порядочных людей» и против «санкюлотов».⁵ В начале Директории Бабеф подвел итоги своим взглядам на развитие французской революции до и после 9 термидора и писал, что «революция до 9 термидора шла вперед», а после 9 термидора «началось попятное движение, направленное против цели революции, ко всеобщему несчастью и ко благу ничтожного меньшинства»⁶, что «контрреволюция стала действительностью после 9 термидора, что лучшие друзья народа были умерщвлены в этот роковой день, а до этого дня народ был счастлив и республика торжествовала, каждый день делались новые шаги навстречу общему счастью, а потом все изменилось».⁷ Бабеф называл термидор «гнусным».⁸

Буонарроти в своей книге о заговоре равных писал, что в результате 9 термидора были убиты те депутаты, «которым французский народ был обязан большей частью своих успехов... С того времени все было потеряно... Власть была захвачена теми, кто во имя всеобщего блага был прежде ущемлен... Лишь только революционное правительство перешло в руки приверженцев эгоизма, оно стало настоящим бичом общества», превратилось в «страшную тиранию», которая «все деморализовала; она вернула вновь роскошь, изнеженность нравов, хищничество; она растратила общественное достоинство, извратила принципы революции и всех, кто искренно и бескорыстно защищал ее, отдала на растерзание ее врагам».⁹

По свидетельству якобинца Левассера, «истинные монтаньяры» скоро поняли, что 9 термидора было «катастрофой»; высшие классы видели в 9 термидора «конец анархии», термидорианцы опирались на силы среднего класса, который угнетался раньше низшими классами» и готов был теперь «действовать со всей силой против народа. «Контрреволюция, аристократия, казалось, перестали быть общественными врагами: врагом стала революция, которую остаток съезда изображал под именем «террор»».

По словам умеренного республиканца Паже, во время термидорианской контрреволюции золотая молодежь, почти вся шедшая за роялистами, «хотела разбить монтаньяров с помощью равнины». По словам правого термидорианца Тибодо, «Конвент утратил популярность, после 9 термидора все те, кого называли «санкюлотами», были против него».¹² В мемуарах о Карно, изданных его сыном, так характеризуется начавшаяся после 9 термидора контрреволюция: «Франция отнеслась с одобрением к падению Робеспьера, потому что общественное мнение привыкло олицетворять в нем террор, активным агентом которого он более не был и который продолжался благодаря данному толчку, но увидя падение этого олицетворения террора, реакция осмелела, и событие 9 термидора, которое должно было открыть для Франции эру спокойствия и единения, дало сигнал к судебным преследованиям из-за мести и к политическим убийствам».

Невиль, один из представителей тогдашней золотой молодежи, яростно преследовавшей якобинцев, отмечая в своих мемуарах радость буржуазна после 9 термидора, когда «порядочные люди могли, наконец, вздохнуть», указывает далее, как контрреволюция восторжествовала, независимо от объективных намерений левых участников переворота 9 термидора: «Общественное мнение, столь долгое время немое и подавленное, пробудилось со всех сторон. Люди, способствовавшие падению Робеспьера и завершившие это Дело, не рассчитывали на столь выраженное движение, они не имели его в виду; их дело значительно превзошло их

намерения. Эти люди действовали в интересах сохранения республики и желали завладеть властью». Реакционно настроенный Нодье пишет в своих воспоминаниях, что у него «реакция 3—4 гг. (1794—1795 гг.) оставила столь же мучительное воспоминание, как и сцены террора»; что после 9 термидора настал «долгий день 2 сентября, возобновлявшийся каждый день», и что «нравы реакции отличались утонченным бесстыдством».

Экономическая политика термидорианского Конвента, отказавшегося от всякого покровительства неимущим и давшего полную волю разнузданным аппетитам спекулятивной буржуазии, часто вызывала горькие сожаления о времени Робеспьера. Так, о таких разговорах агенты полиции доносили в конце 1794 года, непосредственно после отмены максимума.¹⁶ Реакционная газета «Французский республиканец» в начале голодной весны 1795 года с тревогой отмечала разговоры в группах о том, что «народ до 9 термидора был счастливее».¹⁷ По сообщению агентов полиции, рабочие в конце апреля 1795 года вели разговоры о том, что после 9 термидора санкюлоты принесены в жертву самой ужасной жадности.¹⁸ В середине августа 1795 года агенты полиции снова отмечали разговоры граждан о том, что последние «предпочли бы быть при режиме Робеспьера, что тогда Конвент заботился о несчастных».¹⁹

Таким образом, приведенные свидетельства современников изображают реакцию, наставшую после 9 термидора, как реакцию «среднего класса», буржуазии, направленную против учреждений и лиц, связанных с павшей властью якобинцев.

Консервативные, либеральные и радикальные историки характеризуют 9 термидора как поворотный пункт в развитии французской революции. Первые либерально-буржуазные историки французской революции — Минье и Тьер, писавшие период реставрации Бурбонов, когда перед французской буржуазией стоял вопрос о завоевании политической власти и когда ничто еще ей не угрожало снизу, — оправдывали террор, поскольку он был необходим для победы буржуазной революции, а 9 термидора рассматривали как конец якобинского террора, когда в нем исчезла необходимость. По мнению Тьера, продолжение террора, ставшего ненужным вследствие побед летом 1794 года, вызвало возмущение против него. Покидая классовую точку зрения при объяснении событий 9 термидора, Тьер пишет: «Это был момент, когда сострадание должно было, наконец, победить гнев». Для него 9 термидора являлось «счастливой катастрофой». Минье и Тьер пишут об окончании после 9 термидора восходящего движения революции и о начале ее нисходящего движения.²⁰

Радикальный историк Мишле один из немногих анализирует позицию парижских секций 9-термидора, правильно подчеркивая пассивность демократических секций и нерешительность Робеспьера. Днем 9 термидора он заканчивает историю французской революции и, доведя ее изложение до термидорианской контрреволюции, пишет в романтическом духе: «Вздыхнем, не будем смотреть... Мы не будем рассказывать, что за этим последовало, о слепой реакции, которая захватила Собрание и которую последнее едва преодолело только в вандемьере. Брань лекуантров, глупая ярость фреронов, продажное предательство тальенов ободрили самых трусливых. Началась позорная комедия прибыльных убийств во имя человечности, мщение чувствительных людей, убивающих патриотов и продолжающих их дели — покупку национальных имуществ. Черная банда оплакивала горячими слезами родных, которых у нее никогда не было, душила своих соперников и обманом получала декреты, чтобы покупать при закрытых дверях».²¹

По мнению Бюше и Ру, «партия термидорианцев состояла почти целиком из дантонов», которые с бесстыдством занимались хищениями и личным обогащением и которые «первые выставили напоказ эти отвратительные нравы, запятнавшие конец Конвента и Директорию».

Ф.Буонарроти, одия из участников заговора «равных», в своей книге «Заговор во имя равенства именуемый заговором Бабефа», вышедшей в 1828 году, изображает Робеспьера как защитника «дела равенства» и предшественника Г.Бабефа. Эти взгляды Буонарроти оказали потом влияние на Лоренца Штейна, Жореса, Матьеза и отчасти на П.Кропоткина. Лоренц Штейн, находившийся под влиянием Гегеля и первых либерально-буржуазных историков французской революции, видит основную причину гибели Робеспьера в его стремлении к имущественному равенству, в то время как во Франции не было почвы, благоприятной для осуществления принципа равенства. По словам Л.Штейна, Робеспьер «впервые сделал действительное равенство общества предметом своей воли и действия и преимущественной задачей государственной власти». «Равенство отныне должно было заключаться не в равенстве перед законом, а в отрицании всех лучше поставленных классов общества» Робеспьер будто бы даже хотел «уничтожения всех классов, которые не были народом». Реакция после 9 термидора привела к «победе имущего класса над неимущими» Террор обеспечил новый аграрный строй и сделал невозможным возвращение земель прежним господам; «без терроризма новая хозяйственная жизнь в народе не могла бы возникнуть, но с терроризмом она не могла существовать». Имущие хотели такой власти, которая дала бы им возможность пользоваться приобретенными имуществами. Ко времени термидора старое общество было уничтожено, а построение нового началось только после падения Робеспьера. Заговор Бабефа был новой неудачной попыткой осуществить принцип равенства.²⁴

Социалисты-реформисты связывали падение якобинцев с вопросом о терроре и стремились показать, будто эксцессы террора и привели к его гибели. В терроре усматривал причину гибели революции Луи Блан.²⁵

Гуссэ, один из историков термидорианских нравов, писал, что «падение Робеспьера было, естественно, сигналом к роялистской реакции и белому террору» Кларети называет термидорианцев «странной смесью скрытых роялистов и изменившихся монтаньяров, депутатов равнины и жирондистов, усталых от борьбы, которая велась с 1789 года, и страстно желавших той контрреволюции, которая должна была, думали они, обеспечить им покой и полное обладание захваченными местами. Люди термидора думали о восстановлении королевской власти, во всяком случае они этому содействовали».²⁶ Ряд историков все внимание сосредоточивает на личности Робеспьера и проблему 9 термидора сводит к главе из его биографии. Для них позиция Робеспьера определяла ход событий, независимо от их положительного или отрицательного отношения к самой личности вождя якобинцев Гамель [Здесь и далее это означает «Амель» – *Vive Liberta*] в своей большой работе «История Робеспьера» ставит себе задачей реабилитировать Робеспьера от возводимых на него обвинений и стремится доказать, что Робеспьер ни был инициатором террора и хотел прекратить его излишества, а пал, благодаря своей нерешительности и лояльности, тогда как его противники были интриганам, не брезговавшими никакими средствами для достижения поставленной цели.²⁷

Реакционный историк Эрико сводит переворот 9 термидора и истории удачного заговора противников Робеспьера, объединившихся на почве борьбы против его личной диктатуры. Эрико не щадит и термидорианцев, признавая, что «Робеспьер стоял головой выше подавляющей части тех, кто на него напал», но и Робеспьера он характеризует как честолюбца, устранившего своих опасных соперников слева (Эбера) и справа (Дантона) и обреченного все же на гибель: «Этот истинно достойный и добродетельный человек погиб вследствие того, что каждый его шаг сопровождался усилением лютой тирании».²⁸

Консервативный историк А.Сорель отрицает, что террор был вызван потребностями обороны революционной Франции от монархической коалиции, и стремится показать, что террор был направлен против массы. По его словам, 9 термидора было концом террора и началом «отлива» революции.²⁹

В реакционном духе освещает события 9 термидора и Л.Мадлен, придающий большое значение нерешительности Робеспьера и Кутона. В перевороте 9 термидора он видит конец террора и начало попятного движения революции, причем наступившая после 9 термидора реакция была неожиданной даже для тех, кто свергнул Робеспьера.³⁰

Большое значение личному поведению Робеспьера придает Л.Барту в своей книге о 9 термидора, объясняя падение Робеспьера ошибками последнего: его выжидательной тактикой, сводящейся к речам вместо действий, и отсутствием дальновидности, энергии и решительности. Будь Робеспьер иным, он мог бы избежать происшедшей развязки, но он хотел придерживаться легального образа действий и быть оправданным судом революционного трибунала, подобно Марату весной 1793 года; он «еще не помышлял встать во главе восстания и не хотел отправиться в Коммуну». С точки зрения консервативного Барту день 9 термидора «открыл новую эру... Это была революция в революции... террор окончился». Победителей объединял страх и ненависть к триумвирату (Робеспьеру, Сен-Жюсту и Кутону), но после победы обнаружились глубокие разногласия между ними: «смерть диктатора означала одновременна успех и конец коалиции».³¹

Умеренный республиканец А.Олар применение и прекращение террора ставит в связь с войной против монархической коалиции. «Причинами событий 9 термидора, — пишет он, — являются прежде всего победы французских армий, одержанные в мессидоре, и в частности, победа Журдана при Флерюсе. Эти успехи, вместо того, чтобы усилить правительство и Робеспьера, погубили их в общественном мнении: они доказали бесполезность и жестокость недавнего усиления террора». «Победы, как фурии, яростно устремились на Робеспьера», — сказал позднее Барер. Однако Олар победы республиканских войск летом 1794 года не связывает с классовой борьбой и с внутренними противоречиями якобинской диктатуры. Считая с формальной и идеалистической точки зрения, что выражение «термидорианская реакция» не оправдывается фактами, Олар все же признает, что террор после 9 термидора обернулся против демократов и что «красный террор сменился теперь белым террором».³²

По мнению реформиста Ж.Жореса,³³ эксцессы террора должны были привести к его отмене, Гэдист Г.Девиль,³⁴ продолжавший работу Жореса по истории французской революции, также придает значение злоупотреблению гильотиной, вызвавшему враждебное отношение к террору со стороны всех без различия партий, но основную причину падения якобинской диктатуры он правильно видит в несоответствии ее интересам буржуазии.

Социал-демократ Г.Кунов придает, большое значение усилившейся с начала 1794 года оппозиции против якобинского режима со стороны зажиточных буржуазных элементов и

состоятельного крестьянства, недовольного продовольственной и религиозной политикой парижских санкюлотов. Неправильно считая робеспьеристов представителями зажиточной мелкой буржуазии, Г.Кунов делает вывод, что они ускорили свое падение казнью эбертистов, которая лишила их поддержки со стороны радикальной мелкой буржуазии Парижа.³⁵

Анархист П.Кропоткин ошибочно считает «бешеных» «коммунистами» и полагает, что после их разгрома в сентябре 1793 года окончилась восходящая фаза «народной» революции. Буржуазия, видя в Робеспьере человека золотой середины, способного защищать ее от «излишеств» толпы, не мешала Робеспьеру и его друзьям, пока ей грозила опасности со стороны крайних партий. Казнь эбертистов в угоду буржуазии означала торжество порядка и начало конца революции. П.Кропоткин находит «долю справедливости» в замечании Буонарроти, что гибели Робеспьера содействовала боязнь, как бы Робеспьер не провел мероприятий, «которые послужили бы поощрением инстинктам равенства у народа». Новые собственники пущенных в продажу национальных имуществ и разделенных общинных земель жаждали порядка и сильной власти. Революция была задавлена теми, кого она обогатила за счет народа.³⁶

Русский либеральный историк Н.Кареев, опубликовавший «Неизданные протоколы парижских секций 9 термидора 2 года», в своем очерке «Роль парижских секций в перевороте 9 термидора» ограничивается протокольной передачей фактов и документацией формального характера, избегая даже ставить вопрос о классовом характере позиции той или иной секции.³⁷

Из радикальных историков А. Матьез, испытавший на себе значительное влияние марксизма, больше всех сделал для конкретного и детального анализа тех предпосылок, которые привели к падению робеспьеристов 9 термидора. Однако, и у А.Матьеза мы не найдем четкой, последовательной, свободной от противоречий и методологически единой концепции 9 термидора. Потерю Робеспьером большинства в Конвенте 9 термидора он объясняет отказом Робеспьера назвать тех, кого он обвинял в своей речи. Разбирая раздоры внутри правительственных комитетов накануне 9 термидора, А.Матьез писал: «Кризис, наступивший 9 термидора, был вызван в большей степени личной борьбой, чем конфликтом программ или партий».³⁸

Придавая преувеличенное значение парламентским выступлениям в Конвенте и раздорам, происходившим в правительственных комитетах, А.Матьез все же правильно ищет ответа на вопрос о причинах 9 термидора прежде всего в отношении различных слоев населения к социально-экономической политике робеспьеристов. С одной стороны, смягченный третий максимум лишал робеспьеристов поддержки городской бедноты и рабочих, а с другой стороны, угроза проведения в жизнь вантозских декретов о даровом распределении среди неимущих патриотов конфискованных имуществ врагов революции напугала буржуазные слои и толкнула их на сопротивление режиму, который посредством террора хотел создать общество без богатых и бедных.³⁹

«9 термидора, — пишет Матьез, — парижские рабочие в большинстве своем оставались равнодушными к политической борьбе, разыгравшейся на их глазах. Коммуна как раз за несколько дней перед этим обнародовала новый тариф заработной платы, который вызвал недовольство рабочих. В самый день 9 термидора они устроили манифестацию против максимума заработной платы.⁴⁰ Но в одной из статей А.Матьез предостерегает от преувеличенной оценки значения таксации заработной платы в событиях 9 термидора. Нужно, — говорит он, — остерегаться преувеличивать значение этого экономического фактора в этих событиях, но следует принять его во внимание».⁴¹

А.Матьез понимает, что политика третьего максимума, стремившаяся примирить противоположные интересы потребителей и продавцов, рабочих и предпринимателей, означала отказ от классовой политики эбертистов в интересах бедноты и привела к сужению социальной базы робеспьеристов.⁴²

Главную причину гибели робеспьеристов А.Матьез усматривает в их попытке провести в жизнь вантозские декреты и осуществить новую «социальную революцию». «Робеспьер и его партия, — говорит он, — погибли главным образом из-за того, что хотели использовать террор для нового переустройства собственности. Республика, построенная на принципе равенства, без богатых и бедных, которую они мечтали основать путем применения вантозских законов, была обречена вместе с ними на гибель».⁴³ А.Матьез не понимает мелкобуржуазной сущности вантозских декретов и ошибочно считает, «что программа равных уже содержалась в зародыше в вантозских законах». «Робеспьер, — пишет Матьез в другой работе, — пошел дальше политической демократии. Он шел к социальной революции, и это было одной из причин его падения».⁴⁵ Эту мысль А.Матьез настойчиво проводит во всех своих работах. «Если бы Робеспьер и его друзья, — указывает он, — не внушили своими социальными экспериментами серьезного беспокойства имущим, быть может, в решающий момент они не оказались бы покинутыми «болотом»».⁴⁶

Давая вантозским декретам мелкобуржуазную оценку, А.Матьез, естественно, переоценивал их значение и влияние на падение робеспьеристов. Робеспьер стоял на почве сохранения частной

собственности, но за ограничение ее, подобно Ж.-Ж.Руссо, который в своем проекте «Конституции для Корсики» писал: Цель состоит не в отмене частой собственности, потому что это невозможно, а в том, чтобы включить ее в самые тесные пределы». ⁴⁷

А.Матьез считает, что с падением Робеспьера «закончился великий период республики» и началось господство ловких дельцов и ничтожных политиканов, которые Юждесгвляли свои частные интересы с республикой, сделали из политики ремесло и источник дохода и опирались на покупателей национальных имуществ и поставщиков армии Гнусность разнузданных appetitов представляла разительный контраст с великим героизмом предшествовавшей эпохи. ⁴⁸

Ж.Лефевр в своем общем обзоре истории французской революции в оценке 9 термидора во многом следует за А.Матьезом, отмечая вслед за ним и значение вантозских декретов, оттолкнувших умеренных от робеспьеристов, но особое значение придает распрям в правительственных комитетах и поведению Робеспьера. О поражении Робеспьера 9 термидора в Конвенте он пишет: «8 термидора он напал на своих врагов в Конвенте. Если бы он их назвал, он, вероятно, немедленно торжествовал бы победу, но он отказался это сделать, и эта слабость его погубила». Термидорианцы восстановили политическое господство буржуазии и организовали цензовую республику. ⁴⁹ Как указывает Ж.Лефевр в своей последней работе о термидорианцах, крупная буржуазия видела в террористах не только «кровопийц», но и представителей мелкой буржуазии и мелкого люда, которым она не хотела подчиниться в социально-политическом отношении. Она хотела вернуть себе власть, установленную конституцией 1791 года. ⁵⁰

Таким образом, часть буржуазных историков объясняла падение Робеспьера его личными ошибками (Барту) и удачной организацией заговора его противниками (Гамель, Эрико), сводя весь вопрос о предпосылках 9 термидора к личному соперничеству и придавая преувеличенное значение субъективным моментам. Либеральные историки Тьер и Олар полагали, что террор стал ненужным вследствие побед революционных армий летом 1794 года. Реформисты-социалисты (Луи Блан, Жорес), борясь политически против методов диктатуры, стремились показать, что эксцессы террора привели к его падению, а в действительности террор после 9 термидора перешел только в руки буржуазии и изменил свой классовый характер. Мысль Буонаротти, что Робеспьер погиб как защитник «дела равенства» и предшественник Г.Бабефа, развивал Лоренц Штейн и обосновывал подробно А.Матьез, но он не постигал не только буржуазной, но и вантозских декретов и не показал, что социально-экономическая политика Робеспьера была типичной для мелкой буржуазии по политикой искажая невозможной «средней линии», которая примирила бы противоположные классовые интересы. Одновременно А.Матьез и Ж.Лефевр подчеркивали и ряд других моментов для объяснения событий 9 термидора, и их концепция падения якобинцев осталась эскизической. Буржуазная историография дала детальное описание внешней обстановки событий 9 термидора, она высказала ряд верных отдельных положений, но она оказалась неспособной дать единую, глубокую и действительно научную концепцию 9 термидора. Только классики марксизма-ленинизма вскрыли глубокие корни 9 термидора. ⁵¹

Якобинская диктатура пала вследствие внутренних противоречий в условиях буржуазной революции. Эти противоречия несвойственны пролетарской диктатуре. Господство неимущих масс в Париже, захвативших на короткое время власть во время террора, не могло быть прочным, так как «пролетариат, только начинавший выделяться из общей массы неимущих в виде лишь зародыша нового класса», совершенно не был еще способен «к самостоятельному политическому действию». ⁵¹ Французская революция конца XVIII в. была, как и все буржуазные революции, «революцией меньшинства», когда политической властью обладала имущая буржуазия. Победа более радикальной партии якобинцев только упрочила то, что было достигнуто раньше буржуазией. ⁵² По словам К.Маркса, «господство террора во Франции могло послужить лишь к тому, чтобы ударами своего страшного молота стереть сразу, как по волшебству, все феодальные руины с лица Франции. Буржуазия, с ее тревожной осмотрительностью, не справилась бы с такой работой в течение десятилетий. Кровавые действия народа лишь выровняли ей, следовательно, дорогу». ⁵³ Не принадлежавшие к буржуазии слои городского населения в 1793 и в 1794 гг. выступали во Франции против буржуазии, но «они боролись только за осуществление интересов буржуазии, хотя и не на буржуазный манер. Весь французский терроризм представлял не что иное, как плебейскую манеру расправы с врагами буржуазии, абсолютизмом, феодализмом и филистерством». ⁵⁴

Карл Маркс последствия 9 термидора определял как господство буржуазии в новом буржуазном обществе. «После падения Робеспьера, — говорит он, — начинается эра прозаического осуществления политического просвещения, которое раньше хотело превзойти самого себя, которое утопало в преувеличениях. Революция освободила буржуазное общество от феодальных пут и официально признала его, как ни старался впоследствии терроризм принести это общество в жертву антично-политическому строю жизни. Но только при правительстве Директории стремительно вырывается наружу и закипает ключом настоящая жизнь буржуазного общества... Буржуазное общество находит своего положительного представителя в буржуазии. Буржуазия вступает, таким образом, на путь своего господства. Права человека перестают

существовать исключительно только в теории». ⁵⁵

В 1889 году, в столетнюю годовщину французской буржуазной революции 1789 года, Фридрих Энгельс писал: «27 июля Робеспьер пал, и началась буржуазная оргия». ⁵⁶ «Гибель Робеспьера означала, — по словам Энгельса, — победу буржуазии над пролетариатом». ⁵⁷

Фридрих Энгельс так говорит о спекулятивной буржуазии, которая господствовала после 9 термидора: «Буржуазия быстро развилась еще в процессе революции, с одной стороны, при помощи спекуляции конфискованными и затем проданными земельными владениями дворянства и церкви, и с другой — путем надувательства нации военными поставщиками. Именно господство этих спекулянтов привело в эпоху Директории Францию и революцию на край гибели и; дало вместе с тем Наполеону предлог для его государственного переворота». ⁵⁸

Ленин поражение первых буржуазных революций в Европе объяснял тем, что отсутствовал фабричный пролетариат, а «беднейшее крестьянство не было организовано, само оно с кулаками плохо боролось». ⁵⁹

Характерным для французской революции Ленин считал то, что «французский Конвент размахивался широкими мероприятиями, а для проведения их не имел должной опоры, не знал даже, на какой класс надо опираться для проведения той или иной меры». ⁶⁰ Основную причину того, что якобинская диктатура была «краткосрочной», Ленин усматривал в том, что «крестьяне, трудящиеся, мелкие хозяйчики, своей политики иметь не могут, и после ряда колебаний им приходится идти назад. Так было и в Великую французскую революцию, так было в меньшем масштабе и во всех революциях». ⁶¹ Эти слова Ленина можно отнести к противоречиям экономической политики робеспьеристов весной и летом 1794 года, когда они, с одной стороны, издавали гантозские декреты, с другой, смягчили третий максимум, идя по невозможной «средней линии».

Концепция «перерождения» якобинцев была выдвинута для объяснения причин 9 термидора теми, которые в интересах буржуазии вели борьбу с Советской властью и аналогией с французской революцией стремились показать неизбежность падения диктатуры пролетариата и невозможность построения социализма в нашей стране. Троцкисты в своей борьбе против партии стали опираться на эту устряловскую и либерально-меньшевистскую концепцию. Отмечая это, Сталин писал, что «либералы и меньшевики, сменовеховцы и всякие ренегаты твердили тогда о неизбежности перерождения нашей партии. Вы знаете, что они брали тогда примеры из области французской революции, утверждая, что большевики должны потерпеть такое же крушение, какое потерпели в свое время якобинцы во Франции. Вы знаете, что исторические аналогии с французской революцией (крушение якобинцев) являлись тогда и продолжают являться теперь основным аргументом всех и всяких меньшевиков и сменовеховцев против сохранения диктатуры и возможности строительства социализма в нашей стране». ⁶² [Рекомендуем обратиться к работам Н.Устрялова «Путь Термидора» и Т.Кондратьевой «Большевики-якобинцы и призрак Термидора» на наших сайтах. — *Vive Liberta*]

От французской буржуазной революции, которая совершилась в мануфактурный период и ликвидировала феодализм для утверждения капитализма, коренным образом отличается Великая Октябрьская социалистическая революция, которая уничтожила власть буржуазии и всякую эксплуатацию и положила начало для построения нового бесклассового, социалистического общества. По словам Сталина, «Октябрьская революция не является ни продолжением, ни завершением Великой французской революции. Целью французской революции была ликвидация феодализма для утверждения капитализма. Целью же Октябрьской революции является ликвидация капитализма для утверждения социализма». ⁶³

Противоположность между революцией конца XVIII в во Франции и Октябрьской революцией в России заключается в том, что французская (и всякая иная) буржуазная революция, освободив народ от цепей феодализма и абсолютизма, наложила на него новые цепи, цепи капитализма и буржуазной демократии, тогда как социалистическая революция в России разбила все и всякие цепи и освободила народ от всех форм эксплуатации. ⁶⁴

Общий ход классовой борьбы после девятого термидора

9 термидора 2 года республики (27 июля 1794 года) в Конвенте против Робеспьера образовался пестрый и беспринципный блок части монтаньяров («левых термидорианцев»), отозванных за злоупотребления комиссаров Конвента (экс-террористов), дантонистов и буржуазных республиканцев «болота». Но «левые термидорианцы» и, прежде всего, члены правительственных комитетов (Билло-Вареин, Колло д'Эрбуа, Барер, Вадье др.), принимавшие активное участие в свержении Робеспьера и сотрудничавшие сначала с правыми термидорианцами, позднее были устранены и сами сделались жертвой победившей реакции. «Вершина», состоявшая из монтаньяров-демократов, не поддержавших Робеспьера, но и не примирившихся с господством термидорианцев, находилась в меньшинстве и была разгромлена весной 1795 года после жерминальского выступления и прериальского восстания.

Доминирующую роль в Конвенте стали играть правые термидорианцы (бывшие дантонисты и «болото»), выразители интересов новой спекулятивной буржуазии, «новых богачей» (нуворишей), а именно: поставщиков на армию, комиссионеров, крупных покупателей национальных имуществ, торговцев-скупщиков, спекулянтов разного рода и кулацкой верхушки крестьянства. Правые термидорианцы скоро вернули в Конвент прежних жирондистов, представителей старой торгово-промышленной буржуазии, и начали вместе с ними яростную борьбу против всего, что было связано с демократической диктатурой якобинцев, не щадивших интересов богатых. Все эти элементы состоятельной старой и новой буржуазии противопоставляли себя как «благонмерных, добрых граждан» и «порядочных людей» «злонамеренным», «кровопийцам», «террористам», якобинцам и санкюлотам, т.е. тем элементам из плебейских масс и мелкой буржуазии, власть которых пала 9-го термидора и травля которых началась после 9-го термидора.

Власть после 9 термидора переходит в руки буржуазии, но буржуазная реакция, начавшаяся после 9-го термидора, не сразу захватила в свои руки массовые органы, на которых опиралась павшая революционная диктатура (Якобинский клуб, другие демократические клубы, народные общества, секции), и органы, влиявшие на создание «общественного мнения» (прессу и театр). Историю термидорианской реакции, 15 месяцев от 9 термидора (27 июля 1794 года) и до конца Конвента (26 октября 1795 года), можно разделить на три основных периода.

Первый период термидорианской контрреволюции охватывает первые четыре месяца после 9 термидора (август, сентябрь, октябрь, ноябрь 1794 года) и представляет собой первый этап борьбы буржуазных элементов за полное овладение Конвентом, правительственными комитетами, секциями. Якобинским клубом, прессой, театром и «общественным мнением». Конец диктатуры Комитета общественного спасения и переход действительной власти в руки самого Конвента, дальнейшее ослабление максимума и подготовка к его окончательной отмене, покровительство буржуазным элементам города и зажиточным элементам деревни, ограничение политической роли секций и борьба за расширение этих прав со стороны секций, населенных рабочими, ремесленниками и беднотой (кампания секции Музея и Электорального клуба), завоевание большинства секций буржуазными элементами, агония Якобинского клуба и его закрытие 1-го ноября 1794 года, наконец, процесс Карла, превращенный в процесс против якобинского террора — вот наиболее характерные моменты в истории первого периода буржуазной контрреволюции после 9 термидора.

Второй период термидорианской контрреволюции начинается с возвращения в Конвент (8-го декабря 1794 года) 67 жирондистских депутатов (из 73), арестованных в июне 1793 года, и с отмены закона о максимуме (24 декабря 1794 года). Этот период продолжается около шести месяцев, в течение которых буржуазная реакция переходит в дальнейшее решительное наступление и ведет ожесточенную травлю якобинцев, но вызывает против себя восстание парижских предместий в преиале 3 года (20—23 мая 1795 года). Продолжение экономической политики в духе экономического либерализма, дальнейшее расширение экономической свободы для буржуазии и состоятельного крестьянства, разрешение вывоза звонкой монеты за границу (декрет 2 января 1795 года), открытие бирж и легализация продажи золотой и серебряной монеты (декрет 25 апреля 1795 года), восстановление имущественных прав родственников, осужденных во время террора, смягчение законов об эмигрантах и частичное возвращение их имуществ их родственникам во Францию, — все эти мероприятия, ликвидировавшие социально-экономическое законодательство якобинского периода, привели к катастрофическому обесценению ассигнаций, необычайному росту дороговизны, разнузданной спекуляции и к голоду в Париже.

Одновременно с экономической реакцией значительно усилилась общественная и политическая реакция. В секциях, прессе и театре продолжается яростная антиякобинская кампания; в общественных местах происходит разбитие бюстов Марата и других революционеров; прах Марата удаляется из Пантеона (декрет 8 февраля 1795 года), застрельщиком этой антиякобинской и антимаратистской кампании; выступает все время золотая буржуазная молодежь, «молодые люди» (прозванные «мюскаденами»); Конвент, с одной стороны, вернул в свою среду еще 23 жирондистов (8 марта 1795 года), которые летом 1793 года подняли оружие против монтаньярского Конвента и были объявлены вне закона [От перестановки слагаемых результат **очень** изменяется: сначала жирондисты были фактически лишены депутатской неприкосновенности и удалены из Конвента под давлением вооруженных парижских секций, а уж некоторое время спустя некоторые из жирондистов участвовали в федералистском мятеже — *Vive Liberta*], а с другой — постановил арестовать и потом сослал членов прежних правительственных комитетов (Билло-Варенна, Колло д'Эрбуа, Барера и Вадье), принимавших активное участие в перевороте 9 термидора; в ряде департаментов, особенно тех, где летом 1793 года были восстания жирондистов против монтаньярского Конвента, свирепствовал кровавый белый террор, достигший своего апогея в июне 1795 года. Жерминальское движение (12 апреля 1795 года) и преиальское восстание парижских предместий и было ответом плебейских низов парижского населения на эту экономическую и общественно-политическую контрреволюцию, на эту буржуазную оргию.

Третий период термидорианской контрреволюции охватывает последние пять месяцев термидорианского Конвента (июнь, июль, август, сентябрь и октябрь 1795 года). Бешеный разгул реакции характеризует этот период, начавшийся с жестоких репрессий после прериальского восстания и закончившийся укреплением власти термидорианцев после подавления мятежа 13 вандемьера 4 года (5 октября 1795 года) парижских буржуазных секций против термидорианского Конвента. Почти полное обесценение ассигнаций, ежедневное повышение цен на продукты потребления, дальнейшие ужасы голода и массовые самоубийства не побудили, однако, термидорианцев изменить свою социально-экономическую политику и принять действительные меры к облегчению тяжелого положения нуждающихся и голодающих масс; наоборот. Конвент продолжал делать дальнейшие уступки спекулятивной буржуазии. Собственнические элементы тогда объединились вокруг Конвента, а массы в лице мелкой буржуазии, ремесленников и рабочих были разбиты и перестали играть активную политическую роль. Победы на внешнем фронте и распад враждебной Франции коалиции (Пруссия и Испания вышли из этой коалиции и заключили с Францией сепаратный мир) способствовали укреплению власти термидорианцев. Тогда Конвент, в котором создался блок правых термидорианцев и жирондистов, очищает себя от монтаньяров (не менее 60 депутатов), отменяет демократическую конституцию 1793 года и вырабатывает новую цензово-буржуазную конституцию 1795 года.

Но реакция зашла дальше того предела, переступать который было не в интересах буржуазных республиканцев, и Конвенту вскоре пришлось бороться не только со своими противниками слева, но и со своими противниками справа, с монархистами и роялистами, своими недавними союзниками в борьбе с террористами. В большинстве парижских секций безраздельно господствовали буржуазные элементы, производившие окончательную чистку секций от «террористов» и обезоруживавшие последних, в департаментах контрреволюционные банды безнаказанно убивали арестованных якобинцев; роялисты везде поднимали голову; эмигранты с помощью английского флота произвели 27 июня высадку в Кибероне, но были разбиты республиканскими войсками и захвачены в плен; наконец, буржуазные парижские секции и золотая молодежь выступили против Конвента, когда он, боясь роялистской опасности и желая обеспечить себе влияние и в дальнейшем, издал в фрюктидоре (22 и 30 августа 1795 года) дополнительные к новой конституции декреты о переизбрании в будущие палаты двух третей из его состава. Тогда Конвент качнулся влево и в союзе с разбитыми в прериале «террористами» подавил роялистский мятеж 13 вандемьера. Эта политика качелей (то против террористов, то против роялистов) характерна и для следующего периода Директории, когда у власти продолжали находиться те же самые правые термидорианцы.

1. G.Babeuf. *Tribun du peuple*, № 27, 13/X-1794, p.218.
2. Там же, № 28, 18/XII-1794, стр.243.
3. Там же, № 2, 8/I-1795, стр.263.
4. Там же, № 32, III-1795, стр.323—324; ср. № 30, 23 I 1795, стр/291—292, № 31, 28/I-1795, стр.320.
5. Там же, № 30, стр.297-298, № 32, стр.332—333. .
6. Там же, № 34, 6X 1795, стр.4, 14, 17.
7. Там же, № 38, стр.163.
8. Там же, № 35, стр.117.
9. Ф.Буонаротти. Заговор во имя равенства, т.I, стр.408—413 (1948 г.).
10. R.Levasseur. *Memoires*, t.IV, pp.10, 12—13 (1832).
11. Fr.Pages. *Histoire secrete de la revolution francaise*, t.II, p.360 (1797).
12. Thibadeau. *Memoires*, t.I, p.162 (1827).
13. *Memoires sur Carnot*, t.1, p.537, ср. p.567 (1861).
14. Neuville. *Memoires*, t.I, pp.109—111 (1888).
15. Nodier. *Souvenirs*, t.1, pp. 250—253 (1831).
16. A.Aulard. *Paris pendant la reaction thfrmidorienne*, t.1, p.342. *Rapport*, 28/XII-1794.
17. *Republican francais*, 20/III-1795, Paris, t.1, p.84.
18. Paris, t.I, p.680, *Rapport* 24/IV-1795.
19. Paris, t.II. p.151, *Rapport* 11/VIII-1795.
20. Mignet. *Histoire de la revolution francaise*, t.II, pp.70—102 (ed.1875). Thiers. *Histoire de la revolution francaise*, t.VI, pp.225—227 (13 ed.).
21. Michelet. *Histoire de la revolution francaise*, t.VI, pp.374—386, 399—400. (2 ed. 1869).
22. Buchez et Roux. *Histoire parlementaire de la revolution francaise*, t.XXXVI, pp.22—23 (1837).
23. Ф.Буонаротти. Заговор во имя равенства, т.I, стр.100—104, 160.
24. Lorenz von Stein. *Geschichte der sozialen Bewegung in Frankreich*, S.139, 443, 147, 151, 204—206, 209.

25. Louis Blanc. Histoire de la revolution francaise, ed. 1875, t. XV, pp. 314—317.
26. A.Houssaye. Notre-Dame de Thermidor. Histoire de madame Tallien, p.399 (1856).
27. Hamel. 1) Histoire de Robespierre et du coup d'Etat du 9 Thermidor, t.I—111, 1878; 2) Thermidor d'apres les sources original et documents authentiques, 1891.
28. Ch. D'Hericault. La revolution de Thermidor, Robespierre et le Comite de salut public, 2 ed. 1878 (1 ed. 1876), pp.511—512, 511.
29. А.Сорель. Европа и французская революция, т.III, стр.514, 541 и др.; т.IV, стр.101 (1892).
30. L.Madlin. La revolution, 5 ed. 1914, pp.369—384.
31. Louis Barton. Le neuf Thermidor, pp.43, 108—109, 111—113, 124—125 (1926).
32. А.Олар. Политическая история французской революции, 2-е изд., стр.546, 552—554.
33. J.Jaures. La Convention, t. II (Histoire socialiste, t. IV, p. 1817).
34. Q.Deville. Thermidor et Directoire, pp.1, 4.
35. Г.Кунов. Борьба классов и партий в французской революции, 3 изд., 1923 г., стр.602—604.
36. П.Кропоткин. Великая французская революция, изд. 1919 г., стр.505, 543— 546, 549, 558—560.
37. Н.Кареев. Роль парижских секций в перевороте 9 термидора (1914).
38. A.Mathiez. La revolution francaise, t.III, La terreur, p.217 (1928)
39. A.Mathiez. Autour de Robespierre, p.149(1926).
40. A.Mathiez. La vie chere et le mouvement social sous la terreur, p.605 (1927).
41. A.Mathiez. Le maximum des salaires et le 9 Thermidor (Annales Historiques de la revolution francaise, 1927, № 2, pp.149, 151).
42. A.Mathiez. La vie chere, pp.570—571, 539; La revolution francaise, t.III, pp.173, 175.
43. A.Mathiez. La revolution francaise, t.III, p.222. Cp. La vie chere, p.612.
44. A.Mathiez. Les decrets de ventose sur le sequestre des biens des suspects et leur application (Annales Historiques de la revolution francaise, 1928, № 3, pp.218—219); также Qirondins et Montagnards, гл.V.
45. A.Mathiez. La reaction thermidorienne, p.2 (1929).
46. A.Mathiez. Girondins et Montagnards, p.137. Cp. La vie chere, pp.612—613.
47. J.J.Rou sseau. Un contrat social, ed.1903, pp.191—192, note № 31.
48. A.Mathiez. La reaction thermidorienne, pp.3—4, 310—311.
49. G.Lefebvre. G.Guyot et Phi.Sagnac. La revolution francaise, pp.257—260 (1930).
50. G.Lefebvre. Les Thermidoriens, pp.12—13 (1937).
51. Энгельс. Развитие социализма от утопии к науке. Соч., т.XV, стр.511.
52. Энгельс. Соч., т.XV, стр.512, т.XVI, ч.2, стр.469—470.
53. К.Маркс. Морализирующая критика и критицирующая мораль. Соч., т.VI, стр.206.
54. К.Маркс. Буржуазия и контрреволюция. Соч., т.VII, стр.54—55.
55. Маркс и Энгельс. Соч., т.III, стр.151.
56. К.Маркс и Ф.Энгельс. Избранные письма, стр. 409, № 207 (ОГИЗ, 1947 г.).
57. Маркс и Энгельс. Соч., т.V. стр.28.
58. Маркс и Энгельс. Соч., т.XIV, стр.261.
59. Ленин. Соч., т.XXIII, стр. 280. (3 изд.).
60. Ленин. Соч., т.XXIV, стр.164.
61. Ленин. Соч., т.XXVI, стр.293.
62. Сталин. Троцкистская оппозиция прежде и теперь. (Сб. Об оппозиции, стр.742-743).
63. Сталин. Беседа с немецким писателем Эмилем Людвигом, стр.16. Партиздат, 1933 г.
64. Сталин, Жданов и Киров. Замечания о конспекте учебника «Новой истории». (Историк—марксист, 1936 г. № 1, стр.7).

ЧАСТЬ ВТОРАЯ. От ДЕВЯТОГО ТЕРМИДОРА к ПРЕРИАЛЮ

ГЛАВА 4. ТЕРМИДОРИАНСКИЙ КОНВЕНТ и КЛАССОВАЯ БОРЬБА в ПАРИЖСКИХ СЕКЦИЯХ в ПЕРВЫЕ МЕСЯЦЫ после ДЕВЯТОГО ТЕРМИДОРА

I. Борьба Электорального клуба против ограничения политических прав секций

В следующие за переворотом 9 термидора дни происходила чистка секций от робеспьеристов. Полиция в донесении от 31 июля 1794 года отмечала много арестов в секциях.¹ О том же говорят и протоколы секций за первые дни после 9 термидора.² На общих собраниях секций выдвигались обвинения против отдельных лиц, произносивших «мятежные речи» против Конвента или принявших командование над вооруженной силой по Назначению Коммуны.³ В секции Нераздельности, которая долго колебалась 9 термидора, хотя и имела много буржуазных элементов, ряд лиц был обвинен «как агенты и сторонники Робеспьера и как призывающие граждан к восстанию в ночь с 9 на 10».⁴ Общее собрание секции Коммуны от 2 августа указало на 7 лиц, «которые уклонились от истинных принципов в день с 9 на 10 термидора». На общем собрании секции Монтрейль от того же числа обсуждался вопрос о вредном влиянии на некоторых граждан бывших членов Генерального совета Коммуны — Бернара и Терло.⁵

Парижская коммуна прекратила свое существование, а муниципальное управление Парижа было поручено декретом 31 августа 1794 года (14 фрюктидора 2 г.) разным комиссиям центральной власти, в частности Комиссии полиции. Свидетельства о цизмизме (гражданской благонадежности) должны были по-прежнему выдаваться секциями и визироваться революционными комитетами.⁶ Декретом 6 августа 1794 года (19 термидора 2 г.) уничтожались должности главнокомандующего и легионных командиров национальной гвардии. Командование парижской национальной гвардией, равно как жандармерией и другими войсками в Париже, поручалось штабу из 5 лиц, выбираемых по жребию на 5 дней из командиров национальной гвардии каждой секции. Этот штаб был теперь поставлен в непосредственную зависимость от Конвента, а секции лишались права располагать своей вооруженной силой.⁷

В дальнейшем секции становятся ареной острой классовой борьбы между революционно-демократическими элементами, господствовавшими в секциях до 9 термидора, и умеренными, буржуазными элементами, пытавшимися снова подчинить секции своему руководству. Первые выступления в секциях правых элементов после 9 термидора были связаны с кампанией за выпуск из тюрем арестованных в качестве подозрительных. Уже 10 термидора Конвент декретировал, чтобы все власти без промедления занялись разбором дел арестованных как подозрительные.⁸ 1 августа 1794 года (14 термидора 2 г.) был отменен закон 10 июня 1794 года (22 прериала 2 г.) о терроре, предложенный Кутоном и Робеспьером.⁹ Как поняли буржуазные элементы переворот термидора и последующие постановления Конвента, видно, например, из следующего донесения революционного комитета секции Тюильри Комитету общественной безопасности от 3 августа 1794 года (16 термидора 2 г.): «Мы сообщаем вам, граждане представители, о том, что аристократия хочет извлечь для себя выгоды из славной революции с 9 на 10 термидора. Вчера на общем собрании секции люди, полагающие, что одновременно с тираном покончено и с революционным правлением, осмелились предложить освобождение всех заключенных аристократов нашей секции. Это предложение, будучи принято, усилило бы их дерзость, но торжеству аристократии помешали твердость и старания патриотов, проводивших постановление о переходе к порядку дня. Эти коварные люди, желающие восстановить аристократию и роялизм, раньше лицемерили, восхваляя революционное правление, прикидываясь патриотами, чтобы нас обмануть, и ожидая этого момента. Патриоты с трудом получали слово, их открыто называли лакеями Робеспьера».¹⁰

3 августа в Конвент явились делегации от секций Монмартрского предместья и Елисейских полей, прося об освобождении некоторых арестованных. По этому поводу термидорианец Гупилло де Фонтаней указывал Конвенту на выступления в секциях аристократов, родственников заключенных, против революционных комитетов и заявил, что Комитет общественной безопасности будет отпускать на свободу тех, патриотизм и невинность которых будут доказаны. Барер, выступая от имени Комитета общественного спасения относительно выпуска из тюрем невинно арестованных патриотов, предостерегал в то же время против аристократов и контрреволюционеров, стремящихся использовать падение Робеспьера для борьбы с революционным правлением: «Пусть признанные враги республики, — говорил он, — не надеются на успех! Эта революция всецело для свободы; свергли нового тирана не для того, чтобы поддерживать друзей старой тирании... Патриоты хотят прекратить несправедливость, а контрреволюционеры хотят разбить орудия национальной власти».¹¹

Через 2 дня Барер снова выступил за сохранение революционных учреждений, говоря: «Допустите, чтобы аристократия разрушила одно республиканское учреждение, завтра она потребует уничтожения слова «республика». Не доверяя секциям, он предложил тогда изъять из их ведения национальную гвардию, соответствующий декрет о чем от 6 августа отмечен выше. На заседании Конвента от 5 августа прошло предложение бывшего дантониста Бурдона из Уазы об освобождении из тюрем арестованных, причины ареста которых не отмечены в законе 17 сентября 1793 года о подозрительных. Кроме того декрет 18 термидора 2 года предписывал сообщать арестованным или их родственникам и друзьям мотивы ареста. Термидорианцы не давали при этом говорить якобинцу Файо, который выступал против сообщения мотивов ареста и говорил: «Конвент без сомнения не думает, что все аристократы наказаны и что все заключенные невинны». В ответ ему вождь правых термидорианцев Тальен заявил: «В ночь с 9 на 10 термидора мы завоевали нашу свободу, нужно, чтобы народ ею наслаждался». Суровые меры он рекомендовал по отношению к остаткам низвергнутой фракции, а пока призывал к единству всех тех, кто свалил «тирана», чтобы на развалинах старой тирании не появилась новая.¹²

Вопрос об освобождении заключенных был в секциях предметом шумных дискуссий.¹³ 25 термидора на общее собрание секции Друзей отечества явились граждане с требованием об освобождении их мужей, но большинство собрания не захотело их выслушать.¹⁴ По сообщениям газет и полицейских донесений, перед воротами тюрем собиралось много «добрых граждан», чтобы приветствовать выпускаемых на свободу.¹⁵ В Париже происходило массовое освобождение из тюрем. С дозволения бывших дантонистов Лежандра и Бурдона из Уазы заключенных выпускали группами по 50—60 человек.¹⁶ 5 августа 1794 года в тюрьмах Парижа было заключенных 7771, через 5 дней число их уменьшилось до 7295, через 2 месяца в тюрьмах осталось 4668, а в начале ноября 4208.¹⁷ Это уменьшение количества заключенных продолжалось и далее: по официальным данным в Париже числилось на 17 апреля 1795 года 2338 заключенных, на 25 апреля — 2302 и на 4 мая — 2152.¹⁸ Во всей Франции до 9 термидора было по тем же данным 80 тысяч заключенных, а через год, в 20-х числах июля 1795 года, 30 тысяч, среди которых было очень много «террористов», арестованных после перриальского восстания.¹⁹

При массовом освобождении из тюрем выходили и контрреволюционеры, что вынуждены были признать даже правые и монархически настроенные журналисты. Так, один из них, Дюссо, писал: «Двери тюрем были скорее разбиты, чем открыты. Невинные выходили из них толпами, но некоторые виновные воспользовались этой поспешностью».²⁰ Против правых элементов в секциях выступил 9 августа в Конвенте не только Барер, но и Тальен: Барер разразился угрозами по адресу «неисправимой аристократии», которая связывает с днем 9 термидора преступные надежды и возбуждает граждан против революционных учреждений; Тальен, поддерживая его, указывал, что 7 августа (20 термидора) во многих секциях аристократия пыталась поднять голову.²¹ Но при дальнейшем обсуждении в Конвенте вопроса о выпуске на свободу арестованных при терроре правые термидорианцы выступили с открытым забралом против своих временных левых союзников. На заседании 13 августа один из самых грубых термидорианцев — Мерлен из Тионвиля — заявил в духе консервативных элементов в секциях: «Не следует делать что-либо наполовину, а мы должны сознаться, что Конвент многие вещи сделал наполовину. Если среди нас еще находятся тираны, они должны по крайней мере молчать».²²

В связи с кампанией за выпуск из тюрем арестованных в секциях развивалась кампания против членов революционных комитетов, которые были одним из орудий революционного террора. По донесению полиции от 12 августа 1794 года, в группах велась агитация за обновление революционных комитетов секций.²³ На общем собрании одной из секций Сент-Антуанского предместья — секции Монтрейль — 12 августа 1794 года (25 термидора 2 г.) граждане объявили, что члены революционного комитета секции утратили их доверие и что они отправятся 26 термидора сообщить об этом Конвенту.²⁴ Действительно на заседании Конвента 13 августа депутация от секции Монтрейль обвиняла членов своего революционного комитета в злоупотреблениях при арестах. Из прений по этому поводу видно, что кампания против членов революционных комитетов захватила и демократические секции, в частности революционные секции предместий. Депутат Бодо указывал на то, что аристократия стремится обратить в свою пользу «нашу победу над последними заговорщиками». Теллер пер, поддерживая Бодо, отмечал агитацию аристократов на общих собраниях секций 25 термидора.

Вадье в своей речи говорил: «Верно, что многие секции Парижа возбуждены, и я наблюдаю, что выбрали для поддержания этих полнейших именно секции, составленные в большинстве из санкюлотов, те секции, которые все время наилучшим образом проявляли свой патриотизм. Причина этого предпочтения заключалась в том, что аристократия полагала, что она лучше замаскируется, захватив органы этих секций, и что таким образом она скорее сможет ввести в заблуждение и обмануть доверие граждан... Я назову вам секцию Французского театра. Нельзя подозревать ее в аристократизме, так как она насчитывает в числе своих членов часть граждан предместья Марсо. По проискам некоторых заключенных эта секция постановила, что революционный комитет утратил ее доверие. Секция Общественного договора приняла подобное же постановление, больше того — она назначила комиссаров для наблюдения за ведением протоколов своего революционного комитета. Таким образом, аристократия стремится овладеть всяким патриотическим движением».²⁵

Агитация против революционных комитетов продолжалась и на общих собраниях секций 17 августа (30 термидора), причем особенно яростный характер она приняла в таких буржуазных секциях, как секция Лепелетье. Полиция так характеризовала собрания секций в последнюю декаду термидора: «Собрания некоторых секций были очень шумны, а именно собрание секции Лепелетье, где члены революционного комитета обвиняли друг друга. Председатель был вынужден несколько раз закрывать собрание».²⁶ Через 3 дня Конвент приступил к обсуждению проекта декрета о реорганизации революционных комитетов, который стал законом 24 августа 1794 года (7 фрюктидора 2 г.).

Согласно декрету 24 августа 1794 года Париж делился на 19 округов по 4 секции в каждом, причем почти все округа объединяли одновременно и буржуазные секции, и соседние демократические.²⁷ Вместо 48 революционных комитетов секций теперь учреждалось 12 революционных комитетов, по одному на округ. Каждый революционный комитет состоял из 12 членов, которые должны были иметь не менее 25 лет и уметь читать и писать. Новые революционные комитеты были поставлены в непосредственную зависимость не от секций, а от Комитета общественного спасения, которому и поручено было образовать их и заботиться об их обновлении. Чтобы еще более подорвать независимость новых окружных комитетов, было проведено постановление о смене через каждые 3 месяца по жребию членов этих комитетов. Только через трехмесячный промежуток можно было быть снова членом революционного комитета.

В течение 24 часов революционные комитеты обязаны были допросить граждан, привлекаемых к суду, и в тот же срок сообщить Комитету общественной безопасности о мотивах ареста и о документальных основаниях для него. Мандаты на арест должны были быть подписаны 7 членами комитета. В течение 3 дней арестованным должны были быть показаны копии мандатов на арест и сообщены мотивы ареста.

Этими постановлениями Конвент стремился ограничить деятельность новых революционных комитетов относительно арестов. Новые комитеты были образованы 19—20 сентября 1794 года, т. е. в конце 2 года республики.²⁸ Не имея такой тесной связи с секциями, как прежние революционные комитеты секций, новые революционные комитеты округов сами отказались от визирования свидетельств о цивилизме, поручив передать это гражданским комитетам секций, лучше знающим своих сограждан. Конвент согласился с этим и декретом 5 октября 1794 года (14 вандемьера 3 г.) поручил выдачу свидетельств о цивилизме (гражданской благонадежности) в Париже исключительно гражданским комитетам секций.²⁹

Об антиякобинском характере новых революционных комитетов округов свидетельствует, например, такой факт, сообщенный на заседании Якобинского клуба 30 сентября 1794 года. Новый революционный комитет первого округа, помещавшийся в секции Тюильри, отказался задержать одного «господина», клеветнически обвинявшего якобинцев в контрреволюции. Задержание произвел комиссар полиции, говоривший, что подобных случаев много. «Этот комитет, — указывалось в Якобинском клубе, — наполнен господами в черных сюртуках и париках. Они отвесили, что дела якобинцев их не касаются и что они заботятся лишь о защите Конвента».³⁰

Стремясь дать перевес в секциях состоятельным элементам, бывший дантонист Бурдон из Уазы предложил на заседании Конвента 21 августа (4 фрюктидора) отменить декрет 5 сентября 1793 года о вознаграждении в 40 су неимущим за посещение заседаний секций. Классовому предпочтению одних перед другими он противопоставлял формальное равенство, определенно защищая интересы имущих и говоря о классовом мире. «Кто, — спрашивал он, — сыграл решающую роль в движении за Конвент с 9 на 10 термидора?» И отвечал: «Мы не скрываем: это — промежуточный класс, т.е. начиная с людей, живущих от своего дохода, и кончая теми, кто живет от своего ежедневного труда. Все граждане равны; все должны одинаково пользоваться своими правами. Благо отечества требует от нас немедленной отмены этого декрета, и я уверен, что мы потом увидим, что в городе и среди нас будет царить мир». (Аплодисменты).

Камбон поддерживал предложение Бурдона из Уазы с финансовой точки зрения, указывая при сочувствии Конвента на злоупотребления с оплатой вознаграждения за посещение собраний секций.³¹ Другой бывший дантонист, Тюрио, прямо нападал на тех, кто господствовал в секциях, пользуясь декретом 5 сентября 1793 года, и предложил в целях уменьшения значения секций ограничить их общие собрания вместо двух одним днем на декаду. Конвент принял оба сделанные предложения, отменив декретом 21 августа 1794 года вознаграждение в 40 су за посещение заседаний секций и предписав созывать общие собрания секций только по декадам.³² Полиция в своих донесениях указывала, что только «дурные» граждане жалуются на декрет, отменявший вознаграждение в 40 су и уменьшающий число заседаний секций до одного на декаду, но масса аплодирует «этому энергичному декрету».³³

Протесты против политики ограничения роли секций исходили от секций, где сохранились элементы, сочувствовавшие бешеным и эбертистам. Застрельщицей движения против назначения муниципальных чиновников и в пользу избрания народом своих магистратов выступила секция Музея. В ней жил Бабеф, и председателем ее был эбертист Легре, который, будучи членом революционного комитета секции и в согласии с другими его членами, выступил против революционного правления после разгрома эбертистов и накануне 9 термидора. Он был арестован 20 июля 1794 года (2 термидора 2г.), и от эшафота его спасло происшедшее через неделю падение робеспьеристов. С секцией Музея была связана и деятельность Электорального клуба, в работе которого, кроме названного Легре, принимали участие Бабеф, Жан Варле [материалы о Варле <http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref1.htm#varlet>] и их друг — гравер Бодсон. Борьба секции Музея и Электорального клуба против революционного правления и террора, за избрание магистратов народом и за свободу прессы была продолжением борьбы, которую вели раньше бешеные, а потом эбертисты против революционного правления и за введение в действие конституции 1793 года.³⁴

17 августа 1794 года (30 термидора 2 г.), т.е. всего через 2 декады после свержения Робеспьера, секция Музея приняла адрес, в котором излагала свое понимание «революции» с 9 на 10 термидора, направленной против тех, кто «осмелился предложить безнравственные или кровавые законы, отнять у народа его избирательные права и занять общественные должности, выборы на которые принадлежат исключительно народу». Бабеф, перепечатавая позднее, 27 сентября 1794 года (6 вандемьера 3 г.), в № 18 своего «Журнала свободы печати» этот адрес секции Музея и солидаризуясь с ним, выражал свое разочарование в «так называемой революции 10 термидора», которая «отнюдь не покончила с тираническим управлением, только перешедшим в другие руки... Оказалось, что пользуются событиями 9 и 10 термидора для того, чтобы нанести окончательный удар свободе парижского народа, отнимая у него его муниципальную организацию».³⁵ По мнению Бабефа, день 9 термидора не был «истинной революцией», так как он не покончил с системой Робеспьера;³⁶ революция 9 термидора осталась незаконченной: она только уничтожила некоторых тиранов, тогда как нужно покончить с самой тиранией.³⁷ «Нельзя скрывать, — писал Бабеф 22 сентября 1794 года (1 вандемьера 3 г.), — что теперь в республике существуют две партии, высказавшиеся: одна — в пользу удержания правления Робеспьера, другая — за восстановление правления, опирающегося исключительно на вечные права человека, признанные нашей прекрасной конституцией. Мы откровенно признали себя сторонниками последней партии. Очень серьезная, даже решительная борьба за свободу должна, по-видимому, немедленно начаться между нашими противниками и нами». Себя Бабеф называет сторонником «партии защитников прав человека», к которой принадлежат все противники тирании, диктаторов, деспотов, децемвиров.³⁸

28 сентября (7 фрюктидора) депутация от Электорального клуба снова безуспешно пыталась добиться от Конвента освобождения Варле и Бодсона, арестованных только за свободное выражение своих мнений в петиции, представленной в Конвент, и просила отменить постановление 8 сентября об очищении клубом здания епископства.⁴⁹ В тот же день вечером клубом был принят текст повой петиции, которую он разослал с комиссарами во все секции с предложением присоединиться к ней. На другой день в помещении клуба был произведен разгром.

1 октября (10 вандемьера) Электоральный клуб представил в Конвент новую петицию, указывая в то же время на солидарность с петицией многих граждан Парижа. Петиция требовала от Конвента восстановления Парижской коммуны, выборов гражданами своих магистратов, двух заседаний для секций в декаду и большей свободы для торговли. «Верните народу, — говорилось в петиции, — его права во всей полноте и наибольшую свободу для торговли... Верните Парижу два заседания секций в декаду, которые едва достаточны для пекущих вопросов. Верните ему муниципалитет. Законодатели, вы не допустите, чтобы только одна Коммуна Парижа была лишена своих магистратов... Пусть суровые законы покарают всех тех, кто хотел бы вредить общему благу; особенно пусть не дозволяют никакого вывоза съестных припасов из республики. Этот закон, возбуждающий тревогу, безнравственный и опасный... Поставьте права человека в порядок дня, после природы они являются вашим творением, вы поклялись соблюдать их, вы пригласили всех французов принести клятву верности этим правам».

Президент Собрания ответил, что Конвент сохранит революционное правление. Петиция снова была отослана в Комитет общественной безопасности, равно как и ряд других петиций, о которых глухо упоминает отчет «Монитёра».⁵⁰ Бабеф, опубликовав в тот же день петицию в «Журнале свободы печати», солидаризовался со всеми отмеченными ее пунктами, кроме требования большей свободы для торговли.⁵¹

Петиция Электорального клуба была действительно поддержана многими секциями. По сообщению полиции, большая часть секций приняла 1 октября постановление отправиться в Конвент и требовать от него восстановления двух заседаний в декаду, мер для оживления торговли и особенно мероприятий, которые могли бы успокоить насчет недостатка продуктов. Ропот среди рабочих и бедноты предместий на недостаток и дороговизну съестных припасов не прекращался, но иллюзии относительно Конвента еще не были изжиты.⁵² 2 октября, по донесению той же полиции, многие секции представили в Конвент петиции, домогаясь собраний 1 раз в пентаду (пятидневку), наказания изменников и мер для обеспечения торговли и продовольствия.⁵³ Отчет «Монитёра» о заседании Конвента 2 октября говорит о двух секциях — Музея и Революционной, — что они заявили о своем присоединении к петиции Электорального клуба, и кроме того, коротко упоминает, что еще некоторые секции требовали двух заседаний в декаду.⁵⁴ «Журнал Перле» от 6 октября называет 12 секций, которые присоединились к петиции Электорального клуба: Республики, Музея, Сите, Пантеона, Монмартрского предместья, Ломбара, Арена, Коммуны, Гравилье, Кенз-Вен, Монтрейль и Революционную. Одновременно газета сообщает, что Электоральный клуб перенес свои заседания в зал общих собраний секции Музея). Бабеф в № 23 «Трибуна народа» от 5 октября перечисляет 11 из названных секций, кроме секции Коммуны, и кроме того еще 6 следующих секций: Тампля, Арсенала, Бон-Нувель, Северного предместья, Рынка и Монблана. Но сообщение Бабефа о последних 6 секциях нуждается еще в подтверждении со стороны других источников.⁵⁶ Во всяком случае не менее 12 секций определенно высказались за петицию Электорального клуба, и это были преимущественно секции, населенные беднотой, а именно: демократическая секция Республики и 7 секций со значительным ремесленно-рабочим населением — Музея, Монмартрского предместья, Монтрейль, Кенз-Вен, Пантеона, Гравилье и Бон-Нувель, причем последние 3 секции выступали раньше на стороне бешеных эбертистов. Что же касается 4 секций со значительным (Арси и Ломбар) или преобладающим буржуазным населением (Сите и Революционная), то нужно иметь в виду наличие в них и бедноты и предшествовавшее влияние эбертистов в первых трех из них.⁵⁷

Электоральный клуб, перенесший свои заседания в зал общих собраний секции Музея, не прекращал однако своей агитации против революционного правления и продолжал поддерживать связь с арестованным Варле и журналом Бабефа, на что не раз указывали правотермидорианские газеты.⁵⁸ 12 октября был арестован председатель клуба Легре, а 24 октября аресту подверглись Бабеф, новый председатель и секретарь клуба, причем на бумаги последнего были наложены печати. Мерлен из Тионвиля, сообщая об этом 26 октября Конвенту, указывал в качестве причины ареста на клеветническую речь Бабефа против Национального конвента и на напечатание этой речи по постановлению клуба. Речь шла о № 27 «Трибуна народа» от 13 октября, где Бабеф выступил с резкими нападениями на Конвент.⁵⁹

После этих репрессий заседания Электорального клуба в секции Музея продолжались еще недели 4 и прекратились лишь через декаду после закрытия 11 ноября Якобинского клуба. Конвент сделался уже общим врагом для Якобинского и Электорального клубов, и на заседании Электорального клуба 29 октября один гражданин заявил, что когда гильотинировали коммуну, гильотинировали лучших патриотов.⁶⁰ 10 ноября, т.е. накануне разгона Якобинского клуба золотой молодежью, газета «Наблюдатель» сообщала о продолжающихся заседаниях Электорального клуба и о подготовке там петиции Конвенту против тех, кто стремится закрыть их общество.⁶¹ После закрытия Якобинского клуба антиякобинские газеты призывали к закрытию и Электорального клуба, донося, что якобинцы находят в этом клубе прибежище, продолжая там свои заседания.⁶² В одной статье, помещенной в «Монитёре» от 13 ноября, сообщалось о продолжающихся заседаниях Электорального клуба в секции Музея и о заполнении трибун клуба женщинами, которые меняют свои мнения и ищут руководства, но остаются постоянными в своей любви к свободе.⁶³ По донесению полиции от 18 ноября, на заседании Электорального клуба жаловались на преследования патриотов, на их аресты и на подкуп журналистов.⁶⁴ Последние сообщения газет об Электоральном клубе от 23—24 ноября говорит об отказе секции Музея Электоральному клубу в зале для заседаний.⁶⁵

Таким образом, было покончено с одним очагом агитации, которая велась за выборные права секций и улучшение материального положения страдающих от нужды, находила сочувствие среди бедноты и вдохновлялась противниками Робеспьера, но обратилась против Конвента, вставшего на путь буржуазной реакции.

© Vive Liberta 2007

II. Якобинский клуб и парижские секции осенью 1794 года

Параллельно с агитацией против революционного правления, которую вели в секциях секция Музея и Электоральный клуб. Якобинский клуб развивает в сентябре 1794 года агитацию за революционное правление, вовлекая в это движение и секции. Исходным пунктом этой агитации явился адрес народного общества г. Дижона, зачитанный 5 сентября в Конвенте, а вечером того же дня и в Якобинском клубе. Последний постановил разослать этот адрес по армиям, всем народным обществам и секциям. Адрес Дижона требовал немедленной организации по всем дистриктам революционных комитетов, ареста ими подозрительных согласно закону 17 сентября 1793 года, ограничения свободы печати, борьбы с модерантизмом и устранения от общественных должностей бывших дворян и священников.⁶⁶

В сентябре и в октябре в Конвент и в Якобинский клуб являются делегации от секций и высказываются за или против этого адреса Дижона. В то же время секции выступали на защиту народных обществ, поход против которых открыли правые термидорианцы. 17 сентября несколько делегаций от секций явились в Конвент и в Якобинский клуб, высказываясь там в духе адреса Дижона. В Конвенте выступали делегации от секций Тюильри и Бонконсейль. Делегация от буржуазной секции Тюильри, где, очевидно, правые элементы еще не одержали победы, предлагала Конвенту наказать федералистов, аристократов и расточителей общественных денег и оказать покровительство патриотам и народным обществам. «Роялизм и федерализм, — говорила делегация, — осмеливаются дерзко поднимать голову; проповедуется система модерантизма; открыто говорят о роспуске народных обществ. После того, как роспуск народных обществ будет произведен, эти самые люди пойдут гораздо далее: скоро они не замедлят напасть на национальное представительство»⁶⁷). Мелкобуржуазная секция Бонконсейль высказывалась за сохранение народных обществ, за освобождение патриотов и за выполнение закона о подозрительных. Наоборот, секция Гравилье, главная опора бешеных, выступила, как мы видели выше, на том же заседании Конвента против террора и адреса Дижона и за петицию Электорального клуба.⁶⁸

В тот же день деputationи от тех же 2-х секций — Тюильри и Бонконсейль — и еще от 4 секций — Горы, Финистер, Шалье и Монблана — заявили в Якобинском клубе о присоединении к адресу Дижона и о своем возмущении антиякобинскими памфлетами, которые тогда во множестве распространялись в Париже. Из речей деputationей видно, что в секциях шла ожесточенная борьба за и против якобинцев. Наиболее умеренным языком говорила деputation от буржуазной секции Горы, призывавшая к защите республики и называвшая «истинных якобинцев» душою республики. Демократическая секция Бонконсейль огласила свой адрес, зачитанный в Конвенте, и в ответ деputationи президент клуба заявил, что «модерантизм является открытой дорогой к роялизму, а свобода печати — бесчестным оружием, при помощи которого хотят вернуть роялизм». По сообщению одного из членов общества, к адресу Дижона присоединилась и секция Гренельского фонтана.⁶⁹ Нужно отметить, что секции Горы и Гренельского фонтана, где было много буржуазных элементов, считали для себя более приемлемым адрес Дижона, чем адрес секции Музея, который они отвергли. Яростно нападая на попытки Якобинского клуба опереться на секции в тот момент, когда против него началась травля, антиякобинский «Вечерний вестник» писал об агитации в секциях продолжателей Робеспьера. Цель агитации, по словам газеты, в том, чтобы «устроить суд над революцией 9 термидора и восстановить систему преследования и террора против граждан».⁷⁰

Против адреса Дижона высказалась 22 сентября в Конвенте деputationи одной из секций южных предместий — Пантеона, которая позднее, 1 октября, заявила о своем присоединении к петиции Электорального клуба. Эта секция, где в марте 1794 года были сторонники Эбера, теперь осуждала террор и мятежную робеспьеристскую Коммуну и признавала национальное представительство единственным центром объединения, но осторожно упоминала и о том, что Декларация прав всегда была знаменем для секции Пантеона. В то же время деputationи сообщала, что представители секции Единства и особенно Шалье настойчиво стремились добиться от секции Пантеона присоединения к адресу Дижона. О борьбе в секции Пантеона в связи с адресом Дижона сообщала и деputationи секции Шалье на заседании Якобинского клуба 17 сентября.⁷¹ Из позднейших выступлений секций в Конвенте видно, что к адресу Дижона присоединились одно время и секции Арси и Бон-Нувель, но они же высказывались и за петицию Электорального клуба и меняли свою позицию, а 12 и 15 октября, как мы видим ниже, отказались вместе с секцией Монблан от своих первоначальных резолюций.

Неотчетливость классовой позиции некоторых секций объясняется смешанным составом их населения и борьбою этих разнородных элементов. Для буржуазных секций, например, для секции Тампля, адрес Дижона был непримлем, как «террористический», но часть секций с преобладающим (Тюильри и Единства) или со значительным буржуазным населением (Гренельского фонтана и Арси) присоединилась к адресу Дижона. Это свидетельствует и том, что в этих секциях правые элементы еще не одержали верх. Из мелкобуржуазных секций особенно агитировали за адрес Дижона секции Бонконсейль и Шалье. Большинство секций со значительным ремесленно-рабочим населением определенно тяготело к адресу секции Музея и к петиции Электорального клуба, но часть из них (Финистер, Бон-Нувель и Монблан) одобрила адрес Дижона, причем позиция последних двух секций (Бон-Нувель и Монблан), которые по характеру своему приближались к секциям мелкобуржуазным, не отличалась устойчивостью.

К октябрю 1794 года в секциях сильно обострилась антиякобинская кампания. На собраниях 1 октября в буржуазных секциях происходила яростная борьба между членами революционных комитетов и «порядочными гражданами». О такой борьбе в секции Вильгельма Телля сообщал на заседании Конвента 3 октября Мерлен из Тионвиля. Выступавший после него депутат Лапорт указывал под аплодисменты на то, что «в Париже, как и во всех крупных городах, существует каста привилегированных людей, которые считают патриотами исключительно себя и называют аристократами всех тех, кто не получил свидетельства о цивилизме во время их оргии». Лапорт призывал к ограждению «добрых граждан» от подавления «злодеями» и к проведению «демаркационной линии между добрыми и дурными должностными лицами».⁷² 3 октября в Конвент явилась деputationи от секции Лепелетье, обвинявшая одного из бывших членов революционного трибунала Кретьена в том, что он возбуждал беспорядки в секции и не покинул якобинцев 8 и 9 термидора. Конвент постановил арестовать Кретьена.⁷³

Серьезная опасность, начавшая угрожать существованию Якобинского клуба и народных обществ, побудила ряд секции послать 21 октября депутации в Якобинский клуб с заявлением о поддержке клуба. В секциях в защиту Якобинского клуба выступал монтаньярский депутат и редактор газеты «Всеобщий журнал» Одуен (Audouin), и согласие с его речью выразила не только демократическая секция северных предместий Пуассоньер, но и буржуазная секция Горы обещала поддержать Якобинский клуб и Конвент также депутация от буржуазной секции Лепелетье, которая, по-видимому, возлагала еще надежды на победу в Якобинском клубе правого крыла. Отмечая, что одни и те же презренные члены были не только в якобинском обществе, но и в самом Конвенте, депутация от этой секции заявила: «Секция Лепелетье уполномочила нас выразить вам свою преданность принципам, которые исповедуете вы».

В Якобинский клуб явились 2 октября депутации даже от 2 секций — Республики и Бон-Нувель, присоединившихся к петиции Электорального клуба. Секция Республики заявила, что существование якобинского общества является «одним из священнейших прав народа», а секция Бон-Нувель сообщала о сожжении ею одного из антиякобинских памфлетов, об отпоре, данном на общем собрании секции одному гражданину, осмелившемуся внести предложение о роспуске якобинского общества, и наконец об отказе, от своего постановления от 16 сентября 30 фрюктидора, которым секция отвергла адрес Дижона.

Вполне в якобинском духе говорила, однако, лишь прежде робеспьеристская секция Пик. Оратор депутации от этой секции прочел сначала адрес секции Конвенту против антиякобинских памфлетов, наводивших улицы Парижа. Этот адрес был представлен утром того же дня Конвенту и встретил там холодный прием.⁷⁴ В дальнейшей своей речи оратор говорил: «Поднимаются тучи против вашего существования или скорее против республиканских принципов, но преступление будет скоро наказано... Будьте всегда тверды, никогда не вступайте в сделку, произведите среди себя чистку, если это необходимо... Здесь нужно видеть только маратистов, добродетельных друзей Конвента. Далекие от того, чтобы соперничать с ним, вы создадите оплот для его доблести и энергии. При этом условии секция Пик хочет побрататься с этим знаменитым обществом, которое презирает все опасности, все бури и которому потомство воздаст должное, хотя оно имеет полное право ожидать признания заслуг и от своих современников».⁷⁵

Но в некоторых мелкобуржуазных секциях победили уже противники якобинцев, выдвигавшие лозунг поддержки только Конвента. Такую горячую поддержку обещала Конвенту 4 октября секция Соединения, сообщая в то же время о собранных секцией на патриотические цели деньгах. Конвент принял депутацию очень благосклонно, а президент собрания Андре Дюмон призывал к дальнейшей борьбе с «агентами тирана» (т.е. Робеспьера), агитирующими в секциях.⁷⁶

Электоральный клуб предпринял с своей стороны попытку создать общинный фронт против буржуазной реакции.

8 октября депутация от Электорального клуба явилась в Якобинский клуб, зачитала свой адрес к Конвенту и призывала к единению против клеветников и врагов народных обществ. Но ораторы Якобинского клуба заявляли, что якобинцы являются сторонниками революционного правления и не хотят вмешиваться в отношения между Конвентом и Электоральным клубом. Якобинский клуб не откликнулся на призыв Электорального клуба и перешел к порядку дня.⁷⁷ Рознь между Якобинским и Электоральным клубами и раскол между секциями, из которых часть высказалась за адрес Дижона, а часть за адрес секции Музея и петицию Электорального клуба, облегчили победу буржуазной реакции. Вскоре термидорианскому Конвенту, опиравшемуся прежде всего на буржуазные секции, удалось повести за собою и большинство мелкобуржуазных секций.

9 октября 1794 года (18 вандемьера 3 г.) Конвент принял адрес к французскому народу, в котором призывал всех ради спасения республики сплотиться вокруг Конвента. Адрес был направлен как против роялистов, так особенно против якобинцев и сторонников доктрины Бабефа, Варле и Электорального клуба; против всех агитаторов, возвышающих голос более громко, чем национальное представительство, против прикидывающихся друзьями народа и стремящихся к господству, против говорящих беспрестанно о правах народа, о крови и об эшафотах. Провозглашая собственность священной, Конвент отвергал системы, «продиктованные безнравственностью и леностью», и призывал закончить революцию: «Не упускайте из виду, — говорилось в адресе, — что если быстрое и насильственное движение необходимо, чтобы совершить революцию, то спокойствие и благоразумие должны ее завершить... Нужно, чтобы после стольких бурь наступило спокойствие. Корабль республики, потрепанный столько раз штормом, пристаёт уже к берегу; остерегайтесь оттолкнуть его на подводные камни».⁷⁸

Через несколько дней, 12, 14 и 15 октября, в Конвент явились делегации от ряда секций, чтобы заявить о своей солидарности с адресом Конвента, о своей верности национальному представительству и о ненависти к его хулителям. Делегации в Конвент послали более 11 секций, из которых в «Монитёре» названы 3 буржуазные секции (Лепелетье, Арсенала и Елисейских полей), 4 секции со значительным составом буржуазных элементов (Вооруженного человека, Муция Сцевола, Нераздельности и Арси), одна мелкобуржуазная секция Хлебного рынка и 3 наиболее умеренных из секций со значительным ремесленно-рабочим населением (Монблан, Попинкур и Бон-Нувель). Из названных секций секция Лепелетье посылала недавно делегацию в Якобинский клуб. Секция Монблан высказывалась за адрес Дижона, а секции Арси и Бон-Нувель присоединялись то к петиции Электорального клуба, то к адресу Дижона.

12 октября Конвент благодарил за адрес делегации от 9 секций, из которых секции Лепелетье и Монблан явились в полном составе (en masse), и революционные комитеты 2-х округов — второго (секции Горы, Лепелетье, Монблан и Монмартр) и девятого (секции Арсенала, Коммуны, Сите и Братства). В ярко антиякобинском и антидемократическом духе была речь оратора крупнобуржуазной секции Лепелетье, выступившей через год, 5 октября 1795 года (13 вандемьера 2 г.), во главе буржуазных секций против термидорианского Конвента. «Граждане представители, — говорил этот оратор, — граждане секции Лепелетье могут, наконец, свободно придти к вам, чтобы выразить свои желания, и на этот раз высокий порыв признательности народа не будет подавлен. Секция Лепелетье свергла невыносимое иго неистовых анархистов. Война на смерть тиранам, плутам, мошенникам, аристократам, людям крови. Граждане представители, не сомневайтесь, это жестокие люди, заставляющие бледнеть природу, приходят требовать от вас возвращения к террору... Когда вы свалили Капета и Робеспьера, это свобода убила террор, а когда вы теперь поражаете продолжателей Робеспьера, это террор падает под ударами свободы.

«Граждане представители, мы обращаем ваше внимание на теперешний состав комитетов секций; там находится много зачинщиков и интриганов. Народ часто имеет повод жаловаться на то, каким образом принимают его в этих комитетах лица, занимающие эти места с начала революции и усвоившие привычку править аристократически. Вследствие этого мы просим вас сменять этих должностных лиц так часто, как ваша мудрость сочтет это нужным. Граждане представители, мы закончим, благодаря вас за адрес, с которым вы только что обратились к французскому народу. Мы слышали вчера его чтение и мы признали в нем наши собственные чувства и вечные принципы истины, справедливости и любви к отечеству». Речь эта часто прерывалась аплодисментами.⁷⁹

Секция Арсенала заявляла о единодушном одобрении ею адреса Конвента.

Нападки на якобинцев поддержала речь оратора делегации от секции Вооруженного человека. «Ваш адрес французскому народу, — говорил он, — будет в предельном факелом, под которым поместят аристократов и умеренных, разыгрывающих роль республиканцев, плутов, расточителей, интриганов, стремящихся к господству, и сумасбродных, кричащих в своей ярости, что единственно они являются истинными патриотами. С вашим адресом в руке все честные люди (les hommes de bien) не будут подавляться террором: они осмелятся говорить языком, который является вашим языком... Строгость к преступлениям, но покровительство невинности: почет честности, позор интриганам и плутам; война всем тиранам, всем стремящимся к господству; революционное правление до заключения мира; полная преданность единой и нераздельной республике; доверие и преданность единому Национальному конвенту». Секция заявляла о единодушии среди нее всех «добрых граждан». Конвент постановил напечатать адрес секции Вооруженного человека.

Секция Муция Сцеволы также резко высказывалась против террористов и против тех, «которые утверждают, что общественное мнение принадлежит исключительно народным обществам, в которых непосредственно и пребывает (reside) народный суверенитет». Депутация провозглашала свободу печати и мнений и «войну на смерть людям крови, которые хотели бы восстановить царство террора».⁸⁰

Представитель секции Нераздельности заверял, что принципы адреса Конвента «запечатлены в сердцах всех добрых граждан, достаточно многочисленных, чтобы поддержать друзей свободы», и высказывался за «снисхождение к ошибкам, строгость к преступлениям, одним словом за строгую справедливость».

Речь депутации от секции Арси показывает, какая сильная борьба происходила в этой секции и как в связи с этим менялись самая позиция секции. Оратор депутации говорил о первоначальной победе в секции продолжателей Робеспьера, которым временно удалось ввести в заблуждение граждан и побудить их одобрить адрес Дижона. Однако через 2 декады верх одержали противники террористов. «Мы хотим, — заявляла депутация, — революционного правления, но не правительства крови». Секция Арси отказывалась также и от своего присоединения к петиции Электорального клуба.

В таком же духе была речь и оратора секции Хлебного рынка. Законодатели, — говорил он, — граждане секции Хлебного рынка читали ваш адрес к французам; единодушные аплодисменты доказали, что ваши чувства являются чувствами всех граждан секции. Свобода не является фурией, вооруженной кинжалом и пресытившейся кровью; свобода, которую вы провозглашаете, свобода, которой мы поклоняемся, является благодетельным божеством, которое сопровождают все блага жизни. Мы хотим ее. Заставьте умолкнуть разбойников, которые хотят другого. Думайте только о счастье народа; у нас будет лишь один крик — свобода, равенство, лишь один центр объединения — Конвент».

Представитель канониров секции Друзей отечества призывал к борьбе с продолжателями Робеспьера.

Оратор секции Монблан, указывая, что раньше в секции господствовали лица, введенные в заблуждение или коварные, заявлял об отказе секции от «контрреволюционного адреса» Дижона и о согласии с адресом Конвента. «Секция Монблан, — говорил он, — с энтузиазмом выслушала ваш прекрасный адрес к французскому народу; она с признательностью видит, что вы без усталы заботитесь о счастье народа, покровительствуете наукам, оживляете торговлю и воздаете за добродетель, наказывая за преступление».

Секция Попинкур выражала свое согласие с адресом Конвента и обещала оказать ему полную поддержку.⁸¹

14 октября о присоединении к адресу Конвента заявила аристократично-буржуазная секция Елисейских полей. «Ваш адрес к французскому народу, — указывала ее депутация, — нанес последний удар интриганам... Этот адрес является дополнением к вашей работе. Если вы сумели победить 9 термидора, то потомство не будет вас упрекать, что вы не умеете использовать победу; народ французский обязан вам своим счастьем».⁸²

15 октября в Конвент явилась в полном составе секция Бон-Нувель, чтобы заявить о своей солидарности с адресом Конвента. Секция протестовала против клеветнического обвинения, которое выдвинул в Якобинском клубе один из бывших членов революционного комитета секции, будто в секции Бон-Нувель аристократы и умеренные противились чтению адреса Конвента.⁸³ Далее оратор секции останавливался на внутренней борьбе в секции вокруг адреса Дижона, который то был отвергнут, то на следующем собрании принят благодаря кучке бывших террористов.

На том же заседании Конвента члены комитета секции Красного колпака обличали сторонников террора и тирании. Нужно однако отменить, что выступавшие от демократических секций Красного колпака и Друзей отечества не имели полномочий от общих собраний. Против террора высказывался и революционный комитет третьего округа (секции Брута, Пуассоньер, Общественного договора и Вильгельма Телля), заседавший в секции Брута. Кроме того, «Монитор» упоминает, что многие другие секции и революционные комитеты сделали Конвенту заявление в том же духе.⁸⁴ Что секции были с Конвентом и против Якобинского клуба, это отмечала и немецкая газета «Фоссова газета».⁸⁵

Многие народные общества сигнализировали из департаментов, что умеренные, священники и аристократы возлагают свои надежды на последствия переворота 9 термидора. После опубликования адреса Конвента к французскому народу некоторые народные общества перестали называть себя «обществом монтаньяров»; вместо крика «да здравствует Гора!» стали раздаваться крики «да здравствует Конвент!»; запрещалось также ношение красного колпака. В народных обществах начался раскол, причем более буржуазные из них одобряли мероприятия Конвента.⁸⁶

Имея за собой поддержку со стороны значительного числа секций, Конвент перешел в наступление против Якобинского клуба и принял 16 октября 1794 года (25 вандемьера 3 г.) суровый декрет, направленный против народных обществ и запрещавший им иметь филиальные отделения, сноситься между собой и представлять коллективные петиции, не подписанные индивидуально. Все народные общества должны были составить списки своих членов с указанием времени приема каждого в общество. Некоторые статьи этого декрета показались слишком реакционными даже умеренному буржуазному республиканцу Тибодо, который выступил против запрещения обществам иметь отделения и сноситься между собой. «Меня ужаснули, — сказал он, — различные статьи этого проекта. Я не понимаю, как можно было отнять у общества свободных людей возможность сообщаться друг с другом (Ропот)... Не народные общества нужно обвинять в бедствиях, терзающих республику, а несчастным образом сложившиеся обстоятельства, заговоры самого правительства, так как правительство создает общественную мораль». Особенно сильно защищали проект против народных обществ бывшие дантониисты. Бурдон из Уазы указывал на соперничество народных обществ с Конвентом и говорил, что те, которые являются противниками неограниченной свободы печати, не должны защищать свободу сношений обществ между собой. Тюрио стремился доказать, что декрет направлен не против народных обществ, а против злоупотреблений их правами, и не против права петиций, а против их несвободного характера.⁸⁷

Насколько далеко зашла реакция против террора даже в некоторых секциях предместий, показывает выступление в Конвенте 25 октября депутации от секции Пантеона, которая благодарила Конвент за его адрес и требовала пересмотра революционных законов и в частности закона 17 сентября 1793 года о подозрительных. В ответ депутации Клозель заявил под аплодисменты членов Конвента: «Не нужно, чтобы аристократы думали, что Конвент хочет покровительствовать аристократам, поставив гуманность в порядок дня». Конвент перешел к порядку дня.⁸⁸

Донесение полиции от 31 октября отмечало спокойствие в секциях.⁸⁹

Дальнейшие выступления секций в ноябре связаны были с закрытием Якобинского клуба и арестом Карье за его террористическую деятельность в Вандее. Общие собрания секций, состоявшиеся 10 ноября (20 брюмера 3 года), на другой день после нападения мяскаденов на Якобинский клуб, были более благоприятны для якобинцев, чем собрания секций 20 ноября (30 брюмера), происходившие уже после закрытия Якобинского клуба. Известно, по крайней мере, что 10 ноября за якобинцев высказались секции Горы, Муция Сцеволы и Друзей отечества, которые 21 ноября отказались в Конвенте от своих постановлений, принятых на декаду раньше.⁹⁰ В защиту Якобинского клуба перед самым его разгоном выступила в Конвенте 11 ноября депутация от секции Друзей отечества. Она требовала от Конвента наказания тех, кто совершает покушение на народные общества, установленные конституцией, и провозглашала лозунг: «Да здравствуют народные права! да здравствует республиканская конституция 1793 года!». По поводу этой петиции в Конвенте произошло резкое столкновение между монтаньярами и правыми термидорианцами, причем большинство Конвента высказалось за отсылку петиции в комитеты.⁹¹

На другой день, 12 ноября, когда Якобинский клуб был уже разогнан золотой молодежью, в Конвент явились депутации от секций Монблан и Братства, которые высказались против якобинцев и благосклонно были приняты Конвентом. Секция Монблан явилась в полном составе и нападала на централизацию народных обществ. Мелкобуржуазная секция Братства, бывшая 9 термидора сначала за робеспьеристскую Коммуну, теперь резко выступила против мятежников и террористов.⁹² 21 ноября приветствовать Конвент с закрытием Якобинского клуба явились, кроме упомянутых выше секций Горы, Муция Сцеволы и Друзей отечества, секции Лепелетье, Прав человека и Гренельского фонтана. Из этих 6 секций 5 были секциями с преобладающим (Лепелетье, Горы и Прав человека) или со значительным буржуазным населением (Гренельского фонтана и Муция Сцеволы) и 1 мелкобуржуазная (Друзей отечества).

Для секции Лепелетье закрытие Якобинского клуба было «новым торжеством свободы», причем секция прямо говорила, что по отношению к якобинцам «все средства хороши» и что «революционное правление долгое время было в руках злонамеренных, которые пользовались им, чтобы проливать кровь невинных». Секция Горы упрекала общество якобинцев в соперничестве с Конвентом и называла его очагом «контрреволюции». Этот упрек в соперничестве с Конвентом повторил и оратор секции Прав человека, которая в полном составе явилась приветствовать Конвент за его энергию. Оратор секции Гренельского фонтана, также явившейся в полном составе, обвинял общество якобинцев в том, что оно стремилось командовать общественным мнением и узурпировало народный суверенитет. «Пробуждение льва, — говорил он, имея, очевидно, в виду речь Билло-Варенна, произнесенную 3 ноября в Якобинском клубе, — было бы ужасным, но парод, более сильный, чем лев, лишил его возможности вредить». Секция Муция Сцевола отказывалась от своего постановления в защиту якобинцев, принятого 10 ноября к концу заседания очень небольшим числом граждан, введенных в заблуждение комиссарами секции Горы. Заявляя себя сторонницей республики и демократического правления, секция резко высказывалась против кровопийц. Конвент постановил напечатать адреса секций Лепелетье, Гренельского фонтана и Муция Сцевола. Секция Друзей отечества дезавуировала свой адрес Конвенту от 11 ноября, который, по словам «Республиканского курьера», «вызвал такой скандал в Национальном конвенте». По заявлению одного из депутатов, адрес 11 ноября был делом рук интриганов и особенно Кайо, бывшего члена Коммуны.⁹³

На заседании Конвента 24 ноября было зачитано много новых приветственных адресов по поводу закрытия Якобинского клуба, в частности, Конвент приветствовали депутации от буржуазных секций Вильгельма Телля и Французских гвардейцев и от демократической секции Брута. Сильно нападая на общество якобинцев, оратор секции Вильгельма Телля обвинял это общество в том, что оно было против свободы печати, защищало террор и призывало к гражданской войне. Секция Французских гвардейцев, явившаяся в полном составе, приписывала Якобинскому клубу стремление над всеми господствовать. Секция Брута, в которой 9 термидора произошел раскол, обличала теперь общество заговорщиков, продолжателей Робеспьера, и призывала заковать льва в цепи.

25 ноября Конвент приветствовали за закрытие Якобинского клуба депутации от 6 секций, из которых 2 были буржуазные (Елисейских полей и Сите), 2 мелкобуржуазные (Хлебного рынка и Друзей отечества) и 2 со значительным ремесленно-рабочим населением (Бон-Нувель и Монмартр). Все они повторяли шаблонные и отмеченные выше обвинения по адресу Якобинского клуба в соперничестве с Конвентом, приверженности к террору и в стремлении господствовать. Секция Бон-Нувель, которая еще после ареста эбертистов выступала 15 марта 1794 года против торговцев как главных виновников продовольственного кризиса, теперь самую нужду приписывала правлению террористов.⁹⁴ Секция Друзей отечества вторично и на этот раз в полном составе явилась в Конвент, чтобы заявить о своем отказе от адреса, представленного 11 ноября кучкой террористов, и о принятом общим собранием секции постановлении — вычеркнуть из протоколов секции эту петицию «как гибельную для свободы и контрреволюционную».⁹⁵

1 декабря еще 8 секций — Революционная (Нового моста). Вооруженного человека, Арси, Общественного договора, Бонконсейль, Марата, Бон-Нувель и Пуассоньер — послали депутации, чтобы выразить свою преданность Конвенту, а некоторые из них и для того, чтобы осудить свои прежние постановления. Секция Революционная, с преобладающим буржуазным населением, сообщала Конвенту о решении своего общего собрания переменить название секции на прежнее — Нового моста, так как название «Революционная» было ей дано «при царстве Робеспьера, мятежной Коммуны и их соучастников». Секция отказывалась также от своего прежнего постановления, одобрявшего петицию Электорального клуба и «принятого некоторыми интриганскими или обманутыми». Заявляя теперь о своей согласии с адресом Конвента от 9 октября и заботясь об обеспечении личности и собственности, секция Нового моста требовала не ограничиться закрытием тиранического общества, а начать чистку общественных учреждений от сторонников якобинцев.

Депутация от секции Вооруженного человека, высказываясь вполне в духе либеральной буржуазии, упрекала якобинцев в борьбе против свободы промышленности, талантов, мнений и собственности и призывала к покровительству земледелию, промышленности, торговле, наукам и искусствам, к оказанию помощи трудящимся беднякам и к чистке среди должностных лиц.

Депутация от секции Арси высказывала тот взгляд, что «секции всех коммун республики являются истинными народными обществами, именно там народ может с большею пользою обсуждать общественные дела. Важно однако, чтобы все граждане не пренебрегали посещением их; нужно, чтобы каждый приходил туда, в настоящий момент для того, чтобы заглушить коварный голос этих кровожадных патриотов». Секция Арси приглашала Конвент и далее проводить «политику справедливости и твердости», которой он придерживался после 9 термидора. Эта секция, где было много буржуазных элементов, явно стремилась создать для них перевес на общих собраниях секции.

Представитель секции Общественного договора, являвшейся одной из умеренных секций с преобладающим мелкобуржуазным населением, говорил о конце тирании и террора и о покровительстве закона «честным людям». Другая мелкобуржуазная секция Бонконсейль дезавуировала свое прежнее постановление о присоединении к адресу Дижона, приписывая его кучке интриганов и введенных в заблуждение граждан. Секция теперь призывала к милосердию по отношению к введенным в заблуждение, к наказанию, но не смертью, виновных, к созданию вокруг террористов атмосферы общественного презрения и к изданию законов, способствующих процветанию торговли, земледелия и ремесел.

Демократическая секция Марата, которая 9 термидора встала сначала на сторону робеспьеристской Коммуны, поздравляла Конвент за «благодетельный декрет» о закрытии «общества, когда-то славного своим патриотизмом, но ставшего только убежищем мятежников и устраивающего заговоры против национального представительства». Секция полагала, что «мягкие проявления братства лучше укрепят республику, чем пролитие крови», и выражала надежду, что Конвент при помощи мудрых законов и всех средств общественного воспитания объединит всех вокруг «общего интереса и общественного блага». Все эти заявления типичны для мелкобуржуазных элементов секции Марата. Но в то же время эта секция, где в марте 1794 года были сторонники Эбера, выражала свое беспокойство относительно растущей дороговизны, хотя и надеялась еще на положительные последствия новой экономической политики термидорианского Конвента: «Законодатели, — говорил оратор депутации, — мы обнаруживали бы сильное беспокойство относительно быстрого и ужасного вздорожания всех предметов первой необходимости, если бы мы не видели с признательностью, что вы обратили ваше внимание на администрацию продовольствия, на дороговизну съестных продуктов, на реквизиции и на покровительство, в котором нуждается торговля».

Секция Бон-Нувель, «богатство которой, — по словам ее депутации, — не равняется ее рвению и патриотизму», передавала собранные ею на усиление морских сил сумму в 6085 ливров и заявляла о своей преданности национальному представительству и революционному правлению, что означало отказ от согласия с адресом секции Музея и петицией Электорального клуба. Секция Пуассоньер, бывшая до октября еще за Якобинский клуб, отказывалась от принципов, изложенных в адресе Дижона, и выражала надежду на освобождение арестованных граждан, которые окажутся невинными. Конвент удостоил все эти адреса почетного отзыва и внесения в бюллетень.

Диссонансом прозвучало выступление депутации от благотворительного комитета секции Монтрейль, которая нарисовала ужасную нужду среди 3 тысяч (из общего числа в 14 1/2 тысяч) тех из граждан Антуанского предместья, которые оказали большие услуги революции, разрушили Бастилию и трон, а теперь нуждаются в самом необходимом и не имеют отдельных постелей для себя и своих детей. Петиция была отослана в комитет помощи.⁹⁶

Наконец, на заседании 3 декабря одна из наиболее якобинских секций — Пик — заявила Конвенту, что она одобряет закрытие Якобинского клуба и считает ошибкой адрес в пользу якобинцев, принятый в начале октября и внушенный «ложными патриотами». Этот адрес от 2 октября постановлено было на общем собрании секции 30 ноября вычеркнуть из протоколов. На том же заседании Конвента буржуазная секция Тампля приветствовала закрытие Якобинского клуба и предание суду Карье, резко высказывалась против террористов, обвиняла членов бывшего революционного комитета секции в притеснениях граждан и призывала к чистке должностных лиц. Обе петиции были приняты Конвентом так же благосклонно, как петиции секций на заседании 1 декабря.⁹⁷

Члены разгромленных клубов — Якобинского и Электорального — находили себе прибежище и сочувствие в Сент-Антуанском предместье. По докладу Комитета общей безопасности, сделанному в Конвенте 15 ноября 1794 года, народное общество Кенз-Вен в Сент-Антуанском предместье являлось центром для якобинцев, Электорального клуба и их сторонников. Там произносились речи против Конвента, указывающие на необходимость восстания в случае нарушения народных прав; там собирались граждане из разных секций; там женщины занимали половину зала. Одновременно сообщалось об аресте двух вожakov движения — Трувилля и Тиссо. Тальен, живший в том же районе, также подтверждал холодность приема, которую он встретил со стороны жителей Сент-Антуанского предместья. Указывая, что главным средством возбудить народ является нужда в предметах первой необходимости, особенно в угле, и, нападая на администрацию, ведающую продовольствием, Тальен предлагал обратить внимание на нужду народа,

уверяя, что в таком случае жители предместий не пойдут против Конвента. «Снабдите, — говорил он, — эту цитадель революции; дайте народу все, в чем он нуждается, и вы увидите, что скоро он сумеет провести различие между правительством Конвента и правительством якобинцев».⁹⁸ Действительно в жерминале и прериале 3 года предместья проведут это различие, но не в пользу термидорианского Конвента. По сообщению полиции, собрание народного общества Кенз-Вен, состоявшееся 22 ноября, было малочисленным и приняло адрес к Конвенту об освобождении Трувилля и Тиссо. По донесению агентов полиции, рабочие одной закрывшейся селитроварни, недовольные своим увольнением, «угрожали близкой местью тем, которые не являются сторонниками якобинцев»; восхваляя общество якобинцев и Карье, они непочтительно отзывались о Конвенте.⁹⁹

Сомнение вызывало у агентов полиции после закрытия Якобинского клуба и настроение секции Красного колпака.¹⁰⁰ Прежний революционный комитет этой секции был предан суду и приговорен к 20 годам заключения и к выставлению на позорной скамейке на Гревской площади в течение шести часов. 28 ноября 9 членов этого комитета были выставлены на осмеяние антиякобинской толпы, в которой было много «порядочных людей», т.е. лиц из буржуазии. Десятый член ранил себя ножом и не мог быть выставлен на поругание. Однако, даже по признанию «Вечернего вестника», одной из самых реакционных термидорианских газет, якобинцы держались мужественно и обратились к более революционным секциям с приглашением «быть очевидцами происходившей контрреволюционной реакции и мужества, с которым прежние якобинцы отвечают на очевидное угнетение, от которого они стонут». Упомянутая газета золотой молодежи говорила даже о «некотором сладострастии» (*une sorte de volupte*), с которым ее сотрудники созерцали это выставление на позорной скамейке. Осужденных освистывали, оскорбляли и называли насмешливо «добрыми, чистыми патриотами».¹⁰¹

По сообщению «Республиканского курьера» от 23 ноября, сторонники Карье пытались во многих секциях прочесть его обращение к народу, в котором он оправдывался от возводимых на него обвинений, но секции не захотели вмешиваться в дело Конвента. В секции Единства дюжине лиц удалось было в начале собрания провести постановление о прочтении обращения Карье, но когда собрание стало более многочисленным, это постановление было взято назад.¹⁰² Этот случай показывает, что даже в некоторых секциях с преобладающим буржуазным населением демократические элементы пытались еще бороться против буржуазной реакции.

Наступление буржуазных элементов в секциях сопровождалось требованиями произвести чистку должностных лиц, ввиду того что они в большинстве поставлены Робеспьером.¹⁰³ Донесения полиции отмечали, что в конце ноября 1794 года в секциях царило спокойствие.¹⁰⁴

Таким образом, за 4 месяца термидорианскому Конвенту удалось сплотить вокруг себя большинство секций, способствовав перевесу в них буржуазных и умеренных элементов. Мы видели, что более половины всех секций одобрили закрытие Якобинского клуба, причем из отмеченных 25 секций в 9 секциях преобладало буржуазное население (Елисейских полей, Горы, Лепелетье, Французских гвардейцев, Вильгельма Телля, Прав человека, Тампля, Сите и Революционная), в 4 секциях было много буржуазных элементов (Арси, Вооруженного человека, Гренельского фонтана и Муция Сцевола), 8 секций принадлежали к числу мелкобуржуазных (Пик, Хлебного рынка, Общественного договора, Брута, Друзей отечества, Бонконсейль, Братства и Марата) и лишь в 4 секциях жило много бедноты, ремесленников и рабочих (Бон-Нувель и 3 секции северных предместий: Монблан, Монмартр и Пуассоньер).

Нужно отметить, что из этих 25 секций, одобдивших закрытие Якобинского клуба, 14 секций изменили свою позицию, так как в сентябре—октябре они высказывались либо за петицию Электорального клуба (5 секций: Сите, Революционная, Арси, Бон-Нувель и Монмартрского предместья), либо за адрес Дижона (7 секций: Горы, Арси, Гренельского фонтана, Бонконсейль, Бон-Нувель, Монблан и Пуассоньер) и за Якобинский клуб (7 секций: Горы, Лепелетье, Муция Сцевола, Пик, Друзей отечества, Бон-Нувель и Пуассоньер), либо то за электоральцев, то за якобинцев (Арси, Бон-Нувель). Кроме того секция Прав человека ходатайствовала 16 сентября об освобождении Варле.

Как мы видели выше, позиция некоторых секций с разнородным населением была в первые месяцы термидорианской реакции очень неустойчивой. Так, секция Арси, в которой наряду с значительным буржуазным населением жили и ремесленники, 28 августа высказалась против адреса секции Музея и одобрила потом адрес Дижона; 1 октября она присоединилась к петиции Электорального клуба; 12 октября приветствовала адрес Конвента и отказалась от согласия с адресом Дижона и петицией Электорального клуба; наконец 1 декабря одобрила закрытие Якобинского клуба. Другая секция — Бон-Нувель — с смешанным мелкобуржуазным и рабочим населением, среди которого преобладали ремесленники, 16 сентября отвергла адрес Дижона и присоединилась к петиции Электорального клуба, потом приняла адрес Дижона и 12 октября высказалась за Якобинский клуб. 15 октября она одобрила адрес Конвента и дезавуировала свое постановление о согласии с адресом Дижона, наконец 25 ноября, после закрытия Якобинского клуба, она выразила свою преданность Конвенту и революционному правлению. Одна из наиболее умеренных секций северных предместий — Монблан — высказывалась то за адрес Дижона (17 сентября), то за адрес Конвента (12 октября), то против Якобинского клуба (12 ноября).¹⁰⁵

Как буржуазные элементы постепенно захватывали в свои руки секции, показывает пример секции Гренельского фонтана, в которой раньше жили дворяне, а во время революции остались мелкие торговцы, интеллигенты и строительные рабочие. 27 августа эта секция отвергла адрес секции Музея, 6 сентября приняла адрес Дижона, 11 сентября отвергла петиции Электорального клуба, т.е. высказывалась в духе Якобинского клуба. В это время в секции господствовали якобинцы, группировавшиеся вокруг монтаньяра Рессона, бывшего члена Продовольственной комиссии 2 года, но потом Рессон был арестован, и в секции стали побеждать правые элементы: 21 октября секция отказалась от согласия с адресом Дижона, а 21 ноября приветствовала Конвент за закрытие Якобинского клуба.¹⁰⁶

Кроме секций, одобдивших закрытие Якобинского клуба, нужно принять во внимание еще 14 секций, которые в первой половине октября и отчасти позднее солидаризировались с политикой Конвента, причем из них только 8 секций относятся к тому и другому списку (Елисейских полей, Лепелетье, Арси, Вооруженного человека, Муция Сцевола, Хлебного рынка, Бон-Нувель и Монблан). Следовательно, к 25 секциям, где восторжествовала буржуазная реакция, нужно присоединить еще 6 секций, из которых 2 были буржуазные (Арсенала и Единства), 1 со значительным буржуазным населением (Нераздельности), 1 мелкобуржуазная (Соединения) и 2 секции предместий (Попинкур и Пантеона). Из названных 6 секций секция Единства высказывалась раньше за адрес Дижона, а секция Пантеона за петицию Электорального клуба. Таким образом, из 31 секции, которые одобрили политику Конвента, 16 секций, т.е. более половины, изменили свою позицию.

Из остальных 17 секций, относительно которых в «Монитёре» нет прямых указаний, что они солидаризировались с политикой Конвента, более половины относятся к секциям ремесленно-рабочего характера (9 секций: Музея, Гравилье, Северного предместья, Бонди, Монтрейль, Кенз-Вен, Финистер, Санкюлотов и Обсерватории), 4 секции принадлежали к мелкобуржуазным (Республики, Шалье, Красного колпака и Инвалидов), 1 секция была со значительным буржуазным населением (Ломбар) и 3 являлись буржуазными секциями (Тюильри, Рынка и Коммуны). На счет 9 из этих секций есть сведения, что они приняли петицию Электорального клуба (секции Музея, Гравилье, Северного предместья (по Бабефу), Монтрейль, Кенз-Вен, Республики, Ломбар, Коммуны и Рынка (по Бабефу); а 4 секции высказывались за адрес Дижона и якобинцев (Финистер, Шалье, Красного колпака и Тюильри).

Возможно, что только неполнота сведений не позволяет нам отнести к числу секций, выразивших свое одобрение политике Конвента, 4 секции с преобладающим или значительным буржуазным населением (Тюильри, Рынка, Коммуны и Ломбар), которые 9 термидора сразу встали на сторону Конвента. Во всяком случае, несомненно, что Конвенту удалось через 4 месяца повести за собою почти все секции с преобладающим (не менее 11 из 14) или значительным буржуазным населением (не менее 5 из 6), большинство мелкобуржуазных секций (9 из 13), из которых многие 9 термидора обнаружили большие колебания, и только меньшинство из секции ремесленно-рабочего характера (6 из 15).

С другой стороны, в «революции» 9 термидора разочаровались из секций, населенных ремесленниками, рабочими и вообще городской беднотой, такие секции, которые 9 термидора встали на сторону Конвента (Гравилье и Музея) или остались нейтральными (Кенз-Вен и демократическая секция Республики), не говоря уже о 3 секциях южных предместий — Обсерватории, Санкюлотов и Финистер, которые 9 термидора были сначала за Коммуну и после в течение 4 месяцев не послали ни одной депутации с одобрением деятельности термидорианского Конвента. Однако в следующие 4 месяца, с декабря 1794 года и до начала жерминальского движения в половине марта 1795 года, буржуазная реакция захватила почти все секции, за исключением пяти—шести секций предместий.

1. Aulard. Paris, p.9, Rapport 31/VII-1794.
2. Н.Кареев. Неизданные протоколы, стр.3, 5, 17, 30, 44, 46, 62, 69, 78, 83.
3. См. отрывки из протоколов секций — Н.Кареев. Роль парижских секций в перевороте 9 термидора, стр.78—79; он же. Парижские секции, стр.68.
4. Н.Кареев. Неизданные протоколы, стр.62.
5. Paris, t.1, pp.14, 15, R. 3/VIII-1794.
6. Bulletin des lois, an 2, № 50 (№ 271); Aulard. Paris, t.I. Introduction pp.II-V.
7. Bulletin des lois, an 2, № 35 (№ 196).
8. Bulletin des lois, an 2, № 33 (№ 168).
9. «Moniteur», 2/VIII-1794, № 315, p.1291.
10. Н.Кареев. Неизданные протоколы, стр.3.
11. «Moniteur», 4/VIII-1794, № 317, pp.1298—1299, 1300.
12. «Moniteur», 6/VIII-1794, № 319, p.1307; Bulletin des lois, an 2, № 33 (No 184).
13. Paris, t.I, pp.23—24, R. 8/VIII-1794.
14. Там же, стр.37, донесение 13/VIII—1794.
15. Там же, стр.22, 36, R. 7/VIII, 12/VIII-1794; «Nouvelles politiques», 17/VIII; p.25; «Sans-Culotte», 9/VIII-1794., p.27.
16. A.Mathiez. La reaction thermidorienne, Paris, 1929, pp.31—32
17. Paris, t.I. pp.21, 35, 153, 202, 216 (сообщения разных газет).
18. «Moniteur», 24/IV, IV, 9/V-1795, № 215, 222, 230, pp. 873, 901, 936.
19. «Moniteur», 26/VII-1795, № 308, p.1242. Реакционер Монгальяр особенно преувеличивал цифры арестованных, показывая их для апреля 1794 г. в 22 тыс. для Парижа и в 653 тыс. для департаментов. (Mongaiillard, Etat de la France au mois de mai 1794, Londres 1794, p.53.).
20. A.Mathiez. La reaction thermidorienne, p.31, n.I.
21. «Moniteur», 10/VIII-1794, № 323, pp.1328, 1329.
22. «Moniteur» 15/VIII-1794, № 328, p.1347. Я тут не останавливаюсь на дискуссии о напечатан»!»! либо имен выпускаемых на свободу, как предлагали левые термидорианцы, либо имен тех, кто донес на арестованных, как предлагали правые термидорианцы. Не касаюсь я здесь и адреса Якобинского клуба, направленного против выпуска на свободу арестованных в качестве подозрительных и представленного в Конвент 25 августа 1794 г.
23. Paris, t.I, p.35, R. 12/VIII-1794.
24. Там же, стр.37, R. 13/VIII-1794.
25. «Moniteur», 15/VIII-1794, № 328, pp.1346—1347.
26. Paris, t.I, p.49, R. 18/VIII-1794.
27. Так, в первый округ входили 2 буржуазных секции — Тюильри и Елисейских полей — и 2 мелкобуржуазных — Республики (Руль) и Пик (Вандомской площади); во второй округ входили 2 буржуазных секции — Горы (Мельничного холма) и Лепелетье — и 2 секции северных предместий — Монблан и Монмартр; шестой округ объединял 1 буржуазную секцию — Тамплъ, 1 со значительным количеством буржуазного населения — Ломбар, 1 мелкобуржуазную — Друзей отечества —и 1 со значительным количеством ремесленно-рабочего населения — Гравилье. Исключением явились только 2 округа, объединявших демократические секции; к пятому округу принадлежали секции Бонконсейль, Бон-Нувель, Северного предместья и Бонди, к двенадцатому — секции южных предместий — Пантеона, Обсерватории, Ботанического сада (Санкюлотов) и Финистер (Ср. Н.Кареев. Неизданные документы, стр.118).
28. Bulletin des lois. an 2, № 47, (№ 247); «Moniteur», 22/VIII-1794, № 335, pp.1374—1375; E.Mellie. Les sections de Paris, pp.222—224.
29. Bulletin des lois. an 3, № 68 (№ 363); «Moniteur», 8/X-1794, № 17, p.81.
30. Aulard, La societedes Jacobins, t.VI p.629; «Moniteur», 12/X-1794, X» 21, p.97.
31. Е.Мелье, разобрав это обвинение Камбона и утверждение Тэна относительно будто бы кричащих злоупотреблений в связи с получением платы за присутствие на заседаниях секций, доказал на основании документальных данных, что секции принимали предосторожности против возможных злоупотреблений и что число граждан, пользовавшихся правом на 40 су, было в секциях ограничено. (E.Mellie. Les sections de Paris, pp.146—150).
32. «Moniteur», 23/VIII-1794, № 336, pp.1378—1379; Bulletin des lois. an 2, № 41 (№ 228).
33. Paris, t.I, p.56, R. 24/VIII-1794; ср. стр.55, R. 13/VIII.
34. Этот вопрос достаточно выяснен в литературе, особенно в статье А.Матьеа о Лерпе — A.Mathiez. L'affaire Legray («Annales Historiques de la Revolution francaise», 1927, № 4, pp. 305—319, особ. стр. 317—19); Ср. A.Mathiez. La reaction _thermidorienne, pp.38—

39, 85—87, 91—96; М.Фрейберг. Декрет 19 вандемьера и борьба бешеных за конституцию 1793 г. («Историк-марксист», т.6, 1927 г. стр.142—172).

35. Ср. П.П.Щеголев. Заговор Бабефа, стр.61—62; Deville. Thermidor, p.25.

36. «Journal de la Liberte de la Presse», № 10, pp.1—3.

37. Там же, № 20, стр.2—3.

38. Там же, № 13, стр.1—3.

39. Aulard. La societe des Jacobins, t.VI, pp. 385—387; «Moniteur», 31/VIII-1794, № 344, p.1410.

40. Paris, t.I, pp.65—66, «Messager du soire», 29VI11 1794; Serviere и Chassant выступали в числе других членов революционного комитета секции Музея в защиту Лепре, когда он был арестован 20/VIII-1794 г. (A.Mathiez. L'affaire Legray, «Annales historiques de la Revolution francaise», 1927, № 4, p.316, п.1.).

41. Paris, t.1, p.68, «Nouvelles politiques», 31/VIII-1794.

42. Там же, стр.64, R. 28/VIII-1794.

43. Там же, стр.59. «Correspondance politique de Paris», 25/VIII-1794.

44. «Moniteur», 30/VIII-1794, № 343, p.1406.

45 «Moniteur», 8/IX-1794, № 352, p.1447.

46. «Moniteur», 10/IX-1794. № 354, p.1455.

47. «Moniteur», 19/IX-1794, № 363, pp.1491—1492.

48. «Moniteur», 20/IX-1794, № 364, p.1494.

49. «Moniteur», 30/IX-1794, № 9, p.48.

50. Moniteur», 3/X-1794, № 12, p.64.

51. «Journal de la Liberte de la Presse», № 22, pp. 2—7.

52. Paris, t.I, p.140, R. 2/X-1794.

53. Там же, стр.143, R. 3/X-1794.

54. «Moniteur», 4/X-1794, № 13, pp.67—68.

55. Paris, t.I, p.149, «Journal de Perlet», 6/X-1794.

56. «Tribun du peuple», № 23, p.8. ,14 вандемьера 3 г. секция Бон-Нувель сначала высказалась (16/IX-1794) против адреса Дижона и за первую петицию Электорального клуба, но как раз и октября она заявила в Якобинском клубе о своем отказе от отрицательного отношения к адресу Дижона (см. ниже о выступлениях секций за и против адреса Дижона). В этой секции, выступавшей раньше на стороне «бешеных» и эбертистов, происходила в сентябре и октябре 1794 г. сильная борьба, приводившая к изменению позиции. О секции Монблан известно, что 17 сентября она в Якобинском клубе заявила о своем присоединении к адресу Дижона, а вообще была одной из самых умеренных секций предместий. Буржуазная секция Тампля действительно выступала 2 октября в Конвенте против адреса Дижона, но как против «террористического», причем все ее выступление было в антиякобинском духе и не содержит никаких указаний на присоединение к петиции Электорального клуба.

Секция Северного предместья не выступала в Конвенте в первые месяцы после 9 термидора и, невидимому, не выражала сочувствия политике Конвента, характер же ее населения делал вероятные ее сочувствие выступлению Электорального клуба. Относительно буржуазных секций Рынка, Коммуны и Арсенала нужны дополнительные сведения, но в них были слои населения, которые могли высказываться за петицию Электорального клуба, причем можно указать на такие факты, как выступление секции Верности (Коммуны) 1 апреля 1795 г. (12 жерминаля 3 г.) с требованием устранения господствовавшей нужды и введения в действие конституции 1793 г. («Moniteur», 31/V-1795 г. № 194, p.792; ср. дезавуирование этой петиции 21/IV, «Moniteur» 24/IV-1795, № 215, p.876) или требование об образовании революционной армии, выставленное секцией Арсенала 4 сентября 1793 г. (A.Mathiez. La vie chere, 327).

57. Ср. Michelet. Histoire de la Revolution francaise, t.VI, pp.277—278; A.Mathiez. La vie chere, p.327. Секции Ломбар и Сите принимали участие в выступлении секций 12 жерминаля по поводу продовольственного кризиса («Moniteur» 5/IV, 13/IV-1795, № 196, 204, pp.797—932).

Совершенно ошибочно мнение П. Щеголева, будто в данном случае было продолжение того «контакта крупнобуржуазных и рабочих секций», который «ведет свое начало со дня 9 термидора» (П.Щеголев. После термидора, стр. 29). После 9 термидора у секций с преобладающим буржуазным населением не было никаких оснований выступать против диктатуры термидорианцев, да еще в роли придатка к оппозиции ремесленно-рабочих секций. П.Щеголев не учитывал смешанного состава населения секций и той острой классовой борьбы между революционно-демократическими элементами, господствовавшими в секциях до 9 термидора, и буржуазными слоями, которые после 9 термидора начали при поддержке термидорианцев вести борьбу за подчинение секций своему руководству. В ходе этой борьбы позиция одной и той же секции нередко менялась.

58. Paris, t.I, pp.149, 155, «Courrier republicain», 8/X, 10/X-1794; p.196, «Courrier universel», 5/X-1794.

59. «Tribun du peuple», № 27, особ. стр.218—219, 224; «Moniteur», 29/X-1794, № 138, p.168; Paris t.1, p.203, «Courrier republicain», 28/X-1794. «Correspondance de Paris» от 2 ноября 1794 г. сообщала о слухе, что президент Электорального клуба и 4 секретаря, об аресте которых объявлял Мерлен, на свободе. Газета выражала удовлетворение, что Комитет общественной безопасности не арестовал за выражение своего мнения о правительстве, если это мнение не контрреволюционно. (Paris, t.I, p. 214). «Gazette historigue et politique» от 5 ноября сообщала о вторичном наложении 1 ноября печатей на бумаги Электорального клуба. (Там же, стр.217).

60. Paris, t.1, p.206, R. 30/X-1794.

61. Там же, стр.228.

62. Там же, стр.241; «Courrier republicain», 13/XI-1794; ср. стр.242, R. 14/XI; «Messager du soir», сообщая об этом 16 ноября, предлагал «порядочным людям» снова разогнать палками якобинцев (стр. 245, ср. стр. 252, 257); стр.256 «Annales patriotiques», 20/XI-1794.

63. «Moniteur»" 18/XI-1794, № 58, p.247.

64. Paris, t.I, p.251, R. 18/XI-1794.

65. Там же, стр.269. «Courrier republicain», 23/XI-1794; стр.271—272, Petite reuille de Paris», 24/XI-1794.

66. «Moniteur», 8/IX, 9/IX 1794, № 352, 353, pp. 1446, 1449; A u l a r d. La Societe des Jacobins, t.VI, p.447. А.Матьез ошибается, говоря, что в Конвенте «l'adresse de Dijon fut applaudie» (A.Matliez. La reaction thermidorienne, p.55); наоборот, чтение адреса прерывалось ропотом и предложениями перейти к порядку дня.
67. «Moniteur», 19/IX-1794, № 363, p.1492.
68. «Moniteur», 20/IX-1794, № 364, p.1494.
69. Aulard. La Societe des Jacobins, t.VI. pp.474—478; «Moniteur», 26/IX-1794, № 5, p.21.
70. Paris, t.1, pp.104, 109; «Messenger du soir», 18/IX, 19/IX-1794. Для объяснения поддержки некоторыми буржуазными секциями Якобинского клуба П.Щеголев, в противоречии с собой, говорит, что это был «известный контрманевр, предпринятый для того, чтобы парализовать агитацию электоральцев и сторонников петиции Музея». И он делает далее правильные заключения, которые только нужно направить против него самого: «Это лишний раз подчеркивает всю неосновательность обычных представлений о блоке между крупной буржуазией и представителями городской бедноты». (П.Щеголев. После термидора, стр.44). Преобладающий класс населения той или другой секции механически еще не предопределял ее позиции: в первое время после 9 термидора нет еще полного господства буржуазного большинства даже в некоторых секциях центра Парижа, а позднее буржуазное меньшинство овладеет многими мелкобуржуазными секциями и частично ремесленно-рабочими секциями.
71. «Moniteur», 27/IX-1794, № 6, p.27.
72. «Moniteur», 5/X-1794, № 14, p.69.
73. «Moniteur», 4/X-1794, № 13, p.68.
74. Там же, стр.67—68.
75. Aulard. La Societe des Jacobins, t.VI, pp.533—536; «Moniteur», 13/X-1794, № 22, pp.101—102.
76. «Moniteur», 6/X-1794, № 15, pp.75—76.
77. Aulard. La Societe des Jacobins, t.VI, p.550; 15/X-1794, № 24, pp.109—110.
78. Bulletin des lois, an 3, № 70 (№ 375); «Moniteur», 12/X-1794, № 21, pp.98—99, Buchez et Roux, t.XXXVI, pp.126—131.
79. «Moniteur», 14/X-1794, № 23, p.107.
80. «Moniteur», 15/X-1794, № 24, pp.110—111, cp. Paris, t.I, p.168, R. 13/X-1794.
81. «Moniteur», 14/X-1794, № 23, pp.107—108.
82. «Moniteur», 17/X-1794, № 26, pp. 118—119.
- 83 Речь идет о Соре, который на заседании Якобинского клуба 11 октября обвинял аристократов в том, что они подняли шум, а потом говорил, что патриоты мешали чтению адреса Конвента. Аналогичное обвинение было выдвинуто одним из членов общества и против секции Шелье («Moniteur» 17/X-1794, № 26, p.117).
84. «Moniteur», 18/X-1794, № 27, pp.122—123.
85. «Vossische Zeitung», 13/X-1794, № 129, Buchner, B.II, S.210—211.
86. Cardenal L. La province pendant la revolution. Histoire des clubs jacobins (1789—1795), pp.209, 214, 219 (1929).
87. Bulletin des lois, an 3, № 73 (№ 390); «Moniteur», 19/X-1794, № 83, pp.1126, 128.
88. «Moniteur», 28/X 1794, № 37, p.165.
89. Paris, t.I, 209, R. 31/X-1794.
90. Там же, стр.269—270, «Nouvelles politiques», 22/XI-1794.
91. «Moniteur», 13/XI-1794, № 53, pp.228—229.
92. «Moniteur», 14/XI-1794, № 54, pp.231—232.
93. «Moniteur», 22/XI-1794. № 62, pp.265—266; cp. Paris, t.I, pp.264—265, «Courrier republicain», 22/XI-1794.
94. «Moniteur», 28/XI-1794, № 68, pp.287, 289.
95. «Moniteur», 29/XI-1794, № 69, p.291.
96. «Moniteur», 3/XII-1794, № 73, pp.309—310.
97. «Moniteur», 5/XII-1794, № 75, p.316.
98. «Moniteur», 16/XI-1794, № 56, p.242; Buchez et Roux, t.XXXVI, pp.183—184.
99. Paris, t.I, p.267, R. 23/XI-1794.
100. Там же, стр.266.
101. Там же, стр.277, 280—284, R. 28/XI, 29/XI-1794; «Journal de Perlet», 30/XI; «Gazette francaise», 29/XI: «Sans-Culotte», 2/XII; «Messenger du soir», 1/XI; «Annales patriotiques», 29/XI-1794; о предании суду см. «Moniteur», 5/X-1794, № 14, p.69, речь Бурдона из Уазы, обвинявшего членов бывшего революционного комитета секции Красного колпака в искажении протоколов.
102. Paris, t.I, p.269, «Courrier republicain», 23/XI; p.273, «Nouvelles», politiques», 24/XI-1794.
103. Paris, t.I, pp.271—272, «Petite Feuille de Paris», 14/XI-1794.
104. Там же, стр.280, 287, R. 29/XI, 1/XII-1794.
105. По сообщению Бабефа, секция Монблан присоединилась и к петиции Электорального клуба. («Tribun du peuple», № 23, p.в).
106. A.Mathiez La reaction thermidorienne, p. 88, n.1.

ГЛАВА 5. РЕАКЦИЯ в ПАРИЖСКИХ СЕКЦИЯХ после РАЗГРОМА ДЕМОКРАТИЧЕСКИХ КЛУБОВ

I. Антитеррористическая кампания парижских секций в декабре 1794 года и в январе 1795 года

Через 4 месяца после 3 термидора буржуазная реакция воспринималась не только в Конвенте, но и в большинстве парижских секций. В первый период термидорианской контрреволюции борьба между демократическими и буржуазными элементами происходила и в Конвенте, и в Якобинском клубе, и в секциях, и в прессе. С декабря 1794 года буржуазная реакция сама переходит в наступление против всего, что было связано с якобинской диктатурой. Весной, в апреле и мае 1793 года, секции парижских предместий сделали неудачные попытки выступить против торжествующей буржуазной контрреволюции. Зима 1794—1795 гг., начиная со времени возвращения жирондистов в Конвент в начале декабря 1794 года и до жерминальского движения, начавшегося уже во второй половине марта 1795 года, и будет вторым периодом в истории парижских секций после 9 термидора, когда Конвенту и умеренным секциям приходилось уже иногда выступать и против своих союзников справа, против слишком реакционных и роялистских элементов.

8 декабря 1794 года Конвент постановил вернуть в свою среду 73 жирондистов, арестованных в связи с событиями 31 мая 1793 года). Через 3 дня депутации от 6 секций — от 3 буржуазных (Лепелетье, Горы и Вильгельма Телля) и 3 демократических (Брута, Общественного договора и Пик) — явились в Конвент поздравить его с возвращением жирондистов. Секция Лепелетье, явившаяся в полном составе, требовала провести везде чистку от робеспьеристов и заявляла: «Вы подтвердили истинное желание народа, призывая обратно в нашу среду 73 членов национального представительства, которые были изгнаны без суда диктатурой Робеспьера». Секция Горы просила именовать ее по-прежнему секцией Мельничного холма, говоря, что «она хочет забыть имя Горы, чтобы не вспоминать больше об угнетении, тирании и несчастьи».²

В середине декабря термидорианские газеты сообщали о попытках «злонамеренных» вести агитацию среди рабочих, направленную против Конвента.³ Среди рабочих с середины декабря усилился ропот на плохое снабжение, рост дороговизны и безработицу. По донесению полиции от 22 декабря 1794 года, среди рабочих велись разговоры о том, что «если вздорожание съестных припасов будет продолжаться, то придется почистить пики от ржавчины в животе торговцев» и что «гражданская война будет неизбежной»; что «для рабочего, нуждающегося в работе, стало невозможным существовать». 10 января 1795 года «на рынках различные рабочие вели разговоры о восстании и говорили друг другу, что если оно произойдет, то обрушится на виновников вздорожания товаров, не затрагивая их собственности». Росло враждебное отношение к термидорианскому Конвенту, в частности недовольство рабочих возбуждало увеличение жалованья депутатам до 36 ливров на день; но иногда агенты полиции приводили разговоры рабочих, которые показывают, что последние еще не совсем утратили надежду, что Конвент поможет им в нужде.

В департаментах при продовольственных волнениях во многих местах раздавались крики «да здравствует Гора, да здравствуют якобинцы!» В Авранше 21 января 1795 года, во вторую годовщину со дня казни Людовика XVI, кричали: «Да здравствуют якобинцы, долой день 9 термидора!»⁴

Демократические элементы в большинстве секций не возлагали, очевидно, уже надежд на секции. В связи с этим нужно отметить распространившиеся в середине декабря слухи о том, что «общие собрания секций должны быть отменены».⁵ Донесение полиции от 5 января 1795 года отмечало, что собрания секций были очень малочисленны.⁶ По словам Бабефа, то, что тогда называли «массой» в секциях, часто являлось 15—20 лакеями (valets).⁷ Буржуазные элементы, возобладавшие в секциях, стали усердно чистить их от террористов. 28 декабря 1794 года Конвент по предложению монтаньяров постановил арестовать бывшего профессора права Лакруа за выпущенную им роялистскую брошюру: «Французский зритель во время революционного правления» (Le spectateur francais pendant le gouvernement revolutionnaire).⁸

31 декабря делегации от таких буржуазных секций, как Лепелетье, Мельничного холма (бывшая секция Горы) и Тюильри, обличая не столько роялистов, сколько террористов, просили Конвент покончить с остатками робеспьеристов. Оратор от секции Лепелетье говорил: «Граждане представители, время не терпит, спешите поразить голову змеи: она лишь окаменела, благодаря действию собственного яда, но она собирается с силами, она выступает вперед, чтобы смертельно уязвить в сердце отечество, тогда как лев готовится броситься на вас, чтобы растерзать тех членов, которых он вам оставил. Однако их соединенная ярость останется безрезультатной; вы их предупредите, и любовь народа и его непобедимая рука явятся гарантией верного успеха». (Аплодисменты).⁹

На заседании Конвента 2 января 1795 года делегация от секции Единства также высказывалась против террористов и роялистов, указывая при этом, что секция позаботилась об обвинении тех, кто участвовал в событиях 2—3 сентября 1792 года, и ставила перед Конвентом вопрос, «не вызывает ли беспокойства у добрых граждан то обстоятельство, что они еще видят вокруг себя этих людей, которые пользуются безнаказанностью и каждый момент угрожают оживить систему террора, повергшую Францию в скорбь». Секция рекомендовала переизбрать командный состав национальной гвардии.¹⁰

9 января 1795 года собрание секции Друзей отечества носило бурный характер в связи с обвинениями в преступлениях членов прежнего революционного комитета. Два члена этого комитета были лишены своих полномочий и удалены с собрания, а третий — гражданин Лавинь — был обвинен перед революционным комитетом округа в произнесении слов, что «все, что сделал Национальный конвент после 9 термидора, никуда не годится» и что «Карье был жертвой». Собрания секций Сент-Антуанского предместья — Монтрейль и Кенз-Вен — были мирными, причем последняя секция постановила представить в Конвент петицию о предании суду или освобождении экс-генерала Россиньоля, подавлявшего восстание в Вандее при терроре и имевшего тогда столкновение с дантонистом Бурдоном из Уазы.¹¹ Когда 11 января делегация представила эту петицию в Конвент, то по предложению Бурдона из Уазы она была отослана в правительственные комитеты.¹² По сообщению антиякобинских газет, общие собрания секций 9 января (20 нивоза) занимались вопросом о представлении в Конвент петиции о чистке администрации и национальной гвардии, где находится еще много ставленников Робеспьера и якобинцев.¹³

В связи с арестом роялиста Лакруа и декретом Конвента от 8 января 1795 года (19 нивоза 3 года) о праздновании 21 января годовщины казни Людовика XVI стояли и выступления секций в Конвенте 10 января и в следующие дни. Секции выступали одновременно и против роялистов, и против террористов. 10 января Конвент заслушал делегации от секции Муция Сцевола со значительным количеством буржуазного населения и от умеренно-демократической секции Хлебного рынка. Оратором от последней секции выступил известный адвокат термидорианец Реаль, произнесший большую речь против роялизма. «Законодатели, — говорил он, — демократическая республика или смерть; вечная война, война на смерть роялистам, — вот крики, которые раздались в нашем собрании при чтении декрета, постановившего устроить празднество 2 плювиоза (21 января), в годовщину казни последнего тирана... Этим декретом вы объявили, что плоды бессмертного дня 9 термидора принадлежат только истинным, искренним патриотам. Этим декретом вы поразили лицемеров, шарлатанов всех партий; под разными масками все они друзья королей...

Большие преступления, пролитая кровь, кровь, которой не требовали отечество, справедливость, вызвали суровые меры, и вы вынуждены устроить большой процесс; патриоты аплодировали этим мерам, потому что они видели в них спасение свободы. Но вы не скрывали от себя, что по различным мотивам и роялисты могли одинаково аплодировать им. В людях, которых преследует национальная справедливость, роялисты ненавидят менее сообщников Робеспьера, чем революционеров 14 июля 1789 года и 10 августа 1792 года. Роялисты радуются не наказанию вмененных в вину преступлений, а гибели патриотов. Ваш декрет, законодатели, заставит умолкнуть их бесстыдную радость, уничтожит их губительные для свободы надежды. В этот день 2 плювиоза в Париже, во всех городах, во всех деревнях, в армиях, на суше, на море, вся Франция, поднимаясь, поклянется над трупом последнего тирана; «Республика демократическая или смерть». В ответном слове президент собрания также говорил о единой, неделимой и демократической республике. На том же заседании делегация от национальных волонтеров также приветствовала Конвент за его декрет от 8 января и свидетельствовала о своей преданности республике.¹⁴

11 января в Конвент явились делегации от секции Ломбар и Монблан. Оратор от секции Ломбар, где значительные буржуазные элементы не одержали, по-видимому, еще окончательной победы, высказывался за демократическую республику и приветствовал Конвент за предание суду автора, проповедовавшего роялистские принципы. Представитель самой умеренной секции северных предместий — Монблан — тоже высказывался за демократическую республику и против роялистов, но говорил больше против террористов и якобинцев, которые стремятся возбудить народ, пользуясь продовольственным кризисом, и требовал чистки администрации от террористов. После ответа президента и предложения внести адрес в бюллетень, с трибун раздался свист и послышался голос: «Это роялистский адрес, поместите его в бюллетень». Тогда Андре Дюмон, указывая на то, что трибуны наполнены якобинцами, предложил принять меры против тех, кто оскорбляет народное представительство. Монтаньяр Руами назвал его самого роялистом, но Конвент принял предложение Андре Дюмона.¹⁵ В тот же день Конвент декретом подтвердил изгнание из Франции вернувшихся эмигрантов и сосланных священников.¹⁶

На заседании 14 января делегация от буржуазной секции Вильгельма Телля требовала чистки командного состава национальной гвардии, высказываясь при этом не столько против роялистов, сколько против террористов. Войну на смерть сторонникам Робеспьера и всем кровопийцам провозглашал и президент собрания Андре Дюмон. На том же заседании демократическая секция Бонконсейль высказывала возмущение против роялизма, но порицала и террористов.¹⁷

Перед общими собраниями секций 19 января 1795 года (30 нивоза 3 года) в кафе золотой молодежи Шартр мюскадены предлагали отправиться каждому в свои секции, чтобы проводить свои взгляды. С другой стороны, полиция доносила 19 января, что 3 секции Сент-Антуанского предместья намереваются отправиться в Конвент с петицией.¹⁸ 20 января буржуазная секция Елисейских полей и мелкобуржуазная секция Общественного договора, явившаяся в полном составе, представили Конвенту адреса против его врагов, главным образом, против террористов, и приглашали очистить от последних командный состав национальной гвардии. В адресе секции Общественного договора было упоминание о «ложных, коварно распространяемых страхах относительно продовольствия».¹⁹ В тот же день Конвент принял декрет о переизбрании секциями среднего командного состава (офицерского) национальной гвардии.²⁰ На другой день делегация от секции южных предместий — Обсерватории, которая 9 термидора была за Коммуну и после в течение полугода не появлялась, по-видимому, в Конвенте, приветствовала теперь работу Конвента и указывала, что террористы стремятся использовать жестокую нужду, «чтобы оклеветать царство справедливости и порядка» и чтобы вызвать движение против Конвента. Делегация требовала чистки администрации от террористов и сурового наказания «подкупленных и продажных фурий, которые осмеливаются каждый день оскорблять Конвент даже в его среде».²¹ Тут имелись в виду выкрики на трибунах Конвента против термидорианских депутатов со стороны демократически настроенных женщин, о чем нередко сообщали тогда полицейские донесения в газеты.²²

19 января на декадном собрании секции Вильгельма Телля было впервые спето «Пробуждение народа», призывавшее к мести кровопийцам и ставшее песнью золотой молодежи и марсельезой реакции.²³

Празднование 21 января годовщины казни Людовика XVI превратилось в манифестацию против роялистской и особенно против якобинской «тирании». Символически это выразилось в сожжении в Национальном саду манекена, изображавшего короля и Робеспьера. Якобинец был с кинжалом в одной руке, с стаканом, наполненным кровью, в другой и с короной на голове. Произошла попытка братанья золотой молодежи с Сент-Антуанским предместьем, и секция Монтрейль послала 20 января делегацию к молодым людям в их кафе Шартр.²⁴ 21 же января Конвент постановил считать день 9 термидора праздником, как день падения другой, якобинской «тирании». Инициатор этого предложения депутат Оливье Жерант мотивировал его следующим образом: «В этот день, когда роялизм умер, нужно, чтобы равным образом умер и терроризм. (Аплодисменты). Со времени 9 термидора царство справедливости позволяет, наконец, французскому народу вздохнуть. (Новые аплодисменты). Нужно, чтобы сегодня в присутствии народа Конвент высказал свое формальное возмущение терроризмом». (Живленные аплодисменты).²⁵

Бабеф называет 5 секций, которые в январе 1795 года выделили лозунг демократической конституции 1793 года, а именно: кроме названных выше секций Хлебного рынка и Ломбара, еще секции Вооруженного человека (с смешанным населением), Дружбы отчужденцев (мелкобуржуазная) и Гравилье (ремесленно-рабочая).²⁶

В последних числах января в Конвент снова было представлено несколько адресов от секций против роялистов, а главным образом, против террористов. Адрес буржуазной секции Тампля, представленный Конвенту 30 января, был направлен преимущественно против сторонников Робеспьера и обвинял, исходя из постановления общего собрания секции от 19 января, членов бывшего революционного комитета в злоупотреблении своею властью.²⁷ Секция Лепелетье (в полном составе) жаловалась на выпуск из тюрем сторонников террора и объявляла войну на смерть роялистам и террористам: «Мы поклялись в вечной ненависти к сторонникам королей, сегодня ту же самую клятву мы произносим против всякого, кто стремится к тирании. Итак, война роялизму, но война также всем якобинцам, убийцам и террористам. Мы заботимся об общественном проклятии принципов тех и других, потому что под разными именами они стремятся к одной и той же цели — к восстановлению тирании. После этого торжественного провозглашения наших чувств мы требуем скорого суда над убийцами народа...». Указывая, что сторонники Робеспьера и им подобные «каждый день дерзко оскорбляют национальное правосудие, говоря, что гильотина скоро вернется», секция Лепелетье заявляла: «Нет, мы поклялись в том со всем народом: царство террора прошло».²⁸

Понятны эта ожесточенная ненависть к красному террору и страх перед ним со стороны такой архибуржуазной секции, как секция Лепелетье. Но антиякобинская реакция захватила и демократические секции.

31 января секция Брута (в полном составе) также обвиняла заговорщиков и террористов: «Представители, поразите самых главных виновников стольких преступлений: Робеспьера более нет, но его нечистые остатки еще волнуются. Пусть правосудие коснется, наконец, этих людей. Они служат объединительным центром для всех заговорщиков, они находятся во главе меньшинства, разъяренного, когда оно видит, что власть и тирания ускользнули из их рук; они главари тех, кто в этом зале угрожал умертвить представителей».²⁹

На том же заседании Конвента 31 января было оглашено постановление секции Вильгельма Телля от 29 января (10 плювиоза) о наказании главных виновников режима 1793 года и об устранении со всех общественных должностей членов бывшего революционного комитета секции. Это постановление было разослано во все остальные секции с приглашением присоединиться к нему.³⁰

II. Выступления секций в Конвенте в феврале и в первой половине марта 1795 года

Борьба на общих собраниях секций в феврале 1795 года и выступления их тогда в Конвенте были связаны прежде всего с кампанией за удаление праха Марата из Пантеона, а его бюстов — из общественных мест. Буржуазная молодежь начала разбивать бюсты Марата в театрах и кафе еще с половины января, а с февраля она стала уже требовать удаления праха Марата из Пантеона. Термидорианцы после слабого сопротивления скоро уступили: по декрету 8 февраля 1795 года (20 плювиоза 3 года) почести в Пантеоне могли присуждаться не раньше 10 лет после смерти.³¹ Отпор этой антимаратистской кампании пытались дать 2 секции Сент-Антуанского предместья — Кенз-Вен и Монтрейль. 8 февраля полиция доносила о намерении граждан Сент-Антуанского предместья отправиться массою в первый ближайший день декады в Конвент и отнести туда бюсты Марата и Лепелетье, поместив их по обе стороны президента собрания.³² В тот же день в секцию Монтрейль явилась депутация от секции Кенз-Вен с принятой петицией о восстановлении бюстов Марата и Лепелетье и с требованием демократической конституции и прав человека. На собрании секции Монтрейль одни требовали немедленного голосования названной петиции, другие — предварительного обсуждения. Прения затянулись до 10 часов вечера, и хотя петиция не была принята, но сторонники ее решили все же присоединиться к секции Кенз-Вен и отправиться в Конвент). «Вечерний вестник», орган золотой молодежи, писал по этому поводу, что Марат, «апостол грабежа и убийства, бог якобинцев, изгнанный из Пантеона, Конвента, секций, театров, кафе и частных домов, нашел себе убежище в предместьях».³³

В буржуазных секциях, наоборот, разбивали или удаляли бюсты Марата: так, на собрании секции Французских гвардейцев 8 февраля были разбиты бюсты Марата и разорваны гравюры, изображавшие Горю; из зала заседаний секции Лепелетье были удалены бюсты Марата и Шалье, гражданские венки с этих бюстов сожжены.³⁴ Еще 5 февраля в кафе Шартр молодыми людьми было сделано предложение отправиться в день декады (20 плювиоза или 8 февраля) в секции, чтобы заставить убрать бюсты Марата.³⁵ Антиякобинский «Республиканский курьер» был доволен отношением секций к вопросу о бюстах Марата, а также постановлениями большинства секций о назначении комиссаров для собирания всех фактов, касающихся поведения членов революционных комитетов до 9 термидора, и о поручении им сделать доклады на общих собраниях секций. Секция Марата приняла свое прежнее название секции Французского театра, а секция Шалье стала по-прежнему называться секцией Терм.³⁶

Антитеррористические адреса были представлены в Конвент 9 февраля от секций Монблан, Друзей отечества и Гренельского фонтана. Представитель секции Монблан благодарил Конвент за изданный им 20 плювиоза декрет относительно Пантеона, обвинял сторонников Робеспьера, сожалеющих о терроре, в разжигании гражданской войны и требовал суда над обвиняемыми членами Конвента, устранения деятелей террора со всех общественных должностей и запрещения «опасных сборищ, политических клубов и кафе». Оратор секции Друзей отечества также выдвигал против якобинцев обвинение в том, что «они стремятся зажечь факел гражданской войны»; говорил, что депутаты, проповедующие якобинизм и возвращение к системе террора, не являются «истинными народными представителями», и обвинял членов бывшего революционного комитета секции как приверженцев Робеспьера. Он требовал для них не смерти, а постоянного выставления на общественный позор.³⁸ Аналогичный адрес был представлен и секцией Гренельского фонтана, где было значительное количество буржуазных элементов. Адрес выражал одобрение декрету о лишении Марата почестей Пантеона, провозглашал «войну террористам, плутам, анархистам и сторонникам монархии», требовал наказания сентябрьских убийц, вооружения добрых граждан для защиты Национального конвента и обвинял членов революционного комитета секции.³⁹

На заседании 10 февраля депутации от 6 секций — 2 буржуазных (Мельничного холма и Французских гвардейцев), 3 мелкобуржуазных (Пик, Марата и Братства) и 1 ремесленно-рабочей (Бон-Нувель) — заявили о своей солидарности с работой Конвента и об одобрении декрета об удалении из Пантеона праха Марата и других революционеров. Секция Мельничного холма обвиняла прежний революционный комитет секции в притеснении граждан и требовала разоружения террористов, имеющих большею частью оружие, отнятое у буржуазной части этой секции. Секция Французских гвардейцев указывала, что сторонники Робеспьера были в секции против призвания в Конвент 73 жирондистов; заявляла, что не считает представителями народа тех, кто был убийцей; требовала скорого наказания наиболее виновных и обвиняла якобински настроенных женщин, заполняющих трибуны Конвента.

Секция Пик одобряла декрет о депантеонизации Марата и требовала чистки администрации и запрещения в Конvente выражать одобрение и неодобрение, возмущаясь некоторыми женщинами, «которые с чувством радости и ярости смотрели на пролитие крови, а теперь являются мешать работе Конвента и клеймить презрением его декреты». Секция Марата сообщала Конвенту о постановлении общего собрания секции дать секции прежнее наименование Французского театра, требовала сообщения комиссии 21 относительно обвиняемых бывших членов правительственных комитетов (Билло-Варенна, Колло д'Эрбуа, Барера и Вадье), считая выводы комиссии уже predeterminedенными, и просила, наконец, вернуть артистов французского театра, ссылаясь при этом «на интересы торговли Сен-Жерменского предместья и ценность национального имущества этого театра». Этой петиции секции Французского театра в Конvente часто и живо аплодировали.

Оратор секции Братства, окруженный значительной толпою граждан, заявил: «Законодатели, бюст Марата, этого проповедника диктатуры, идола террористов, божества покойников-якобинцев, оскорблял взоры истинных республиканцев, друзей порядка, справедливости и законов». В дальнейшей своей речи представитель секции Братства требовал наказания террористов.

Секция Бон-Нувель одобряла депантеонизацию Марата, высказывалась за борьбу с остатками террористов и обвиняла членов бывшего революционного комитета секции, бывших «агентов Эбера и Робеспьера, ревностных сторонников грабежа, убийства и анархии». Намекая на бывших членов правительственных комитетов, оратор секции сказал: «Прошло 6 месяцев, как тиран погиб на эшафоте, а первые визири, его истинные поверенные, предполагаемые наследники диктатуры, еще живут. Поразите же главарей, первых зачинщиков, главные орудия злого гения».⁴⁰

Преследования в секциях направлялись прежде всего против членов прежних революционных комитетов. Так, в это время был арестован бывший революционный комитет мелкобуржуазной секции Общественного договора.⁴¹

Собрания секций (Бонксейль, Музея, Гривилье, Северного предместья и др.) 18 февраля (30 плювиоза) были очень бурными. Спокойствие на них с трудом было восстановлено. В секции Мельничного холма читали список бывших якобинцев с 1793 года, называли их ворами, террористами и кровопийцами. Общее собрание секции Друзей отечества постановило преследовать членов прежнего революционного комитета секции и всех лиц, имевших близкие отношения с ними.⁴² По донесению полиции от 20 февраля, шумные волнения во многих секциях в последнюю декаду сильно занимали умы. Одни усматривали в этих волнениях борьбу между угнетенными и угнетателями; другие приписывали их усилиям аристократии, желающей обуздать патриотизм. Мирные граждане считали эти волнения вредными для общественных дел. Полиция считала мало вероятным сообщение, будто граждане секции Ломбар заявили, что в ближайшую декаду они разорвут Декларацию прав человека, в ответ на что последовали угрозы со стороны патриотов.⁴³ Очевидно, в ряде демократических секций была сделана попытка дать отпор наступлению реакционеров.

Недаром 20 февраля в кафе золотой молодежи — Шартр — было сделано предложение разогнать «разбойников», которые обходят секции, чтобы их поднять.⁴⁴ В том же кафе 22 февраля жаловались, что выпускают на свободу, членов бывших революционных комитетов.⁴⁵

Консервативно-буржуазным элементам удалось однако завоевать новые секции: среди депутатий в Конвенте 19, 20 и 23 февраля мы видим, наряду с буржуазными секциями Тюильри, Елисейских полей и Верности (раньше — Коммуны) и демократическими секциями Хлебного рынка и Пуассоньер, где антиякобинские элементы одержали верх раньше, также секции Республики, Красного колпака. Музея и Гравилье, которые еще не заявляли о своей солидарности с антиякобинской политикой Конвента. Оратор секции Тюильри выразил одобрение декрету об удалении праха Марата из Пантеона и, стремясь направить борьбу исключительно против террористов, заявил: «Достаточно пролито крови. Свобода, равенство, демократическая конституция, славный мир с побежденными тиранами, — таковы надежды истинных друзей отечества. Законодатели, вам беспрестанно говорят о роялистах; хотят рассеять ваше внимание, но предоставьте республиканцам заботу сохранить республику. Свобода стоила нам достаточно дорого, чтобы защищать ее до смерти». В таком же антиякобинском духе были и адреса секций Елисейских полей. Республики и Пуассоньер. Секция Верности, явившаяся в полном составе, заявила, что она с нетерпением ждет доклада комиссии 21 относительно бывших членов Комитета общественного спасения. Секция Хлебного рынка выражала одобрение декрету относительно почестей Пантеона и требовала чистки администрации от террористов и разрушения памятника на площади Инвалидов, изображающего поражение федерализма и деспотизма. Секция Красного колпака сообщала о разбитии в секции 8 февраля бюста Марата и заявляла об одобрении секцией декрета относительно удаления праха Марата из Пантеона, указывая одновременно, что она ждет сообщения комиссии 21.

Оратор секции Музея прочитал при оживленных аплодисментах следующий адрес: «Граждане представители, секция Музея, освободившись, наконец, от ига террористов и интриганов, является посвятить верным представителям народа первые и запоздалые моменты своей истинной свободы. Она является, чтобы обратить ваше внимание на беспечных и потребовать всей вашей суровости против кровопийц и террористов всей республики и специально секции Музея. Ваши сограждане не будут вас поздравлять за ваши славные труды; вы исполнили свой долг, они выполняют свой. Смерть кровопийцам и роялистам, война террористам и интриганам, мир добродетельным гражданам, уважение и повиновение законам, нерушимая любовь к отечеству, к справедливости и к Конвенту, — таков будет всегда наш девиз, таковы чувства и желания граждан секции Музея».⁴⁶

23 февраля в Конвент явилась в полном составе секция Гравилье, разорвала в присутствии Конвента знамя, данное секции Анрио, и приветствовала Конвент, высказавшись при этом против террористов. «Представители народа, — говорил оратор секции, — секция Гравилье, явившаяся одна из первых, чтобы атаковать заговорщический муниципалитет, исчезновения которого добились национальная месть, является сегодня в полном составе, чтобы заявить вам о чувствах, высказать которые ей могли некоторое время помешать, но которые никогда не изглаживались из сердец ее многочисленных жителей...

Пусть свобода не будет более пустым звуком, равенство басней и пусть повсюду уважение к собственности станет основой общественного строя... Не терпите подстрекателей, с какой бы стороны они ни были»... Равенство это секция Гравилье, где вождь бешеных Жак Ру пользовался таким влиянием, мыслила в мелкобуржуазном духе, в соединении с собственностью. Президент собрания, бывший дантонист Бур дон из Уазы, выразил в ответной речи удовлетворение, что население секции Гравилье, «которое 9 термидора маршировало в полном составе против разбойников, является, наконец, вопреки всем интригам, которыми его волновали, чтобы заявить о своих чувствах правосудия и особенно честности, которыми оно всегда было одушевлено, и присоединиться к национальному представительству». Далее Бурдон из Уазы призывал секцию Гравилье, бывшую оплотом бешеных, к классовому миру: «Граждане, вернитесь к вашим очагам, скажите старикам, которые не могли вас сопровождать, что Конвент не делает различия между гражданами, что все граждане равны и что братство является одной из наиболее прочных основ свободы». (Аплодисменты).⁴⁷

На том же заседании 23 февраля Конвент потребовал по предложению бывшего дантониста Лежандра, чтобы комиссия 21 в экстренном порядке представила доклад по делу бывших членов правительственных комитетов. Вооруженная сила секций была в этот день, ввиду ожидаемого доклада комиссии 21, удвоена, что антиякобинские газеты считали «необходимой предосторожностью».⁴⁸ 2 марта после заслушивания доклада комиссии 21 по делу Билло-Варенна, Колло д'Эрбуа, Барера и Вадье Конвент принял постановление об их временном аресте.⁴⁹

На общем собрании секции Обсерватории 28 февраля (10 вантоза) было почти общее недовольство выпуском на свободу 3 членов прежнего революционного комитета секции.⁵⁰ Общие собрания секции Французского театра от 18 февраля и 8 марта приняли постановление об удалении в своем округе слова «смерть» на надписях «братство или смерть» на фасадах публичных и частных зданий. Граждане, по приглашению гражданского комитета секции, немедленно выполнили это постановление.⁵¹ Сент-Антуанское предместье продолжало однако оставаться оплотом якобинцев. В конце февраля и в начале марта полиция доносила о тайных собраниях якобинцев в Сент-Антуанском предместье. Одно собрание состояло из членов прежних революционных комитетов.⁵² Еще раньше, в первой половине февраля, антиякобинские газеты сообщали об объединении якобинцев в народное общество Сент-Антуанского предместья и об аресте некоторых на собрании, где обсуждался вопрос о посылке депутации на собрания секций.⁵³

С самого начала марта, наряду с продолжавшимся преследованием якобинцев, началась кампания за возвращение в Конвент жирондистских депутатов, объявленных вне закона за участие в федералистском восстании 1793 года. 1 марта это требование выставили в Конвенте буржуазные секции Единства и Мельничного холма. На том же заседании депутация от секции Рынка обвиняла якобинский журнал «Друг народа» в потрясении факелом гражданской войны и требовала разоружения всех террористов и их удаления с общественных должностей. Секции Арсенала и Муция Сцевола представили адреса, выражающие преданность Конвенту.⁵⁴

2 марта депутация от демократической секции Брута, указывая на агитацию в связи с недостатком продовольствия и дороговизной, приписывала нужду режиму террора и требовала разоружения террористов и пересмотра закона о подозрительных, т. е. солидаризовалась с тем, что потребовал на заседании 1 марта депутат Фрерон, вдохновитель золотой молодежи.⁵⁵ Секция Ломбар выставила требование об удалении с общественных должностей служащих, злоупотреблявших своею властью.⁵⁶ 3 марта мелкобуржуазная секция Инвалидов требовала от Конвента наказания убийц 2 сентября 1792 года.⁵⁷

Кафе Шартр было центром, откуда исходила агитация в секциях.⁵⁸ 4 марта (18 вантоза 3 года) Конвент издал декрет о возвращении в его среду депутатов, объявленных вне закона за восстание в 1793 году против монтаньярского Конвента,⁵⁹ а 9 марта он отменил празднование 31 мая как дня антижирондистской революции.⁶⁰ 10 марта (20 вантоза) в кафе Шартр было предложено отправиться по секциям с целью пригласить граждан поблагодарить Конвент за справедливую оценку жирондистским депутатам, и требовать разоружения всех якобинцев. Большая часть секций действительно назначила комиссии для выявления террористов.⁶¹

11 и 13 марта депутации от 6 буржуазных секций (Лепелетье, Тюитери, Прав человека. Французских гвардейцев, Нового моста и Верности) и 2 демократических (Французского театра и Обсерватории), в которых стали господствовать правые элементы, выразили одобрение декретам Конвента 8 и 9 марта относительно реабилитации и возвращения в Конвент жирондистов, поднявших летом 1793 года оружие против Конвента. От секции Французского театра говорил Фиефэ, один из вдохновителей золотой молодежи и деятельный участник позднейшего роялистского мятежа буржуазных секций против Конвента в вандемьере 4 года. В своей речи он указал, что секция Французского театра имела мужество протестовать против событий 31 мая и 2 июня 1793 года, и требовал обезоружения террористов и войны на смерть сентябристам. Оратор секции Лепелетье так излагал свое понимание событий 31 мая и 9 термидора: «День 31 мая создал террор, а при посредстве террора была организована тирания. День 9 термидора уничтожил террор и тиранию. Люди 9 термидора не могут ведь быть людьми 31 мая».⁶²

На заседании Конвента 13 марта депутация от секции Французских гвардейцев напомнила о своей поддержке жирондистов в конце мая 1793 года, сообщала о постановлении секции относительно назначения комиссии для обнаружения виновных в событиях дней 31 мая и 2 июня и высказывалась против роялистов и кровопийц. Депутация секции Нового моста указывала на виновников 31 мая в своей секции. Секция Верности требовала наказания убийц 2 и 3 сентября 1793 года.⁶³

С начала марта среди рабочих предместий участились разговоры о восстании, отмечаемые агентами полиции еще и раньше.⁶³ Рабочие вели оскорбительные речи против Конвента.⁶⁴ В качестве лозунга восстания выдвигалось требование конституции 1793 года.⁶⁵ Но с ростом нужды и народного недовольства усиливались и преследования «якобинцев», каковыми термидорианцы называли всех демократов, не примирившихся с господством буржуазной реакции. Однако антитеррористическая кампания только способствовала политическому оформлению того протеста, который в течение зимы назревал в народных массах предместья и вызывался первоначально тяжелым продовольственным положением и особенно совершенно недостаточным снабжением хлебом.

Таким образом, если через 4 месяца после 9 термидора буржуазная реакция восторжествовала в 31 секции из 48, то в следующие 3 1/2 месяца — с декабря 1794 года и до половины марта 1795 года — она захватила еще 11 секций из 17, относительно которых в «Монитёре» и в сообщениях полиции и газет нет прямых указаний, что они до декабря 1794 года выразили свою солидарность с политикой термидорианского Конвента. Из этих 11 секций, где победили правые элементы, 4 секции имели преобладающее или значительное количество буржуазного населения (Тюильри, Рынка, Верности или раньше Коммуны и Ломбар), 4 принадлежали к мелкобуржуазным секциям (Республики, Терм или раньше Шалье, Красного колпака или Западная и Инвалидов) и 3 к ремесленно-рабочим (Музея, Гравилье и Обсерватории).

Следовательно, через 7 1/2 месяцев после 9 термидора, перед началом жерминальского движения, буржуазной реакцией были захвачены все секции с преобладающим (14) или значительным количеством буржуазного населения (6), все мелкобуржуазные секции (13) и большинство секций ремесленно-рабочего характера (9 из 15). Если за второй период нет упоминаний об одной буржуазной секции (Сите), о трех со значительным количеством буржуазного населения (Арси, Вооруженного человека и Нераздельности) и об одной мелкобуржуазной секции (Соединения), то нужно сказать, что буржуазные элементы одержали верх в этих секциях еще осенью 1794 года.

Буржуазные секции шли во главе антитеррористической кампании зимой 1795 года. Соппротивление буржуазной реакции продолжали оказывать только некоторые секции предместий, главным образом секция Сент-Антуанского предместья Кенз-Вен, тогда как другая секция этого предместья — Монтрейль — держалась умеренно, а третья — Попинкур — еще осенью 1794 года пошла за термидорианским Конвентом. Нет указаний, чтобы две секции южных предместий (Ботанического сада или раньше Санкюлотов и Финистер) и две секции северных предместий (Северного предместья и Бонди) выразили после 9 термидора свое одобрение политике термидорианского Конвента, а тем более, чтобы они приняли участие в изображенной выше антиякобинской кампании. Итак, лишь 6 секций предместий (Кенз-Вен, Монтрейль, Ботанического сада, Финистер, Северного предместья и Бонди) устояли против напора термидорианской контрреволюции. Часть этих секций (Кенз-Вен, Монтрейль и Финистер) и выступит в конце марта 1795 года в числе первых против буржуазной контрреволюции, выдвинувши лозунг: «Хлеба и демократической конституции 1795 года!».

1. «Moniteur», 10/XII-1794, № 80, p.338; Buchez et Roux, t.XXXVI, pp.188—189.

2. «Moniteur», 15/XII-1794, № 85, p.351; ср. Babeuf, «Tribun du peuple», № 28 (18/XII-1794), pp.242—243, 250.

3. «Journal de Perlet», 15/XII-1794, Paris, t.1, p.313.

4. Paris, t.I, pp.309, 330, 379, 391, 385, 389, 407, 412, 435, 440, 490, 515 и др. Подробнее о нужде в Париже зимой 1795 года см. в моей работе «Экономическая политика термидорианской реакции», стр.217, 220, 231, 233, 235, 237 и др. (1930 г.). Cardenal L. La province pendant la revolution. Histoire des clubs jacobins (1789— 1795), p.224 (1929).
5. Paris, t.I, p.309, R. 13/XII-1794.
6. Paris, t.I, p. 366, R. 5/I-1795.
7. Babeuf, «Tribun du peuple», № 29, (8/I-1795), p. 272.
8. «Moniteur», 30/XII-1794, № 100, p.415; Buchez et Roux, t.XXXVI, pp.203—204.
9. «Moniteur», 2/I-1795, № 103, p.426.
10. «Moniteur», 5/I-1795, № 106, pp.438—439.
11. Paris, t.I, pp.376, 377, R. 10/I-1795.
12. «Moniteur», 13/I-1795, № 114, p.472.
13. Paris, t.I, p.378, «Courrier republicain», III-1795; «Nouvelles politiques», 161.
14. «Moniteur», 12/I-1795, № 113, pp.467—468.
15. «Moniteur», 13/I-1795, № 114, pp.471—472.
16. «Moniteur», 10/I-1795, № 115, p.474; «Bulletin des lois», an 3, № 110 (577).
17. «Moniteur», 16/I-1795, № 116, pp.483—484.
18. Paris, t.I, pp.400, 401, 403, R. 18, 19! 1795.
19. «Moniteur», 22/I-1795, № 123, p.507.
20. «Moniteur», 23/I-1795, № 124, p.511.
21. Там же, стр.512. На том же заседании многие секции домогались быть заслушанными, но в отчетах в дальнейшем нет сведений об этих выступлениях («Moniteur», 24/I-1795, № 125, p.525).
22. Paris, t.1, pp.384, 390, 398 и др.
23. Там же, т.I, стр.409—411, «Messenger du soir», 21/I-1795.
24. Там же, т.I, стр.408, R. 2/I-1795, «Nouvelles politiques», 22/I. См. далее стр.411—415, где описано празднество 21/I, на котором в данной связи я не могу останавливаться подробнее.
25. «Moniteur», 24/I-1795, № 25, pp.515—516.
26. Babeuf, «Tribun du peuple», № 30, (23/I-1795); p.295; № 31, (28/I-1795) p.315.
27. «Moniteur», 1/I-1795, № 133, p.518.
28. «Moniteur», 2/II-1795, № 134, pp.550—551.
29. Там же, стр.552.
30. «Moniteur», 3/II-1795, № 135, p.554
31. Bulletin des lois, an 3. № 121 (№ 641), «Moniteur», 10/II-1795, № 142, p.584; Buchez et Roux, t.XXXVI, pp.220, 229—231.
32. Paris, t.1, p.464, R. 8/II-1795.
33. Там же, т.I, стр.465, R. 9/II-1795.
34. Там же, т.I, стр.473 «Messenger du soir», 11/II-1795.
35. Там же, т. I, стр. 466—467, R. 9, 11 1795.
36. Там же, т.I, стр.457, R. 6/II-1795.
37. Там же, т.I, стр.470, «Courrier republicain», 10/I-1795. Совершенно то же сообщение помещено и в «Moniteur», в статье, написанной 10 февраля («Moniteur», 13/II-1795, № 145, p.593).
38. «Moniteur», 11/II-1795, № 143, pp.587—588.
39. «Moniteur», 12/II-1795, № 144, p.590.
40. «Moniteur», 13/II-1795, № 145, pp.594—595.
41. Paris, t. I, p. 483, R. 5/II 1795.
42. Там же, т.1, стр.490, 491, R. 19/II-1795.
43. Там же, т.1, стр.493, R. 20/II-1795.
44. Там же, т.1, стр.496, R. 21/II-1795.
45. Там же, т.1, стр.501, R. 23/II-1795.
46. «Moniteur», 22, 23/II-1795, № 154, 155, pp.631—632, 634—635.
47. «Moniteur», 27/II, № 159, p.651.
48. Paris, t.I, p.505, „Courrier republicain" 24/II-1795.
49. Moniteur, 4/III-1795, № 164, p.634; Buchez et Roux, t.XXXVI, p.234.
50. Paris, t.I, p. 530, R. 5/III-1795.
51. Там же, т.1, стр.533, «Courrier republicain», 9/III-1795; ср. стр.528 «Gazette française», 5/III-1795.
52. Там же, т.1, стр.510, R. 26/II-1795, ср. стр.541, R. 9/III-1795.
53. Там же, т.1, стр.467, «Gazette française», 9, 11 1795; ср. стр. 462, «Vedette», 8/III-795.
54. «Moniteur», 4/III-1795, № 164, pp.670—671. О журнале «L'Ami du peuple», ср. A.Mathiez. La reaction thermidorienne, p.102.
55. «Moniteur», 3/III-1795, № 163, pp.662-663; Buchez et Roux, t.XXXVI, pp.233—234.
56. «Moniteur», 5/III-1795, № 165, p.674.
57. «Moniteur», 6/III-1795, № 166, pp.679—680.
58. Paris, t.I, p.538, R. 8/III-1795, ср. стр.532, R. 6/III.

59. Bulletin des lois, an 3, № 129 (№ 639); ср. «Moniteur», 11/III-1795, № 171, pp.699—700.
- 60 Bulletin des lois, an 3, № 130 (№ 695); ср. прения «Moniteur». 12/III-1795, pp.702—703.
61. Общее собрание секции Музея решило собираться по декадам от 10 до 2 часов дня, так как вечером агитаторы часто производят шум. Это постановление было, очевидно, направлено против ремесленно-рабочих элементов секции (Paris, t.I, pp.546—547, 548, R. 11/III-1795).
62. «Moniteur», 14/III-1795, № 174, p.711.
63. «Moniteur», 15/III 1795, № 175, pp.715—716.
64. Paris, t.I, pp. 518, 561, 563, Rapport III, 13/III, 15/III-1795.
65. Paris, t.I, pp.524, 527, Rapport 3—4/III-1795.
66. Paris, t.I, pp.468, 488, Rapport 10/II, 18/II-1795.

ГЛАВА 6. ПРЕССА в ПАРИЖЕ ПОСЛЕ ДЕВЯТОГО ТЕРМИДОРА

I. Свобода печати после 9 термидора и антиякобинские памфлеты

9 термидора против Робеспьера выступила в Конвенте пестрая коалиция так называемых «левых термидорианцев», «болота» и экс-террористов. Решительная поддержка буржуазных секций, колебания и раскол в демократических секциях, пассивность народных масс обеспечили победу термидорианской коалиции над робеспьеристской Коммуной. Было бы ошибочно говорить при этом о коалиции буржуазных и рабочих секций. Такой коалиции не существовало ни 9—10 термидора, ни в первые месяцы термидорианской контрреволюции. Поддержка Конвента 9 термидора секциями Гравилье и Бон-Нувель, бывших центрами бешеных и эбертистов, являлась исключением, но раскол в демократическом лагере после 9 термидора оформился. В то время как Якобинский клуб продолжал защищать принцип революционного правления, Электоральный клуб, поддерживаемый главным образом ремесленно-рабочими секциями, выступал против революционного правления, но за восстановление Парижской коммуны и за введение в действие демократической конституции 1793 года. Это было продолжением линии бешеных и эбертистов.

Вопрос о свободе печати являлся при этом только одним из вопросов общей проблемы о революционном правлении или демократической диктатуре. Термидорианский Конвент провозгласил сохранение революционного правления, но фактически революционно-демократическую диктатуру сменила диктатура буржуазии, которая развернула белый террор. Эту диктатуру буржуазных элементов термидорианцы поддерживали и усиливали, демагогически прибегая к демократическим лозунгам и используя раскол в демократическом лагере. Буржуазная реакция после термидора не могла сразу выступить с вполне открытым забралом, не прикрываясь демократической маской. 9—10 термидора победа была, правда, одержана, но еще не закреплена, оставалось ликвидировать демократические секции и клубы, бывшие массовой опорой якобинской диктатуры. Против этих демократических клубов и демократических элементов в секциях термидорианцы повели борьбу в первые месяцы после 9 термидора. В этой борьбе они опирались на все правые элементы, часть которых выступала пока только в качестве временных союзников термидорианского Конвента в борьбе против демократов. Для обработки «общественного мнения» контрреволюция использовала такое могущественное орудие, как пресса.

Вопрос о прессе в Париже после 9 термидора принадлежит к числу мало разработанных в исторической литературе вопросов. Между тем классово-партийная борьба после 9 термидора шла не только в парижских секциях, в клубах и в самом Конвенте, она яростно велась и в прессе. Последняя дает яркое и довольно полное отражение той буржуазной контрреволюции, которая после 9 термидора стремилась ликвидировать все, что осталось от времени якобинской диктатуры, и поддерживала термидорианский Конвент в его антиякобинской политике, толкая его все более вправо.

По своей политической позиции газеты, журналы и памфлеты, выходившие в Париже после 9 термидора, разделялись в основном на четыре группы: 1) антиякобинские памфлеты и реакционные право-термидорианские газеты (18), часть которых превратилась потом в роялистские газеты; 2) буржуазно-республиканские, умеренно-термидорианские газеты (13); 3) демократические газеты (3), памфлеты, афиши и 4) журналы и брошюры Бабефа. Из них первые две группы, несмотря на известные разногласия между ними, должны быть отнесены к контрреволюционной прессе.

Разграничительная линия между газетами разных направлений прошла после 9 термидора прежде всего в связи с отношением к вопросу о свободе печати. Термидорианская антиякобинская пресса, чтобы иметь «свободу» травить якобинцев, клеветать на них и смешивать их с грязью, стала добиваться разгрома революционно-демократических организаций и тем самым содействовать дальнейшим успехам контрреволюционных выступлений под маской защитников «свободы печати».

После падения якобинской диктатуры это было первым вопросом, разделившим всю прессу на два лагеря. Антиякобинский — самый большой — требовал неограниченной свободы печати, т.е. свободы для травли якобинцев и монархической пропаганды. Якобинский высказывался за ограниченную свободу печати, понимая, что реакционные элементы воспользуются неограниченной свободой печати для клеветнической кампании против демократов. Вдохновителями антиякобинского лагеря были журналисты и вожаки буржуазной «золотой молодежи», сторонники белого террора по отношению к якобинцам; последние же находили поддержку среди ремесленников и рабочих предместий Парижа.

Важно отметить, что правые термидорианцы и их союзники из реакционных буржуазных и аристократических слоев часто драпировались в демократическую или по крайней мере в республиканскую тогу. И для нас поучительны не только ошибки демократов, но и неистовства реакции с гнусной клеветой на якобинцев, бесстыдной демагогией и маскировкой под республиканский и даже демократический цвет.

В сентябре 1794 года в Саду равенства происходили столкновения и споры относительно свободы печати и по поводу продажи антиякобинских листов. Мюскадены, эти будущие вандемеристы и участники роялистских манифестаций при Директории, осенью 1794 года занимались травлей якобинцев и разгоняли их палками, маскируя свои антиреспубликанские симпатии. Они выступали пока как приверженцы термидорианского Конвента, против которого они восстали в вандемере 4 года, когда уже не существовало опасности со стороны плебейских низов. Признавая к аресту якобинцев, мюскаденны притворно заявляли: «Мы признаем только Конвент».¹

Уже в начале августа 1794 г. одна право-термидорианская газета отмечала «свободу мыслей», установившуюся после падения Робеспьера, и добавляла: «Террор не надевает более узды на мысль».²

В первой половине октября в Париже распространился памфлет под заглавием: «Свободны мы или не свободны? Если мы свободны, мы можем говорить; если мы не свободны, нужно, чтобы мы сделали себя свободными». По словам одного немецкого корреспондента, термидорианцы «стремились прежде всего безраздельно овладеть общественным мнением, снова дать ему надлежащее направление путем неограниченной свободы печати и еще более подорвать значение якобинцев».⁴ Реакционер и эмигрант Монгальяр прямо указывал, что свобода печати является судом общественного мнения над якобинцами и нужна «для раскрытия преступлений террористов».⁵

В Якобинском клубе в августе 1794 года за свободу печати выступали правые члены клуба, скоро из него исключенные. 18 термидора 2 года (5 августа) Лекинио заявлял, что «только при тиране нет свободы мнений и печати».⁶ 28 термидора (15 августа) Реаль высказался за свободу печати, «которая была уничтожена триумvirатом, но которая является единственным средством установить свободу и устранить притеснения».⁷ Речи в защиту свободы печати наряду с нападками на террор при Робеспьере продолжались и 29 термидора (16 августа).⁸ На заседании 1 фрюктидора 2 года (18 августа) правый термидорианец Гальен выступил на защиту лозунга «свобода печати или смерть!». Дюфурни также заявил, что следует поставить вопрос о совместимости свободы печати с революционным правлением.⁹ На заседании 3 фрюктидора (20 августа) бывший дантонист Лежандр присоединился к лозунгу «свобода печати или смерть!», но другие (Караф и Изоре) высказывались за «свободу печати для патриотов, но не для аристократов»¹⁰). На заседании 6 фрюктидора (23 августа) Дюбуа-Крансе, защищая свободу печати, поскольку она не нарушает общественного порядка, считал невозможным допустить проповедь восстановления монархии, аристократии и фанатизма, уничтоженных революцией. Неограниченную свободу печати продолжали защищать Тальен и Реаль, заявивший, что «без нее нет свободы».¹¹ На заседании 11 фрюктидора (28 августа) некоторые члены Якобинского клуба возражали Реалю, считавшему неограниченную свободу печати совместимой с революционным правлением. Дюгем напомнил, что аристократы и умеренные маскируются патриотами и выступают как жертвы робеспьеризма, но нельзя вообразить, чтобы аристократы, роялисты, вандейцы и равнодушные вдруг сделали горячими защитниками свободы. «Неужели нас назовут, — спрашивал он, — продолжателями Робеспьера за то, что мы хотим заставить аристократов замолчать?»¹²

После того как 17 фрюктидора (3 сентября) Тальен, Фрерон и Лекуантр были исключены из Якобинского клуба и последний принял 19 фрюктидора 2 года (5 сентября) адрес народного общества г. Дижона о необходимости сохранения революционного правления, ареста подозрительных и ограничения свободы печати, в клубе окончательно победило мнение о несовместимости неограниченной свободы печати с революционным правлением. В клубе резко выступали против тех немногих членов (Дюфурни, Реаль, Лаво и Ион), которые продолжали говорить, что без свободы печати революционное правление превращается в правительство тираническое. Изоре заявил, что «якобинцы отвергают только неограниченную свободу печати, которая несовместима с революционным правлением». Монестье предложил принять резолюцию, что «свобода печати существует постольку, поскольку она может существовать согласно декларации прав».¹³ Карье в своей речи на заседании Якобинского клуба от 23 фрюктидора (9 сентября) заявил, что неограниченная свобода печати «может благоприятствовать только аристократии».¹⁴ На заседании 1 дня санкюлотиды (17 сентября) президент клуба Дельма, отвечая на выступление делегации секции Бонконсейль, присоединившейся к адресу Дижона, заявил, что «модерантизм является скрытой дорогой к королевской власти, а свобода печати — бесчестным оружием, при помощи которого хотят вернуть эту власть».¹⁵ 1 вандемьера 3 года (22 сентября) Леонар Бурдон указывал на то, что неограниченную свободу печати используют для контрреволюционных памфлетов. На заседании 9 вандемьера (30 сентября) снова несколько членов клуба высказывались против неограниченной свободы печати.¹⁶

Одновременно вопрос о свободе печати обсуждался в Конвенте. Лозунг «свобода печати или смерть!», выдвинутый Тальеном 18 августа в Якобинском клубе и повторенный им 2 фрюктидора 2 года (19 августа) на заседании Конвента, вызвал там аплодисменты.¹⁷ Кроме Тальена в защиту свободы печати выступил в Конвенте 4 фрюктидора (21 августа) Дюран Майян, один из влиятельных вождей «болота». Но ряд депутатов требовал мер против клеветников.¹⁸ На заседании Конвента 26 августа Фрерон выступил с проектом узаконения неограниченной свободы печати и, повторяя обычные реакционные нападки на «тиранию Робеспьера», утверждал, что ее не было бы, если бы существовала свобода печати.¹⁹

20 фрюктидора (6 сентября) Электоральный клуб представил в Конвент петицию с требованием неограниченной свободы печати²⁰). Против свободы печати для аристократов выступил на заседании Конвента 25 фрюктидора (11 сентября) Колло д'Эрбуа, сказавший: «Нельзя больше сомневаться. Патриотов притесняют. И кто их притесняет? Это аристократы, это контрреволюционеры». Оратор призывал к борьбе против тех, кто борется памфлетами, клеветой, сумасбродными обвинениями и кинжалами.²¹ Конвент не принял определенного решения по вопросу о свободе печати. Последняя установилась фактически и вызывала большую радость у правых журналистов (Лакретель и др.), связанных с золотой молодежью.²²

Свободой печати правые журналисты воспользовались, чтобы наводнить Париж осенью 1794 года контрреволюционными, клеветническими антиякобинскими памфлетами. Парижские газеты последних 5 месяцев 1794 года и начала 1795 года переполнены сообщениями о появлении и распространении этих антиякобинских памфлетов и афиш. «Французская газета» сообщала 12 сентября 1794 года о появлении памфлетов Барали «Фронт Робеспьера и его клики или необходимость свободы печати».²³ «Республиканский курьер» 15 сентября приводил названия нескольких появившихся памфлетов на тему о «хвосте Робеспьера»: «Защищай твой хвост», «Верните мне мой хвост, раз моя голова у вас», «Отрежем ему хвост».²⁴ 14 сентября один гражданин, который задержал женщину, продававшую памфлет «Разоблаченные якобинцы» и отвел ее в Комитет общественной безопасности, сам был арестован Комитетом.²⁵

Автором контрреволюционных памфлетов о «хвосте Робеспьера» был Жан Клод Меэ де ля Туш, выступавший под псевдонимом Фельтемези. Первый его памфлет против якобинцев, выпущенный 9 фрюктидора 2 года (26 августа 1794 года), носил название «Хвост Робеспьера или опасность свободы печати»²⁶). В этом памфлете Меэ напал на Билло-Варенна, Колло д'Эрбуа и Барера, бывших вместе с Робеспьером членами Комитета общественного спасения, и на якобинских депутатов и журналистов Одуена и Шарля Дюваля. Автор язвительно советовал разрешить свободу печати. Тюрио, член Комитета общественной безопасности, не допустил распространения этого памфлета, продолжением которого явился другой под названием «Верните мне мой хвост, или письмо Сартину Тюрио о нарушении свободы печати и прав человека».²⁷ Во втором памфлете Меэ отмечал, что его «Хвост Робеспьера» был назван якобинцами «клеветническим пасквилем» и приписывался «проискам аристократии» (стр.4). Выступая сторонником свободы печати, он писал, что «нужно предпочесть свободу печати тирании печати и свободу мнений тирании мысли» (стр.6—7). Свобода печати, по его мнению, не повредит революционному правлению, а поможет бороться с злоупотреблениями; что же касается террора, то последний «является торжеством аристократии и единственной надеждой заграницы». «Когда террор одинаков для добрых и дурных граждан, то нет никакого преимущества быть журналистом» (стр.7—8). Нападая на террор, этот контрреволюционный памфлетист называл его «матерью трусости» и «достоинством раба», говоря, что террор «приводит душу в оцепенение и отнимает у нее всю энергию» (стр.9). «Напрасно нам говорят, — утверждал автор, — что гидра

не оживет; я этому не доверяю. Она только искалечена, и сам Барер сказал нам в одном докладе мудрую и ужасную истину: только мертвые не возвращаются» (стр.11).

Третий антиякобинский памфлет Меэ назывался «Защищай твой хвост»²⁸; он обвинял «продолжателей дела Робеспьера» и в частности Карье в том, что они, подобно Робеспьеру, нападки на себя считают равнозначными нападкам на революцию (стр.5). Не стоило труда, полагал автор, освободиться от Робеспьера, чтобы сохранить робеспьеризм (стр.6). Четвертый памфлет Меэ назывался «Большой хвост Лорана Лекуантра»²⁹ и был направлен против депутата Л.Лекуантра, несмотря на то, что последний клеветал на Робеспьера в Конвенте и был вместе с Тальеном и Фрероном исключен 3 сентября из Якобинского клуба. Меэ обвинял Лекуантра и его друзей как бывших соучастников Робеспьера, а о Барере, бывшем докладчике Комитета общественного спасения, говорил, что он был перебежчиком из одной партии в другую. В ноябре 1794 года Меэ выпустил еще памфлет относительно сентябрьских дней.³⁰

Осенью 1794 года в Париже широко распространялись контрреволюционные памфлеты Жана Батиста Жоливе, выступавшего под псевдонимом Барали и Базюлер. После появления первого памфлета Меэ «Хвост Робеспьера» Жоливе написал «Фронт Робеспьера и его клики или необходимость свободы печати».³¹ К сторонникам Робеспьера он причислял тех, кто побуждал подписывать адрес народного общества г. Дижона о необходимости сохранения революционного правления, а также и членов Якобинского клуба — опасного общества, причины всех зол (стр.5—6). Контрреволюционный памфлетист стремился показать, что только неограниченная свобода печати может «просветить народ и депутатов», раскрыть интриги и снять маску с интриганов, и доказывал, что «одни плуты боятся света» (стр.8).

Продолжением первого памфлета Жоливе был другой под названием «Разоблаченные якобинцы».³² В уста своего предполагаемого собеседника автор вкладывал слова, что «спокойствие республики зависит от роспуска общества якобинцев и всех филиальных обществ» (стр.2), что 90 из 100 думают одинаково с ним и что народные общества составляли властолюбцы, интриганы и жаждавшие богатства (стр.6). Памфлетист возмущался, что якобинцы требовали от Конвента напечатания имен выпущенных из тюрем, и заявлял, что роспуска общества якобинцев требуют все «порядочные люди» (стр.8). Эпиграфом этого и следующего памфлета Жоливе были слова: «Молчать преступление, когда говорить полезно».

На заседании Якобинского клуба от 29 фрюктидора 2 года (15 сентября) Буен сообщал следующее о продаже второго памфлета Жоливе: «На всех углах Парижа можно видеть злодеев, которые стремятся ввести в заблуждение общественное мнение. Сегодня утром кричали во все горло и нахально раздавали всем прохожим памфлет под заглавием «Разоблаченные якобинцы». Я с удовольствием видел, как ремесленники, которым раздавали памфлет, брали его, бросали на него взгляд презрения и топтали его потом ногами». Желая подчеркнуть далее, что за якобинцев стоят бедные санкюлоты, а их противников надо искать в состоятельных верхах, оратор рассказал об одной бедно одетой женщине, которая защищала «добрых патриотов», за это женщины, «имевшие на шее и в ушах богатые и ценные украшения», обвинили ее в поддержке, якобинцев.³³

Третий контрреволюционный памфлет Жоливе назывался «Агония якобинцев».³⁴ В нем автор высказывал уверенность, что с ним согласны все «порядочные люди», считающие Конвент объединяющим центром для всех «добрых граждан» (стр.1). Якобинцы, по словам автора, не осмелятся вступить в полемику, зная, что общественное мнение неблагоприятно для них. Общество якобинцев клеветнически обвинялось в узурпации народного суверенитета, в соперничестве с Конвентом и сравнивалось с палатой лордов, стоящей над палатой общин, т.е. Конвентом (стр.5—6).

В четвертом памфлете «Отрежем ему хвост»³⁵ Жоливе приписывал якобинцам мнимое покушение на жизнь Тальена и заявлял, что «на конце хвоста — яд; эта поговорка слишком верна»; что «Робеспьера нет, но его дух продолжает еще жить; он одушевляет этот длинный хвост, которым нам угрожал» (стр.1). «Не будем, — призывал автор, — ожидать, чтобы он нас пожрал одного за другим» (стр.2); «если хвост змеи выпрямляется и стремится вытянуться, нужно его отрезать» (стр.3). Для памфлетиста подозрительны те, которые не были «порядочными людьми» в 1789 году (стр.4); те, «которые опасаются, видя двери тюрем открытыми» (стр.6). Жоливе выпускал и другие клеветнические антиякобинские памфлеты³⁶, в частности под названием «Якобинцы — аристократы, федералисты и контрреволюционеры».³⁷

К той же серии контрреволюционных памфлетов относится «Ответ свободного республиканца на «Хвост Робеспьера», написанный Мари и Прево.³⁸ В памфлете с иронией говорилось, что «сегодня говорят о хвосте, а завтра, поднимется вопрос о когтях» (стр.2). Робеспьер здесь иронически назывался «великим человеком». Относительно членов Конвента высказывалось пожелание, чтобы они работали как депутаты, а не как журналисты, подобно Одуэну (стр.4). Якобинцы назывались «наемниками Робеспьера», и против соучастников последнего делались выпады. К «хвосту Робеспьера» памфлет, выражая мнение состоятельных слоев, причислял всякого, «кто проповедует бедность и имеет мало имущества» (стр.6). Депутат Гюфруа, бывший дантонист, владелец типографии и друг Фрерона, опубликовал антиякобинский памфлет

«Звенья хвоста, или взгляд на настоящий момент», подписанный «Свободный республиканец».³⁹ Автор прославлял «революцию» 9 термидора, которая, выполнив желания всех, искренно приветствовалась громадным большинством (стр.1) и привела к казни «виновников предшествовавшей ужасной тирании». Гюфруа нападал на якобинцев, одоббивших «зажигательный адрес Дижона, который прямо требует восстановления террора, убийств и режима, существовавшего 8 термидора» (стр.9). Он осуждал ряд якобинцев за их речи в защиту террора и в частности Дюкенуа, который 1 сентября заявил: «В революции никогда нельзя оглядываться назад, нужно разить без пощады» (стр.5). На заседании Якобинского клуба 15 фрюктидора (1 сентября) Дюкенуа действительно сказал приписываемые ему слова, говоря о беспощадной борьбе с аристократией и «всеми, которые объявляют себя врагами общественного блага».⁴⁰

26 фрюктидора 2 года (12 сентября 1794 года) был напечатан анонимный антиякобинский памфлет «Верните мне мой хвост, или письмо Робеспьера Национальному конвенту».⁴¹ К «хвосту Робеспьера» в памфлете причислялись те, кто возбуждал раздоры в Конвенте, говоря о «Горе» и «болоте»; кто ходит в Якобинский клуб, чтобы побудить его направиться в Конвент; кто против свободы печати; кто хочет соперничать с Конвентом и господствовать над ним; кто за диктатуру; кто считает аристократическими возгласы «да здравствует Национальный конвент!»

Другой анонимный памфлет «Голова хвоста или первое письмо Робеспьера своим продолжателям»⁴²) клеветнически обвинял Робеспьера и его сторонников в намерении уничтожить республику и дать нации короля (стр.4); навлечь голод, говоря об изобилии; уничтожить торговлю, притворяясь, что покровительствуют ей; установить царство террора во имя мира и счастья; воздвигнуть, наконец, новый трон, вызывая беспрестанно о республике (стр.6—7). Члены Конвента назывались «честными, порядочными, беспристрастными, истинными республиканцами» (стр.4), но депутаты-якобинцы подвергались личным нападкам. Барер назван «довольно красноречивым фразером», Колло д'Эрбуа — «красноречивым после вина», а Билло-Варенн — «грубым». Контрреволюционный памфлетист указывал, что все последователи Робеспьера против свободы печати (стр.11). Сент-Омер из секции Музея в памфлете «Суд суверенного народа, который осуждает на смерть адский хвост Робеспьера»⁴³ нападал на Гору (из 20 человек) в Конвенте и на сторонников адреса Дижона и террора и выставлял себя последователем Марата (стр.14—15).

Специально против Карье и его сообщников, когда они осенью 1794 года были преданы суду, был направлен памфлет Ламберти «Позорные соучастники Робеспьера, оставшиеся у якобинцев».⁴⁴ Карье сравнивался с Тиберием, Нероном, Калигулой и Аттилой, а члены революционного комитета в Нанте обвинялись в грабеже своих жертв. Автор полагал, что в Нанте в течение одной зимы погибло 10—15 тысяч человек (стр.14), и требовал казни Карье (стр.14). В анонимном пасквиле «Новые диалоги мертвых. Диалог первый. Робеспьер и Нерон»⁴⁵ приводился разговор Нерона с Робеспьером, причем Нерон признает превосходство Робеспьера в убийствах и говорит ему: «Ты был чудовищем лицемерия» (стр.4); «ты проливал кровь единственно ради удовольствия ее проливать; мое поведение, сознаюсь, было поведением тирана, а твое царство было царством безумного чудовища» (стр.9). Робеспьер отвечал, что он и ему подобные подражали Нерону (стр.11).

Подобными нелепыми и гнусно-клеветническими пасквилями контрреволюционеры всех мастей натравливали «добрых граждан» и «порядочных людей» на якобинцев. Даже донесение полиции от 29 сентября отмечало, что «всякий смотрит с презрением на писания против якобинцев».⁴⁶ В собиравшихся на улице кучках прохожих шли горячие споры за и против якобинцев. 16 сентября одну разносницу памфлетов побили.⁴⁷ Умеренно-республиканская «Историческая и политическая газета Франции и Европы» писала 19 сентября, что выпускается много ядовитых памфлетов против якобинцев, причем забывают об услугах, оказанных Якобинским обществом в борьбе с аристократами, бриссотинцами, федералистами, фейянами и т.п.⁴⁸ 19 сентября в группах прохожих в связи с продажей антиякобинских памфлетов происходили столкновения.⁴⁹ 22 сентября полиция доносила о контрреволюционном возгласе одного скрывшегося в толпе: «Мнения свободны, и я говорю, что якобинцы и Конвент — плуты, губящие Францию».⁵⁰ По донесению полиции от 28 сентября, в одной собравшейся кучке осуждали грубые ругательства антиякобинских памфлетов, приписывая их роялистам.⁵¹

На заседании Якобинского клуба 7 вандемьера 3 года (28 сентября 1794 года) Одуен в речи, направленной против аристократии и встреченной аплодисментами, указывал, что «порядочные люди», от имени которых выступали клеветники якобинцев, — это богатые, умеренные, аристократы, эгоисты, господа. «Это все те бездельники по профессии, — говорил оратор, — богатые по наследству или миллионеры благодаря хищениям, низостям и преступлениям; безжалостные эгоисты, крайние сибариты, все они держат блестящий стол, едят самые тонкие блюда, пьют лучшие вина, полагая тем самым добродетель в чувственности, а отечество в своих желудках. Этими «порядочными людьми» являются еще аристократы всех цветов, умеренные, снисходительные и, наконец, этот пресловутый миллион отцов—кормильцев народа». Одуен правильно при этом заметил, что «аристократы хотят уничтожить якобинцев, после них Конвент и, наконец, республику». ⁵²

Осенью 1794 года правые газеты сообщали о появлении целого ряда новых антиякобинских памфлетов с такими кричащими названиями: «Адский клуб». ⁵³ «Завещание Робеспьера, найденное в ратуше», «Наяды», «Уши Одуена или преступления якобинцев» ⁵⁴ «Якобинцы в Пантеоне» «Война на смерть всем убийцам», «Крик крови требует мести» ⁵⁵, «Хвост Карье», «Первое заседание якобинцев в аду» ⁵⁶, «Якобинцы вне закона», «Письмо чувствительного Карье благотворителю Колло д'Эрбуа, переданное добродетельным Билло-Варенном» ⁵⁷, и ряд других. ⁵⁸ Даже право-термидорианские газеты еле успевали отмечать кратковременное внимание к такого рода бездарным пасквилям, наполненным бессодержательными речательствами по адресу якобинцев.

После возвращения 8 декабря 1794 года жирондистов в Конвент стали появляться брошюры уже с откровенно антиреспубликанскими и монархическими призывами. 8 нивоза 3 года (28 декабря) Конвент по предложению якобинца Дюгема постановил арестовать Лакруа, автора брошюры «Французский зритель во время французской революции», в которой ставилось под сомнение, что французский народ хочет республики. Автор предлагал организовать среди собственников и плательщиков налогов опрос, хотят ли они конституции 1793 года или 1791 года, и распустить Конвент, если опрошенное большинство выскажется в пользу конституции 1791 года. Революционный трибунал 20 февраля 1795 года однако оправдал Лакруа. ⁵⁹ Это освобождение открытого сторонника монархии возбудило радость среди роялистов-эмигрантов. ⁶⁰

Зимой 1795 года антиякобинские памфлеты появлялись уже не в таком количестве и не привлекали прежнего внимания. После закрытия Якобинского и других демократических клубов и казни Карье основная цель антиякобинских памфлетов, выпускавшихся осенью 1794 года, была достигнута. Позднее появлявшиеся памфлеты и брошюры связаны с конкретными моментами следующего этапа антиякобинской кампании. В середине февраля 1795 года в Париже распространялась брошюра «Преступления Ж.-П.Марата». Одновременно был расклеен «Адрес секциям и парижской молодежи», который приглашал их потребовать у Конвента наказать террористов. ⁶¹ К весне 1795 года стали учащаться случаи расклейки антитермидорианских афиш. Сами термидорианцы были озабочены вопросом, не пойдет ли народ за их противниками. Один анонимный памфлет, выпущенный, вероятно, зимой 1795 года под названием «Беглый обзор пути Национального конвента и его Комитетов после революции 9 термидора» ⁶², возлагал вину за голод на якобинцев (стр.19); автор его упрекал Робеспьера в том, что он стремился лишь к тому, чтобы сосредоточить власть в своих руках (стр.21). Признавая пестроту антиробеспьеровской коалиции 9 термидора, памфлет говорил о соединении тогда «добродетели и преступления», направленном к общему благу, но понимаемом различно (стр.1—2). В другом памфлете Левилю, появившемся, вероятно, весной 1795 года под заглавием «Совет преемникам Робеспьера от одного из самых горячих их сторонников или план поведения для всех звеньев хвоста». ⁶³ мнимый сторонник якобинцев советовал им остерегаться из-за боязни разоблачения давать свободу печати и не пренебрегать секциями, которые ночью 9 термидора присоединились к Конвенту. Стараясь успокоить противников якобинцев, автор памфлета вкладывал в уста одного из якобинцев слова, что «народ не будет за нами» (стр.12—13).

II. Право-термидорианские газеты

Все право-термидорианские контрреволюционные газеты писали в тоне рассмотренных выше антиякобинских памфлетов; они выражали мысли и чувства тех же «порядочных людей», классовое лицо которых разоблачил, например, Одуен на заседании Якобинского клуба 7 вандемьера 3 года (28 сентября 1794 года). В своей антиякобинской кампании контрреволюционные журналисты лицемерно выступали сначала под маской республиканцев и приверженцев Конвента, но после поражения прериальского восстания парижских предместий и устранения опасности демократического движения они оказались в оппозиции к Конвенту, и некоторые из них стали обнаруживать откровенно роялистские симпатии.

Некоторые оттенки различия среди право-термидорианских газет существовали и в первый период термидорианской реакции. Сотрудниками право-термидорианской прессы и вдохновителями кампании против «хвоста Робеспьера» были депутаты и экс-террористы Фрерон и Тальен, принадлежавшие к золотой молодежи журналисты Дюссо, Меэ, Шарль Гис, Лагард, братья Бертен, Гоше, Лакретель, Нейвиль, Мартенвиль и определенно роялистски настроенные Мишо и Рише де Серизи. Один из этих журналистов, Шарль Лакретель, останавливаясь позднее в своих мемуарах на могущественном влиянии прессы в период термидорианской реакции, сам указал ту платформу, которую защищали контрреволюционные термидорианские журналисты и которая была почти полностью осуществлена в течение 15 месяцев, протекших со дня падения якобинской диктатуры. Правые журналисты добивались отмены закона о подозрительных, возвращения жирондистов в Конвент, даже объявленных вне закона, что дало перевес в Конвенте умеренным депутатам; свободы печати и культа, возвращения непроданных имуществ осужденных семьям последних, отмены демократической конституции 1793 года, называемой ими «анархической», и составления новой конституции в согласии с бывшими жирондистами. Такова была развернутая программа контрреволюции без прикрас.

По словам Лакретеля, правые журналисты вели антиякобинскую кампанию в прессе, салонах и секциях, узурпировали представительство «общественного мнения» и оказывали влияние на термидорианских депутатов.⁶⁴ Нейвиль, сам принадлежавший к золотой молодежи, так писал о ней в своих мемуарах: «Мы сделались чем-то вроде диктатуры, которую никто не оспаривал, так как она отвечала тайным желаниям каждого. Во всех общественных местах — в театре, в секциях, кафе, на гуляньях — мы открыто кичились нашим всемогуществом, так как никто не осмеливался сомневаться в нем».⁶⁵

Вождь золотой молодежи Фрерон стал издавать с 25 фрюктидора 2 года (11 сентября 1794 года) газету «Оратор народа».⁶⁶ Экс-террорист Фрерон, один из отозванных Робеспьером за злоупотребления комиссаров Конвента, был гнуснейшим негодяем, ловким и подлым авантюристом от революции. Он далеко не был крупной политической фигурой, но все же нельзя согласиться с характеристикой Фрерона как полного ничтожества, какую дает ему в своих мемуарах Нодье. «Фрерон, — пишет Нодье, — не представлявший собой ничего ни по своему уму, ни по своему характеру, ни по своему значению, вдруг очутился во главе партии, сильной молодежью, энергией, местью, — этими двумя страстями того времени, которые управляли всем, — и молчанием законов, которые все допускали».⁶⁷ Один из членов Конвента назвал Фрерона «прирожденным клеветником».⁶⁸ На заседании Конвента 24 вандемьера 3 года (15 октября 1794 года) Леонар Бурдон жаловался Конвенту, что Фрерон в № 6 «Оратора народа» обвинял его в воровстве и убийстве; но Конвент не поддержал требования издать закон против клеветников и перешел к порядку дня.⁶⁹ В № 4 «Оратора народа» Фрерон клеветнически обвинял Вадье, бывшего члена Комитета общественной безопасности, в роялизме и тесной связи с Фукье-Тенвилем, прокурором революционного трибунала во время террора⁷⁰). Сотрудником «Оратора народа» был Ж. Дюссо, секретарь Фрерона. Агенты полиции и умеренно-термидорианские органы печати не одобряли сначала этой газеты, считая, что «Оратор народа» слишком уж разжигает страсти.⁷¹ Действительно, Фрерон нагло приветствовал закрытие Якобинского клуба.⁷² В обращении к французской молодежи от 23 нивоза 3 года (12 января 1795 года) он приглашал «пробудиться от летаргического сна и отомстить за смерть стариков, жен и детей, истребляя убийц и душителей. До каких пор, — спрашивал он, — обладающие просвещением и богатством будут удовлетворяться тем, что оглашают воздух бесполезными жалобами? Вы не допустите, — агитировал он, — чтобы ненавистная партия восторжествовала; вы уже закрыли клуб якобинцев, вы сделаете больше, вы их уничтожите».⁷³ Донесение полиции подтверждает, что призыв Фрерона нашел отклик у золотой молодежи, собиравшейся в кафе Шартр.⁷⁴

Яростную антиякобинскую кампанию вел «Вечерний вестник», защищавший интересы «порядочных людей» и натравливавший золотую молодежь на Якобинский и Электоральный клубы. Газета сама считала себя выразительницей чувств «порядочных людей». ⁷⁵ Эта контрреволюционная газета вскоре стала любимым листком мюскаденов и знатных дам, интриговавших против республики. ⁷⁶ Даже умеренно-республиканская «Историческая и политическая газета Франции» писала о клеветнических приемах «Вечернего вестника». ⁷⁷ После закрытия Якобинского клуба 23 брюмера 3 года (11 ноября 1794 года) и ареста многих якобинцев 19 ноября «Вечерний вестник» писал: «Имя революционного комитета не заставляет более дрожать; какой-либо разбойник в красном колпаке не имеет более права жизни и смерти в отношении лица, которое ему не понравится... Люди крови, разные Билло, Колло и бешеная банда называют это оживление мнения контрреволюцией». ⁷⁸ В каком тоне писал против якобинцев «Вечерний вестник», показывает, например, статья от 17 января 1795 года «Парижская молодежь поклялась уничтожить якобинцев; она сдержит свою клятву; патриоты, которых тирания рассеяла, чтобы лучше их умертвить, собираются, советуются, думают о средствах истребить людей крови». Далее газета рассказывает, как молодые люди собрались пообедать в одном ресторане во Дворце равенства, объявили войну на смерть якобинцам, предложили владельцу переименовать «Салон Горы» на «Салон друзей человечества» и потом стали нападать на «людей крови», крича: «Нужно с ними покончить; нельзя допустить, чтобы оставался хоть один из этих убийц на французской территории. Если мы их пощадим, пощадят ли они нас? Пощадил бы они нас, если бы вернулись снова, захватив бразды правления? Для общественного спокойствия важно, чтобы Конвент приказал судить без промедления главарей этой жестокой партии». ⁷⁹ 21 января 1795 года «Вечерний вестник», публикуя текст новой песни Суригера «Пробуждение народа», направленной против «террористов», называл ее «патриотическим гимном друзей свободы, справедливости и Конвента» и выражал пожелание, чтобы эта песня раздалась в годовщину казни короля, в день, который «должен быть посвящен выражению отвращения к тирании» как соучастников Капета, так и слуг Робеспьера. «Война всем тиранам, — лицемерно провозглашала газета, — таков должен быть лозунг друзей свободы; все людоеды, которые питались телом народа и пили его кровь, должны быть осуждены на смерть, подобно королям». ⁸⁰ В феврале и марте 1795 года «Вечерний вестник» подстрекал мюскаденов разбивать бюсты Марата и одобрял все бесчинства золотой молодежи.

Травлей якобинцев и народных обществ занимался далее «Республиканский курьер», издававшийся аббатом Понселеном. Эта газета доводила до сведения своих читателей о появившихся новых антиякобинских памфлетах, делала выпады против демократической прессы, защищала позицию термидорианцев в Конвенте, вела зимой 1795 года кампанию за удаление из общественных мест бюстов Марата; но газета интересовалась и вопросами продовольствия, так как опасалась возможных волнений на этой почве. Название газеты могло лишь вводить читателей в заблуждение. Она ставила себе особой задачей публикацию интересных для публики новостей ⁸¹ и сообщала много деталей о жизни в Париже во время термидорианской реакции. После закрытия Якобинского клуба «Республиканский курьер» писал о «народном» торжестве по поводу «уничтожения якобинской тирании» и изображал ряд якобинцев как бывших аристократов, чиновников, монахов и священников. ⁸² Об избиениях якобинцев мюскаденами газета писала, захлебываясь от восторга: «В Тюильри были очень оживленные группы. Вязальщицы Робеспьера говорили о правлении их доброго друга, которое они находили весьма благодетельным. Люди с большими саблями, бывшие несомненно их сутенерами в некоторых местах, назвать которые не позволяет приличие, поддерживали и разделяли речи этих кровожадных самок. Но раздалось пение «Пробуждения народа», добрые граждане рассеялись по группам и заставили умолкнуть этих фурий, которые немедленно заговорили другим языком. Сутенеры хотели было оказать сопротивление, но их смешали с грязью и потом потащили в Комитет общественной безопасности». ⁸³ Восхваляя декрет 3 вантоза 3 года (21 февраля 1795 года) о свободе культов, газета писала: «Ведь несчастным будет позволено иметь еще надежду и возносить свои мольбы одному тому, кто может дать счастье» ⁸⁴). Этими словами газета ясно указала, какую классовую роль должна была играть религия в интересах имущих верхов. Понятно, что газета выступала против республиканского календаря. Отмечая в начале марта 1795 года празднование воскресенья и посещение церквей, она замечала, что «по-видимому, французский народ даже в Париже далек от философского духа, в котором его хотели воспитать». ⁸⁵ После прерияля «Республиканский курьер» стал одним из органов вандемьеристов и был закрыт после подавления вандемьерского мятежа.

Много общего с «Республиканским курьером» имела «Французская газета», которая вела такую же разнузданную антиякобинскую кампанию, сообщала о появлении антиякобинских памфлетов и о выпадах в пьесах на сцене против «тиранов», уделяла внимание продовольственному положению, перед вандемьерским мятежом нападала на Конвент и после подавления этого мятежа была закрыта. В связи с празднованием 10 августа падения монархии газета писала о свержении «новой тирании».⁸⁶ Подобно «Республиканскому курьеру», «Французская газета» отражала все перипетии борьбы золотой молодежи против якобинцев. Она также высказывалась против республиканского календаря и за религиозное воспитание. Приветствуя декрет 3 вантоза 3 года (21 февраля 1795 года) о свободе культов, газета сообщала о радости по этому случаю «порядочных людей», «какое наименование, — добавляла она, — без сомнения, не является более ругательным». Высказываясь за религиозное воспитание, газета писала, что без принципов религии «человек может быть только разбойником, а целая нация — лишь ордой злодеев». Далее газета говорила о преследовании религии в предыдущие годы, когда «в различных местах стыдились верить в существование бога».⁸⁷ Празднование 18 вантоза 3 года (8 марта 1795 г.) воскресного дня газета с умилением описывала в чисто клерикальном духе: «Сегодня воскресенье; во многих частях Парижа мы видели закрытые лавки; в некоторых церквях совершали мессу. Набожные и любопытные толпой направились туда. Это рвение народа присутствовать на религиозных церемониях доказывает, что он еще далек от той трехцветной философии, к которой его хотели привести посредством нового календаря. Особенно замечательно то, что хвостам у дверей церквей удивляются не более, чем хвостам у дверей булочных; это заставляет полагать, что месса сделалась для самих парижан предметом первой необходимости».⁸⁸ Отмечая празднование в Париже следующего воскресенья 25 вантоза 3 года (15 марта), газета снова сделала вылазку против республиканского календаря: «Это попятное движение французской нации, — писала она, — дает достаточно почувствовать бесполезность усилий, сделанных для установления нового календаря. Эта реформа, обязанная своим началом нашей мании желать все разрушить, тем более вздорна, что наш старый календарь настолько совершенен, насколько он может быть таковым».⁸⁹

Из правых термидорианских газет большую осведомленность обнаруживал «Журнал Перле», который редактировал Лагард. Газета клеветала на Робеспьера, поносила якобинцев, следила за борьбой в секциях и клубах и за настроением рабочих и приветствовала освобождение арестованных контрреволюционеров, но в своих антиякобинских выпадах она была менее криклива, чем «Вечерний вестник», «Республиканский курьер» и «Французская газета». «Журнал Перле» старался уверить, что Робеспьер, которого она называла «тираном», стремился, подобно Кромвелю, к трону.⁹⁰ Она приводила следующую эпитафию, посвященную Робеспьеру: «Прохожий, не плачь о моей судьбе; если бы я был жив, ты был бы мертв».⁹¹ Опасаясь агитации среди рабочих против Конвента, газета словами об «общем благе» стремилась скрыть нарастание недовольства среди рабочих, вызванное стремительным ростом цен и усилением нужды после 9 термидора. В середине декабря 1794 года она писала: «В Париже царит спокойствие. Напрасно некоторые агитаторы стремятся возбудить рабочих против Конвента. Патриотизм этих добрых граждан помогает им замечать западню, поставленную перед ними злонамеренностью. Они знают, что представители народа могут иметь в виду только наибольшее благо всех и что лишь на согласии и единении всех патриотов покоится сила и устойчивость республики».⁹² Отмечая антиякобинскую реакцию в отношении наименований, газета писала: «Слова среди народа являлись термометром мнения. Судно «Якобинец» сменило название на «Девятое термидора»».⁹³

Много данных о нравах термидорианской реакции, о театральной жизни, об антиякобинской кампании, о голоде и холоде зимой 1795 года сообщает правая газета «Наблюдатель или Дневная газета». Сообщая 20 ноября 1794 г. о преследовании якобинцев, газета называла их «людьми крови, сообщниками Карье» и писала, что скоро будет бесчестным называться якобинцем.⁹⁴ В конце 1794 года газета с удовлетворением отмечала, что якобинские географические названия изменяются на прежние, что к ношению «красных колпаков» ставятся отрицательно и что обращение на «ты» исчезло из разговора.⁹⁵ К террористам газета относил «бывших членов Якобинского клуба, членов прежних революционных комитетов, тех, кто содействовал Робеспьеру поработить нацию», и в середине января 1795 года предостерегала Конвент относительно опасности нового захвата власти террористами⁹⁶). В начале февраля она сообщала о тайных собраниях якобинцев в предместьях Антуанском и Марсо.⁹⁷ Перед самым жерминальским движением, когда секции предместий требовали от Конвента улучшить продовольственное положение, газета опубликовала обращение «республиканца» Тириона, рабочего зеркальной мануфактуры в Антуанском предместье. В этом обращении, которое, по словам газеты, «было с удовольствием встречено добрыми гражданами», Тирион, ставя на одну доску роялистов и террористов, противопоставлял им «республиканцев» в термидорианском смысле этого слова. «Чего хочет друг королей и системы террора?» — спрашивал этот специально подысканный газетой благонамеренный рабочий и отвечал: «Спаси крупных преступников, продолжить войну, усилить до крайности голод, подорвать совершенно общественный кредит и довести народ до

отчаяния. Чего хочет республиканец? Заключить мир, сохранить кровь наших защитников, вернуть изобилие, восстановить общественный кредит и основать счастье народа на справедливости и гуманности. Я только бедный рабочий, но я знаю хорошо, что если я имею немного хлеба, то я имел бы его меньше, если бы возбуждал к беспорядку и к грабежу».⁹⁸

Борьбу против революционных законов вел и «Французский республиканец», которым руководил Шарль Гис и где сотрудничал его друг Шарль Лакретель. О гнусном тоне, в котором писал этот мнимый «Французский республиканец», дает представление следующая статья об агитации женщин перед жерминальским движением. По словам газеты, «отвратительные» женщины посещают заседания Конвента в надежде вызвать там беспорядки; в группах в Национальном саду они жалуются на «невозможность жить». «Невозможно, — писала газета, — составить себе представление о сумбурности и несвязности разговоров этого рода. Тут дают почувствовать, что народ до 9 термидора был счастливее... Желание грабежа дает себя живо чувствовать... Доказывают, что все революционные убийства были необходимы; иногда рассуждают о числе людей для осуждения на смерть». В хвостах перед булочными женщины держат резкие речи.⁹⁹

Газета «Политические, национальные и иностранные новости» приветствовала освобождение из тюрем, призывала к сплочению вокруг Конвента, уделяла внимание постановке пьес с выпадами против «тирании», передавала разнообразные новости дня, одобряла свободу культов и держалась относительно более умеренного тона по сравнению с крикливыми антиякобинскими листками. 20 января 1795 года газета опубликовала ответ парижской молодежи на № 59 «Оратора народа» Фрерона, в котором молодежь лицемерно старалась показать, что она далека от роялизма и что она, пылая мстостью к якобинцам, будет все же руководствоваться в своих поступках «мудростью, суровой справедливостью и патриотизмом».¹⁰⁰ После издания 3 вантоза 3 года (21 февраля 1795 года) декрета о свободе культов газета, отмечая скупку спекулянтами евангелий и богослужебных книг, писала: «Этот возврат к религии очень кстати в настоящих условиях. Священники... должны приложить все свои усилия, чтобы заставить соблюдать великий пост. Это очень мудрое средство заставит нас переносить терпеливо недостаток в мясе, который испытывает большая часть департаментов».¹⁰¹ К «Политическим новостям» был близок по тону и «Беспристрастный рассказчик», сообщавший об антиякобинской кампании мюскаденов.¹⁰²

Тальен, один из вожаков правых термидорианцев, издавал с 1 брюмера 3 года (22 октября 1794 года) до 30 плювиоза 3 года (18 февраля 1795 года) газету «Друг граждан», которую редактировал Мере, автор ряда антиякобинских памфлетов. Газета одобряла закрытие Якобинского клуба, но призывала быть осторожными по отношению к радости, проявляемой при этом аристократией.¹⁰³ Тальен и его газета стремились рассеять подозрения относительно их симпатий к роялизму.¹⁰⁴ Когда Тальен в связи с этим ушел из газеты, Мере продолжал издавать ее под названием «Французский зритель»¹⁰⁵, но после 5 апреля 1795 года газета за недостатком подписчиков перестала выходить.

Роялистские тенденции проявлялись в газете «Политическая корреспонденция Парижа и департаментов». Сотрудник ее Ж.Дюссо, писавший в «Ораторе народа» Фрерона, обратился 2 фрюктидора (19 августа 1794 года) к журналистам с призывом воспользоваться свободой печати и смело выступить против «революционного правления», подобно «Французской газете», «Журналу Перле» и др.¹⁰⁶

В начале ноября 1794 года газета выражала удовлетворение, что не арестовывают за свободное выражение мнений о правительстве.¹⁰⁷ 30 ноября она поместила заметку о содержании в тюрьме сына Людовика XVI.¹⁰⁸ 11 апреля редактор газеты Лефортье был арестован за высказывание сожаления о казни Людовика XVI и Марии Антуанетты и за слова, что, совершая революцию, «попали из огня в полымя».¹⁰⁹

Скрыто роялистской была «Ежедневная газета или Картина Парижа», ставшая потом одной из газет вандемьеристов.¹¹⁰ В ней писал Мишо, будущий историк «крестовых походов», о роялистских симпатиях которого сообщал, как отмечено выше, такой правый журналист, как Лакретель. Ретроградные взгляды «Ежедневной газеты» отмечались даже агентами термидорианской полиции.¹¹¹ Крайним ненавистником революции и сторонником роялизма выступал Рише де Серизи в журнале «Общественный обвинитель».¹¹² По словам Лакретеля, Рише де Серизи «мало маскировал свой роялизм; он сделался скоро корифеем салонов, но в наш небольшой круг он вступил несколько позднее, и это было в то время, когда мы были менее благоразумны».¹¹³ Лакретель говорит тут, разумеется, о времени перед вандемьерским мятежом. Рише де Серизи не щадил и термидорианских депутатов. В № 4 «Общественного обвинителя» он напал на Сийеса. Редерер, редактор «Журнала Парижа», и термидорианец Мерлен из Тионвиля в письме в «Монитор» в начале марта 1795 года выступили в защиту Сийеса, обвиняя Рише де Серизи в роялизме. Тот выступил в № 5 своего журнала с личными нападками на Редерера и Мерлена из Тионвиля.¹¹⁴ В середине апреля 1795 года полиция приостановила выход «Общественного обвинителя».¹¹⁵ Перед вандемьером «Общественный обвинитель» вместе с «Цензором журналов».¹¹⁶ Галле вели яростную кампанию против Конвента, и их с сочувствием цитировали в эмигрантском роялистском журнале Пелтье «Париж в 1795 г.»¹¹⁷ «Цензор журналов» называл Рише де Серизи «любимцем женщин, услаждением будуаров».¹¹⁸

Из право-термидорианских газет можно отметить также «Универсальный курьер или Эхо Парижа»¹¹⁹, который перед вандемьерским мятежом вел резкую кампанию против Конвента; «Маленький листок Парижа»¹²⁰; «Журнал смеха или «французский Демокрит», редактором которого был Мартенвиль, автор некоторых антиякобинских памфлетов и пьес¹²¹; «Друг Конвента и защитник народа»¹²² Жоливе, автора ряда антиякобинских памфлетов, и «Французский курьер», который стал выходить только с 19 июня 1795 года.¹²³

III. Буржуазно-республиканские (умеренно-термидорианские) газеты

Умеренно-термидорианские газеты, подобно правым газетам, также вели кампанию против якобинцев, но в более сдержанном тоне. Они поддерживали буржуазную республику и термидорианский Конвент, а не были только временными его союзниками в борьбе с якобинцами и левыми, как многие правые газеты, ставшие потом органами вандемьеристов и скрытых роялистов. Но эти буржуазно-республиканские газеты вполне одобряли реакционный переворот 9 термидора, требовали буржуазной (цензовой) конституции, травили «террористов», выступали лишь против «крайностей» антиякобинской кампании, т.е. против роялистской печати. Поэтому и буржуазно-республиканские газеты должны быть также отнесены к реакционной прессе.

В период от 9 термидора до прериальского восстания умеренно-термидорианских газет было немного, но летом 1795 года в борьбе с вандемьеристами возник ряд буржуазно-республиканских газет, ставших на защиту термидорианского Конвента от нападков краппе правых органов печати. Вот почему и более резкое деление между двумя группами термидорианских газет произошло после прериалья.

Правительственным органом была «Национальная газета или Всеобщий указатель»¹²⁴, редактором которой был Труве. «Монитор» печатал отчеты заседаний Конвента, Якобинского клуба, революционного трибунала, декреты и правительственные постановления, помещал статьи и корреспонденции о загранице и внешней политике, а иногда о театральные пьесы. В первые месяцы термидорианской реакции газета почти не печатала статей на внутренне-политические темы. О закрытии 11 ноября 1794 года Якобинского клуба она дала только информацию без комментариев.¹²⁵ Газета не высказывалась и по поводу возвращения жирондистов в Конвент после 8 декабря 1794 года. Но в середине февраля 1795 года она с одобрением отмечала выпады против террористов одной антиякобинской афиши.¹²⁶ Чаще стали появляться статьи Труве после жерминальского выступления парижских предместий.¹²⁷ В апреле и мае он поместил несколько статей против «террористов», которых он сознательно смешивал с роялистами.¹²⁸ Но в мае он же писал о белом терроре на юге Франции¹²⁹, а после прериалья часто выступал и против террористов и против роялистов. «Монитор» был серьезным органом с солидными абонентами, и ему чужд был крикливый язык разнузданных уличных листов.

Умеренного тона держался и «Журнал Парижа»¹³⁰, также имевший много старых солидных абонентов. Сообщая 25 марта 1795 года о нападениях золотой молодежи на якобинцев, он писал: «Массу молодых людей обвинили в роялизме и роялистских криках. Это клевета, но несомненно, и это было неизбежно, что к ним проникли роялисты, которые стремятся обольстить умы, чтобы потом ввести их в заблуждение».¹³¹ Летом же 1795 года «Журнал Парижа» выступал уже с порицанием «щеголей», коверкавших французский язык и не выговаривавших буквы «р».¹³²

Против крайностей антиякобинской кампании и разжигания страстей выступала «Историческая и политическая газета Франции и Европы»; однако это не мешало ей приводить содержание антиякобинских памфлетов и приветствовать закрытие Якобинского клуба.¹³³ Останавливаясь в статье от 19 сентября 1794 года на борьбе якобинцев и их противников вокруг вопроса о свободе печати, газета отмечала, что множество появившихся антиякобинских памфлетов полны грубостей и клеветы. Она напоминала о заслугах якобинского общества, объявляла себя партией народа. Конвента и республики, другом свободы и внутреннего мира, выражала сожаление о разгоревшейся борьбе, считая ее опасной, и выступала против необоснованных слухов, распространяемых, например, «Вечерним вестником».¹³⁴

В сравнительно умеренном тоне писала и газета «Анналы французской республики», выступавшая после 9 термидора главным образом против «тирании» Робеспьера.¹³⁵

Много интересных данных о нравах термидорианской реакции и о содержании театральных пьес помещало «Всеобщее обозрение», державшееся в стороне от травли якобинцев. 10 сентября 1794 года газета поместила одно письмо, которое по поводу постановки пьесы «Падение последнего тирана или день 9 термидора» говорило о падении искусства и о стремлении угодить притупленным вкусам.¹³⁶ Газета приводила название антиякобинских памфлетов и иногда передавала их содержание¹³⁷, но в то же время она сообщала о случаях осуждения за открытое проявление роялистских чувств.¹³⁸ Газета поместила письмо одного «свободного республиканца» против восхваления тюремщика Канжа, оказавшего услуги одному заключенному перед 9 термидора.¹³⁹ Наконец, она иронически описывала нравы выскочек (nouveaux riches).¹⁴⁰ Так, 8 января 1795 года газета писала: «Чрезмерная роскошь, концерты, певец Гара и прелестная

гражданка Кабаррю, жена Тальена, — вот что здесь гораздо более, чем средства пропитания и наши 14 армий, занимает внимание того класса лиц обоих полов, которому остальная публика завидует, стремится подражать, льстит или чернит, в зависимости от склонностей и обстоятельств. Прелестная Кабаррю имеет своих поклонников, обожателей, хулителей и подражателей. Когда она появляется, с восторгом аплодируют, как будто для спасения французской республики нужно иметь фигуру, как у римлянки или испанки, роскошную кожу, прекрасные глаза, благородную поступь, улыбку, в которой любезность смягчает властность, костям наподобие греческого и голые руки... Какой вкус, какой дух и какие республиканские нравы!»¹⁴¹

Умеренно-республиканская газета «Санкюлот» называла Робеспьера «французским Кромвелем», говорила о радости «истинных патриотов по поводу гибели честолюбца, губившего соперников и окружавшего себя конспираторами и интриганами, и призывала руководствоваться принципами, а не личными симпатиями.¹⁴² В начале августа 1794 года газета писала об общей радости по случаю освобождения из тюрем арестованных.¹⁴³ Позднее она делала выпады против «террористов»¹⁴⁴ и нападала на арестованных членов революционного комитета секции Красного колпака.¹⁴⁵ Такого же направления была и газета «Батавец».

В первые месяцы термидорианской контрреволюции «Патриотические и литературные анналы» выступали в качестве левореспубликанской газеты, пока редактором их, до возвращения жирондистов в Конвент, был Салавиль. Последний был искренним республиканцем, который не удовлетворялся культом разума и писал в пантеистическом духе, выдвигая идею замены религии наукой и считая, что «нужно устроить в наших головах ауто-да-фе из всех наших религиозных идей».¹⁴⁶ Салавиль не одобрял закрытия Якобинского клуба, сомневался в искренности криков антиякобинцев: «Да здравствует Конвент! Да здравствует республика!» и считал возможным, что те же люди позднее будут кричать: «Долой Конвент!»¹⁴⁷ Выступая против мюскаденов, разогнавших Якобинский клуб, газета писала 19 ноября 1794 года: «Прежде преследовали всех мюскаденов в сюртуках, в блестящих башмаках, в чулках из разноцветного шелка, теперь настал черед этих мюскаденов, они рассматривают как якобинцев всех, кто не имеет напудренных волос».¹⁴⁸ Комитету общественной безопасности не нравились статьи Салавиля, который и был удален из газеты после возвращения в Конвент жирондистов. Во главе «Патриотических и литературных анналов» встал тогда депутат Мерсье, бывший жирондист, примкнувший к термидорианцам и оставшийся умеренным буржуазным республиканцем. В середине января 1795 года газета описывала антиякобинские выступления золотой молодежи и позволила себе грубые выпады против «террористов».¹⁴⁹ Весной 1795 года она передавала содержание антиякобинской пьесы «Якобинцы 9 термидора», хотя и признавала, что пьеса лишена какого-либо художественного значения и отвечает лишь злобе дня.¹⁵⁰

Летом 1795 года, когда усилилась правая и роялистская опасность, появилось несколько новых буржуазно-республиканских газет, поддерживавших Конвент: «Журнал оппозиции» Реаля¹⁵¹ «Журнал патриотов 1789 г.» Реаля и Меэ¹⁵², «Часовой» депутата Луве¹⁵³, «Журнал законов французской республики» Галетти¹⁵⁴ и «Журнал простака Ришара» Лемэра.¹⁵⁵

IV. Демократическая пресса

Демократических газет после 9 термидора было очень мало, они еле-еле просуществовали до прериала и снова несколько ожили перед вандемьером. Коренной порок их позиции заключался в том, что они также исходили из признания 9 термидора, как дня «революции», избавившей Францию от «тирана» Робеспьера. Вот почему их позиция была двойственной: они защищали революционное правление и демократическую республику, но отрекались от робеспьеристов. Отсюда слабость их тактики, заключавшейся в том, что они, в противоположность термидорианской прессе, ведущей против них яростную кампанию, ограничивались защитой от нападков и занимались самооправданием. Мюскадены травили демократические органы как якобинские и сжигали их номера в Пале-Рояле и в Национальном саду.

Редакторами демократических газет были обыкновенно депутаты-монтаньяры. «Журнал свободных людей всех стран» редактировал член Конвента Шарль Дюваль. Последний называл Робеспьера «тираном» и «новым Кромвелем», приветствовал казнь робеспьеристов, говорил об общей радости по этому случаю и об «идолопоклонстве» по отношению к отдельным личностям и утверждал, что «свобода не может погибнуть».¹⁵⁶ Но в начале сентября 1794 года Ш.Дюваль писал о контрреволюционной кампании против якобинцев и противопоставлял санкюлотов и народ богатым и аристократии.¹⁵⁷ В дальнейшем газета продолжала разоблачать контрреволюционный характер антиякобинской кампании и защищала всеобщее избирательное право и демократическую республику в интересах санкюлотов.¹⁵⁸ Она подвергла суровой критике монархическую брошюру Лакруа «Французский наблюдатель». На предложение лишить избирательного права не только тех, «кто не умеет читать и писать», но и тех, «кто не умеет четко писать», Ш.Дюваль отвечал, что это означало бы лишить избирательного права рабочих и крестьян, которые «чувствуют, ценят благодеяния революции, любят свободу, защищают ее». На предложение лишить избирательного права не имеющих ценза оседлости в один год и не платящих налогов, Ш.Дюваль заметил, что в таком случае были бы исключены из числа граждан тысячи ремесленников, странствующих для своего усовершенствования, тысячи тех, кто не имеет собственности. Дюваль обвинял Лакруа в намерении восстановить деление на активных и пассивных граждан и «удалить санкюлотов из народных собраний». «Эти дьяволы санкюлоты, — продолжал он с иронией, — имеют манию не хотеть ни короля, ни какого-либо рабства; они довольно ограничены, понимая только слова «равенство, свобода»; их кровь, их мужество и их неутомимый труд являются единственной данью, которую они платят отечеству». Дюваль защищал демократическую республику, где граждане пользуются одинаковыми правами и где предпочтение отдается талантам, добродетели, услугам, а не богатству.¹⁵⁹ Перед вандемьерским мятежом газета выступала против роялистских писак.¹⁶⁰ Она продолжала республиканско-демократическую агитацию и весной 1796 года при Директории, о чем позднее Буонарроти в своих воспоминаниях о заговоре равных писал: «Республиканцы, руководившие «Газетой свободных людей», также оказали демократии серьезные услуги, отважившись вести дискуссии о форме правления и о великой системе равенства, справедливость которого они показывали путем неопровержимых ответов на предварительно выдвинутые возражения».¹⁶¹

Аналогичный характер носил «Всеобщий журнал» депутата Конвента Одуена.¹⁶² Именно эти журналы вызывали наибольшую ярость контрреволюционных газет и подвергались сожжению мюскаденами.¹⁶³

С 29 фрюктидора 2 года (15 сентября 1794 г.) и до 24 вантоза 3 года (14 марта 1795 г.) выходила еще демократическая газета «Друг народа», издававшаяся Лебуа. Сначала «Друг народа» редактировал депутат Конвента Шаль, считавший себя последователем Марата, но потом он разошелся с издателем и редактором стал Анж Питу, очень резко выступавший в газете против золотой молодежи, но впоследствии сделавшийся открытым роялистом.¹⁶⁴ На заседании Конвента 24 нивоза 3 года (13 января 1795 г.) термидорианец Бентаболь резко напал, в отсутствие Шалья, на газету «Друг народа», которая, говоря о последствиях 9 термидора и нападая на аристократию, полагала, что «о революции нужно судить только по ее результатам»; которая писала о «падении», а не о «казни» Робеспьера и, наконец, утверждала, что относительно 9—10 термидора «мнение народа неясно». Шалья клеветнически старались смешать с роялистами.¹⁶⁵ В разгар антимаратистской кампании депутация от буржуазной секции Рынка на заседании Конвента 1 марта обвиняла Шалья как продолжателя Марата, хотя Шаль и не был уже редактором «Друга народа».¹⁶⁶ 19 плювиоза 3 года (7 февраля 1795 г.) «Друг народа» писал, что «в намерение наших врагов не входит осудить Марата за его мнения, а за его революционное влияние, Марата, защищающего дело народа и разбивающего трон в щепки».¹⁶⁷ Газета резко нападала на мюскаденов.¹⁶⁸ Обличая бесчинства «учеников Фрерона», она писала, что их «легко узнать по изяществу их черт, по их сильно напудренным и зачесанным гребнем кверху волосам».¹⁶⁹ В начале марта 1795 года полиция доносила, что «Друг народа» оправдывает арестованных депутатов (Билло-Варенна и др.) и возбуждает народ против Конвента как виновника господствующей нужды.¹⁷⁰

В ответ на клевету термидорианцев демократы также выпускали иногда свои памфлеты и расклеивали афиши. Так, в середине октября 1794 года был выпущен памфлет в защиту народных обществ под названием «Вот якобинцы такими, какими они того заслуживают». Многие раскупали этот памфлет, считая его по названию антиякобинским.¹⁷¹ В конце декабря 1794 года, после отмены максимума, полиция указывала на готовившийся выпуск памфлета «Мы умрем от голода, мы умрем от холода».¹⁷²

В начале февраля 1795 года мюскадены сожгли якобинскую брошюру «Последний удар набата Фрерона», приписывая ее Шалю.¹⁷³ 20 февраля полиция доносила о появлении брошюры без указания издателя под названием «Разоблаченный Фрерон».¹⁷⁴

Перед жерминалем в предместьях стали расклеиваться афиши с призывами к революционным выступлениям. В середине марта большое возбуждение вызвала афиша «Народ, пробудись! пора!»¹⁷⁵ Она была расклеена в предместьях Парижа 22 вантоза 3 года (12 марта), причем на ней было помечено «типография людей 14 июля, 10 августа и 31 мая». В ней богатые назывались контрреволюционерами и вместе с Конвентом объявлялись виновниками голода и недостатка дров. Народ группами собирался перед этой афишей и обсуждал ее содержание. Полиция старалась срывать эту афишу и арестовывала тех, кто пытался ей помешать. 24 вантоза (14 марта) афиша снова была расклеена; одновременно появилась брошюра под таким же названием. Полиция доносила, что эти «зажигательные листки стремятся если не ввести в заблуждение, то по крайней мере смутить общественное мнение».¹⁷⁶ Комитет общественной безопасности делал об этой афише сообщение на заседании Конвента и одновременно отмечал появление другой афиши, говорившей о «термидорианском терроре» по отношению к патриотам и носившей название «Народу — суровые, но необходимые истины, высказанные Ж.-Ж.Руссо, Мабли и всеми философами, друзьями принципов и равенства».¹⁷⁷ Вероятно, эти афиши исходили не от якобинцев, а от бывших бешеных и эбертистов, сторонников Электорального клуба, рукоподивших потом выступлениями парижских предместий в жерминале и прериале.

29 вантоза 3 года (19 марта 1795 г.) на многих улицах Парижа была расклеена афиша «Советы, данные Гюфруа санкюлотам, чтобы спасти отечество».¹⁷⁸ Реакционный «Вечерний вестник» сообщал, что «много рабочих, в сопровождении разъяренных мегер» собиралось перед этой «зажигательной» афишей, написанной «террористами», ругавшей Шарлотту Корде и требовавшей введения в жизнь конституции 1793 года.¹⁷⁹ 6 жерминаля (26 марта) полиция доносила о расклейке новой «зажигательной» афиши «Адрес Конвенту и народу».¹⁸⁰ Накануне жерминальского выступления право-термидорианская «Французская газета» писала: «Террористы стремятся использовать обстоятельства, в которых мы находимся, чтобы добиться вновь торжества каннибализма. Правительство было когда-то в клубах; теперь оно на улицах; стены Парижа, покрытые плакатами, стали трибунами, где каждый рассуждает о власти, и влияние афиш парализовало уважение к законам. В умах царит брожение... Воздух, которым мы дышим, непрерывно оглашается угрозами и проклятиями; со всех сторон наш горизонт окружен пропастями».¹⁸¹

Таким образом, установившаяся фактически после 9-го термидора свобода печати превратилась конкретно в «свободу» безнаказанно клеветать на демократов и под демократическими лозунгами защищать позиции буржуазной и антидемократической реакции. Обливая якобинцев (осенью 1794 г.) потоками грязной клеветы, термидорианская пресса ставила себе при этом главной целью, которой и добилась, закрытие демократических клубов и обществ, существование которых мешало безраздельному господству реакции. Только после закрытия в ноябре 1794 года Якобинского и Электорального клубов и перехода большинства парижских секций на сторону термидорианского Конвента последний осмелился в декабре того же года вернуть в свою среду жирондистов и отменить максимум. В дальнейшем, во втором периоде термидорианской реакции, термидорианская пресса была застрельщицей антимаратистской кампании и всех реакционных мероприятий термидорианцев зимой и весной 1795 года. Отсутствие единого фронта среди демократической печати способствовало тому, что термидорианская пресса заняла преобладающее положение.

Из истории прессы в Париже после 9-го термидора мы можем извлечь ценные политические уроки: 1) пока не была устранена опасность движения снизу, буржуазная контрреволюция по необходимости прибегала к демократической и республиканской маскировке; 2) демократический лозунг «свобода печати» в действительности был использован термидорианской прессой для борьбы с демократами и в интересах полного торжества реакции; 3) нелепая, гнусная клевета была излюбленным оружием термидорианской прессы в ее антиякобинской кампании; 4) оборонительная тактика якобинцев после 9 термидора, вытекавшая из их двойственной и половинчатой позиции, т.е. из признания революционного правления и отвержения сообщничества с Робеспьером, не могла мобилизовать плебейскую массу на борьбу с термидорианской реакцией; 5) раскол между Якобинским и Электоральным клубом, борьба в прессе якобинцев и Бабефа, — иначе говоря, отсутствие единого демократического фронта — ослабили позиции демократов и облегчили конечное торжество термидорианской контрреволюции.

1. Aulard. Pans pendant la reaction thermidonenne, t.I, p.106, Rapport 19/IX-1794.

2. «Journal de Perlet». 4/VIII-1794, Paris, t.I, p.17.

3. Courier republicain, 13/X-1794, Paris, t.1, p.169.
4. Frankreich im Jahre 1795, B.I., S.259.
5. Montgaillard. An 1795, p.87.
6. Aulard. La societe des Jacobins, t.VI, p.322.
7. Там же, т.VI, стр.342.
8. Там же, т.VI, стр.348—349.
9. Там же, т.VI, стр.34—356.
10. Там же, т.VI, стр.357—363.
11. Там же, т.VI, стр.368—370.
12. Там же, т.VI, стр.393—394.
13. Там же, т.VI, стр.419—420.
14. Там же, т.VI, стр.435.
15. Там же, т.VI, стр.474-475; Moniteur, 26/IX-1794, № 5, p.21.
16. Там же, т.VI, стр.530—531.
17. Moniteur, 20/VIII-1794, № 333.
18. Moniteur, 23/VIII-1794, № 336.
19. Moniteur, 29/VIII-1794, № 342.
20. Moniteur, 8/IX-1794, № 352.
21. Moniteur, 13/IX-1794, № 357, p.1467; Buchez et Roux, t.XXXVI, p.76.
22. Ch.Lacretelle. Dix annees de preuves pendant la revolution, p.191 (1842).
23. Gazette francaise, 12/IX-1794, Paris, t.I, p.93.
24. Courier republicain, 15/IX-1794, Paris, t.I, p.98.
25. Courier republicain, Gazette francaise, 16/IX-1794, Paris, t.I, p.99.
26. Felhemesi (Mehee de la Touche). Le queue de Robespierre, ou les dangers de la liberte de la presse (Paris, 9 fructidor, an 2 de la Republique, 7 p.).
27. Felhemesi. Rende moi ma queue, ou lettre a Sartine Thuriot sur une violation de la liberte de la presse et droits de l'homme, Par l'auteur de la Queue de Robespierre (16 pp.).
28. Defends ta queue. Par l'auteur de la Queue de Robespierre (8 pp.).
29. Felhemesi. La grande queue de Laurent Lecointre (22 pp.).
30. Paris, t.1, p.232.
31. Baraly(Jean Baptiste Jollivet). Le front de Robespierre et de sa clique, ou la necessite de la liberte de la presse.
32. Baraly. Les Jacobins demasques. Suite au Front de Robespierre et de sa clique (8 pp.).
33. Moniteur, 20/IX-1794, № 364.
34. Baraly. L'agonie des Jacobins. Suite aux Jacobins demasques (8 pp.).
35. Bazulerc. Coupons lui la queue (7 pp.).
36. Messenger du soir, 22/IX-1794, Paris, t.I, p.121.
37. Gazette historique et politique, 2/IX-1794, Paris, t.I, pp.129—130; Baraly. Les Jacobins aristocrates et contre-revolutionnaires.
38. Marie et Prevot. Response a la Queue de Robespierre par un franc republicain (8 pp.).
39. Guffroy Armand. Les anneaux de la Queue ou Coup doeuil du moment (8 pp.).
40. Moniteur, 5/IX-1794, № 349. p.1434.
41. Renvoyez-moi la queue ou lettre de Robespierre a la Convention Nationale (7 pp.).
42. La tete a la Queue ou Premiere lettre de Robespierre a ses contemporains (30 pp.).
43. Saint-Omer. De la section du Museum, Jugement du peuple souverain, qui condamne a mort la Queue infernale de Robespierre (16 pp.).
44. Lamberti. Les parties honteuses de Robespierre restees aux Jacobins (An 3 de la Republique, 16 pp.).
45. Nouveaux dialogues des morts. Dialogue premier. Robespierre et Neron (11 pp.).
46. Paris, t.1, p.135, Rapport 24/IX-1794.
47. Paris, t.1, p.101, Rapport 17/IX-1794.
48. Gazette historique et politique de la France et de l'Europe, 19/IX-1794, Paris, t.1, p.110.
49. Paris, t.1, pp.113—115.
50. Paris, t.1, p.120, Rapport 22/IX-1794.
51. Paris, t.1, p.134, Rapport 28/IX-1794.
52. Aulard. La societe des Jacobins, t.VI, pp.526—2S.
53. Le club infernal (Gazette francaise, 30/IX-1794, Paris, t.1. p.138).
54. Testament de Robespierre trouve a la Maison commune, Les Novades, Oreilles d'Audouin ou les Crimes des Jacobins (Paris, t.1, pp.138, 143—144, 172).
55. Les Jacobins au Pantheon, Guerre a mort a tons les assassins, Le Cri du sang demande vengeance (Paris, t.1, p.153, Gazette historique et politique, 8/XI-1794).
56. La Queue de Carrier, La premiere seance des Jacobins aux Enfers (Courier republicain, 31/X-1794, Paris, t.1 p.210)

57. Les Jacobins hors la loi, Lettre du sensible Carrier au bienfaisant Collot d'Herbois, remise par le vertueux Billaud-Varenne (Gazette historique et politique, 20/X-1794. Paris, t.1, p.185)
58. Paris, t.I, pp.173, 178, 183, 232, 244, 261, 272, 289.
59. Spectateur français pendant le gouvernement révolutionnaire (Moniteur, 30/XII-1794, № 100, 21/II-1795, № 153; Buchez et Roux, t.XXXVI, pp.203—204).
60. Mallet du Pan. Correspondance, t.I, pp.129—130.
61. Le crimes de J.P.Marat, Le Adresse aux sections et a la Jeunesse parisienne (Moniteur, 13/II-1795, R 145, p.593)
62. Coup d'oeil rapide sur la marche de la Convention National et de ses Comités depuis la révolution du 9 Thermidor (24 pp).
63. Leveillé Avis aux successeurs de Robespierre par un de ses plus chauds partisans, ou Plan de conduite pour tous les anneaux de la queue (14 pp.)
64. Lacretelle. Dix années de preuves, pp.196, 203-208.
65. Neuville. Mémoires, t., p.19.
66. Orateur du peuple.
67. Nodier. Souvenirs, t.1, p.256.
68. Mémoires sur Carnot, t.1, p.566.
69. Moniteur, 18/X-1794, № 27, p.124.
70. Messenger du soir, 20/IX-1794, Paris. t.1, p.115.
71. Paris, t.1, p.116, Rapport 5/X-1791, Paris, t.1, p.362, Rapport 3/I-1795.
72. Buchez et Roux. T.XXXVI, pp.179—180.
73. Там же, т.XXXVI, стр.213—214
74. Paris, t.1, pp.384—385, Rapport 14/I-1795.
75. Messenger du soir, 30/IV-1795 (Paris, t.I, p.693).
76. Frankreich im Jahre. 1795, B.1, № 7, S.269.
77. Gazette historique et politique de la France, 19IX 1794 (Paris, t.1, pp.111—112).
78. Messenger du soir, 22XI 1794 (Paris, t.1, p.264).
79. Messenger du soir, 17/I-1795 (Paris, t.1, pp.393—394).
80. Messenger du soir, 21/I-1795 (Paris, t.1, p.410)
81. Courrier républicain, 2/XI-1794 (Paris, t.1, p.213).
82. Courrier républicain, 19/XI-1794 (Paris, t.1, pp.239—240).
83. Courrier républicain, 19/XI-1795 (Paris, t.I, p.571).
84. Courrier républicain, 23/II-1795 (Paris, t.1, p.502).
85. Courrier républicain, 9/III-1795 (Paris, t.1, p.542)
86. Gazette française, 12/VIII-1794 (Paris, t.1, pp.33-34).
87. Gazette française. 23/II-1795 (Paris, t.1, pp.501—502).
88. Gazette française, 9/III-1795 (Paris, t.I, p.542).
89. Gazette française, 16/III-1795 (Paris, t.1, pp.566—567).
90. Journal de Perlet, 7/VIII-1791 (Paris, t.1, pp.24-25).
91. Journal de Perlet, 23/XII-1794 (Paris, t.1, p.331).
92. Journal de Perlet, 15/XII-1791 (Paris, t.1, p.313).
93. Journal de Perlet, 2/I-1795 (Paris, t.I, p.364).
94. Vedette un Gazette du jour, 20/XI-1794 (Paris, t.I, p.257).
95. Vedette, 31/XII-1794 (Paris, t.1, pp.354-355).
96. Vedette, 17/I-1795 (Paris, t.1, pp.397-398).
97. Vedette, 8/II-1795 (Paris, t.1, p.462).
98. Vedette, 27/III-1795 (Paris, t.1, p.605). Это обращение Тириона перепечатал .Moniteur, 26111 1795, № 186, p.757.
99. Républicain français, 20/III-1795 (Paris, t.1, pp.584—585).
100. Nouvelles politiques, nationales et étrangères, 20/I-1795 (Paris, t.1, p.409).
101. Nouvelles politiques, 26/II-1795 (Paris, t.I, pp.510—511).
102. Narrateur impartial, 17/I, 22/I-1795 (Paris, t.1, pp.399, 413—414).
103. Ami des Likens, № 23 (Buchez et Roux, t.XXXVI, p.180).
104. A.Mathiez. La réaction thermidorienne, p.97—98 (1929).
105. Spectateur français.
106. Correspondance politique de Paris et des départements. 19/VIII-1794 (Paris, t.1, pp.51 -52).
107. Correspondance politique, 2/XI-1794 (Paris, t.I, p.214).
108. Correspondance politique, 30/XI-1794 (Paris, t.I, p.286).
109. Messenger du soir, 13/IV-1795 (Paris, t.I, p.651).

110. Quotidienne ou le Tableau de Paris.
111. Paris, t.I, p.641, Rapport 7/IV-1795.
112. L'Accusateur public.
113. Lacretelle. Dix annees depreuves, pp.205—206.
114. Moniteur, 2/III-1795, № 162, p.661; Buche et Roux, t.XXXVI, pp.194—199.
115. Courrier republicain, 17/IV-1795 (Paris, t.1, p.666).
116. Censeur des journaux.
117. Peltier. Paris en 1795, t.I, pp.52—62, 128, 129—157; t.II, pp.420—430; t.III, pp.50-55, 124—127, 280-285, 313—316.
118. H.Avenel. Histoire de la presse francaise depuis 1789 Jusqua nos jours, p.149 (1900).
119. Courrier universel ou l'Echo de Paris.
120. Petite Feuille de Paris.
121. Journal des ricurs ou la Deinoente francais.
122. L'ami de la Convention et le defenseur du peuple.
123. Courrier francais.
124. Gazette nationale ou le Moniteur universel.
125. Moniteur, 13/XI-1794, № 53.
126. Moniteur, 13/II-1795, № 115, p.595.
127. Moniteur, 3/IV-1795, № 194.
128. Moniteur, 16 IV 1795, № 207, стр.841; cp. 20/IV, № 211, стр. 357; 1V, № 222, стр. 901.
129. Moniteur, 1/IV-1795, № 232, p.943; 20/V, № 241, p.975.
130. Journal de Paris.
131. Journal de Paris, 25/III-1795 (Buche et Roux, t.XXXVI, p.242).
132. Journal de Paris, II-VII-1795 (Buche et Roux, t.XXXVI; pp.215—217).
133. Gazette historique et politique de la France et de l'Europe, 15/XI-1794 (Paris, t.1, p.244)
134. Gazette historique et politique 19/IX-1794 (Paris, t.1, pp.109—112).
135. Annales de la Republique francaise, 8/IX-1794 (Paris, t.1, pp.85—86).
136. Abreviateur universel 10 IX-1794 (Paris, t.1, pp.82—83).
137. Abreviateur universel, 3 X-1794 (Paris, t.1, p.44); 19X-1794. (Paris, t.1, p.183).
138. Abreviateur universel, 20X1 1794 (Paris, t.I, pp.259-260).
139. Abreviateur universel 27/X-1794 (Paris, t.1, pp.275—276).
140. Abreviateur universel, 28/XI-1794 (Paris, t.I, pp.344-345);/III-1795 (Paris, t.I. p.374).
141. Abrevinteur universel, 8 I 1795 (Paris, t.1, pp.371—372).
142. Le Sans-Culotte, 30/VII-1794 (Paris, t.I, p.6).
143. Le Sans-Culotte, 9/VIII-1794 (Paris, t.I, p.27).
144. Le Sans-Culotte, 13/X-1794 (Paris, t.1, pp.162—163).
145. Le Sans-Culotte, 2/XII-1794 (Paris, t.I, pp.181—182)
146. Annales patriotiques et litteraires. А.Олар. Культ разума и культ верховного существа, русск пер. (1925), стр.89, cp.стр.77-86.
147. Annales pdtnotiques, 16/XI-1794 (Buche et Roux, t.XXXVI, pp.180—182).
148. Annales politiques et litteraires, 19/XI-1794 (Paris, t.I, p.248),
149. Annales patnotiques, 18/I-1795 (Buche et Roux, t.XXXVI, pp.221—222).
150. Annales patnotiques, 9/IV-1795 (Paris, t.1. pp.638-639).
151. Le Journal de l'Oposition.
152. Le Journal des patriotes de 1789.
153. La Santinelle.
154. Le Journal des lois de la Republique francaise.
155. Le Journal du Bonhomme Richard.
156. Journal des Hommes libres de tous les pays, 31/VII-1794 (Paris, t.1, pp.2—4).
157. Journal des Hommes libres, 4/IX-1794 (Paris, t.1, pp.80—81).
158. Journal des Hommes libres, 18/IX, 20/IX-1794 (Paris, t.I, pp.105, 115).
159. Journal des Hommes libres, 31/XII-1794, (Paris, t.1, pp.362—364).
160. Journal des Hommes libres, IX, 12/X-1795 (Paris, t.II, pp.281—282, 318).
161. Ф.Буонаротти. Заговор во имя равенства, т.1, стр.203 (1948).
162. Journal universel.
163. Vedette, 16/I-1795 (Paris, t.1, p.389); Courrier republicain, 16/I-1795 (Paris, t.I, p.393); Rapport 22/III-1795, Paris, t.1, p.591.
164. A.Mathiez. La reaction thermidorienne, p.102.
165. Moniteur, 16/I-1795, № 117, p.482; cp. Moniteur, 20/I-1795, № 121, p.498.

166. Moniteur, 4/III-1795, № 164, p.671.
167. Ami du peuple, 7/II-1795 (Paris, t.1, p.458).
168. Ami du peuple, 12/II, 17/II-1795 (Paris, t.I, pp.475. 488).
169. Ami du peuple, 17/II-1795 (Paris, t.1, p.474).
170. Paris, t.1, p.534, Rapport 7/III-1795
171. Void les Jacobins traites comme ils le merltent.
172. Gazette Historique, 20/IX-1794 (Paris, t.I, pp.116—117).
173. Le dernier coup de tocsin de Freron (Paris, t.1, pp.455—457, 461, Rapport 6-7/II-1795).
174. Freron demasque (Paris, t.1, pp.493—494).
175. Peuple, reveille loi, il est temps.
176. Paris, t.I, pp.553, 555, 556, 557—561, Rapport, 13/III, 14/III, 15/III-1795.
177. Au peuple, des verites terribles, mais indispensables, dres de J.J.Rousseau, Mably et Raynal, et de Tous les philosophes amis des principes et de l'egalite (Moniteur, 16/III-1795, № 176, pp.718—719).
178. Conceils donne par Guffroy aux sans-culottes por sauver la patrie (Paris, t.1 p.581, Rapport 20/III-1795).
179. Messenger du soir, 22/III-1795 (Paris, t.1, pp.587—588).
180. Adresse a la Convention et au peuple (Paris, t.1, p.601, Rapport 26/III-1795).
181. Gazette francaise, 31/III-1795 (Paris, t.I, p.622).

В начале термидорианской контрреволюции Гракх Бабеф выступил против якобинцев и революционного правления, но одновременно и за программу, которая выставлялась секцией Музея и Электоральным клубом и требовала восстановления упраздненной Коммуны Парижа. В вышедших с 3 сентября по 1 октября 1794 года 22-х номерах «Журнала свободы печати» Г.Бабеф выступил на защиту свободы печати и взял в качестве эпиграфа для № 1 своего журнала слова депутата Фрерона, сказанные на заседании Конвента 9 фрюктидора 2 года (25 августа 1794 г.): «Тот, кто хочет установить какие-либо преграды свободе печати, будет заглушать истину и способствовать распространению лжи».¹

Первый номер журнала Бабефа, вышедший 17 фрюктидора 2 года (3 сентября 1794 г.), был посвящен полемике с Одуеном, который издавал «Всеобщий журнал» и защищал «ограниченную свободу печати», считая, что неограниченную свободу прессы хотят использовать для борьбы с республикой и для целей контрреволюции.

Бабеф различал в Робеспьере двух людей: искреннего патриота, друга принципов и апостола свободы до начала 1793 года, с одной стороны, а с другой, — Робеспьера-«честолюбца» и «наиболее бесстыдного из тиранов, память о котором сегодня так справедливо ненавистна».² В защиту свободы печати Бабеф приводил слова Робеспьера, написанные им в «Защитнике конституции» в 1790 году³, и, в соответствии с ними, утверждал, что свобода печати «является единственной защитой народа против бича олигархии, единственной уздой честолюбия, единственным средством вернуть законодательство к надлежащему единому порядку».⁴

В номере 2 своего журнала от 19-го фрюктидора 2 года (5 сентября 1794 г.) Бабеф одобрял день 9 термидора, называя его «революцией» и утверждая, что прошло не пять лет революции, а только один месяц и несколько дней с тех пор, как установилась свобода печати. «10 термидора, — писал он, — устанавливает новый период, когда мы трудимся над тем, чтобы возродить свободу».⁵ По его словам, свобода печати «ставит себе целью наблюдать за дурными агентами, препятствовать злу и указывать добро».⁵

Однако, выступления Г.Бабефа в защиту свободы печати и против Робеспьера и революционного правления вовсе не означали, что он «был на буксире у Фрерона» и сначала слепо следовал за ним, как утверждал Матьез, извращая позицию Бабефа⁶, или выступал «как довольно банальный антиякобинец», как сначала неточно и неправильно определял П. Щеголев позицию Бабефа в первые месяцы термидорианского Конвента.⁷ Бабеф с самого начала термидорианской контрреволюции стоял на позиции, которую защищали Электоральный клуб и остатки бешеных и эбертистов, пострадавших во время террора и выступавших против революционного правления. Уже в № 3 журнала от 22 фрюктидора 2 года (8 сентября 1794 г.) Бабеф опубликовал петицию Электорального клуба, которая была представлена в Конвент 20 фрюктидора (6 сентября) и в которой, наряду с требованием неограниченной свободы печати, было требование неприкосновенности права народа выбирать своих магистратов. Бабеф, солидаризуясь с петицией Электорального клуба и отвергая адрес народного общества г.Дижона, отмечал неблагоприятный прием первой Конвентом и отсылку ее в Комитет общественной безопасности, тогда как адрес г.Дижона был отослан в Комитет законодательства. Бабеф прямо указывал на свою связь с Электоральным клубом и на посещение заседания последнего, считая, что он состоит из «чистых людей», и выражая сожаление, что ни одна газета не опубликовывала отчетов о его заседаниях.⁸

В номере 4 журнала от 25 фрюктидора 2 года (11 сентября 1794г.) Бабеф солидаризировался с Маратом, обращался с призывом к республиканцу Салавилю, редактору «Патриотических анналов», идти вместе с ним и отмечал, что за свободу печати выступили журналы «Оратор народа» Фрерона и «Друг граждан» Тальена.⁹ Фельгемези, автору антиякобинского памфлета «о хвосте Робеспьера», Бабеф предлагал раскрыть свой псевдоним. Он продолжал защищать свободу печати как природное, священное и неотчуждаемое право свободно думать и высказываться. По его словам, «без свободы печати суверенитет народа уничтожен»; только жестокое и деспотическое правительство подавляет свободу печати; если революционное правление несовместимо со свободой печати, то его нужно устранить.¹⁰ Рационалистический и формально-демократический подход к вопросу о свободе печати мешал тогда Бабефу конкретно проанализировать и понять, что свобода печати была для термидорианцев свободой клеветать на якобинцев. Враждебное отношение к Робеспьеру, которого Бабеф называл «бесстыдным»¹¹, объективно сделало его временно союзником термидорианцев, но нужно добавить, что он исходил при этом из ложно понимаемых интересов народа.

В № 5 журнала от 26 фрюктидора 2 года (12 сентября 1794 г.) Бабеф писал: «Вы положительно клеветеете на революцию, предполагая, что ее принципы могут быть поколеблены или затемнены нападением роялистов».¹² Он одобрял выступление термидорианца Мерлена из Тионвиля против террора и вслед за термидорианскими газетами приписывал продолжателям Робеспьера мнимое покушение на Тальена.¹³

Двойственность позиции Бабефа ярко видна из того, что он в № 6 своего журнала от 27 фрюктидора 2 года (13 сентября 1794 г.) продолжал, с одной стороны, жестоко бичевать «тиранию» Робеспьера, высказываясь против узурпации власти правительственными комитетами, но, с другой стороны, он в № 7 журнала от 28 фрюктидора 2 года (14 сентября 1794 г.) ополчился на защиту петиции Электорального клуба и протестовал против ареста Бодсона, автора этой петиции. В № 6 он писал, что «свобода печати не декретирована, она завоевана», и возмущался, что эта свобода совершенно не существовала при Робеспьере, который оставался еще для него «тираном»¹⁴; в № 7 же он ставил вопрос, почему общественным обвинителем революционного Трибунала является «мерзкий» Фулье.¹⁵

В № 8 журнала от 29 фрюктидора 2 года (15 сентября 1794 г.) Бабеф продолжал нападать на якобинцев и на революционное правление, заявляя, что «он предаёт поруганию террор и террористов».¹⁶ Номер 9 журнала от того же числа посвящен полемике с депутатом Одуеном, который в 1790 году выступал за свободу печати, а теперь против нее. Бабеф хотел опровергнуть Одуена, выступившего во «Всеобщем журнале» против неограниченной свободы печати, его же словами, написанными в защиту такой свободы в 1790 году. Бабеф продолжал подходить к этому вопросу с формально-демократической точки зрения, без анализа этого вопроса в связи с конкретными обстоятельствами. Он присоединялся к тому, что писал Одуен в 1790—1791 гг., не упоминая того, что победа революции при буржуазной монархии еще не была обеспечена и что демократия еще не была у власти. «Только преступление, — писал тогда Одуен, — боится света, который просвещает народ относительно его заговоров и маневров»; «без свободы печати Бастилия еще существовала бы»; без нее мы были бы «несчастливыми рабами, свобода печати сильнее велений деспотизма»; «свобода печати и мнений единственно может помешать тому, чтобы рабство когда-либо опозорило эту прекрасную державу».

Бабеф считал изменой народу и прежней позиции Одуэна то, что последний стал писать во «Всеобщем журнале» в сентябре 1794 года: «Дать неограниченную свободу писать! — нельзя без дрожи думать о таком предложении; если бы свобода печати пришла, республика не просуществовала бы более двух месяцев; армии, деревни, города были бы наводнены, отравлены; республиканцам, чтобы свободно умереть, оставалось бы только застрелиться; свобода печати привела бы к роспуску правительства, зажгла бы гражданскую, религиозную, роялистскую войну; следовательно, свобода печати сделалась бы в руках роялизма, федерализма, фанатизма, наконец, всех контрреволюционеров губительным для свободы оружием».¹⁷ Не рассматривая конкретной обстановки, Бабеф считал нужным заниматься разоблачением личностей: «Говорили, — заключал он, — что не следует заниматься личностями и вещами, что нужно много говорить в защиту принципов и мало заниматься людьми. Это ошибка. Это люди делают вещи, и только занимаясь упорно разоблачением их мерзостей, лишают их возможности продолжать вредить».¹⁸

В № 10 журнала от первого дня санкюлотиды (17 сентября 1794 г.) Бабеф писал, что «день 9 гермидора только предохранил Францию от того, чтобы она имела повелителя с признанным титулом, она его имела на деле более года, но эта революция не была истинной», так как она свергла Робеспьера, но не уничтожила робеспьеризма. «Какая польза, — продолжал Бабеф, — что уничтожили человека, если все, что он сделал, вернется. Пресса завоевана, но это мы взяли ее приступом, имея оружие разума в руках». Конвент только молчаливо одобрил и терпел эту свободу. «Почему тирания пережила тиранов»? — спрашивал Бабеф и с одобрением отзывался о выступлении в Конвенте 24 фрюктидора 2 года (10 сентября 1794 г.) Мерлена из Тионвиля, который грубо и резко нападал на Якобинский клуб как прибежище «продолжателей Робеспьера».

В № 10 и в № 11 журнала того же дня санкюлотиды (17 сентября) Бабеф переиздал петицию народного общества в Аррасе о свободе печати и нападал на Барера, выступившего против этой петиции. Бабеф говорил о непостоянстве Барера и называл его «человеком обстоятельств», а не принципов.²⁰ В № 12 журнала 4 дня санкюлотиды 2 года (20 сентября 1794 г.) Бабеф нападал на тех якобинцев, которые выступали за ограничение свободы печати, одобрял антиякобинские памфлеты и солидаризировался с Фрероном в его нападках на якобинцев.²¹

В связи с представлением Электоральным клубом 30 фрюктидора 2 года (16 сентября 1794 г.) вторичной петиции в Конвент, Бабеф в № 13 журнала от 1 вандемьера 3 года (22 сентября 1794 г.) приводил эту петицию²² и противопоставлял одобряемую им позицию Электорального клуба позиции Якобинского клуба, который старается показать, что «революция» 9 термидора была «контрреволюцией». «Нельзя скрывать, — писал Бабеф, — что теперь существует в республике две партии, высказывающиеся: одна — в пользу сохранения правления Робеспьера, другая — за восстановление правления, опирающегося исключительно на вечные права человека, признанные нашей прекрасной декларацией. Мы откровенно признаем себя сторонниками последней партии. Очень серьезная, даже решительная борьба за свободу, по-видимому, должна немедленно начаться между нашими противниками и нами... Мы уже объявили имя нашей партии. Мы называем ее партией защитников прав человека». Подсчитывая силы последней партии, Бабеф говорил о 12—15 секциях, которые сначала присоединились к петиции секции Музея, и о всех противниках тирании, диктаторов, деспотов, децемвиров.²³

В № 14 журнала от 2 вандемьера 3 года (23 сентября 1794 г.) Бабеф продолжал нападать на Якобинский клуб, который он упрекал в поведении в ночь с 9 на 10 термидора и в соперничестве с Конвентом; клубу не помогла «чистка» после 9 термидора, он остался зараженным и его нужно устранить. Бабеф признавал, что «хвост Робеспьера так трудно вырвать с корнем», и доходил до утверждения, что «все средства сломить злых хороши, лишь бы только был успех».²⁴

Номера 15, 16 и 17 журнала Бабефа от 3—5 вандемьера 3 года (24—26 сентября 1794 г.) также содержали нападки на якобинцев, которые стремятся сохранить прежнюю систему правления, потерявшую голову и главного организатора.²⁵ В Якобинском клубе Бабеф видел только 15—20 вождей без солдат и считал, что скоро название «якобинец» будет «оскорблением». ²⁶ Он не отвергал данные ему названия: «генерал свободы печати» и «Атилла робеспьеристов». ²⁷

В № 18 журнала от 6 вандемьера 3 года (27 сентября 1794 г.) Бабеф выражал разочарование, что «революция 10 термидора» покончила с тиранами, но тирания осталась и только перешла в другие руки. Видоизменения в революционном режиме несущественны для народа, который лишен теперь права выбирать своих магистратов. Петиция секции Музея от 30 термидора 2 года (17 августа 1794 г.) была первым выступлением против этого нарушения прав народа. Приводя выдержки из этой петиции, Бабеф видел в ней начало борьбы против узурпации народных прав, напоминал о восстании как «самой священной и необходимой из обязанностей народа» и заявлял, что «адрес Музея есть манифест против Якобинского клуба, который будто мнил себя «монтаньярским Конвентом». Он писал, что «время наложить узду на исключительное господство фракции 15 или 20». ²⁸

В № 19 журнала от 8 вандемьера 3 года (29 сентября 1794 г.) Бабеф продолжал развивать те же мысли, что и в № 18. Самым существенным проявлением народного суверенитета он называл выбор народом своих агентов-исполнителей и снова приводил выдержки из адреса секции Музея. ²⁹ В качестве эпиграфа газеты он стал помещать слова «Цель общества — общее счастье». Но одновременно Бабеф продолжал нападать на якобинцев, в частности, на Карье. Он поместил одно письмо, которое содержало нападки на Робеспьера и якобинцев и заканчивалось обращением к Конвенту относительно устранения из него монтаньяров: «Будьте свободны, граждане; осмелитесь быть самими собой — и Франция спасена». ³⁰

В № 20 журнала от 9 вандемьера 3 года (30 сентября 1794 г.) Бабеф выражал свое разочарование в работе термидорианского Конвента, считая, что его заседания бесплодны и что народ не получил от него того, что соответствует основным принципам, защищаемым Бабефом. День 9 термидора, поразивший некоторых тиранов, только тогда будет достоин названия «революционного дня», когда будет покончено с тиранией. ³¹ Далее Бабеф опровергал мнение тех, которые отвергали выборы народом своих магистратов, ссылаясь или на возможное влияние аристократов и интриганов, или на призыв многих граждан для защиты границ Франции. ³² В следующем номере журнала (21) от 10 вандемьера 3 года (1 октября 1794 г.) Бабеф указывал, что опасность лежит в отсутствии такого энтузиазма, как прежде, в малом интересе и равнодушии к делу свободы. Отмечая это, Бабеф выражал сожаление, что он, наследовав у Марата мужество, не имеет его убеждающего красноречия. ³³

Последние два номера (21 и 22) «Журнала свободы печати», вышедшие 10 вандемьера 3 года, содержали уже прямые нападки Бабефа на тиранию термидорианского Конвента и защиту новой петиции Электорального клуба, которая была принята последним вечером 28 сентября, представлена в Конвент 1 октября и поддержана не менее 12 секциями, в которых жило много бедноты. Чтобы понять переход Бабефа к борьбе против термидорианцев, нужно вспомнить, что Конвент 7 вандемьера 3 года (28 сентября 1794 г.) отказался освободить арестованных Бодсона и Варле, деятелей Электорального клуба, самое помещение которого 29 сентября подверглось разгрому.

Бабеф называет «губительными для свободы», узурпацией народного суверенитета и нарушением декларации прав два декрета Конвента: один от 4 фрюктидора 2 года (21 августа 1794 г.) об ограничении заседаний секции одним днем в декаду и другой от 14 фрюктидора 2 года (31 августа 1794 г.) об упразднении Коммуны Парижа и о лишении парижан права избирать свой муниципалитет. Полемизируя с теми, кто, подобно реакционному журналисту Дюссо, считал Коммуну опасной силой, соперничающей с Конвентом и ставшей

убежищем для заговорщиков, Бабеф указывал на заслуги Коммуны в революции и на то, что ее существование является гарантией свободы.³⁴

Бабеф обличал Конвент следующими словами: «Деспоты, диктаторы, децемвиры! Вы это слишком хорошо знаете, я снова усматриваю в раздроблении муниципального учреждения только вашу работу. Вы полагали, что рассеете с большим искусством различные ветви народного пучка³⁵, но народ и свобода будут более находчивыми, чем это в их глазах свойственно вам. Трепещите, час бьет, ваша тирания больше не продлится, вы, быть может, близки к моменту, когда придется спуститься с ваших тронов».³⁶

В № 22 журнала Бабеф, описывая разгром помещения Электорального клуба, опубликовал петицию последнего, принятую 7 вандемьера 3 года (28 сентября 1794 г.). Бабеф выражал при этом свое несогласие только с пунктом петиции, касающимся требования свободы торговли. «Мы, — писал Бабеф, — даем наше полное одобрение только той части этого адреса, которая относится к требованию всех прав суверенитета. Вопрос о торговле следует больше изучить; можно многое сказать относительно скупки, и нам еще долго нужны будут законы против жадности. Благо, быть может, зависит лишь от того, чтобы обеспечить их выполнение. Мы поговорим об этом предмете особо».³⁷ К вопросу о максимуме и свободе торговли Бабеф вернется потом в журнале «Трибун народа».

II. «Трибун народа» и памфлеты Г.Бабефа (октябрь 1794 г. — февраль 1795 г.)

Дальнейшим продолжением «Журнала свободы печати» явился «Трибун народа» Гракха Бабефа, вышедший как № 23 журнала 14 вандемьера 3 года (5 октября 1794 г.). Бабеф объяснял, что он дал журналу новое название «Трибун народа» в смысле «защитника народа», а сам принял имя Гракха, потому что хочет подражать Гракхам в борьбе за общее благо. «Я предпочитаю, — писал Бабеф, — умереть попросту, как Гракхи, жизнь которых мне столь нравится и под покровительство которых отныне я себя исключительно ставлю». Он отличал себя как чистого демократа от Камиля Демулена как соглашателя, как «верного и преданного защитника сенатской и патрицианской касты и мнимого и лукавого защитника плебеев». Первый выпуск «Трибуна народа» был посвящен описанию представления 10 вандемьера 3 года (1 октября 1794 г.) в Конвент петиции Электорального клуба. Перечислив 16 секций, поддержавших эту петицию, и рассуждая о праве восстания, Бабеф противопоставлял Электоральный клуб Якобинскому клубу.³⁸

В № 24 «Трибуна народа» от 16 вандемьера 3 года (7 октября 1794 г.) Бабеф, подходя к вопросу формально и рационалистически и не раскрывая классового характера диктатуры термидорианцев, обличал Конвент в том, что он, с одной стороны, говорит с уважением о революционном правлении, а с другой, с возмущением о правлении Робеспьера, «о терроре, о системе крови, как будто это не одно и то же».³⁹ Сопоставляя «патриота» и «душителя», он писал: «Душитель — это тигр в овечьей шкуре. Он надевает маску патриота и беспрестанно поднимает вой на сотню лучших друзей отечества; он убивает добродетель клеветой, а честного человека при посредстве палача». «Душитель тот, кто публично говорит, что лучше, чтобы Франция была сведена к половине своего населения, чем терпеть одного гражданина, который не разделяет его мнений... Душитель тот, кто, опасаясь, чтобы не открыли его преступлений, кричит против свободы печати, как вор кричит против судьи, который посылает его на смерть».⁴⁰

В № 25 журнала от 17 вандемьера 3 года (8 октября 1794 г.) Бабеф продолжал обличать Конвент, говоря об «олигархическом правительстве вместо республиканского режима» и об олигархии комитетов, которая властвует над Конвентом и народом, «несчастливым», подавленным и неуверенным в своем положении». «Все друзья свободы, — заявлял Бабеф, — стремятся к низвержению революционного правления, и правильно, так как оно является уничтожением всякой свободы». Революционное правление для Бабефа — «это

терроризм, власть крови, власть Робеспьера, тирания Робеспьера, деспотия комитетов».⁴¹

Но Бабеф начал уже прозревать и понимать, что господство термидорианцев не является собственно «революционным правлением». Он ссылаясь на справедливые слова Робеспьера, что «в тот день, когда революционная власть попадет в нечистые и предательские руки, свобода погибнет, и ее имя сделается предлогом и оправданием самой контрреволюции». Эти слова Робеспьера были как раз приложимы к диктатуре термидорианцев. Бабеф также отмечал, что «недовольство является всеобщим, нужно быть слепым, подобно королям, чтобы не видеть этого».⁴²

В № 26 журнала от 19 вандемьера 3 года (10 октября 1794 г.) Бабеф выступал против удержания революционного правления до заключения мира.⁴³ В № 27 журнала от 22 вандемьера 3 года (13 октября 1794 г.) он выражал подозрение, что Фрерон и Тальен стремятся быть узурпаторами, и указывал, что народ может положиться только на себя, так как в Конвенте нет депутатов, которые могли бы защищать народные права.⁴⁴ В тот же день Комитет общественной безопасности отдал приказ об аресте Бабефа.

Бабеф резко выступил против адреса, с которым Конвент 9 октября 1794 года обратился к народу и в котором он нападал одновременно на сторонников как террора, так и эгалитаризма. Бабеф требовал освобождения арестованного Легре, председателя Электорального клуба, и клеймил издателя своего журнала Гоффруа, наложившего арест на № 26 журнала Бабефа и выгнавшего жену и девятилетнего сына последнего, которые занимались рассылкой журнала. С содержанием № 27 своего журнала Бабеф лично ознакомил Электоральный клуб, который потом и издал этот номер, за что подвергся новым репрессиям со стороны термидорианцев.

24 октября были арестованы Бабеф, а также председатель и секретарь Электорального клуба. Конвент встретил аплодисментами сообщение об этом, сделанное ему 5 брюмера (26 октября) Мерленом из Тионвиля, который заявил: «Бабеф, который осмелился клеветать на Конвент, который был присужден к кандалам, Бабеф укрылся в недрах Электорального клуба, где он произнес еще более мятежную речь, чем раньше. Клуб одобрил эту речь и принял постановление о ее напечатании. Согласно закону, Комитет общественной безопасности предписал арестовать Бабефа, президента и секретаря клуба за то, что они подписали это постановление, и печати наложены на бумаги клуба».⁴⁵ «Республиканский курьер» выражал беспокойство, что много женщин посещало заседания Электорального клуба и выражало сочувствие произносимым там речам.⁴⁶

Но на этот раз Бабеф был скоро освобожден и 3 ноября выступил в Электоральном клубе с предложением реорганизовать клуб, отказавшись от президиума, протоколов и формальностей при приеме членов и дав ему название «Народного клуба».⁴⁷

Закрытие Якобинского клуба вызвало тревогу у Бабефа, поскольку речь шла о принципиальной стороне дела, о самом существовании демократических клубов.⁴⁸ Но Бабеф до конца 1794 года продолжал еще выступать против якобинцев как против террористов. В начале декабря 1794 года он опубликовал брошюру под заглавием «Путешествие якобинцев в четыре части света».⁴⁹ В этой брошюре Бабеф одобрял поведение граждан секции Кенз-Вен («Госпиталя слепых»), к которым как «к слепым» последователи М. Робеспьера обратились с призывом к восстанию, но которые отказались последовать за этим призывом. Бабеф соглашался, что меры, принятые против Якобинского клуба, исходили из стремления уничтожить все народные общества, но он продолжал обвинять якобинцев в соперничестве с Конвентом, в подавлении общественного мнения и в стремлении вернуть кроважную систему обезлюдения (депопулизации). «В таком случае, — писал он, — ваше поражение нужно рассматривать не как угнетение, а как счастливую победу, одержанную над наиболее необузданным из угнетателей. Нет, напрасно, мы не восстанем вместе с вами».⁵⁰ Призывы якобинцев к восстанию нужно отвергнуть, потому что их интересы

противоположны интересам большинства. Но все время Бабеф защищал права народных обществ и заявлял, что «демократическое правление не может удержаться без них».⁵¹

В ноябре, еще до предания Карье суду революционного трибунала (23 ноября) за террористическую деятельность при усмирении Вандеи, Бабеф опубликовал памфлет «Хотят спасти Карье. Хотят устроить процесс над революционным трибуналом. Народ, будь на страже!».⁵² В этом памфлете Бабеф нападал на Дюгема и других, которые пытались 12 брюмера 3 года (2 ноября 1794 г.) защищать в Конвенте Карье⁵³, разоблачал жестокости Карье в Нанте, называя его «наибольшим чудовищем, порожденным природой», «истребителем» и «уничтожающим население», и требовал для него смертной казни.

После осуждения и гильотинирования Карье (17 декабря 1794 г.) Бабеф опубликовал во второй половине декабря памфлет «Система обезлюдения или жизнь и преступление Карье».⁵⁴ Он стремился доказать наличие плана обезлюдения Франции, чтобы привести в соответствие количество имеющейся земли с количеством населения.⁵⁵ По мнению Бабефа, невежество было причиной, почему вандейцы пошли за священниками и аристократами, но бороться с этим нужно было не мерами чрезвычайной жестокости. Подходя к истории восстания Вандеи с рационалистической и отвлеченной точки зрения, он останавливался на совершенных там жестокостях и на процессе Карье. Самое возникновение революционного правления Бабеф ставил в связь с восстанием в Вандее и утверждал, что «в революционном правлении нужно искать все несчастья республики».⁵⁶

Но Бабеф нападал на террор вовсе не с точки зрения термидорианцев, как утверждал это, например, Адвилье⁵⁷; он в названной брошюре делал нападки на жирондистов, оправдывая события 31 мая и 2 июня 1793 года и считал массу монтаньяров «истинными демократами». «Граждане, — писал он, — известные под именем федералистов (они не были друзьями равенства, это для них еще химера), клеветали относительно намерений монтаньяров, которых обвиняли, будто они хотят короля, они, пославшие Капета на эшафот!.. Монтаньяры, искренние демократы, подозрительные, бурные, не особенно ловкие, имея среди себя некоторых испорченных жестоких людей, рассматривали своих противников как аристократов, виновников и тайных сторонников Вандеи».⁵⁸ Сам Бабеф в духе Руссо высказывался за правление, способное ограничить жадность и гарантировать всем необходимое, посредством Труда, равное воспитание и независимость одного гражданина от других. «Почва государства должна обеспечить существование всех членов государства»; «все должны иметь достаточно и никто не должен иметь слишком мною».⁵⁹ По этим вопросам Бабеф солидаризировался с М.Робеспьером.

Номер 28 «Трибуна народа» появился только 28 фримера 3 года (18 декабря 1794 г.), т. е. приблизительно лишь через два месяца после предыдущего № 27. Бабеф резко обрушивался на весь режим термидорианской реакции, на отмену максимума в интересах торговцев, на золотую молодежь, на испорченность нравов и на использование свободы печати в интересах реакции. Он признавал ошибочность своего поведения, когда он требовал снисхождения и свободы слова, что реакция использовала в своих интересах. «Когда я, один из первых, — писал Бабеф, — с силою гремел, чтобы заставить рухнуть чудовищное сооружение системы Робеспьера, я был далек от того, чтобы предвидеть, что я способствую основанию здания, которое, при противоположной конструкции, будет не менее гибельным для народа; я был далек от того, чтобы предвидеть, что я, требуя снисхождения, устранения всякого угнетения, всякого деспотизма, всякой несправедливой суровости и полной свободы слова и печати, способствую этим подрыву оснований республики и открытию новой арены мстительных и реакционных страстей».⁶⁰

В народных обществах «порядочные люди» низкопоклонничают перед властью. Проституция после террора усилилась.⁶¹ «Одна секция, секция Лепелетье, только что привлекла на себя внимание, требуя, чтобы те, которые носят простую одежду и гладкие волосы, были изгнаны с мест своей службы. Все указывает на скорое и полное возвращение власти господ». Бабеф возмущался, что при недостатке хлеба и его дороговизне, доходившей до 30 су за ливр, муку употребляли на то, чтобы пудрить «парики высокомерной и многочисленной бюрократии».⁶² Жизандисты с триумфом вернулись в Конвент, и возникла опасность для конституции 1793 года.⁶³

«Говорят, — писал Бабеф, — все идет к лучшему. Да, для аристократов и врагов свободы. Непомерная дороговизна заставляет стонать и умирать с голоду бедного рабочего с четырьмя ливрами или сто су в день. Угроза прекращения работ в общественных мастерских при наступлении тяжелой сезона заставляет страшиться еще более тяжелого будущего. Отмена максимума, который объявили контрреволюционным и который, действительно, является таковым для жадного и ненасытного корыстолюбия, окончательно заморит голодом класс санкюлотов, который не стесняется более подвергать всякого рода унижениям и оскорблениям, не меньше, чем когда-то в прошлом».⁶⁴

В № 29 журнала от 19 нивоза 3 года (8 января 1795 г.) Бабеф решительно выступил против термидорианской реакции, против партии буржуазной и аристократической республики, против ликвидации максимума и законодательства якобинского периода и против мер, ухудшавших положение рабочих. Республике «одного миллиона, который всегда был врагом, господином, вымогателем налогов и кровопийцей для остальных 24 миллионов» и который хочет такой республики, в которой существовали бы знатные и плебеи и в которой «ничтожная кучка привилегированных и господ утопала бы в роскоши и в наслаждениях, а подавляющее большинство было бы поставлено в положение илотов и рабов», он противопоставлял демократическую республику, которая обеспечивает не только равенство в правах, но и удовлетворение всех физических потребностей и справедливое вознаграждение за труд. «Цель общества — это счастье большинства», — писал Бабеф.⁶⁵

Особенно он критиковал экономическую политику термидорианского Конвента, отменившего в интересах богатых максимум и разрешившего вывозить золотую монету за границу. Это «война богатых против бедных». Отмечая речи в Конвенте о «злонамеренных, которые распространяют опасения относительно близкого голода в Париже», Бабеф писал: «Голод не близок, он уже наступил». Сетье хлеба, весом в 270 ливров, продается по 140 и 150 франков. В 10 лье от Парижа питаются только картофелем и другими корнями. По поводу прокламации Конвента относительно отмены максимума Бабеф говорил: «Гарантируют наилучшие результаты... Для народа одного миллиона, без сомнения. Другому народу говорят то, что всегда ему говорили короли: бедный народ, будь терпелив... Дать народу сделать сравнение между теперешним временем и самыми худшими временами монархии — это несомненно одно из крупных орудий, которым могут воспользоваться те, которые стремятся к возвращению короля». В роялизме Бабеф подозревал Фрерона, «адвоката народа в коротких панталонах», и его «золотой народ» из Пале-Рояля. Он протестовал против новых куртизанок депутатов Тальена (м-м Кабаррю), Фрерона и Бентаболя (графиня Шуазель), сравнивая их с королевскими фаворитками Помпадур и Дюбарри и с королевой Антуанеттой.⁶⁶ Бабеф указывал, что в пренебрежении находились и республиканские нравы: щеголи в Пале-Рояле не носили национальной кокарды, считали смешным слово «гражданин» и не хотели республиканского «ты».⁶⁷

В № 30 журнала от 4 плювиоза 3 года (23 января 1795 г.) Бабеф резко нападал на термидорианский Конвент, говоря, что «Кобленц имеет свой сенат в Париже, во дворце Тюильри».⁶⁸ Из термидорианских депутатов, кроме Тальена, Бентаболя и Лежандра, особенно сильно обрушивался Бабеф на Фрерона, оратора «золотого народа» и адвоката «порядочных людей», выступающего против санкюлотов.⁶⁹ Постановление Комитета общественного спасения о выпечке хлеба из картофеля Бабеф называл «новым оскорблением

общественной нищеты». «Это значит, — писал он, — ясно сказать несчастным: мы имеем все, что нам нужно, и это справедливо, потому что мы являемся сливками людей; а что касается тебя, жалкая чернь, ты не создана для того, чтобы потреблять пшеницу: ешь картофель».⁷⁰

В № 31 журнала от 9 плювиоза 3 года (28 января 1795 г.) Бабеф, сравнивая правительство термидорианцев со временем Робеспьера, указывал, что тогда народ не нуждался в предметах первой необходимости. Он надеялся, что антинародная власть клики Фрерона и Тальена не продлится долго⁷¹, и призывал народ к восстанию, если тот не хочет окончательно погубить свою свободу. Но это восстание Бабеф мыслил пока как мирное давление на Конвент, в форме предоставления адреса французского народа с изображением его тяжелого положения и с его пожеланиями. «Всеобщее желание должно стать законом», — вот лозунг, который выдвигал тогда Бабеф.⁷²

10 плювиоза 3 года (29 января 1795 г.) Тальен выступил в Конвенте с обвинением журнала Г.Бабефа, который называет большинство депутатов Конвента агентами Кобленца, «хочет вызвать гражданскую войну» и призывает народ к восстанию за возвращение отнятых у него прав. В сношениях с Бабефом Тальен обвинял депутата Фуше, который не отрицал этих отношений, но указывал, что по его совету Бабеф не опубликовал брошюру против декрета о возвращении в Конвент 73 жирондистов.⁷³

В тот же день любимая газета золотой молодежи «Вечерний вестник» писала: «Вчера в кафе Шартр читали некоторые отрывки из мятежной статьи бесстыдного Бабефа. Он открыто проповедует гражданскую войну, он пытается поднять рабочих и предместья против Конвента, который он называет сенатом Кобленца; согласно этому бесстыдному стороннику Дюгема, в Национальном дворце заседают австрийцы. Все декреты, которые там проходят, оплачены нашими врагами, которые составляли их заранее. В своем справедливом негодовании 6 граждан, среди которых находился Боншон, оратор Антуанского предместья, донесли на зажигательную статью этого мятежника, который уже был приговорен к 20 годам заключения и которому Фуше, его достойный друг, дал убежище. Комитет общественной безопасности принял их очень хорошо и засвидетельствовал через них свое удовлетворение гражданам, собравшимся в кафе Шартр».⁷⁴

Бабеф успел выпустить еще 13 плювиоза 3 года (1 февраля 1795г.) № 32 «Трибуна народа», в котором он отвечал на обвинения Тальена, называя последнее «другой статьей граждан» и «апостолом порядочных людей». От реакционной и мстительной фракции Тальена, Фрерона и др., которая господствует в Конвенте, Бабеф отличал большинство Конвента, которое хочет «справедливости», «несмотря на результаты его работ, исключительно благоприятные врагам народа». Он указывал, что ряд контрреволюционных декретов, изданных «друзьями богатого народа», доказывает правильность его утверждения, что «фракция миллиона и сенат Кобленца заседает, быть может, в большинстве во Дворце Тюильри».⁷⁵

После долгих и неудачных попыток разыскать Бабефа полиции удалось 19 плювиоза 3 года (7 февраля 1795 г.) арестовать его, о чем на другой день Матье от имени Комитета общественной безопасности с удовлетворением сообщил Конвенту, клеветнически приписав Бабефу попытку подкупить арестовавшего его жандарма за 30 тыс. ливров. Одновременно полиция закрыла некоторые клубы в Антуанском и Марсельском предместьях и приняла меры против агитации в пользу террора и за роспуск Конвента.⁷⁶

При аресте Бабефа была захвачена рукопись № 33 «Трибуна народа». 9 февраля Бабеф направил в Комитет общественной безопасности «Трибун народа № 34 и последний», в котором опровергал возводимое на него ложное обвинение, будто он, имевший всего 6 франков, хотел подкупить жандарма. Он указывал также, что под «восстанием» он разумел представление петиций с требованием гарантии прав человека и конституции. Бабефу удалось также выпустить из тюрьмы обращение «Трибун народа своим согражданам», где он оправдывался в возводимых на него ложных обвинениях и описывал свою деятельность во время революции.⁷⁷ Из тюрем Парижа Бабеф 25 марта 1795 года был переведен в тюрьму в Аррасе, где просидел полгода и откуда был освобожден только после подавления вандемьерского мятежа.⁷⁸ Мюскадены «предали проклятью» журнал Г.Бабефа⁷⁹ и публично сжигали его.⁸⁰

Таким образом, Бабеф занимал во время термидорианской контрреволюции особую позицию. В сентябре 1794 года в «Журнале свободы печати» он с самого начала исходил из защиты позиций Электорального клуба, где выступали остатки бешеных и эбертистов. Он нападал на якобинцев и на революционное правление и требовал свободы печати и выборов Коммуны Парижа, но не одобрял требования свободы торговли и понимал классовое значение максимума в интересах бедноты.

К вопросу о свободе печати Бабеф подходил сначала с рационалистической и формально-демократической точки зрения, не анализируя классового содержания этого лозунга в тогдашних условиях в интересах буржуазной реакции. Его отрицательное отношение к революционному правлению, которому он противопоставлял демократическую конституцию 1793 года, было продолжением линии бешеных. С октября 1794 года Бабеф перешел уже к нападкам на термидорианцев и стал подвергаться преследованиям. Опыт термидорианской реакции научил его подойти к вопросу о революционном правлении не отвлечённо, а конкретно. При Директории он уже прославлял Робеспьера и понял необходимость революционной диктатуры в интересах осуществления действительного равенства, т.е. коммунизма (в его понимании).

Во время термидорианского Конвента Бабеф находился на полпути к своей позднейшей позиции во время организации восстания против Директории; он за максимум, но против диктатуры; он против буржуазии, но за формальную демократию. Об этой ошибочной позиции Бабефа так писал в своих мемуарах Буонарроти, один из соучастников заговора равных в 1796 году: «После роковых события 9 термидора Бабеф одно время приветствовал снисходительность, проявленную к врагам революции, его заблуждение было непродолжительным... Стоявший выше своих заблуждений, Бабеф признал свою ошибку, потребовал возвращения народу его прав, сорвал маску с тех, кем был обманут, и так далеко зашел в своем рвении в пользу демократии, что аристократы, управлявшие республикой, не замедлили заключить его в тюрьму».⁸¹

Только с осени 1795 года Бабефу стало вполне ясно, что революционная диктатура якобинцев не была «тиранией», что 9 термидора привело к торжеству буржуазной контрреволюции и что осуществить подлинное равенство можно только путем революционной диктатуры, созданной в интересах бедных и направленной против богатых.

1 Babeuf. «Journal de la liberte de la presse», № 1, 17 fructidor, an 2; cp. «Moniteur», 29/VIII-1794. № 342, стр.1402.

2 Там же, № 1, стр.2—3.

3 «Le Defenseur de la Constitution», № 125, p.26.

4 «Journal de la liberte de la presse», № 1, p.5—7.

5 Там же, № 2, 14 fructidor, an 2, стр.2, 6.

6 A.Mathiez. La reaction thermidorienne, p.90.

7 П.Щеголев/ Заговор Г.Бабефа, стр.65 (1927), см. его позднейшую самокритику «После термидора», стр.3—39 (1930).

- 8 «Journal de la liberte de la presse», № 3, 22 fructidor, an 2, p.5—8.
- 9 Там же, № 4, 25 fructidor, an 2, стр.3.
- 10 Там же, № 4, стр.7—8.
- 11 Там же, № 4, стр.4—5.
- 12 Там же, № 5, 26 fructidor, an 2, стр.7.
- 13 Там же, № 5, стр.4.
- 14 Там же, № 6, 27 fructidor, an 2, стр.1, 7.
- 15 Там же, № 7, 28 fructidor, an 2, стр.7—8.
- 16 Там же, № 8, 29 fructidor, an 2, стр.1.
- 17 Там же, № 9, 29 fructidor, an 2, стр.2—5.
- 18 Там же, № 9, стр.6
- 19 Там же, № 10, 1-re sansculottide, an 2, стр.2, 4; ср. «Moniteur», 12/X-1794, № 356, Buchez et Roux, t.XXXVI, pp.73—75.
- 20 Там же, № 10, стр.5—8, № 11, 3-e sansculottide, an 2, стр.3—7.
- 21 Там же, № 12, 4-e sans-culottide, an 2, стр.3—4, 8. 22. Там же, № 13, 1 vendemiaire, an 3, стр.5—7.
- 23 Там же, № 13, стр.1—3.
- 24 Там же, № 14, 2 vendemiaire, an 3, стр.1, 6—8.
- 25 Там же, № 15, 3 vendemiaire, an 3, стр.3—4.
- 26 Там же, № 16, 4 vendemiaire, an 3, стр.6.
- 27 Там же, № 17, 5 vendemiaire, an 3, стр.1.
- 8 Там же, № 18, 6 vendemiaire, an 3, стр.1, 3—7.
- 20 Там же, № 19, 8 vendemiaire, an 3, стр.2, 5—6.
- 30 Там же, № 19, стр.6—8.
- 31 Там же, № 20, 9 vendemiaire, an 3, стр.1—3.
- 32 Там же, № 20, стр.3—4, 6—7.
- 33 Там же, № 21, 10 vendemiaire, an 3, стр.1.
- 34 Там же, № 21, стр.3—5.
- 35 Бабеф имеет тут в виду уничтожение Коммуны Парижа с сохранением 48 секций.
- 36 «Journal de li liberte de la presse..», № 21, p.5—6.
- 37 Там же, № 22, 10 vendemiaire, an 3, стр.1—7.
- 38 «Le tribun du peuple, ou le defenseur de droits de lliomme; en continuation du Journal de la liberte de la presse», № 23, du 14 vendemiaire, L'an 3 de la Republique, pp.1, 6—8
- 39 Там же, № 24, 16 vendemiaire, an 3, стр.1—3.
- 40 Там же, № 24, стр.6—8.
- 41 Там же, № 25, 17 vendemiaire, an 3, стр.3—4.
- 42 Там же, № 25, стр.6—7.
- 43 Там же, № 26, 19 vendemiaire, an 3, стр.6—8.
- 44 Там же, № 27, 22 vendemiaire, an 3, стр.218—219 passim.
- 45 «Moniteur», 29X 1794, № 38, p 168.
- 46 «Courrier republicain», 28X 1794, Paris, t 1, p.203.
- 47 G. D e v i 1 1 e Thermidor et Directoire, p.42. 48. Там же, стр.40.
- 49 G. B a b e u f. Voyage des Jacobins dans les quatre parties de inonde. Avec la Constitution mise al 'ordre du jour par Audouin et Babbere (1794, 16 p.Фотоснимок в ИМЭЛ).
- 50 Там же, стр.9—10.
- 51 Там же, стр.11, 13—14.
- 52 G.Babeuf. On veut sauver Carrier. On veut faire le proces an Tribunal revolutionair. Peuple, prend garde a toi (1794, фотоснимок в ИМЭЛ).
- 53 Ср. «Moniteur», 4XI 1794, стр.44, стр.193—194.
- 54 G.Babeuf. Du systeme de depopulation, ou la vie et les crimes de Carrier. Sur proces, et celui du Comite revolutionnair de Nante (a Paris, an 3 de la Republique, 194 p.).

55 Там же, стр.26—28, 116.

56 Там же, стр.85.

57 V.Advielle. Histoire de Gracchus Babeuf et de babouvisme. D'apres de nombreux documents inedits, t.1, p.113 (1884).

58 G.Babeuf. du systeme de deplpulation, p.188.

59 Там же, стр.32, 34.

60 «Tribun du peuple», № 28, 28 frimaire, an 3, p.237.

61 Там же, № 28, стр.238, 241—242.

62 Там же, № 28, стр.242—243.

63 Там же, № 28, стр.245.

64 Там же, № 28, стр.249—250.

65 Там же, № .29, 19 nivose, an 3, стр.263—264.

66 Там же, № 29, стр.271—276.

67 Там же, № 29, стр.282.

68 Там же, № 30, 4 pluviose, an 3, стр.291—293.

69 Там же, № 30, стр.297—299.

70 Там же, № 30, стр.307.

71 Там же, № 30, 9 pluviose, an 3, стр.312, 313.

72 Там же, № 31, стр.316—321.

73 «Moniteur», 31/I-1795, № 132, p.543.

74 «Messager du soiro, 29/I-1795, Paris, t.I, p.431.

75 «Tribun du peuple», № 32, 13 pluviose, an 3, pp.323—338.

76 «Moniteur», 10/XI-1795, № 142, p.584.

77 G.Babeuf. Tribun du peuple a ses concitoyens. (8 р.Фотоснимок в ИМЭЛ).

78 V.Advielle. Histoire de G.Babeuf et de baliouvisme, t. I, pp.122—123; G.Deville. Thermidor et Directoire, pp.74—76.

79 Paris, t.I, p.454, Rapport 5/II-1795.

80 Paris, t.I, p.468, Rapport 9/II-1795.

81 Ф.Буонарроти. Заговор во имя равенства, т.I, стр.138, примеч. (1948).

ГЛАВА 8. ПРЕИАЛЬСКОЕ ВОССТАНИЕ

I. Жерминальское выступление и прериальское восстание парижских предместий

Восстание парижских предместий 1—4 прериала 3 года республики (20—23 мая 1795 г.) было последним народным восстанием в Париже после 1789 года против контрреволюционных сил. Его прелюдией было выступление 12 жерминаля (1 апреля). Монархисты и роялисты помогли термидорианскому Конвенту подавить это восстание плебейских масс, надеясь потом диктовать свою волю термидорианцам. Подавление народных движений в апреле и в мае 1795 года было сигналом в вакханалии белого террора, свирепствовавшего во Франции летом 1795 года. Только победа Конвента 13 вандемьера 4 года (5 октября 1795 г.) над монархистами и роялистами, увлекшими за собой буржуазные секции Парижа, предотвратила, но не устранила окончательно роялистскую опасность во Франции.

Современники термидора связывали революционные выступления 12 жерминаля и 1—4 прериала 3 года прежде всего с господствовавшей нуждой, но некоторые из них отмечали и политическую сторону этих выступлений. Заслуживает особого внимания показание Буонарроти, который полагал, что «друзья равенства», требуя конституции 1793 года, «желали, по крайней мере, вернуть народу его политические права».¹

Якобинец Левассер в своих мемуарах так изображает нужду, которая, по его мнению, неизбежно привела к прериальскому восстанию: «Нужда достигла ужасающей степени, нужно было провести часть дня в хвосте перед дверьми булочников, чтобы получить несколько унций хлеба и риса. Падение ассигнаций без изменения в их принудительном курсе, ослабление законов, изданных в пользу бедных, недостаток работы среди всех трудящихся, — привели народ в бедственное положение, которое трудно описать. Большого не требовалось, чтобы вызвать серьезное движение».²

Термидорианец Баррас, «герой» 9 термидора и 13 вандемьера, придает в своих мемуарах большое значение недостатку продовольствия, как «существенной причине» жерминальского движения и прериальского восстания. «Слабость правительства», — пишет он о марте 1795 года, — увеличивалась каждый день; средства существования, которые должны были его серьезно озабочивать, были скуплены с целью спекуляции; хлеб был редок, дорог и плох; враги республики не преминули извлечь пользу из этих затруднений». Но ответственность за нужду Баррас как термидорианец перекладывает на якобинцев, издавших закон о максимуме. Остановливаясь на причинах жерминальского движения, он говорит: «Существенной причиной всех восстаний была следующая: это недостаток продовольствия. Нужда искусственная, следствие законов о максимуме, нужда действительная, результат плохого урожая данного года, присоединились ко всем другим политическим возбуждениям и оживили дурное настроение народа, благодаря удвоению его нужды... Положение становилось с каждым днем все более критическим и неспокойным. Париж имел очень мало муки, и к тому же она была испорчена. Она доставлялась спекулянтами». Баррас отмечает, однако, не только экономическую причину прериальского восстания (голод), но и политическую (борьбу за свободу), говоря, что восставшие 1 прериала Сент-Антуанское и Сен-Марсельское предместья «маршировали во имя хлеба и свободы».³

Карно полагает, что «событие 12 жерминаля было только предисловием к событиям 1 прериала», а последние являлись протестом против голода и политической реакции. «Никогда, — говорит он, — в самые ужасные дни революции я не видел народ столь раздраженным: единственно в этот раз он показался мне свирепым. Но он ужасно страдал от голода и полагал, что ему угрожает, благодаря дерзости роялистов, потеря всех прав, за которые он заплатил своей кровью: отчаяние и голод были на этих лицах».⁴

Среди современников, враждебно относившихся к прериальским повстанцам, было распространено мнение, что голод был только предлогом для агитаторов, чтобы поднять народные массы предместий против Конвента. Такой взгляд высказывает Понтекулян, который, в противоположность Карно, пишет, что «это движение не представляло собой характера свирепости и неукротимой ненависти, который отличал дни 6 октября, 10 августа и 31 мая».⁵ Жирондист Ларевельер-Лепо утверждает, что голод был в руках «анархистской партии могущественнейшим рычагом, чтобы поднять народ».⁶ Лакретель, один из участников неудачного похода молодых людей в Сент-Антуанское предместье в ночь с 3 на 4 прериала, полагает, что голод был большим помощником для тех, кто провозгласил «пробуждение льва».⁷ Разумеется, Лакретель, подобно многим другим современникам, приписывает движение якобинцам, но нужно сказать, что контрреволюционеры тогда часто называли «якобинцами» и «анархистами» всех демократов, включая сюда и сторонников Электорального клуба, бывших эбертистов и бешеных. Один современник восстания, враждебно относившийся к нему, написал брошюру о первых днях прериала, в которой утверждает, что нужда в съестных продуктах дала возможность «врагам народа» вовлечь последний в движение против Конвента.⁸

Один немецкий корреспондент, очевидец восстания, в письме из Парижа от 27 мая 1795 года отмечал, что восстания ждали задолго до него и что большинство восставших составляли голодные, увлеченные якобинцами. «Большинство восставших, — писал он, — состояло, очевидно, из страдающих от голода, доведенных до ярости, благодаря все увеличивающейся нужде в хлебе и подстрекательствам второй партии (якобинцев)».⁹

По словам термидорианца Тибодо, голод был для санкюлотов предлогом, чтобы вооружиться против правительства, причем реакционеры возбуждали Конвент против якобинцев, а последние — народ против Конвента.¹⁰

По мнению роялиста Болье, якобинцев в прериальские дни поддерживал изголодавшийся народ; на помощь же Конвенту пришли мюскадены и секции Лепелетье, Мельничного холма и Гренельского фонтана, но Конвент и правительственные комитеты опасались, что победа достанется тем, кто их защищал, и не доверяли монархистам и роялистам.¹¹ Подобный взгляд высказывался и другими роялистами различных оттенков. Барон Нейвиль, принимавший, как и Лакретель, участие в подавлении прериальского восстания, пишет в мемуарах, что на почве голода в Париже были движения, «скорее прискорбные, чем ужасающие».¹² Эмигрант и конституционный роялист Малле дю Пан приписывал восстание нужде, которой воспользовались якобинцы, чтобы сделать «последнюю попытку» к восстанию.¹³ Аналогичное мнение высказывал также другой эмигрант и роялист Пелтье.¹⁴

Контраст между лишениями бедноты и роскошью спекулянтов, выскочек и куртизанок озлоблял народ, которому оставалось только право легально умереть с голоду». По словам одного современника, «бедный, не владевший ни золотом, ни серебром, нуждался во всем; он взялся за оружие, чтобы добыть хлеб».¹⁵ «Фоссова газета» относительно 12 жерминаля писала, что «нельзя определенно указать, кто руководил народом, но несомненно, что в волнениях большую роль играл голод».¹⁶

Полицейские донесения, отмечая нужду и ропот народа, уже в январе и феврале 1795 года приводили разговоры рабочих и неимущих о восстании.¹⁷ С середины марта разговоры о восстании участились: «Ждут, говорят, удара: неимущие граждане, по-видимому, его желают».¹⁸

Во второй половине марта 1795 года начинается массовое движение, которое выставляет три главных требования: улучшение снабжения Парижа хлебом, введение в действие демократической конституции 1793 года и прекращение преследований демократов. Во главе движения стояли ремесленно-рабочие секции Сент-Антуанского и Сен-Марсельского предместий. 27 вантоза 3 года республики (17 марта 1795 г.) депутация двух секций Сен-Марсельского предместья — Финистер и Обсерватории — заявила Конвенту: «Не допускайте развешаться среди нас знамени голода, употребите все средства, чтобы народ отдался в ваши руки, и дайте нам хлеба».¹⁹

В тот же день Конвент, по предложению Сийеса, принял декрет о суровом наказании, вплоть до смертной казни, за участие в мятежных собраниях, представляющих угрозу для национального представительства. Для рассеивания собраний должна была призываться не только национальная гвардия, но и части регулярной армии. В случае большой опасности для национального представительства со стороны «роялистов и анархистов» заседания Конвента должны были быть перенесены в Шалон на Марне.²⁰ Термидорианцы, готовясь к подавлению назревавшего выступления народа и желая привлечь на свою сторону настроенную республикански армию, говорили об угрозе Конвенту не только слева, со стороны «террористов», но и справа, со стороны «роялистов». И позднее, во время жерминальского движения, термидорианцы стремились приписать его проискам одновременно роялистов и «террористов».

1 жерминаля (21 марта) секции Сент-Антуанского предместья — Кенз-Вен и Монтрейль — представили Конвенту петицию о проведении в жизнь конституции 1793 года, усматривая в этом «самое действительное средство» от нужды и политической реакции. 7 жерминаля (27 марта) много женщин, главным образом из ремесленно-рабочей секции Гравилье, явилось в Конвент, но была допущена только депутация в 20 женщин, которая заявила: «Мы пришли требовать у вас хлеба. Декрет предписывает выдавать нам по ливру хлеба на день; сегодня утром нам хотели выдать только по пол-ливра; никто не хотел его брать. Никто не может на 40 су в день купить съестных припасов, которые восполнили бы недостаток мяса». Ответная речь президента Собрания Буасси д'Англа прерывалась криками женщин: «Хлеба, хлеба!».

Накануне 12 жерминаля реакционная «Французская газета» писала: «Положение Парижа все время то же самое, видны только хвосты, которые только требуют хлеба, и группы, которые жалуются, что не получают его. Террористы стремятся использовать обстоятельства. В умах царит брожение... Воздух, которым мы дышем, беспрерывно потрясается угрозами и проклятиями: со всех сторон наш горизонт окружен пропастями».²¹ В тот же день депутация от секции Кенз-Вен, указывая на рост нужды после отмены максимума, протестовала в Конvente против арестов и отсутствия в Париже муниципалитета и снова требовала немедленного введения в действие демократической конституции 1793 года. «После 9 термидора, — говорила депутация, — наша нужда постоянно возрастала. Нам обещали, что отмена максимума вернет изобилие, а между тем голод дошел до крайности... Мы требуем наказания или освобождения заключенных; мы требуем применять все средства, чтобы помочь ужасной нужде народа, возратить ему его права, немедленно ввести в действие демократическую конституцию 1793 года».²²

12 жерминаля (1 апреля) громадные толпы народа стали собираться в предместьях и в секции Ситэ, в которой действовали Варле и Добсен, участники движения бешеных и выступления 31 мая 1793 года. В Конvente обсуждался доклад Буасси д'Англа о продовольственном положении в Париже, когда громадная толпа народа, среди которой было очень много женщин, ворвалась в зал заседаний Конвента с громкими криками: «Хлеба, хлеба, мы умираем, хлеба!». Заседание было временно прервано вторжением массы народа, который продолжал беспрестанно кричать: «Хлеба! Конституции 1793 года! Свободу патриотам! Смерть роялистам!».

Когда установилась относительная тишина, слово было предоставлено Ванеку, который от имени секции Ситэ, от имени людей 14 июля, 10 августа и 31 мая, требовал введения в жизнь демократической конституции 1793 года и принятия мер к преобразованию нужды, «чтобы неимущий класс перестал быть жертвой эгоизма богатых и жадности торговцев», чтобы была обуздана «армия Фрерона, этих господ с дубинками»: чтобы заключенные после 9 термидора в тюрьмы патриоты были освобождены. В заключение Ванек обратился с призывом к депутатам Горы, обещая им поддержку народа.²³

Но депутаты Горы, сочувствуя движению против термидорианцев, заняли, однако, выжидательную позицию, не желая преждевременно компрометировать себя, пока не выяснятся силы и размах движения. Некоторые монтаньяры предлагали даже народу разойтись. Многие секции представили в Конвент петиции, в которых просили его принять меры к лучшему снабжению Парижа, но некоторые секции высказывали еще уверенность, что Конвент поможет тяжелой нужде, и просили его остаться на своем посту. Единства между секциями, выступавшими в этот день в Конvente, не было.

Конвент поручил командование национальной гвардией генералу Пишегрю, победителю в Голландии, и собрал значительные силы для рассеяния сборищ. Батальон национальной гвардии и отряды золотой молодежи разогнали вторгнувшийся в Конвент народ. Вечером 12 жерминаля никакой опасности для Конвента уже не существовало.

Вся ярость термидорианцев обрушилась на депутатов Вершины. В следующие после 12 жерминаля дни Конвент постановил арестовать 16 депутатов, которые не имели никакого отношения к организации выступления 12 жерминаля, но досаждали правым термидорианцам своей оппозицией. Среди подлежащих аресту депутатов были не только монтаньяры, как Рене Левассер из Сарты, Шудье, Шаль, Крассу и Дюгем, но и левые термидорианцы, участники переворота 9 термидора, как Амар, Камбон (скрылся), Тюрио, Леонар Бурдон, и даже такой клеветник по адресу М.Робеспьера, как Лоран Лекуантр. Арестованные раньше бывшие члены Комитета общественного спасения — Билло-Варенц, Колло д'Эрбуа и Барер — были по постановлению Конвента без суда отправлены 13 жерминаля из Парижа в ссылку в Гвиану (четвертый член, Вадье, не был разыскан).

В департаментах ликвидация движения 12 жерминаля была воспринята контрреволюционными элементами как сигнал к белому террору. В тюрьмах Марселя и Лиона начались избиения «террористов». Роялисты использовали жерминальские дни для агитации против республики. В Амьене и Руане 3 и 4 прериала они кричали: «Хлеба и короля!»

Термидорианский Конвент ждал нового выступления рабочих предместий и готовился к нему. 28 жерминаля (17 апреля) он принял декрет о реорганизации национальной гвардии, которая по своему составу становилась теперь более буржуазной: организовывались особые части (например, конная), при поступлении в которые экипировка на свой счет была доступна только для состоятельных. В окрестностях Парижа стягивались регулярные войска.

Между тем продовольственное положение Парижа все ухудшалось. Назревал новый взрыв народного возмущения. После 12 жерминаля, в апреле и мае 1795 года, полицейские донесения и правые газеты не переставали высказывать опасения, что возрастающая нужда скоро приведет к новому народному восстанию.²⁴ «Крайне необходимо, — писал 21 апреля «Вечерний Вестник», — чтобы прекратились, наконец, ужасы голода, жертвами которого мы являемся; ведь нас окружают отчаяние, болезни, и нужно очень опасаться народного волнения, которое сделается, быть может, всеобщим».²⁵

17 мая, за три дня до прериальского восстания, «Французская газета» указывала: «Наше положение все время то же самое. Две унции хлеба на каждого, тысячи биржевых спекулянтов, которые наполняют Пале-Рояль; глухой ропот, который слышен во всех углах Парижа; трупы, которые ежедневно вытаскивают из воды; невероятная роскошь, которую находят везде, даже в предместьях; угрюмое и скорбное молчание во всех лавках мелких торговцев; постепенное увеличение цен на все товары, — вот каково сегодня состояние Парижа».²⁶

Прериальское восстание не было неожиданным. О разговорах рабочих накануне восстания полиция доносила: «В секции Инвалидов рабочие склонны соединиться с Сент-Антуанским предместьем и говорят, что рано или поздно, но их бедствия должны окончиться. Возбуждает ужас, говорят они, видеть, как несчастные, подавленные отчаянием и, падая, наконец, в изнеможении под тяжким бременем своей нужды, каждый день бросаются в воду и кончают с собой самым ужасным образом».²⁷

О многочисленных возбужденных группах накануне восстания сообщали и термидорианские газеты. Открыто говорили о том, что женщины предместий пойдут впереди и попытаются увлечь за собой и женщин мелких торговцев. «Нужно, — говорили, — чтобы весь Париж восстал и потел к Конвенту; нужно выпустить депутатов только тогда, когда они дадут хлеба; слишком долго они отсылали нас к завтрашнему дню».²⁸

По словам одного очевидца, «сильное движение на улицах и площадях вечером 30 флореаля (19 мая) уже ясно указывало на важные события следующего дня... Бесчисленные группы громко кричащих женщин совещались, как напасть на Конвент и добиться доставки хлеба. На улицах громко выкрикивали, что в шествии к Конвенту все женщины толпой пойдут впереди вооруженных мужчин и расчищают последним дорогу, потому что, конечно, ни один французский солдат или гражданин не станет стрелять в женщин».

«Крики о голоде и жалобы и проклятия барышникам, торговцам и менялам, которые по-прежнему на улицах, на глазах голодной толпы, окруженные мешочками золота и серебра, занимались позорной спекуляцией, были раздирающими... Один из агитаторов кричал при бурном одобрении толпы, что кто завтра утром не будет носить на шляпе надписи: «хлеба и демократической конституции 1793 года», тот будет считаться врагом народа, одним из тех, которые морят его голодом».²⁹

Прериальское восстание в первой своей стадии было подготовлено и до известной степени организовано. Существовала, несомненно, тайная организация, подготовившая народное выступление 1 прериала. Был разработан, отпечатан и распространен план «восстания народа, чтобы получить хлеб и вернуть свои права». «Акт восстания» требовал хлеба, демократической конституции 1793 года, низложения правительства, немедленной замены его другими членами, взятыми из среды Национального конвента, ареста членов правительственных комитетов и освобождения граждан, «арестованных за требование хлеба и за открытое выражение своих взглядов». Лозунгом восставших было: «Хлеба и демократической конституции 1793 года». Пропуски для входа и выхода из Парижа по делам снабжения должен был выдавать особый комитет, составленный из представителей секций, по одному от каждой секции. Предполагалось обратиться к войскам с призывом «встать под знамена народа и соединиться с ним братскими узами для того, чтобы вновь завоевать общие права».³⁰

1 прериала в Сент-Антуанском и Сен-Марсельском предместьях с утра стал бить набат, призывающий к восстанию. О классовом характере прериальского восстания якобинец Левассер пишет: «На этот раз это была борьба народа против средних классов, курток против сюртуков. Материальная сила была, конечно, на стороне народа, но ему не хватало единого руководства, привычной дисциплины: он был побежден».³¹

Заседание Конвента 1 прериала началось в 11 часов утра. Изабо от имени Комитета общественной безопасности доложил Конвенту о начавшемся восстании. Конвент возложил ответственность за всякое покушение на национальное представительство на Париж, предписал всем гражданам срочно явиться вооруженными в свои секции и отдать себя и распоряжение Конвента и объявил вне закона всех вожаков сборищ, считая за таковых двадцать первых лиц, идущих во главе какой-либо группы. Заседания Конвента были объявлены непрерывными до восстановления спокойствия в Париже. В выпущенной прокламации Конвент приписывал организацию восстания тем, которые господствовали во время террора и возбудили движение 12 жерминаля.³²

Между часом и двумя пополудни на трибуны Конвента вторглись сначала женщины, прервавшие заседания Конвента громкими криками: «Хлеба! Хлеба!». Через некоторое время при помощи вооруженной силы трибуны Конвента были очищены. После двух часов не прекращались попытки подходивших к Конвенту масс вторгнуться в зал заседания. Около четырех часов дня большая толпа женщин и мужчин, вооруженных ружьями, пиками и саблями, ворвалась в Конвент с криком: «Хлеба и конституции 1793 года!» В происшедшей между защитниками Конвента и вторгнувшимся народом схватке был убит депутат Феро, прибывший с фронта и носивший военную форму.

Вторгнувшаяся в зал заседаний Конвента масса народа залезла не только на трибуну, но и скамьи депутатов. Заседание было прервано, и большинство депутатов покинуло зал, в котором, кроме восставших, осталась только группа депутатов Вершины и президент Собрания Буасси д'Англа, которого сменил потом Вернье.

Некоторые монтаньяры пытались говорить, но среди невероятного шума и криков им до семи часов вечера удавалось произносить только по несколько отрывочных фраз. После семи часов вечера в зале установилась относительная тишина, и тогда некоторые монтаньяры, поверившие в успех восстания, и отдельные участники движения получили возможность говорить. Восставшие требовали непрерывных заседаний секций, домашних обысков для поисков продовольствия, отмены декрета об открытии биржи и о торговле золотом и серебром, освобождения арестованных патриотов, введения в действие конституции 1793 года, ареста всех эмигрантов, восстановления муниципалитета Парижа, возвращения в Конвент депутатов-патриотов и объявления вне закона тех, кто объявил восставших вне закона.

Монтаньяров, выступивших в Конвенте с речами перед восставшими, обвиняли потом в подстрекательстве и приписывали им различные предложения, направленные против термидорианцев; среди этих предложений было одно, которое могло бы увеличить шансы восставших на успех, если бы оно было проведено вовремя в жизнь. Дюкенуа и Субрани приписывалось предложение образовать взамен правительственных комитетов комиссию из четырех членов, в которую были избраны Дюруа, Дюкенуа, Бурботт и Приер (из департамента Марны). Но время было уже упущено. От четырех до одиннадцати часов вечера ничего не было сделано, чтобы арестовать членов правительственных комитетов, которые активно действовали, собирая силы для разгона вторгнувшегося в Конвент народа, и поддерживали связь с бюро Конвента.

Около полуночи отряды национальной гвардии буржуазных секций и золотой молодежи были введены с разных сторон в зал заседаний Конвента и довольно легко разогнали находившуюся там массу народа. Конвент возобновил свое заседание, на котором правые термидорианцы (Тибодо, Тальен, Бурдон из Уазы и др.) потребовали ареста депутатов монтаньяров, которые были объявлены главными виновниками происшедших событий. Конвент декретировал арест 14 монтаньяров: Бурботта, Дюкенуа, Дюруа, Гужона, Ромма, Субрани, Рюля, Приера (из департамента Марны), Альбитта старшего, Файо, Пейсара, Лекарпантье, Пине и Бори. Некоторым из них инкриминировалось то или иное соучастие с восставшими, некоторых же упрекали лишь за прежние «террористические действия». Конвент принял еще предложение Бурдона из Уазы о выпечке одного сорта хлеба, что являлось повторением предложения, которое приписывалось монтаньяру Ромму. В том же ночном заседании крупнобуржуазные секции Лепелетье и Мельничного холма, оказавшие особо деятельную поддержку термидорианцам, а также секция Брута приветствовали Конвент с одержанным успехом.³³

Народное восстание не было, однако, еще разгромлено, и термидорианцам было еще далеко до победы. 2 прериаля положение Конвента стало даже более угрожающим, чем накануне. Конвент защищали батальоны буржуазных секций и, по уверению генерала Дюбуа, назначенного командующим кавалерией в Париже, две трети секций готовы были умереть, защищая Конвент. Но к пяти часам вечера защитники Конвента были оттеснены к самому зданию Конвента и окружены восставшими, которые имели пушки и численный перевес. В течение двух часов каждый момент грозила вспыхнуть вооруженная борьба. Но Конвент, правительственные комитеты и командиры батальонов буржуазных секций не чувствовали уверенности в своей силе и в своем превосходстве над повстанцами. Их обескуражил еще переход на сторону восставших части канониров. Однако и у восставших не было единства в руководстве и командовании, и они не решались начать вооруженную борьбу с защитниками Конвента. Последний тогда решил выиграть время и вступить в переговоры с восставшими.

Явно идя навстречу требованиям восставших, Конвент отменил без прений, по предложению Бурдона из Уазы, очень непопулярный декрет 25 апреля 1795 года о торговле золотом и серебром.³⁴ Агенты полиции отмечали большое удовлетворение народа по поводу отмены декрета 25 апреля.³⁵

Для переговоров с восставшими Конвент послал десять представителей, «чтобы избежать пролития крови». Народу было обещано обеспечить Париж продовольствием и ускорить издание органических законов в дополнение к конституции 1793 года. Восставшие в свою очередь послали в Конвент своих представителей, которые потребовали хлеба, конституции 1793 года и освобождения патриотов, арестованных после 9 термидора. Президент Собрания Вернье в знак примирения дал оратору депутации братский поцелуй. Около 11 часов вечера заседание Конвента закрылось. Восставшие вернулись в предместья. 2 прериаля они упустили последний шанс на победу.³⁶

3 прериаля восставшие не предпринимали решительных действий. Только к вечеру народ отбил у жандармов слесаря Тинеля, который был приговорен к смерти по обвинению в том, что он носил на пике голову убитого депутата Феро. Конвент же лихорадочно собирал вооруженные силы для подавления восстания. В ночь на 3 прериаля ему удалось, по газетным сообщениям, собрать и вооружить до 20 тысяч «добрых граждан» среди состоятельных слоев населения. В Париж вступили и регулярные войска, командование над которыми было поручено генералу Мену.

В ночь на 4 прериаля отряд молодых людей в 1200 чел. с двумя орудиями, под командованием генерала Кильмена, вступил в Сент-Антуанское предместье и пытался захватить повстанцев пушки, но был вскоре окружен народом, который великодушно отпустил молодых людей, предварительно обезоружив их.

4 прериаля (23 мая) судьба восстания была решена. Генерал Мену во главе 25 тыс. вооруженных сил с пушками окружил Сент-Антуанское предместье и предложил, под угрозой бомбардировки, разоружиться и выдать пушки и перешедших на сторону народа жандармов. Представители Сент-Антуанского предместья пытались было вести переговоры с Конвентом, но последний, уверенный в своей победе, не захотел их выслушать. Председатель Собрания Андрэ Дюмон назвал «дерзостью» заявление восставших, что они подняли восстание, чтобы добиться отмены декрета, объявлявшего золото и серебро товаром. Секция Попинкур первая согласилась выдать оружие, потом сдались на милость победителя и две остальные секции Сент-Антуанского предместья — Монтрейль и Кенз-Вен. С восстанием было покончено.³⁷

Буржуазные секции и золотая молодежь помогли Конвенту подавить движение 12 жерминаля и выступление парижских предместий 1 прериаля, но для окончательного подавления прерильского восстания Конвент прибегнул, в первый раз после свержения монархии, к помощи регулярных войск. По признанию Лакретеля, батальон золотой молодежи 12 жерминаля палками разгонял вторгнувшуюся в Конвент толпу. Когда 62 тысячи поддерживали петиционеров первого прериаля, молодые люди вместе с офицерами национальной гвардии защищали Комитет общественной безопасности и требовали сражения. Но термидорианцы начинали уже проявлять недоверие к мяскадам, которые преувеличивали свои заслуги и среди которых были определенные роялисты. Переговоры Конвента с восставшими 2 прериаля вызвали возмущение среди молодых людей; секции же не были заинтересованы в защите Конвента. В походе в Сент-Антуанское предместье в ночь на 4 прериаля приняло участие до 1500 молодых людей. По словам Лакретеля, Конвент из недоверия к молодым людям призвал для подавления восстания 10 тысяч регулярных войск, имея еще в резерве 15 тысяч.³⁸

По свидетельству барона Нейвиля, Конвент собрал 4 прериаля 15–16 тыс. войск и национальной гвардии буржуазных секций (Лепелетье и др.), к которым присоединилось до одной тысячи молодых людей.³⁹ Об оказании Конвенту помощи со стороны буржуазных секций и мяскадов сообщает и третий представитель последних — Жулиан.⁴⁰ Роялист Малле дю Пан писал, что при подавлении прерильского восстания «все роялисты поддерживали Конвент».⁴¹

По словам термидорианца Тибодо, «на помощь Конвенту прибыли люди, которые имели что терять, из страха грабежа, даже роялисты, чтобы спасти свою голову».⁴² По свидетельству якобинца Левассера, Конвенту 1 прериаля помогали батальоны буржуазных секций Лепелетье и Мельничного холма⁴³, которые будут потом играть активную роль в вандемьерском мятеже.

Один немецкий журналист, очевидец событий, передававший распространенное тогда мнение, писал, что Конвент допустил выступление 12 жерминаля, чтобы «отделаться от остатков якобинцев в собственной среде».⁴⁴ Говоря о прерильском восстании, немецкие корреспонденты считали «вероятным мнение тех сведущих людей, которые полагают, что руководящие члены Конвента, если и не способствовали восстанию, то, по крайней мере, допустили его развиться до известного предела с тем, чтобы остающиеся еще в Конвенте террористы могли проявить себя во всем свете и Конвент получил нужный предлог совершенно освободиться от них; также, чтобы воспользоваться случаем отнять у секций их пушки и лишить этим их силы».⁴⁵

II. Прериальское восстание в оценке историков

Среди историков был очень распространен взгляд, что голод был основной причиной движения 12 жерминаля и прериальского восстания. Утог взгляд высказывали как консервативный немецкий историк А.Шмидт⁴⁶, так и ряд французских демократических и социалистических историков. Бюше и Ру «действительные причины» прериальского восстания усматривали в голоде.⁴⁷ В таком же духе писал и Луи Блан.⁴⁸ По словам Мишле, «большим общим заговором был только голод».⁴⁹ Кларети, автор специальной работы о последних монтаньярах, считает; что прериальское восстание было вызвано голодом.⁵⁰ По мнению Олара, движение носило «более социальный характер, чем политический», и ставило своей целью «прекращение голода».⁵¹ Дезиль называет выступления парижских предместий 12 жерминаля и в первые дни прериала «движениями голода», который был «действительной причиной событий жерминаля и прериала».⁵²

А.Матьез называет движение 12 жерминаля «первым голодным бунтом», отмечая, правда, что он «имел в одно и то же время и экономические, и политические причины». Термидорианцы «опирались на имущие классы, заинтересованные в восстановлении свободы торговли. Революционные экономические законы потеряли силу». «Фактически, - совершенно правильно констатирует Матьез, — максимум был уже почти уничтожен для частных сделок, когда он был окончательно отменен по докладу Жиро 4 нивоза 3 года (24 декабря 1794 г.). С этого момента рушилась последняя преграда, которая еще защищала интересы казны и поддерживала ассигнации». Дав короткую характеристику экономической политике термидорианской контрреволюции, проводимой в классовых интересах имущих слоев населения, Матьез рисует картину ужасной нужды в городах Франции и особенно в Париже в начале 1795 года, когда во время суровой зимы «люди буквально умирали с голоду». «Нельзя, — замечает Матьез, — не удивляться терпению, проявленному этим парижским народом, который считают таким неистовым. Если чему-нибудь можно удивляться, так это тому, что он так долго ждал, прежде чем сделал попытку восстания». По словам Матьеза, «нет сомнения, что этот голод вызвал возмущение следующих дней. Но к своим основным требованиям продовольственного характера манифестанты прибавили в своих петициях целый ряд политических жалоб». «Голодный народ, — пишет Матьез, — не питал больше доверия ни к кому, кроме самого себя. Он хочет опять получить суверенитет, который ему обещали и который у него отняли... Движение вдохновлялось доктринами о непосредственном правлении, усвоенными эбертистами, а потом воспринятыми Бабефом и Электоральным клубом». Правда, Матьез отмечает связь некоторых монтаньяров (Камбона, Тюрио и особенно Леонара Бурдона) с поднявшимися секциями и манифестантами, но в самом Конвенте депутаты-монтаньяры старались успокоить манифестантов. Термидорианцы своими действиями и речами провоцировали движение 12 жерминаля и дали почти полную свободу действий манифестантам, надеясь, что монтаньяры скомпрометируют себя и дадут термидорианцам желанный повод избавиться от своих противников. И расправа с монтаньярами, вождями оппозиции, началась тотчас же.⁵³

После 12 жерминаля, в апреле и мае 1795 года, ужасная нужда все возрастала, и термидорианцы готовились к подавлению назревавшего восстания народных голодающих масс, создавая конную национальную гвардию из состоятельных элементов и сосредоточивая войска в окрестностях Парижа. «Мысль о восстании, — говорит Матьез, — носилась в воздухе гораздо раньше, чем оно вспыхнуло». Террористы мечтали о нем, а один из них, Брут Манье, находившийся в тюрьме в Ренне, составил детальный план такого восстания, имевший много общего с тем планом, которому следовали восставшие 1 прериала, хотя нет решительно никаких сведений о том, чтобы рукописная газета Брута Манье могла проникнуть в Париж.

Прериальское восстание Матьез рисует как стихийное восстание, у которого не было вождей. Таковыми не были монтаньяры, члены Конвента, но на этот раз ряд из них дал себя увлечь провокационной тактикой вождей термидорианцев, стремившихся скомпрометировать монтаньяров и продемонстрировать их связь с восставшими, чтобы окончательно разделаться с демократической партией в Конвенте. Монтаньяры действовали нерешительно, боялись взять на себя ответственность и выйти за рамки легальности. «Они, — указывает Матьез, — несмотря на искренность демократических чувств, принадлежали тем не менее к совершенно другому классу, чем народ. Все они были выходцами из буржуазии. Они понимали народ только мысленно. Они не были в простых отношениях с рабочими физического труда, от которых их отделяло воспитание, состояние и семейные традиции... Народ не имел еще представителей из своей собственной среды. Монтаньяры защищали его по доверенности».⁵⁴

Однако было бы неправильным и односторонним считать, подобно А.Матьезу, восстание в прериале только голодным восстанием. Экономическое движение, вызванное прежде всего голодом, превратилось в политическое движение и выдвинуло лозунг: «Хлеба и демократической конституции 1793 года». Голодные массы парижских предместий, озлобленные циничным торжеством спекулятивной буржуазии, постоянными преследованиями революционеров и наглыми бесчинствами золотой молодежи, сделали в прериале 3 года попытку положить конец этому торжеству экономической и политической контрреволюции. Советские историки опровергли взгляды на жерминальские и прериальские дни как на стихийный голодный бунт, выяснили политическую программу восстания и приступили к разработке вопроса о его организации и руководстве.

П.Щеголев отвергает связь выступления 12 жерминаля масс парижских предместий с якобинцами и ищет неизвестных вождей этого движения среди членов закрытого Электорального клуба, объединявшего прежних сторонников Эбера и бешеных. Ванек, выступавший в Конвенте с речью от имени секции Ситэ и манифестантов, примыкал к электоральцам, т.е. членам названного Электорального клуба, а позднее будет участником движения бабувистов. Руководители движения, в частности Ванек, имели в виду и соглашение с партией Горы, но последняя не откликнулась на сделанный призыв. Политическая программа жерминальской демонстрации носила тот же характер: что и программа секции Музея и Электорального клуба осенью 1794 года, экономическая же программа имела антиисторические черты. Костюмы регрессии термидорианцев по отношению к монтаньярам, стоявшим в стороне от движения, не затронули настоящих руководителей последнего. Жерминальская демонстрация была только генеральной репетицией к прериальному выступлению.

Прериаль П.Щеголев совершенно правильно рассматривает как вооруженное восстание рабочих предместий, возглавленное определенным политическим руководством. Трагически погибшие после подавления прериальского восстания последние монтаньяры не были, однако, вождями и активными участниками этого восстания. Демонстранты не делали разницы между депутатами правой и левой части Конвента, и некоторые монтаньяры также подвергались оскорблениям и насилию со стороны демонстрантов.

Первый день восстания протекал согласно плану восстания, развитому Бабефом в № 32 его «Трибуна народа», вышедшего месяца за три до прериальского выступления. Бабеф планировал восстание как вооруженную демонстрацию, заставляющую Конвент путем давления масс принять выставленные в петиции экономические и политические требования, но он тогда еще не ставил вопроса о разгоне Конвента и о захвате власти восставшим народом. По мнению П.Щеголова, промежуточным звеном между планом Бабефа и планом восстания 1 прериала был упомянутый Матьеза план восстания, написанным Брутом Манье. П.Щеголев пытался специально разработать данный вопрос, используя для этого некоторые архивные материалы, и он пришел к выводу о значительной внутренней связи между проектом Брута Манье и «Актом восстания» 1 прериала, выдвигавшим на первый план, подобно Бабефу, идею массовой демонстрации как средства давления на Конвент. П.Щеголев все же не смог доказать, что именно план восстания, намеченный Брутом Манье, попал в руки безымянным вождям прериальского восстания и был ими принят к руководству.

Основной вывод П.Щеголева тот, что руководство жерминальским движением и прериальским восстанием не принадлежало якобинцам, а исходило из среды бывших эбертистов и бешеных, объединившихся после 9 термидора в Электоральный клуб и принявших потом весной 1796 года участие в заговоре Бабефа. Лозунги прериалья не носят еще специфически классово-пролетарского характера; они «ни в чем не перерастают интересов мелкой буржуазии; но эта мелкая буржуазия оказалась неспособной к самостоятельной борьбе и политической активности. Поэтому движущей силой жерминаля — прериалья был пролетариат, конечно, пролетариат конца XVIII века, выраставший на базе разложения ремесла и роста капиталистической мануфактуры». Ошибки прериалья были через год учтены бабувистами, которые поставили вопрос о диктатуре трудящихся и о коммунизме как конечной цели революции, но уже не могли мобилизовать вокруг себя тех масс, которые приняли участие в весенних выступлениях 1795 года.

Жерминальскому движению и прериальскому восстанию посвящена специальная работа Е.Тарле «Жерминаль и прериаль», в которой даны живые характеристики термидорианцев и последних монтаньяров, подробно и ярко описаны жерминальские и прериальские дни и прериальский террор. Для конкретной истории восстания автор привлек новые архивные материалы.⁵⁶ Это самая обстоятельная и лучшая работа по истории прериальского восстания 1795 года. По вопросу о руководстве восстанием Е.Тарле высказывает мнение, что «в Париже 1795 года... была все-таки руководящая группа людей, какой-то зародыш организации, и что эта-то группа, тот инсurreкционный комитет, который деятельно искали, но не нашли после 4 прериалья, пытался сообщить движению масс более или менее планомерный характер».⁵⁷ Е.Тарле, признавая, что «были даже, невидимому, некоторые зачаточные попытки и организованного выступления», подчеркивал все же отсутствие у восставших «своих классовых вождей» и преобладающее значение для взрыва восстания «объективных условий жизни».⁵⁸ По его мнению, была, оставшаяся неизвестной, инициативная группа, подготовившая выступление народа 1 прериалья, которое не возникло стихийно, но только «никакого обдуманного, центрального руководства в течение всего дня 1 прериалья восстание не имело... Кое-какая организованность проявилась лишь в первоначальном формировании народных масс и в направлении их из предместий в Конвент, а потом все было предоставлено случаю».⁵⁹

В отношении монтаньяров Е.Тарле держится того совершенно правильного мнения, что монтаньяры в Конвенте были оторваны от народных масс и не могли быть организаторами и руководителями восстания, но они решили выступить против термидорианцев, когда им стало казаться, что восстание одерживает победу. Автор считает вероятным предположение, высказанное раньше А.Матьезом, что термидорианцы провоцировали 1 прериалья монтаньяров на выступление, чтобы их скомпрометировать и погубить.⁶⁰

В книге Е.Тарле прекрасно показано, что угрозу в прериале почувствовали для себя состоятельные, собственники, которые и помогли Конвенту справиться с восстанием. Нерешительность восставших помогла Конвенту избежать опасности в самый критический для него день 2 прериалья, но только на четвертый день к вечеру опасность была окончательно устранена. По словам Е.Тарле, «в весенних выступлениях 1795 года и особенно в прериальском восстании бросается в глаза гораздо более отчетливое сознание того, что дело идет именно о победе или поражении либо собственников, либо неимущих».⁶¹

Классовый характер жерминальского выступления и прериальского восстания Е.Тарле определяет как «борьбу неимущих против имущих». По его словам, «это было вовсе не чисто пролетарское восстание: это было восстание столичной плебейской массы, в которую рабочие входили лишь как одна из составных частей».⁶²

Таким образом, классово-политический характер жерминальского выступления и прериальского восстания вполне ясен: против термидорианского Конвента выступили беднота, ремесленники и рабочие парижских предместий, которые страдали от нужды, голода и безработицы, были раздражены экономической политикой термидорианцев, проводимой в интересах имущих слоев населения, потеряли свое политическое влияние, которым они пользовались во время террора, были возмущены неистовством буржуазной контрреволюции, разочаровались совершенно в Конвенте и приписывали ему все свои бедствия. Народные массы парижских предместий сожалели о времени Робеспьера, когда цены на предметы потребления были таксированы и велась борьба против спекуляции, когда санкюлоты были политической силой. Эти настроения масс нашли отражение в экономических требованиях об улучшении снабжения и о возвращении к системе максимума и в политических требованиях демократической конституции 1793 года, освобождения арестованных после 9 термидора демократов и прекращения бесчинств золотой молодежи.

Активное участие женщин предместьев в народных выступлениях в жерминале и прериале отражало прежде всего экономические причины движения, но в то же время наглядно показывало, как продовольственные волнения превращались в политическое движение, направленное против всех экономических и политических мероприятий термидорианского Конвента. Ненависть к спекулятивной буржуазии, презрение к золотой молодежи и разочарование в термидорианском Конвенте толкали рабочие массы и женщин парижских предместьев на восстание, но им еще не доставало единого, твердого и правильного руководства со стороны демократической революционной партии, и в этом была трагедия прериала.

Несомненно, что политическая программа жерминальского движения и прериальского восстания была продолжением линии Электорального клуба, к которому осенью 1794 года примыкали остатки бешеных и эбертистов и Г.Бабеф. Очевидно, среди сторонников Электорального клуба и нужно искать вождей движения (Ванек, Добсон и др.), некоторые из которых примкнули потом к бабувистскому движению. Тактика восстания 1 прериала была повторением тактики выступления против Жиронды 31 мая 1793 года и сводилась к вооруженной демонстрации как к средству давления на Конвент, чтобы он принял требования, высказанные восставшими. «Акт восстания» 1 прериала аналогичен с планом «мирного восстания» Г.Бабефа, развитым последним в конце января 1795 года и дошедшим до предместьев. Ошибочность этой тактики была учтена через год Г.Бабефом и равными, которые поставили весной 1796 года своей целью уже прямой захват власти. Вооруженная демонстрация не превратилась в вооруженное восстание для захвата власти и 2 прериала, в самый критический для восстания день, когда были признаки превращения движения в вооруженный захват власти. И только Г.Бабеф придал «определенную форму» классовым стремлениям плебейских масс парижских предместьев, восставших в жерминале и прериале 3 года республики против «буржуазной оргии», против экономической и политической буржуазной контрреволюции, восторжествовавшей после 9 термидора.⁶³

1 Ф.Буонаротти. Заговор во имя равенства, т.I, стр.114—115 (1948).

2 Levasseur. Memoires, t.V, pp.15—6 (1832).

3 Barras Memoires, t.I, pp.225, 227—224 (1845).

4 Memoires sur Carnot, t.I, pp.578—580 (1861).

5 Pontecoullant. Souvenirs, t.11, pp.350, 353 (1861).

6 Lareveliere—Lépaux. Memoires, t.I. pp.206 (1895).

7 Lacretelle. D'annees depreuves, pp.215—216 (1842).

8 Salverte. Les premiers jours de prairial, p.9 (Paris, an 3).

9 «Frankreich im Jahre 1795», HB, № 5, S.26.

10 Thibaudeau. Memoires, t.I, p.162 (1827).

11 Beaulieu. Essais historiques sur les causes et les effets de la revolution francaise, t.V, p.185 (1803).

12 Neuville. Memoires, t.I, p.123 (1888).

13 Mallet du Pan. Correspondance, t.I, pp.211, 217, 218 (1884).

14 Peltier. Paris pendant l'annee 1795, t.I, p.233. fondres, (1745).

15 Touchard-Lafosse. Souvenirs, t.V, pp.230, 236 (18361)

16 «Vossische Zeitung», 2/IV-1795, № 27; E.Buchner. Die franzosische Revolution Kulturgeschjehtlich interessante Documente aus alien deutschen Zeitungen, HB, S.248 (1913).

17 Aulard A. Paris pendant la reaction thermidorienne, t.I, pp.379, 391, 453.

18 Paris. t.I, p.561.

19 «Moniteur», 20/III-1795, № 180, Buchez et Roux, t.XXXVI, pp.236—237.

20 Mnniterr», 24/III-1795, № 84, p.751, Buchez et Roux, t.XXXVI, pp.238—246.

21 «Gasette francaise», 31/III-1795, Paris, t.I, p.622.

22 «Moniteur», 31/V-1795, № 104 p.780, Buchez et Roux. T.XXXVI, pp.257—258.

23 «Moniteur», 31/V-1795, № 104 Buchez et Roux. t.XXXVI. P.262—270.

24 Paris, t.I, pp.631, 643, 647, 659, 674, 678, 683, 686, 700, 701, 709, 712, 714, 717, 718, 728.

25 «Messenger du soir» 22IV 1745, (Paris, t I, p 674.

- 26 «Gasette francaise», 17/V-1795 (Paris t.I, p.735).
- 27 Paris, t.I, p.731—732, Rapport 20/V-1795.
- 28 «Messager du soir», 21V 1795 (Paris, t.I, p.735).
- 29 «Frankieich im Jahre 1795», B 11, S.19—20.
- 30 «Moniteur», 23/V-1795, № 244, Buchez et Roux, t XXXVI, pp.315—318.
- 31 Levasseur. Memoires, t.V, p.16 (1832).
- 32 Buchez et Roux, t.XXXVI, pp.323—324, 328—330.
- 33 «Moniteur», 25/V-1795, № 246.
- 34 Bulletin des lois, an 3 № 116 (I); «Moniteur», 26/V-1795, № 247, p.998.
- 35 Paris, t.I, p.710, Rapport 23/V-1795.
- 36 Buchez et Roux, t XXXVI, pp.370—374.
- 37 Там же, т.XXXVI. стр.374, 379.
- 38 Lacretelle. D'annees depreuves, pp.217—228.
- 39 Neuville. Memoires, t I, pp 124—125.
- 40 Jullian. Souvenirs, p.199.
- 41 Mallet du Pan. Correspondance, t.I, p.218.
- 42 Thibaudeau. Memoires, t.I, p.165.
- 43 Levasseur Memoires, t V, p 22.
- 44 «Frankreich im Jahre 1705», B1, № 3, S.258, 263—265.
- 45 Там же, т II, № 5, стр.26 ср т III № 10, стр.145
- 46 Schmidt A. Paris en Zustande wahrend Revolutionszeit 1789—1800, Thi.I, S.286; Thi.II, S.383 (1874—1876).
- 47 Buchez et Roux. t.XXXVI, pp.311—312.
- 48 L.Blanc. Histoire de la revolution francaise. t.XII, p.222, passim (ed. 1869).
49. Michelet. Histoire du XIX siecle, t.I, p.214, (1874); ср. стр.212.
- 50 J.Claretie. Les derniers montagnards. Histoire de l'insurrection de prairial an 3, pp.11—13, 19, 22 (1867).
- 51 Aulard A.. La reaction thermidorienne a Paris (Etudes et lecons sur la revolution francaise, 5-me serie, pp.9—10).
- 52 G.Deville. Thermidor et Directoire, pp.84, 90.
- 53 A..Mathiez. La reaction thermidorienne, гл.VIII, особ. стр.186, 190, 194 198—199.
- 54 Там же, гл.X, особ.стр.243, 268.
- 55 П.Щеголев. После термидора, гл.V—VI, особ.стр.135. 136, 138, 146, 148—156, 161—163, 170—175; в его же «Брут Манье». («Проблемы марксизма», 1930, № 2, особ.стр.158, 163).
- 56 Е.Тарле. Жерминаль и прериаль (1937).
- 57 Там же, стр.274.
- 58 Там же, стр.3. 136.
- 59 Там же, стр.144—145.
- 60 Там же, стр.152—154.
- 61 Там же, стр.139—143.
- 62 Там же, стр.3.
- 63 К.Маркс и Ф.Энгельс. Избранные письма, № 207, стр.409 (ОГИЗ 1947 г.).

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ. От ПРЕИАЛЯ к ВАНДЕМЬЕРУ

ГЛАВА 9. КОНТРРЕВОЛЮЦИЯ после ПРЕИАЛЯ

I. Преследования демократов и бальный террор

Подавление народного восстания в прериае термидорианцы использовали прежде всего для того, чтобы совершенно очистить Конвент от монтаньяров. Уже в ночь с 1-го на 2-ое прериаля Конвент декретировал арест 14 монтаньяров — Бурботта, Дюкенуа, Дюруа, Гужона, Ромма, Субрани, Альбитта-старшего, Приера из Марны, Пейссара, Файо, Лекарпантье, Пине, Бори и Рюля.¹ Из них Рюль заколол себя кинжалом, а Альбитт-старший и Приер из департамента Марны скрылись. Первые шесть из названных монтаньяров были приговорены 29 прериаля 3 года. (17 июня 1795 г.) к смертной казни; трое из них (Дюкенуа, Гужон и Ромм) поразили себя кинжалом насмерть, спускаясь после приговора с лестницы трибунала, а трое остальных (Дюруа, Бурботт и Субрани), только поранившие себя, были тотчас отведены на гильотину.

Мужественная смерть последних монтаньяров произвела большое впечатление даже на их врагов. Передавали, что, поражая себя кинжалом, Бурботт сказал: «Вот как мужественный человек умеет окончить свои дни... Враги свободы требовали только моей крови; мое последнее пожелание, мой последний вздох за отечество». Выйдя после приговора на двор, Дюруа воскликнул: «Убийцы наслаждаются своей работой... Наслаждайтесь, господа аристократы». Дюкенуа сказал после приговора: «Я желаю, чтобы моя кровь была последней пролитой невинной кровью; пусть она послужит к упрочению республики». Даже реакционные газеты не могли отрицать мужества, с которым умирали последние монтаньяры. По словам «Французского курьера», «здесь были изумлены мужеством и энергией, которые проявили вчера шесть осужденных разбойников в свои последние мгновенья».²

Фридрих Энгельс, отмечая героическую смерть последних монтаньяров, говорил: «Я должен еще упомянуть о героических депутатах Ромме, Субрани, Дюруа, Дюкенуа и их товарищах; присужденные к смерти аристократическими предателями Конвента, они в присутствии своих убийц и на зло им лишили себя жизни одним кинжалом, передавая его из рук в руки».³

9 прериаля (28 мая) Конвент постановил арестовать еще 10 депутатов (Робера Ленде, Вуллана, Жанбона Сент-Андре, Жаго, Эли Лакоста, Лавиконтери, Давида, Приера де ля Кор д'Ор, Дюбаранна и Бернара де Сент), бывших прежде членами правительственных комитетов до 9 термидора.⁴ 13 прериаля (1 июня) было постановлено арестовать еще девять депутатов.⁵ Потом последовали по разным поводам и случаям другие аресты. В общем до 62 депутатов-монтаньяров было удалено из термидорианского Конвента, заключено в тюрьму или сослано.

Наказывая женщин за их активное участие в прерияльском восстании, Конвент издал несколько декретов, которые совершенно устранили женщин от участия в политической жизни. Еще в конце заседания 20 мая Конвент постановил, чтобы до восстановления спокойствия в Париже женщины не допускались больше на трибуны Конвента, в дальнейшем же появление их там могло разрешаться только в сопровождении одного из граждан, имеющего свидетельство о гражданской благонадежности.⁶ 23 мая Конвент декретировал, чтобы все женщины вернулись к своим очагам и до восстановления спокойствия под угрозой ареста не собирались на улицах в числе больше пяти.⁷ На том же заседании Конвент запретил женщинам принимать участие в заседании секций.⁸

24 прериаля (12 июня 1795 г.) Конвент принял декрет, отменявший слово «революционный» в отношении публичных учреждений.⁹ Национальная гвардия по декрету 28 прериаля (16 июня 1795 г.) была реорганизована.

Рабочие, поденщики, слуги и малоимущие граждане не могли входить в состав национальной гвардии, которая и принимала теперь исключительно буржуазный характер.¹⁰ 4 мессидора (22 июня 1795 г.) был принят декрет о наказании виновников убийств, совершенных с 1 сентября 1792 года.¹¹ 24 июня Конвент постановил разрушить здание на улице Сент-Оноре, в котором заседал Якобинский клуб, и устроить на том месте рынок.

По делу о прерияльском восстании было предано суду 115 лиц.¹² Военная комиссия многих осудила на смерть. Первым был осужден мулат Делорм, капитан канониров секции Попинкур. Ряд лиц был осужден на смерть по подозрению, что они имели отношение к убийству 1 прериаля депутата Феро или носили на пике его голову. По официальным данным с 24 мая по 24 августа 1795 года было осуждено на смерть 36 человек, к ссылке приговорено 12, к тяжелому заключению в оковах 7, к тюремному заключению 34 человека. 15 обвиняемых были переданы другим судебным инстанциям. Оправдано было 60 человек.¹³

ГЛАВА 10. ОБЩЕСТВЕННАЯ РЕАКЦИЯ ПОСЛЕ ТЕРМИДОРА И ПРЕРИАЛЯ

I. Буржуазная реакция в быте и нравах после 9 термидора

Восторжествовавшая после 9 термидора буржуазия, особенно в лице «новых богачей» и «выскочек», стала задавать тон также в быте и нравах. Строгие республиканские нравы якобинского периода сменились во время термидорианской контрреволюции и Директории распущенными нравами спекулятивной буржуазии и золотой молодежи. Буржуазная реакция в нравах коснулась костюмов, удовольствий, роскоши, взаимных обращений, ношения национальной кокарды и красных колпаков, публичных названий, нового календаря и возвращения к религии. Вдохновителями новых мод и вкусов были мюскадены и мюскаденки, щеголи и щеголихи, задававшие тон в салонах, на балах, концертах и загородных гуляньях.

Молодые люди, душившиеся мускусом и прозванные «мюскаденами», носили напудренные волосы и «прически жертв гильотины» и устраивали «балы жертв». Модницы же, как бы в подражание гречанкам и римлянкам, ходили полуодетые в легких полупрозрачных платьях, с сильно оголенной грудью и с голыми руками.¹ О том же писал и журналист Мерсье.²

Стремилась веселиться и пользоваться удовольствиями. «Парижане, - писала «Фоссова газета» 7 декабря 1794 года, - снова начинают принимать теперь веселый вид, который так превосходно отличал их и весь французский народ... Женщины снова носят украшения и не опасаются больше дать своим туалетом и чистотою повод к подозрениям».³ Та же газета и начале января 1795 года так писала о женских модах:

«Наши дамы одеваются теперь следующим образом: римские туники, доходящие до колен, голые руки, завитые волосы, легкие ботинки, плотно прилегающий ниже груди пояс и мантилья на плечах. Старые матроны выглядят странно в таком одеянии».⁴

Танцуя на «балах жертв», молодые люди говорили: «Мы танцуем на могилах». Но один из их представителей, Лакретель-младший, писал потом по этому поводу: «Некоторые молодые фаты могли говорить и действовать подобным образом, но верно то, что почти все вдовы и сироты воздерживались от посещения этих веселых собраний... Веселость была скорее видимой, чем действительной».⁵ Эти «балы жертв» с таким сарказмом характеризовал романтик Мишле: «Париж опять стал веселиться. Был, правда, голод, но Пале-Рояль был полон, спектакли битком набиты. Потом открылись эти балы жертв, на которых бесстыдное распутство обращало в оргию свой фальшивый траур».⁶

Молодые люди, уклонившиеся от воинской повинности, в сюртуках, с черными отворотами и зелеными галстуками, с зачесанными кверху косичками, в шляпах и с тростью в руках, нападали на демократов, палками разгоняли собравшихся в садах, врывались в кафе, где собирались якобинцы, и избивали последних, сжигали демократические газеты, распевали антитеррористические песни, разбивали бюсты революционеров, срывали у прохожих национальные кокарды, удаляли революционные надписи и привыкли к тому, что их «подвиги» обыкновенно оставались безнаказанными. Полицейские донесения и газеты времени термидорианской контрреволюции пестрят сообщениями об этих бесчинствах золотой молодежи.⁷ По словам якобинца Левассера, «сгруппировавшись под именем золотой молодежи Фрерона, одетые с изысканной элегантностью, благодаря которой народ дал им название мюскаденов, эти молодые люди рассеивались по улицам и площадям, господствовали там, благодаря физической силе, оскорбляли патриотов, и их жестокое мщение последовало за мщением санкюлотов... Разнузданная молодежь Фрерона совершала большое число эксцессов под предлогом мести за прежние обиды. Самое имя золотой молодежи, данное ей, достаточно указывает на то, что они предпочитали заменить республиканскую суровость элегантностью и изнеженностью старого порядка. Песня «Пробуждение народа» была криком войны этой армии крикунов и дурных граждан. Распевая эту песню раздора, надушенные мускусом солдаты Фрерона отправлялись нападать на патриотов и оскорблять их, когда они наперед были уверены, что они будут бороться вшестером против одного».⁸

Подвиги этих мюскаденов описали потом и роялистски настроенные журналисты, выступавшие во время термидорианской контрреволюции вдохновителями золотой молодежи. «Эту молодежь,- писал Лакретель, - называли золотой потому, что она носила сюртук вместо куртки, шляпу вместо красного колпака; ее оружие не имело ничего благородного, но по крайней мере ничего смертоносного: это была трость. Но мы маршировали под звуки одной песни, слишком способной возбудить ужас: это было «Пробуждение народа»... Толпа почти уже не увеличивала ряды тех, которых мы называли террористами, но не следовало дать ей время придти поддержать их своей армией пик. Как только вечером образовывалась группа, слышно было, как ревели «Пробуждение народа»; потом следовала атака палочными ударами, которая почти всегда оканчивалась рассеянием наших врагов. Вышло так, что в течение двух- или трехмесячной кампании мы не оставили Национальному конвенту никакой свиты, кроме нашей; мы сделали в свою очередь народом трибун, т.е. тем, что называли суверенным народом, публичным диктатором во всех театрах, оракулами всех кафе, ораторами всех секций и странными магистратами общественного мнения; мы без стеснения давали сами себе этот столь пышный титул; наконец, мы выгнали из того клуба, который вызывал лихорадочную дрожь у всех королей, якобинцев, и притом не без некоторых насилий и оскорблений, и мы же вынесли бога Марата из Пантеона, чтобы бросить его в сточную канаву».⁹

В таком же духе описывал кампанию против «террористов», предпринятую золотой молодежью, другой представитель последней - барон Нейвиль. «Мы сделали, - говорит он, - чем-то вроде диктатуры, которую никто не оспаривал, так как она отвечала тайным желаниям каждого. Во всех общественных местах, в театре, в секциях, в кафе, на гуляньях мы открыто кичились нашим всемогуществом, так как никто не осмеливался сомневаться в нем. Легко себе представить, с каким видом смотрели террористы на наши термидорианские банды, но мы имели за собой всеобщее сочувствие и энтузиазм молодежи».¹⁰

Термидорианцы, оставшиеся республиканцами, порвали потом с мюскаденами, тайными роялистами, ставшими вандемеристами. Мерсье так с сарказмом и иронией изображает мюскаденов: «Порода людей, которые заняты элегантными или смешными украшениями и которых барабанный бой превращает в женщин. Мы видели мюскадена, решившегося дать отрезать себе указательный палец, лишь бы избежать необходимости пойти на войну против врага. Ему следовало бы сохранить его, чтобы брать иголку или прялку. Они составляли оппозицию в залах якобинцев. Казалось бы, что пылкая молодежь должна была избрать республиканские принципы, но эта молодежь была богата, изнежена и хотела повсюду отличать себя от тех, кого называла «синими мундирами». Мюскаденов поднимали на смех и колотили, когда они со своими собачьими ушами и своими косичками хотели издеваться над республиканцами. Если они и одолевали, то это случалось весьма редко и только тогда, когда сталкивались четверо против одного. Они были скрытыми роялистами, но эмигранты презирали их еще более за то, что они не проклинали патриотов».¹¹

Салон мадам Тальен, «царицы мод» после 9 термидора, был одним из мест, где собирались вожак «молодых людей». Тереза Кабаррю, дочь испанского банкира, разошлась со своим первым мужем Фонтене, богатым советником парламента, после четырехлетнего брака, когда ей было только 20 лет. В 1795 году она вышла замуж за депутата Тальена, который спас ее в 1793 году от гильотины в Бордо, где он был комиссаром Конвента, и которому она приписывала главную роль в перевороте 9 термидора. После последнего она снова вышла из тюрьмы, куда она была заключена во второй раз в конце июля 1794 года. Мадам Тальен была убеждена, что Робеспьер был свергнут, благодаря ее влиянию на Тальена. В 1824 году она писала: «9 термидора - лучший день моей жизни, так как немного благодаря моей маленькой руке гильотина была опрокинута». В доме мадам Тальен веселились депутаты, некоторые журналисты, артисты, банкиры, с которыми ее отец имел сношения, и поставщики на армию. У нее часто бывал Баррас, фавориткой которого она сделалась при Директории. Она стремилась привлечь к себе некоторых жен депутатов, например, мадам Ровер; ее дом посещала вдова гильотинированного генерала Богарне, ставшая при Директории женой Бонапарта.¹² Мадам Тальен звали «новой Антуанеттой» и «Notre-Dame de Thermidor», а иногда также «Notre-Dame de Septembre».¹³

После 9 термидора среди парижских щеголих распространилась мода на белокурые парики, которые носили также и молодые люди на «балах жертв», как напоминание о жертвах террора. Мадам Тальен имела, например, 30 париков различных нюансов, по цене 10 луидоров каждый.¹⁴ Женщины из народа враждебно относились к парижским щеголихам и смеялись над белокурыми париками. «Теперь, - писал «Наблюдатель» 19 ноября 1794 года, - поднимают немного парик, скоро бросят его на землю».¹⁵ За шляпы нового и необычайного фасона модницы платили по 100 франков.¹⁶

Мюскаденки и куртизанки любили посещать модные концерты артиста Гара в театре на улице Фейдо, где они блистали своими нарядами и украшениями. На этих концертах показывалась и мадам Тальен. Буржуазно-республиканская газета «Всеобщее обозрение» писала, например, о концерте 8 февраля 1795 года, что он, несмотря на талант Гара, «производил невыразимую скуку. Там напрасно ждали прелестную Терезу Кабаррю, жену Тальена. Сто раз мы полагали, что видим ее прибытие. - Это она; нет, это не она; что случилось? - Каким долгим показался вечер! Немало красивых гражданок сокращало его, засыпая во время музыки... Эти концерты представляют почти только два вида высшего интереса - вход и выход... Богатого и необыкновенного платья, круженных уборов, алмазов, неправильного, но милого личика, вида куртизанки достаточно, чтобы произвести сенсацию у дверей».¹⁷

О контрасте между господствовавшей нуждой большинства парижского населения и роскошью одеяний и украшений, в каких появлялись на этих концертах жены и куртизанки выскочек, газета «Наблюдатель» писала 19 февраля 1795 года; «Концерт на улице Фейдо выставляет напоказ роскошь, которую едва ли можно было встретить при старом дворе. Алмазы, наряды показываются там в самом ярком блеске, и однако эти женщины, блистающие великолепием, роскошью, не являются ни женами бывших дворян, ни женами финансистов. Все частные состояния подвергаются угрозе от краха общественного богатства; ощущается недостаток в хлебе; мясо продается по 3 ливра; дрова из лесов на 30 лье в окружности направляются в Париж по цене 400-500 ливров сажень. Откуда может появиться это пышное собрание? Не концерт его вызвал, так как последний едва слушают, хотя там собрались самые крупные таланты, женщины заняты лишь тем, чтоб показать себя. Постороннего, вошедшего с улицы на концерт, должен особенно поразить этот контраст нужды и роскоши, нищеты и этих украшений, признаков изобилия. Но вот Париж: революции не изменяют его».¹⁸ В действительности этот бьющий в глаза контраст богатства и бедности не только доказывал бессилие всякой буржуазной революции устранить такой контраст, но и указывал на то, что термидорианский Конвент перестал заботиться даже о смягчении этого контраста.

После жерминальского выступления парижских предместьев резкая противоположность между нуждой народных низов и роскошью выскочек стала беспокоить и термидорианские газеты. Противоположность между «народом утра» и «народом вечера» ярко сказывалась на утренних «хвостах» женщин при распределении продуктов и на вечерних у дверей театров. «Среди этой нужды, - писала «Французская газета» 13 апреля 1795 года, - роскошь выставляет напоказ весь свой блеск. Утром улицы полны бедными женщинами, которые стонут у дверей булочных; вечером гулянья переполнены элегантными женщинами, которые ослепляют своими украшениями, тогда как собак и кошек, этих верных обитателей наших очагов, безжалостно бросают, за недостатком пищевых продуктов, в Сену. На наших бульварах видно появление роскошных лошадей и золоченых карет, которые предвещают возвращение изобилия».¹⁹

То же самое отмечали и «Политические новости» 15 апреля: «В Париже утренние и вечерние хвосты все время очень многочисленны. Утренние хвосты у дверей булочников, мясников и колониальных торговцев состоят из гражданок, которые жаждут хлеба, мяса, свечей. Вечерние хвосты - у дверей театров. Среди последних заметна значительная перемена в costume составляющих их граждан. Это уже не санкюлоты по профессии, гражданская доблесть которых пугала граций; это граждане - просто, но чисто одетые». Газета замечала далее, что женщины снова стали появляться на собраниях и в театрах в украшениях, поняв, что патриотизм не должен быть грубым по внешности».²⁰

Общественные нравы после 9 термидора вообще резко изменились. Многие женщины, не стесняясь, публично предлагали себя путем объявления в газетах, прохажывая свои прелести и свои качества.²¹ По сравнению со временем господства якобинцев увеличилось и проституция. Через 10 дней после падения Робеспьера полиция уже отмечала увеличение смелости публичных женщин.²² Еще через полмесяца полиция снова доносила о появлении многих публичных женщин, открыто торговавших своими прелестями в бывшем Пале-Рояле.²³ Последний стал притоном для спекулянтов и проституток.²⁴ В донесении полиции от 7 октября 1794 года указывалось, что публичных женщин больше, чем когда-либо. Аресты и тюремное заключение на 3-4 месяца не помогали. Граждане говорили, что в республике необходимо истребить это распутство с корнем, изгнать проституток и применить их на полезные для республики работы.²⁵ 30 декабря 1794 года полиция доносила, что много публичных женщин и военных посещает театр «Водевиль».²⁶ Смелость проституток на улицах и в Саду равенства полиция отмечала и после прерияльского восстания.²⁷

Различие между «дамами» и «женщинами из народа» проявлялось и в их различном отношении к золотой молодежи и к республиканским обычаям. Контрреволюционно настроенные богатые дамы отказывались носить национальные кокарды; женщины из бедных слоев враждебно относились к мюскаденам и сочувствовали демократам и якобинцам. Полиции, которая следила за ношением национальных кокард в публичных местах, часто приходилось задерживать женщин без кокард.²⁸ Полиция определенно указывала на «богатых женщин», которые или носили маленькие кокарды, прикрытые кисточками их лент, или совсем их не носили.²⁹ Антиякобински настроенные женщины отказывались носить кокарды, заявляя, что они не якобинцы и что приказ носить кокарды исходил от якобинцев.³⁰

Антиякобинские агитаторы с угрозами предлагали женщинам снимать с себя кокарды как якобинский значок. «На новом базаре, - говорилось в полицейском донесении от 22 марта 1795 года, - злонамеренные приглашали женщин, ожидавших у дверей одного булочника, снять свои кокарды, говоря им: «Гражданки, если вы не хотите, чтобы вас считали якобинцами и оскорбляли, снимите ваши кокарды». Многие из этих гражданок послушались». ³¹ Действительно, полиция отмечала, что «злонамеренные» оскорбляли гражданок, которые носили национальные кокарды.³² Наоборот, «молодые люди» поддерживали дам, которые срывали кокарды с других женщин. По донесению полиции от 23 марта 1795 года, одна элегантно одетая дама предложила двум гражданкам в Национальном саду снять кокарды и на отказ сделать это сорвала их и скрылась в группе молодых людей.³³

Перед 12 жерминаля срывание кокард стало принимать массовый характер, и в нем проявлялось настроение реакционных элементов против Конвента и республики. По словам полицейского донесения от 28 марта 1795 года, женщины в секции Обсерватории срывали кокарды с других женщин, топтали их ногами и держали непристойные речи против Конвента и республики. То же самое произошло и в секции Рынка.³⁴ Срывание кокард с женщин продолжалось и в апреле.³⁵ На гуляньях большинство женщин появлялось без кокард.³⁶ Иностранные наблюдатели также отмечали в это время, что женщины перестали носить национальные кокарды.³⁷

Ношение красного колпака свободы почти вышло из употребления. «Красный колпак, - писала 31 декабря 1794 года реакционная газета «Наблюдатель», - впал в очень большую немилость; его очень редко видят в Париже, и из некоторых департаментов нам сообщают, что там дурно смотрят на то, когда хотят надеть колпак себе на голову». Когда депутат Армонвиль, рабочий по происхождению, появился 29 декабря 1794 года в красном колпаке на трибуне Конвента, свист и крики заставили его снять с себя колпак.³⁸ Позднее, в начале марта, мюскадены оскорбили депутата Армонвиля, «имеющего привычку носить красный колпак».³⁹

Вслед за этим произошло аналогичное столкновение молодых людей с депутатом Гоффруа, носившим красный колпак, но полиция только на короткое время задержала несколько молодых людей. В связи с этим «Французская газета указывала, что колпак римской свободы был белым, Вильгельма Телля - коричневым, красный же колпак являлся знаком возмущения каторжников на галерах.⁴⁰ В общественных местах, в театрах и кафе красные колпаки срывались или заменялись трехцветными.⁴¹ Так, 8 марта 1795 года в кафе Шартр «было предложено заменить красный колпак трехцветным, что и было немедленно сделано не только в кафе, но и в различных театрах, а именно театре Искусств, где посланные для этого объявили, что таково было желание Комитета общественной безопасности».⁴²

Названия секций и мест, данные во время якобинской диктатуры, были заменены другими. Секция Горы стала называться секцией Мельничного холма, секция Марата - секцией Французского театра, секция Шалье - секцией Терм, секция Вильгельма Телля - секцией Майль, секция Революционная - секцией Нового моста, секция Красного колпака - секцией Запада, секция Коммуны - секцией Верности, секция Муция Сцеволы - секцией Люксембург, секция Пик - секцией Вандомской площади и секция Санкюлотов - секцией Ботанического сада.⁴³

Реакционные газеты вели кампанию за эту смену имен. «Теперь, - писал 31 декабря 1794 года «Наблюдатель», - почти постыдны имена, которые дали себе во время революционного кипения; многие униженно просят о присвоении прежних названий.⁴⁴ Измененное название департамента Жиронды было снова восстановлено.⁴⁵ В середине января 1795 года в кафе Фуа предлагали не употреблять более названий «Гора» и «Болото».⁴⁶ Слово «смерть» в надписях «свобода или смерть», «братство или смерть», «конституция или смерть», - заменялось словами «справедливость», «гуманность» и «мир».⁴⁷

Слова «гражданин» и «гражданка» заменялись в обращении словами «господин» и «госпожа», и это стало считаться признаком «хорошего тона».⁴⁸ Стало исчезать обращение на «ты», принятое у якобинцев. «Ты» исчезло из разговора, - писал «Наблюдатель» 31 декабря 1794 года, - и можно заметить, что оно не так часто встречается даже в эпистолярном стиле».⁴⁹

Реакционные газеты, как мы видели, приветствовали декрет 3 вантоза 3 года (21 февраля 1795 г.) о свободе культов и нападали на республиканский календарь, сознавая, что религия нужна имущим верхам, чтобы держать в покорности неимущих. Полиция отмечала, что многие граждане одобряли декрет о свободе культов и «были убеждены, что он произведет наилучшее впечатление во всех департаментах и особенно в западных».⁵⁰ Торговцы стали праздновать воскресенье, а не декады. «Наши церкви, - писало «Всеобщее обозрение» 13 марта 1795 года, - недостаточно обширны, чтобы вместить всех желающих слушать обедню, ставшую, как заметил скорее справедливо, чем серьезно, один журналист, предметом первой необходимости, ради которого составляются хвосты, так же как ради хлеба, мяса и т.д.»⁵¹ «Вечерний вестник» писал относительно празднования воскресенья 15 марта 1795 года (25 вантоза 3 года): «Те, которые не знали, что сегодня воскресенье, узнали об этом по тем многочисленным хвостам, которые видны у дверей старых церквей».⁵²

«Политические новости» сообщали о совершении 5 апреля, в день пасхи, богослужения во многих церквях Парижа «при большом стечении граждан и особенно гражданок».⁵³ По донесению полиции от 5 апреля 1795 года, в секции Друзей отечества многие торговцы накануне нашли у себя на дверях записки следующего содержания: «Все те, кто завтра откроет лавки, будут рассматриваться как якобинцы».⁵⁴ Действительно, 5 апреля на гуляньях, в театрах и в ресторанах наблюдалось больше народа, чем обычно.⁵⁵

II. Быт и нравы после термидора

Летом 1795 года до последней декады августа, когда началось движение секций против фрюктидорских декретов, донесения полиции из дня в день были заполнены главным образом постоянными и монотонными сообщениями о нужде и жалобах и ропоте большинства граждан на ужасающее обесценение ассигнаций, непомерный рост дороговизны, бесстыдный разгул спекуляции и бездействие Конвента в отношении нужды парижан. Конечно, ответственность за голод и нужду, замалчивать которые не было возможности, термидорианская полиция возлагала на якобинский режим до 9 термидора. Так, полиция писала, что наши современные бедствия подготовлены не Конвентом, а «анархистами, которые хотели, так сказать, организовать голод».⁵⁶

Недостатка в «дурных речах» против Конвента не было, и полиция неоднократно выражала опасение относительно голода и последствий бедственного положения⁵⁷; однако возбуждение выливалось только в словесные жалобы, и массы оставались политически пассивными, что облегчало контрреволюционным и роялистским элементам переход в наступление против буржуазных республиканцев в Конвенте, которых они считали ответственными и за события 1792-93 гг. По словам полиции, только страх сдерживал народ,⁵⁸ нужда достигла крайнего предела; лук был слишком сильно натянут.⁵⁹

Наряду с растущей нуждой большинства парижского населения бросалась в глаза кричащая роскошь «выскочек», «новых богачей». Этот контраст нищеты и роскоши и противоположность между «народом утра» и «народом вечера» отмечали даже право-термидорианские газеты. «Французский курьер» писал 21 августа 1795 года «Вообще на первый взгляд можно было бы подумать, что население этого большого города делится на две различные нации, столь же отличающиеся одна от другой одеждой и языком, как и нравами и чувствами. Посмотрите при восходе солнца на улицах в некоторых кварталах на эти исхудалые фигуры, на эти лица свинцового цвета, на эти одежды из лохмотьев, на эти хвосты, толпящиеся у дверей, - и все это предлагает вам зрелище населения нищих и слабосильных больных. Осмотрите вечером наши сады, наши памятники, наши театры, где столько аплодируют, и наверное весь этот веселый шум, эти взрывы смеха, это золото, эти бриллианты, эти изящные ткани, эти лица, пышущие здоровьем, дадут вам приятный образ народа маленьких крезов. Но среди народа утра и среди народа вечера одно и то же политическое равнодушие».⁶⁰

Немецкая «Фоссова газета» так изображала термидорианские нравы: «Несмотря на чрезвычайную дороговизну съестных припасов, на рынках однако вечером все распродано Театры ежедневно, а церкви каждое воскресенье переполнены, и на гуляньях не заметно никакого следа общей нужды. В кафе постоянно есть публика, хотя чашка кофе стоит 3 ливра, стакан ликера - 3 ливра. У рестораторов нельзя поесть меньше как за 50 ливров, а они ежедневно имеют посетителя. Торговцы соображаются точно с меняющимся курсом, а ремесленники с повышением цен на предметы их потребления. Женщины часто разводятся из-за страха, что новый закон помешает каждые 6 месяцев брать другого мужа, а мужчины продолжают делать из брака денежную операцию».⁶¹

Та же газета писала следующее о модах летом 1795 года: «Наши моды определяются ходом революции. При Робеспьере строгие республиканки нередко появлялись с головным убором, изображавшим гильотину; теперь они носят чепцы справедливости, галстуки милосердия и шляпы новой конституции. Красные шапочки, пики давно упразднены, и обращение на «ты» равным образом слышится редко».⁶²

В то время как масса голодающих граждан просила увеличить порцию выдаваемого хлеба хотя бы на одну унцию, «новые богачи» устраивали роскошные празднества и загородные прогулки.⁶³

«Выскочки» заняли в Сен-Жерменском предместье особняки эмигрировавшей аристократии и подражали аристократам в их образе жизни. «Республиканский курьер» так описывал нравы этих «новых богачей», делая прозрачные намеки и по адресу разбогатевших членов термидорианского Конвента «Год тому назад жаловались на совершенную пустынную Сен-Жерменского предместья. Теперь уже нельзя жаловаться, все дома этого предместья заселены; блестящие экипажи мчатся по мостовым; запах кухонь привлекает обжор, как прежде. - Не вернулись ли аристократы? - спросите вы меня. - Нет, это их лакеи, ставшие членами большого Собрания. Впрочем, вы не сердитесь: вместе с имуществом они вполне усвоили себе наглость, обжорство и презрение к народу; девицы из оперы нашли даже вновь свои прежние будуары».⁶³

Описание празднеств, устраиваемых депутатами, вандемеристские газеты переплетали с прямыми нападениями на членов Конвента, желающих быть «бессменными» и издавших декреты о двух третях. «Мы говорили, - писал «Республиканский курьер» 24 сентября 1795 года, - о теперешнем великолепии Сен-Жерменского предместья. Замки, королевские дома окрестности представляют не менее приятный вид. Каждый день наши милые бессменные отправляются в охотничьих костюмах преследовать в парках этих замков кабанов и оленьих самок. Прекрасные амазонки следуют за ними на богато украшенных лошадях. Смеются, поют, танцуют. Шутят с грацией над зеваками Парижа, которые забрали себе в голову отвержение двух третей. В последнее воскресенье одна такая партия расположилась в соседнем замке. Обедали в парке, окруженном решеткой.⁶⁴ Возмущение добрых крестьян не могло сдерживаться, когда они увидели, что собакам бросают белоснежный хлеб. Со стороны голодной толпы послышались крики ярости и отчаяния. Бессменные сочли благоразумным подчиниться обстоятельствам и удалиться».⁶⁵

Декады не соблюдались. Лавки закрывались в воскресенье и вообще в церковные праздники.⁶⁶ В Париже католикам было предоставлено 15 церквей.⁶⁷ Священники, вопреки запрещениям закона, стали появляться на улицах в духовном одеянии, и полиция не принимала против этого мер.⁶⁸ Полиция надеялась, что религия внесет успокоение в умы. Она, например, отмечала, что две речи, произнесенные в мессидоре епископом и депутатом Гуайе, «были проникнуты этой сладостной и убедительной философией, способной смягчить минувшие бедствия и направить умы к мыслям о порядке и спокойствии, единственных основах счастья государств».⁶⁹

Но священники собирались открывать свои школы, и одна буржуазно-республиканская газета писала по этому поводу: «О! если бы в школе не проповедовались фанатизм и миллион предрассудков, я приветствовал бы их открытие: они по крайней мере думают о подрастающем поколении. Это сильная пощечина, которую они дадут вам, Комитет народного образования. Беда только в том, что это отражается на нации».⁷⁰ По донесению полиции, напрасно говорили о разрушении религии; прибывший в Париж принял бы его за монастырь капуцинов: во всех лавках продавались кресты из слоновьей кости, гипса, бронзы, дерева, серебра и золота.⁷¹

Даже реакционный «Вечерний вестник» указывал, что совершенно не обоснованы жалобы на разрушение религии, и с некоторой тревогой за интересы покупателей церковных имуществ отмечал усилившуюся дерзость духовенства. «Никогда, - писала эта газета, - культ не соблюдался лучше, никогда не были более набожными... Было время, когда наши купцы были христианами не лучше арабов. Как изменились времена! Пойдите теперь в праздничный или воскресный день к этим бескорыстным католикам, чтобы купить какую-нибудь провизию; хотя бы они видели, что вы умираете от голода у их дверей, они останутся глухи к вашим просьбам. Ради ассигнаций они не захотят пятнать свою совесть низменными делами; двери их крепко заперты, весь дом слушает обедню. Будь тридцать праздников подряд, они скорее согласятся, чтобы их гильотинировали, чем не праздновать их все... Хорошие времена вернулись: в Нотр-Дам слушают мессу; на улицах встречаются священники в сутанах... Десятины и случайные доходы скоро снова обогатят этих религиозных прелатов, вынужденных теперь жить на подаяние. Месса уже стоит 25 ливров; уже отлучают от церкви всех покупателей национальных имуществ; вскоре их будут сжигать как еретиков, если они не возвратят церковные имущества, которые были отняты у церкви. Уже указывают пальцем на того, кто не посылает своей семьи в церковь и не участвует в расходах на содержание культа; это - враг бога, антихрист, к которому избранные должны относиться с омерзением как к человеку, который будет вечно гореть с дьяволом. Неужели же недостаточно этих политических разногласий без этого нового источника раздора? Неужели терпимость и добродетель никогда не займут места суеверия и пустых

кривляний».⁷²

Некоторые реакционные журналисты, как Лагарп, выступили на защиту старого календаря, но буржуазные республиканцы отстаивали новый календарь и праздники декад.⁷³ 28 июля 1795 года в Конвент была даже представлена петиция об отмене нового календаря,⁷⁴ а 11 августа этой отмены требовала в своем адресе Конвенту секция Бон-Нувель.⁷⁵

Нападкам подвергалась и философия XVIII века. «Ведь также и философия вышла из моды, - писал один немецкий корреспондент из Парижа, - и сам Вольтер был бы дурно принят у своих прежних парижских учеников из-за своих философских взглядов, если бы он не восстановил уважение к себе, благодаря многочисленным острым словечкам, которые во Франции никогда не могут выйти из моды».⁷⁶

Застрельщиками общественной реакции в Париже после прериальских дней были «молодые люди», мюскадены, оказавшие помощь Конвенту в жерминале и прериале и недовольные теперь тем, что большинство Конвента летом 1795 года, устранив опасность слева, начало принимать меры против опасности справа, со стороны конституционных монархистов и роялистов. Эти щеголи носили черные воротнички, зеленые галстуки, которые республиканцы считали знаком шуанов и зачесанные кверху косички в напоминание о жертвах террора. Во всех публичных местах они требовали выполнения вместо «Марсельезы» антитеррористической песни «Пробуждение народа». Правые газеты сообщали, что некоторые террористы пытались задерживать молодых людей с черными воротничками. «Некоторое время, - писал 26 июня 1795 года «Республиканский курьер», - молодым людям вменялось в преступление ношение косичек или сюртук; теперь хотят вменить им в преступление ношение зеленых галстуков и черных воротничков».⁷⁷

В связи с инцидентами на почве ношения молодыми людьми черных воротничков и зеленых галстуков Комитет общественной безопасности опубликовал 8 мессидора 3 года (26 июня 1795 г.) следующую прокламацию: «Комитет общественной безопасности, будучи осведомлен, что некоторые граждане подверглись оскорблениям в общественном саду за то, что носили зеленые воротнички и галстуки; принимая во внимание, что этот род одежды не запрещен никаким декретом Национального конвента; что необходимость, в которую была поставлена полиция, арестовать некоторых мужчин, одетых таким образом, относилась к лицам, а не к костюму, - приглашает добрых граждан прекратить этот новый вид несогласия, который хотели бы посеять среди нас, и поддержать всеми своими силами спокойствие».⁷⁹

Особенно шумной и вызывающей летом 1795 года была кампания мюскаденов против «Марсельезы» и за выполнение их песни «Пробуждение народа». Между сторонниками «Марсельезы» и сторонниками «Пробуждения народа» происходили столкновения. 26 мессидора 3 года (14 июля 1795 г.) Конвент принял декрет о ежедневном исполнении «Марсельезы» в национальной гвардии.⁸⁰ В кафе Шартр, бывшем центром золотой молодежи, порицали декрет 26 мессидора, находя «Марсельезу» «террористическим гимном».⁸¹ Конвент был вынужден еще не раз возвращаться к вопросу о «Марсельезе» и «Пробуждении народа».⁸² Столкновения между военными, исполнявшими «Марсельезу», и молодыми людьми, отвечавшими пением «Пробуждения народа», продолжались вплоть до вандемьерского мятежа.

По описанию контрреволюционного «Вечернего вестника», 27 сентября в 9 часов вечера группа генералов и нескольких человек в военной форме в числе 30 лиц, в сопровождении 40 террористов, вошла в Сад равенства. Они громко пели «Марсельезу», крича: «Долой роялистов!» Молодые люди, без оружия и в небольшом числе, прибежали скоро на эти ужасные песни, воспоминание о которых так приятно террористам. Вскоре они запели «Пробуждение народа». Их противники кричат во все горло: «Долой роялистов!» Им отвечают, что эти роялисты приняли единодушно конституцию, что не хотят более ни роялистского диктатора, ни военных диктатора». Они отвечают криками: «Да здравствует Конвент!» Раздались крики: «Да здравствует республика!» Сверкают сабли генералов, поражая этих невооруженных молодых людей. Стулья служат оружием защиты; они летят в ноги террористам. Появляются патрули; некоторых арестовывают, другие бегут».⁸³

Таким образом, после прериальских дней контраст между народной нуждой и роскошью новых богачей еще более увеличился; католический культ расширил число своих приверженцев, которые проводили кампанию против республиканского календаря; реакционные элементы стали отрицательно относиться и к просветительной философии XVIII века; щеголи-мюскадены выступали застрельщиками в борьбе против республиканских нравов, костюмов и песен.

III. Общественно-политические настроения после прериальских дней

Отношение различных классовых слоев к термидорианскому Конвенту, к якобинцам и к роялистам, к конституции 1795 года и к фрюктидорским декретам, разумеется, не было одинаковым. Очень часто полицейские донесения говорили вообще о «публике» и об «общественном настроении», но нередко и они, равно как газеты и мемуары, проводили дифференциацию и классовое различие между гражданами, отмечая особо общественно-политические мнения и симпатии рабочих, ремесленников, неимущих, жителей предместьев, крестьян, среднего класса, собственников, мелких рантье «класса буржуазии», «добрых» и «порядочных» граждан, представителей «хорошего общества», аристократов и дворян.

По словам одного агента полиции, в начале июня 1795 года «общественное мнение разделилось на три класса: первый - это класс неимущих, всегда привязанный к принципам террористов, которые, подобно им, полагают, что цель Конвента - посадить на трон короля; второй класс состоит из бывших знатных, буржуа и крупных торговцев, среди него не произносится никаких речей; наконец, третий класс - это умеренные, которые всегда были наиболее угнетаемы и которые обнаруживают наибольшее доверие к Конвенту».⁸⁴ В конце июля 1795 года полиция отмечала жалобы со стороны «класса буржуазии» и «малоимущего класса» на Конвент, который не принимал никаких мер против чрезвычайной дороговизны. Велись разговоры, что только торговцы и спекулянты могут достать себе на существование, а ремесленники и мелкие рантье доведены до отчаяния.⁸⁵

После подавления прериальского восстания рабочие, ремесленники и беднота были заняты преимущественно заботами о продовольствии и все более отходили от политики, предоставив последнюю буржуазным элементам. Уже 30 мая 1795 года полиция сообщала, что «рабочий класс, которого возбуждает теперь только чувство голода, не желает, кажется, более постигать тайны управления; он, невидимому, даже забыл опасные принципы агитаторов, целиком предоставив дискуссию о крупных политических интересах завсегдатаям кафе; но мы думаем, - добавляли агенты полиции, - что мнение утих завсегдатаев может лишь очень поверхностно влиять на общественное мнение».⁸⁶ 12 июня агенты полиции отмечали спокойствие и покорность судьбе, но в то же время справедливые жалобы, вызываемые нуждой, которую испытывал рабочий класс, а также собственники и рантье, разоренные обесценением ассигнаций и доведенные до полной нужды.⁸⁷ 14 июня полиция снова сообщала о страданиях рабочих и ремесленников, не имеющих большей частью работы, а также мелких собственников и «несчастных рантье».⁸⁸

17 июня полиция, говоря о жалобах на нужду, опять отмечала растущую политическую апатию. «Жалобы и ропот, - говорила полиция от имени «друзей порядка и добрых граждан», - которые можно еще слышать, относятся к недостатку продовольствия, постоянной дороговизне всего, что касается жизни, а также к низкой цене ассигнаций. Если бы правительство могло найти средства смягчить суровость этих трех бичей, мы, не колеблясь, полагаем, что злонамеренные не имели бы более никакого предлога, чтобы возбуждать народ. Последний, довольный своей судьбой и уверенный в своем пропитании, легко отказался бы от мании дискуссии о политических событиях, принял бы решение доверить свои интересы мудрости Конвента и положился бы всецело на его благоразумие и осведомленность; он признавал бы только закон, вернулся бы к своей работе, предался бы только своим ежедневным занятиям и не вмешивался бы в управление государством».⁸⁹

В очередях и сборищах говорили, что рабочие спокойны потому, что они обезоружены, но что они найдут средство достать себе хлеба, как и в начале революции. «Неимущий народ, - замечала полиция, - выведен из терпения; он не может без негодования видеть выставленные и продаваемые публично съестные продукты, не имея возможности ими питаться, особенно хлеба по 16 франков ливр».⁹⁰ 2 июля полиция сообщала о распространившемся слухе, что рабочие намерены торопиться собирать жатву за зерно.⁹¹ Говоря о нужде в Париже, полиция отмечала, что «политика удалилась в кафе».⁹² Донося о спокойствии в Париже, она с некоторой тревогой сообщала об «отчаянном положении» неимущих, благодаря непомерно растущей дороговизне. Нужда вызывала недовольство Конвентом и разговоры о восстании. Неимущие говорили, что «если бы богатые ели, как они, Конвент давно бы не существовал более, и народ был бы доведен до возмущения».⁹³

По словам полиции, у «толпы» нужда вызывала ропот, вопли, по-прежнему послушания и уважения к законам и к Конвенту.⁹⁴ «Сегодня,- указывала полиция 17 июля 1795 года, - можно с правом сказать, что общественное настроение зависит в этот момент от потребностей жизни и оно составляется лишь из этих элементов».⁹⁵ «Речи, которые можно слышать, проистекали исключительно от ужасной нужды, которую испытывают все вообще жители этого большого города, большая часть которых сгибается под тяжестью обстоятельств, угнетающих их ежедневно».⁹⁶

Об усталости и политическом равнодушии свидетельствовали разговоры, что «так как Конвент не думает о бедных, то безразлично, придут ли в Париж англичане или шуаны, ведь они не сделают их более несчастными».⁹⁷ Заключение 22 июля 1795 года мирного договора с Испанией вызвало было неоправдавшиеся надежды на уменьшение дороговизны. В группах велись разговоры: «Это очень хорошая вещь - мир с Испанией, но если бы мы имели хлеб, если бы занялись восстановлением мира и спокойствия внутри, если бы цены на пищевые продукты могли уменьшиться так, чтобы быть доступными, это было бы гораздо лучше».⁹⁸ Среди неимущих раздавались голоса, что все победы, приносящие несметные богатства, идут на пользу Конвента, а народ чахнет со своим пол-ливра хлеба.⁹⁹

Политическое равнодушие низов и интересы главным образом к вопросам продовольствия отмечали и реакционные газеты. «Вид Парижа, - писала «Французская газета» 4 августа 1795 года, - все время тот же самый. Равнодушный ко всем политическим вопросам, ко всем слухам о мире и войне, о победах или поражениях, народ этого обширного города, бывший так долго орудием и жертвою революционных обманщиков, находится, невидимому, в том состоянии летаргии, которое оставляет после себя сильная лихорадка. Его внимание могут пробудить только материальные потребности, удовлетворить которые становится с каждым днем труднее. Внимание так сосредоточено на этом единственном предмете, что новости о мире, так счастливо заключенном с Испанией, интересуют народ лишь в отношении облегчения, которое он от него ждет. Первые вопросы на этот счет следующие: «Подешевеют ли съестные припасы? Будет ли хлеб в большом изобилии?» Хлеб! Вот важнейший вопрос всех разговоров. Завоевание вселенной польстило бы народу менее чем одна или две унции хлеба, добавленные к его ежедневной порции».¹⁰⁰ О равнодушии большинства к политическим вопросам та же газета сообщала и несколько позднее.¹⁰¹

По словам полиции, за исключением спекулянтов, собиравшихся в Саду равенства (Пале-Рояле), «остальной народ Парижа, все мысли которого заняты нуждой, беспрестанно имеет на устах только слова - хлеб, дороговизна, обесценение ассигнаций, жадность торговцев, беспечность правительства относительно его крайней нужды. Помимо этого, он оказывается столь же равнодушным, сколько и чуждым делам... Обсуждение политических событий предоставлено, по-видимому, частным обществам и перенесено в некоторые кафе; если оно и происходит еще среди публики, то только в собраниях, образующихся в Национальном саду после закрытия заседания Конвента».¹⁰²

Все разговоры сосредоточивались на испытываемой нужде, только в некоторых группах говорили о политике.¹⁰³ Умы были заняты мыслями о трудном житье. Празднование 10 августа 1795 года 3-й годовщины падения монархии вызвало колоссальное равнодушное отношение. Говорили, что было бы лучше, если бы дали по одному ливру хлеба и позаботились о снижении цен на съестные продукты. По донесению одного агента, «граждане несчастного класса вели в группах, к которым он приближался, следующие речи: «Депутаты сегодня веселятся; революция выгодна только для них, так как что касается нас, то мы не имеем ни хлеба, ни средств запастись дровами и углем при приближении зимы... Некоторые лица на площади Дворца равенства, видя продажу хлеба по 15 франков за ливр, говорили, что они предпочли бы быть при режиме Робеспьера, что тогда Конвент заботился о несчастных, а теперь, в то время как их морят голодом и сжигают на медленном огне, депутаты пьют, едят и обогащаются за счет народа».¹⁰⁴

«Французский курьер» отмечал 18 августа 1795 года равнодушие «народа в собственном смысле» ко всем вопросам, кроме вопроса об удовлетворении материальных потребностей. Реакционная газета радовалась, что народ потерял политическое влияние, и с удовлетворением замечала: «Если несчастья революции еще не установили общественного мнения, то они по крайней мере разрушили среди невежественного класса некоторые революционные предрассудки, будь это только политическая нетерпимость и химера о полном равенстве. Не следует ли при этом случае сказать, вздыхая: нет худа без добра».¹⁰⁵ «Французская газета» отмечала равнодушие к проекту конституции и разговоры о ценах, театре и о костюмах молодых людей. «Несчастные борются против голода, беззаботные - против скуки», - правильно констатировала газета.¹⁰⁶

В донесении от 24 августа полиция отмечала, что ослепленный нуждой народ не отдает должного Конвенту и что о политических событиях говорят мало.¹⁰⁷ Народные низы сожалели о времени якобинской диктатуры. Говорили, что при правлении Робеспьера были более счастливы; тогда не знали нужды.¹⁰⁸ Донося о всеобщем недовольстве дороговизной и обесценением ассигнаций, полиция замечала: «Если судить по пылким речам и воплям, раздающимся со всех сторон, то можно было бы подумать, что готовится очень близкое восстание».¹⁰⁹

В связи с сообщениями о нужде парижского населения полиция часто отмечала жалобы мелких собственников и мелких рантье, страдавших от обесценения ассигнаций и дороговизны.¹¹⁰ 30 мая 1795 года полиция указывала, что рантье и собственники бесконечно страдают и стонут, но без ропота ждут лучших дней.¹¹¹ По словам полиции, рабочие и ремесленники находились в лучшем положении, чем рантье и собственники, так как последние не имели работы для удовлетворения своих нужд.¹¹²

В середине сентября 1795 года полиция доносила: «Ажиотаж возобновляется с той же дерзостью во Дворце равенства. Растущая каждый день дороговизна продовольствия и приближение зимы усугубляют беспокойство народа. Недовольство всеобщее; все время слышатся жалобы и вопли. К Конвенту относятся с презрением; продовольственная комиссия обречена на общие проклятия. Почти во всех сборищах ведут разговоры только об общественной нужде и плачевном положении, в котором находится бесчисленное множество рантье».¹¹³

Собственнические элементы, радовавшиеся падению якобинской диктатуры, противопоставляли себя как «порядочных людей» санкюлотам и плебейским низам населения. О «порядочных людях» говорили представители буржуазных секций; «порядочных людей» разоблачали Г.Бабеф и якобинцы в клубе осенью 1794 года; интересы «порядочных людей» защищали термидорианские газеты; в качестве действующих лиц их изображали пьесы термидорианского периода. Название «порядочные люди» пестрит в документах после 9 термидора; нередко встречается оно и в мемуарах.¹¹⁴

Сторонники порядка и собственности в официальных речах и полицейских донесениях назывались еще часто «добрые граждане», в противоположность «террористам», «анархистам» и «роялистам». Наименование «добрые граждане» нередко было равнозначным названием «порядочные люди», но иногда оно имело и более широкий смысл, обозначая вообще сторонников термидорианского Конвента, к которым вскоре после прерияля уже не принадлежали вандемьеристы, претендовавшие, как мы увидим, что они то и являются «порядочными людьми» и выступают от их имени. Понятно, что «порядочные люди» и «добрые граждане» были против якобинцев и участников прерияльского восстания. Именно они и командовали секциями, когда в них победила буржуазная реакция.

«Добрых граждан» полиция противопоставляла «мало просвещенной толпе», «черни».¹¹⁵ По донесению полиции от 3 августа 1795 года, выпущенные «террористы» говорили в кафе: «Недалеко время, когда так называемые «порядочные люди» будут кусать себе пальцы и пойдут преклонить колени перед теми, которых они презирали и хотели победить».¹¹⁶ «Добрые граждане» желали иметь внутренний и внешний мир и законы, защищающие лиц и собственность.¹¹⁷ Они желали «свободы без своеволия и анархии», мира, порядка, устойчивого и справедливого правительства, они питали «отвращение к деспотизму» и были против раздоров и агитаторов, стремившихся развратить и внести разброд в среду народа.¹¹⁸

Эмигрант и конституционный роялист Малле дю Пан к «порядочным людям» относил «буржуазию», «класс собственников», противопоставляя их народу.¹¹⁹ В мемуарах маршала Мармона «порядочные люди» отождествляются со «средним классом», который противопоставляется «низшему классу».¹²⁰

- 1 Lavalette. Memoires, t.I, p.135-136.
- 2 S.Mercier. Le nouveau Paris, t.I, pp.314-320, t.II, pp.163, 292-295.
- 3 «Vobsische Zeitung», 7/X-1794, № 154 Buchner, t.II, S.226.
- 4 «Vossische Zeitung», 4/I-1795; Buchner t.II, S.230.
- 5 Lacretelle. Dix annees depreives, pp.201-203; cp. Nodier. Souvenirs, t.I, pp.254-255.
- 6 Michelet. Histoire de la revolution francaise, t.VI, p.400 (1869)
- 7 Paris, t.I, pp.90, 92, 95, 106-107, 157, 168-169, 1S1, 183, 248, 413-415, 421-422, 476, 542, 560, 587-588, 591-592, 593-595, 596, 687, 704.
- 8 R.Levasseur. Memoires t.IV, pp.16, 53-54.
- 9 Lacretelle. Dix annees depreuves, pp.199-200.
- 10 Neuville. Memoires, t.I, p.119.
- 11 S.Mercier. Le nouveau Paris, t.II, pp.49-50.
- 12 J.Turquan. La citoyenne Tallien. D'apres les temoinagiages des contemporaines et des documents medits. pp.160-213, cp. Houssaye. Notre-Darne de Thermidor, Histoire de mme Tallien (1856).
- 13 «Vedette», 30/XII-1794, Paris, t.I, p.350, Thibaudeau. Memoires, t.I, p.131.
- 14 S Mercier Le nouveau Paris, t.I, p.384, 392, t.II, pp.60-61, cp.P.Lacroix. Directoire, Consulat et Empire, Moeurs et usages, pp.68-73 (188).
- 15 «Vedette», 19/XI-1794, Paris, t.I, p.257.
- 16 «Abreviateur unnersel», 28/XII 174, Paris t.I, p.345
- 17 «Abreviateur universel», 1 II-1795, Paris, t.I, p.374, cp.81 1795, Paris, t.I, pp.171-372.
- 18 «Vedette», 19/II-1795, Paris, t.I p.492.
- 19 «Gazette francois», 13/IV-1795; Paris, t.I pp.555-556.
- 20 «Nouvelles politiques», 15IV-1795 Paris. t.I, p.66.
- 21 «Abreviateur universel», 24/II 1795 Paris. t.I pp.504-505.
- 22 Paris, t.I, p.20. Rapport 6/VIII-1794.
- 23 Paris, t.I p. Rapport 21/VIII-1794.
- 24 «Gazette francaise», 8/III-1795; Paris, t.I, p.539.
- 25 Paris, t.I p.151, Rapport 7/X-1794, cp.t.I, стр.228, 31/XII-1794.
- 26 Paris t.I, p.349, Rapport 30/XII-1794.
- 27 Paris, t.I, p.747 752 Rapport 26/V 28/V-1795.
- 28 Paris, t.I, pp.183 293, 303, 304 3(16, 311, 312, 323, 356, 504, 597, 665, 692.
- 29 Paris t.I, p.169. Rapport 11/X-1794.
- 30 Paris t.I, pp.287-288, 512.
- 31 Paris, t.I, p.591. Rapport 22/III-1795.
- 32 Paris, t.I, p.638. Rapport 5/IV-1795.
- 33 Paris t.I. p.595 Rapport 3/III-1795- cp. T.I, стр.594, 597.
- 34 Paris, t.I, p.609, Rapport 28/III-1795.
- 35 Paris, t.I, pp.661, 663, Rapport 16-17/IV-1795.
- 36 Paris t.I, pp.654-655, Rapport 13IV-1795.
- 37 «Vossische Zeitung», 20/IV-1795, Buchner, t.II, S.256.
- 38 «Vedette 31/XII-1794, Paris t.I, p.354, «Moniteur, 31/XII-1794, № 101, p.411.
- 39 «Messagei du soir», 7/III-1795, Paris, t.I, pp.532-533, t.I, pp.534-535. Rapport 7/III-1795.
- 40 Paris t.I, pp.536-537, 538, Rapport 8/III-1795, «Gazette francaise», 10/III-1795, Paris, t.I, p.539, t.I, pp.540, 544.
- 41 Paris, t.I, pp.390, 391, 392, 397 534, 542, 571, 597, 643.

- 42 Paris, t.I, p.540, Rapport 9/III-1795.
- 43 «Corrieur republicain», 10/II-1795, Paris, t.I, p.470, «Moniteur», 15/XII-1794, № 85, p.351.
- 44 «Vedette», 31/XII-1794, Paris, t.I, p.354; cp.«Journal de Perlet», 2/I-1795, Paris, t.I, p.363, «Vossische Zeitung», 41; 1795, Buchner, t.II, S.230.
- 45 «Moniteur», 17/IV-1795, № 208, p.845, Buchez et.Roux, t.XXXVI, p.304.
- 46 Paris, t.I, p.380, Rapport 151 1795.
- 47 Paris, t.I, pp.499, 517-520, 525-526, 528, 533, 597, 667. «Moniteur», 7/III- 1795, № 167, p.682
- 48 Paris, t.I p.371, Pages Histoire secrete de la revolution francaise, t.II, p.307.
- 49 Paris, t.I, pp.354-355, А.Олар. Обращение на «ты во время революции (Очерки и лекции по истории французской революции, стр.318-319).
- 50 Paris, t.I p.497, Rapport, 22/II-1795.
- 51 «Abreviateur universel», 13/III-1795; Paris, t.I, p.559.
- 52 «Messeger du soir», 16/III-1795, Paris, t.I, p.567.
- 53 «Nouvelles politiques», 8IV-1795, Paris, t.I, p.640.
- 54 Paris, t.I, p.638, Rapport 5/IV-1795.
- 55 Paris, t.I, p.640, Rapport 31/V-1795.
- 56 Paris, t.II, p.19, Rapport 18/VI-1795.
- 57 Paris, t.II, p.80-113.
- 58 Paris, t.II, p.160 Rapport 14/VIII-1795.
- 59 Paris, t.II, p.170, Rapport 20/VIII-1795.
- 60 «Corrier francais», 21/VIII-1795 Paris, t.II, p.183.
- 61 «Vossische Zeitung», 6/VII-1795 № 87, E.Buchner. Die franzosische Revolution Kulturgeschichtlich interessante Documente aus alten deutschen Zeitungen, B II, S.269-270.
- 62 Там же, 26/VI-1795, № 83, Buchner, t.II, S.269.
- 63 «Courrier francais», 21/IX-1795, Paris, t.II, p.259.
- 64 «Courrier republicain» 22/IX-1795 Paris, t.II, p.264.
- 65 «Courrier republicain,» 24/IX-1795 Paris t.II, p.264.
- 66 Paris, t.I, pp.758, 760, 766, 767, 768, 773, t.II, pp.74, 190, 196, 205.
- 67 Paris t.II, pp.29, 95-96.
- 68 «Journal du Bonhomme Richard», 11/VIII-1795, Paris, t.II, p.153.
- 69 Paris, t.II, p.95.
- 70 «Journal du Bonhomme Richard», 14/VIII-1795, Paris, t.II, p.163.
- 71 Paris, t.II, p.198, Rapport 2/VIII-1795.
- 72 «Messager du soir», 18/VIII-1795, Paris, t.II, p.174.
- 73 «Frankreich im Jahre», 1795 , B II, № 5, S 92- № 8, S.300-309.
- 74 «Moniteur», 2/VIII-1795, № 315, p.1270.
- 75 «Moniteur», 16/VIII-1795, № 329, p.134.
- 76 «Frankreich im Jahre», 1795», B II № 7, S.270.
- 77 Paris, t.II, p.209 Rapport 1/IX-1795.
- 78 «Cournier герильск.атд, 26/VI-1795, Paris, t.II, p.35.
- 79 «Gazette francaise», 27/VI-1795, Paris, t.II, p.38.
- 80 «Moniteur», 18/VII-1795, № 300 p.1210.
- 81 Paris, t.II, p.78 Rapport 8/II-1795.
- 82 «Moniteur», 20/VII, 2/III, 1/VII, 2/VIII, 15/VIII-1795, №№ 302, 303, 306, 315, 328.
- 83 «Messager du soir, 15/IX-1795; Paris, t.II, p.279.
- 84 Paris, t.I, p.763, Rapport 3/VI-1795.

- 85 Paris, t.II, p.122, Rapport 30/VI-1795.
- 86 Paris t.I, p.755, Rapport 30/V-1795.
- 87 Paris, t.II, pp.6-7, Rapport 12/VI-1795.
- 88 Paris, t.II, p.11, Rapport 14/V-1795.
- 89 Paris, t.II, pp.17-18, Rapport 17/VI-1794.
- 90 Paris, t.II, p.47, Rapport 1/VII-1795.
- 91 Paris, t.II, p.48, Rapport 2/VII-1795.
- 92 Paris, t.II, p.53, Rapport 4/VII-1795.
- 93 Paris, t.II p.5(-i-57, Rdppoit.6/VII-1795.
- 94 Paris t.II, p.74, Rapport. 1/VII-1795.
- 95 Paris, t.II, p.86 Rapport 17/VII-1795.
- 96 Pins, t.II, p.91, Rapport 19/VII-1795.
- 97 Paris, t.II, p.76, Rapport 14/VII-1795.
- 98 Paris, t.II, p.122, Rapport 30/VII-1795, cp. T.II, стр.126, Rapport 1/VIII-1795.
- 99 Paris, t.II, p.140, Rapport 6/VIII-1795.
- 100 «Gazette francaise», 4/VIII-1795, Paris, t.II, p.136.
- 101 «Gazette francaise», 12/VIII 1795, Paris, t.II, p.156.
- 102 Paris t.II, p.137, Rapport 5/VIII-1795.
- 103 Paris, t.II, p.142, Rapport 7/VIII-1795.
- 104 Paris, t.II, pp. 148-151, Rapport 10 1/VIII-1795.
- 105 «Courrier francaise», 18/VIII 1795, Paris, t.II, p.174.
- 106 «Gazette francaise», 20/VIII-1795, Paris, t.II, p.178.
- 107 Paris, t.I, pp.189-190, Rapport 24/VIII-1795.
- 108 Paris, t.II, p.182, Rapport 22/VIII-1795.
- 109 Paris, t.II, p.184, Rapport 22/VIII-1795.
- 110 Paris, t.II, pp.47, 50, 52, 56, 84, 122, 139, 208, 245, 263, 286.
- 111 Paris, t.I, p.755, Rapport 30/V-1795.
- 112 Paris, t.I, p.757, Rapport 31/V-1795; cp. т.II, стр.6-7, 11, Rapport 12/VI, 14/VI, 1795.
- 113 Paris, t.II, p.245, Rapport.16/IX-1795.
- 114 H.Babeuf. «Tribun du peuple», № 28, pp.238,242-243; № 30, p.197, 309; Aulard. La Societe des Jacobins, t.VI, pp.526-527, 564; «Moniteur», 24/IX-1795, № 2, pp.5-6; Paris, t.I, pp.48-49, 245, 325, 590, 615, 733, 743, 755; t.II, pp.74, 132; Levasseur. Memoires, t.IV, p.59; Mercier. Le nouveau Paris, t.II, p.114; Barras. Memoires, t.I, p.125; Thibaudeau. Memoires, t.I, p.94; Durand Maillane. Histoire de la Convention, t.I, p.277; Memoires du marechal Marmont, duc de Raguse, t.I, p.82; Memoires sur Carnot, t.I, p.171; Neuyille. Memoires, t.II, p.III; Mallet du Pan. Correspondance, t.I, pp.98, 158, 170, 187, 199, 216, 233, 268, 348.
- 115 Paris, t.I, p.758, Rapport. 1/VI-1795.
- 116 Paris, t.II, p.132, Rapport. 3/VIII-1795.
- 117 Paris, t.II, p.194, Rapport. 26/VIII-1795.
- 118 Paris, t.II, pp.204, 213, Rapport 30/VIII, 3/IX-1795.
- 119 Mallet du Pan. Correspondance, t.I, pp.170, 187, 189.
- 120 Memoires dii marecial Marmont, t.I, p.82.

Собрания секций с 5 по 10 прериаля (24—29 мая) занимались вопросом о разоружении «террористов». Уже 28 мая было арестовано 10 тысяч. Есть сообщение, что во многих секциях было обезоружено до 3/4 жителей.¹⁴ Общее число арестованных и заключенных в тюрьмы после прерияльского восстания достигло 30 тыс. Секция Арси 5 прериаля (24 мая) приняла адрес Конвенту, в котором выражала сожаление, что часть членов секции пыталась 2 прериаля провести общее собрание, «чтобы поднять там знамя бунта».¹⁵ Секция Гренельского фонтана, выдавая оружие, высказывалась против полумер, благодаря которым Конвент подвергся опасности, и приглашала последний «разить» сильнее и без промедления и очистить себя от сторонников последнего бунта.¹⁶

Аресту подвергались прежде всего лица, которые принимали то или иное участие в движении первых дней прериаля: участвовали в незаконном собрании, возбуждали к мятежу, ругали Конвент, выражали сочувствие восставшим секциям, угрожали в Собрании членам Конвента и т.д.¹⁷ В секции Гренельского фонтана одну женщину обвиняли в том, что она «1 прериаля выражала величайшую радость в тот момент, когда мятежники одерживали верх», и говорила, что «при Робеспьере был хлеб и что теперь впредь в хлебе не будет недостатка».¹⁸ Далее обезоруживали и арестовывали лиц, обвиняемых в «терроризме» вообще. В той же секции Гренельского фонтана было постановлено арестовать одного гражданина, заявившего, что «дни 31 мая, 1 и 2 июня были самыми прекрасными во всей революции». Общее собрание той же секции от 30 прериаля постановило уволить «всех должностных лиц, находящихся под арестом или обезоруженных, и тех, которые оставались якобинцами после 9 термидора».¹⁹ Отдельные случаи возвращения оружия некоторым гражданам отнюдь не свидетельствуют, однако, о примирительном отношении секций к «террористам».²⁰

В июне 1795 года секции продолжали заниматься розыском бывших «террористов».²¹ 11 июня полиция отмечала арест очень многих лиц, обвиняемых в восстании в первые дни прериаля.²² По донесению полиции от 12 июня, в секции Ботанического сада было арестовано 38 лиц, обвиняемых в убийствах 2—3 сентября 1792 года.²³ Аресты «сентябристов» продолжались в этой секции и позднее.²⁴ Отмечая недовольство граждан выпуском на свободу лиц, обвиняемых в «терроризме», полиция указывала и на покровительство секций интригам роялистов.²⁵

В департаментах после прериаля комиссары Конвента производили чистку и закрытие народных обществ. Мерлен из Дуэ приказал закрыть народное общество в Лилле как «очаг агитации и терроризма и возмущения против законов», потому что общество считало разоружение террористов «мерой несправедливой, незаконной и тиранической». В фрюктидоре 3 года все народные общества были распущены.²⁶

Собственнические элементы приветствовали репрессии Конвента против бывших монтаньяров и «террористов». 25 мая 1795 года полиция доносила, что «порядочные граждане» одобряют меры Конвента против виновников восстания, уверены теперь в уважении к личности и к собственности и думают, что Конвент не должен ограничиться очищением секций от «дурных граждан», а очистит себя немедленно от всех своих членов, принципы которых являются причиной всех наших бедствий.²⁷ Сообщая 26 мая снова о том, что меры строгости считаются нужными, полиция добавляла: «Одним словом, день 4 прериаля рассматривается как дополнение ко дню 9 термидора, и объединение вокруг национального представительства становится общим кличем всех добрых граждан».²⁸ Но полиция вынуждена была все же признать, что некоторые «злонамеренные» и «неистовые» женщины порицали репрессивные меры Конвента.²⁹

Реакционеры в буржуазных секциях, под предлогом борьбы с «террористами», расправлялись с искренними сторонниками революции и республики. Многие могли сводить при этом и личные счеты. Еще 29 мая полиция допускала возможность, что «личная злоба вызвала в некоторых секциях необоснованные аресты», и полагала, что правительственные комитеты должны дать удовлетворение обоснованным жалобам относительно этого.³⁰ По донесению полиции от 31 мая, «во многих секциях, по-видимому, желают, чтобы был положен конец разоружениям и арестам для того, чтобы избежать столкновения страстей и мести».³¹ 1 июня полиция снова указывала, что «спокойные и порядочные граждане» высказывали пожелание, чтобы Комитет общественной безопасности выяснил мотивы, по которым во многих секциях производились аресты, и дал удовлетворение многим лицам, пострадавшим, благодаря мести и личной ненависти.³²

Донесение полиции от 28 мая 1795 года отмечало, что нигде не видно «ни групп, ни сборищ, за исключением только толпы вокруг продавцов песен, уличных лекарей и других шутов. Полная тишина у дверей булочников, полное подчинение законам Конвента, уважение со стороны мужчин, молчание женщин, явная ненависть к террористам».³³ Донесение от 29 мая указывало на восстановление порядка и спокойствия: «Рабочие возобновили работу; женщины вернулись в лоно своих домов, они стали немые для политических событий».³⁴ О спокойствии в Париже сообщали донесения полиции в следующие дни. «Мужчины и женщины не образуют больше сборищ». — «Нет дурных речей», — отмечали агенты полиции. Полиция сама называла свои донесения «верным эхом добрых граждан», которые требуют репрессий против «злодеев» и внимания к нуждам народа, который «злодеи» вводят в заблуждение.³⁵ Полиция советовала держать в известных границах «непросвещенную и непостоянную чернь», которая легко играет роль орудия «злонамеренных»; не следует эту чернь притеснять, но и бесконечно опасно лстыть ей.³⁶

Сам Конвент опасался, что победа достанется тем, кто его защищал, и боялся положиться на «реакционеров», на «великодушные парижской буржуазии».³⁷ Оказав Конвенту помощь в борьбе с прериальскими повстанцами, золотая молодежь и роялисты обнаглели, рассчитывая на безнаказанность своих бесчинств и убийств. В департаментах, особенно на юге Франции, прокатилась волна жестокого белого террора. Банды убийц-роялистов и контрреволюционеров, прозванных «новыми террористами или душителями» и организовавшихся в «общество Иисуса» и «общество Солнца», врываются в тюрьмы и производили жестокие избиения заключенных там «террористов».

Так, во время троекратной резни в форте Тараскон и двукратной в Экской тюрьме было умерщвлено до 350 человек. В Тарасконе умерщвленных скидывали с башни, возвышавшейся на скале высотой в 200 футов. Изуродованные тела бросались потом в Рону. В Экской тюрьме убийцы, умертвив 42 заключенных, не пощадили даже матери с 4-месячным ребенком.³⁸ В некоторых тюрьмах оставшиеся после резни заключенные уходили на ночь, с согласия тюремщиков, укрыться в лесу, а с восходом солнца снова возвращались в тюрьму.

Под именем «молодых людей» контрреволюционные банды были организованы еще до прериальских дней в Марселе, Тулузе, Бордо, Нанте и Гавре. В провинции контрреволюционеры срубали деревья свободы и топтали ногами трехцветные кокарды. Белый террор начался еще с февраля 1795 года и был направлен не только против якобинцев, но и против всех сторонников революции. С половины апреля, после жерминальского выступления, контрреволюционеры на юге стали нападать на арестованных демократов, когда их вели в тюрьму, и убивали их. Массовые избиения демократов в тюрьмах начались с конца апреля 1795 года. 14 апреля в Лионе контрреволюционеры умертвили в тюрьмах до 100 заключенных «террористов». 5 мая резня повторилась, причем погибло 88 республиканцев. 12 убийц, преданных суду, были оправданы. Многие рабочие бежали в леса и горы. В Провансе 11 мая было убито 30 заключенных.

В Марселе 16 мая муниципалитет решил увеличить цену на хлеб, как только эскадра выйдет в море. Санкюлоты воспротивились отплытию эскадры и взялись за оружие. Потом 27 мая они были рассеяны войсками генерала Пакто. Военная комиссия приговорила 52 участников этого движения к смерти и 14 к другим наказаниям. 5 июня контрреволюционеры ворвались в Марселе в форт Сен-Жан и умертвили 88 заключенных. Комиссары Конвента на юге — [Кадруа](#), [Шампон](#) и [Иснар](#) — покровительствовали контрреволюционным бандам, которые совершали и индивидуальные убийства якобинцев, оставшихся на свободе.⁴⁰

Эти убийства на юге Франции клеймили самые умеренные современники, если они не принадлежали к мстительным жирондистам и сторонникам монархии. Дюран Майян, один из известных вождей равнины, бывший летом 1795 года комиссаром на юге Франции, писал потом о белом терроре на юге: «Партия, которую называли «порядочными людьми» и которая была партией мести, совершила самые кровавые репрессии без всяких угрызений совести».⁴¹ В мемуарах маршала Мармона мы читаем: «Убийства на юге, совершенный непосредственно при пении «Пробуждение народа», песни того времени, были столь же ненавистны, жестоки и ужасны, как и все, что им предшествовало».⁴²

II. Реакционные выступления парижских секций в Конвенте летам 1795 г.

Депутации от секций приветствовали Конвент с подавлением прериальского восстания и требовали суровых мер против «террористов». 10 мая депутация одной из секций Сент-Антуанского предместья — Монтрейль, очищенной от «террористов», заявила Конвенту: «Вы видите истинных граждан секции Монтрейль; это не разбойники, которых вы победили и которые выводили секцию из терпения. Без губительной снисходительности, которую свобода оказала этим бандитам, день 1 прериала не опечалил бы республику. Parisше требования, сделанного представителями народа, добрые граждане этой секции уже сложили свое оружие... Они знали, какие несчастья навлекло бы на них сопротивление разбойникам, но они покорились необходимости; они предпочитали идти навстречу опасностям, чем участвовать в преступлении убийц».

Секция Бонконсейль требовала ссылки арестованных и введения особых карточек для обезоруженных. Секции Верности, Друзей отечества, Общественного договора и Прав человека поздравляли Конвент с одержанной победой.⁴³

11 июня секции Елисейских полей, Республики, Нераздельности и Вооруженного человека, выдавая свои пушки, требовали наказания главарей восстания 1 прериала. Оратор секции Елисейских полей заявил, что «милосердие является жестокостью, когда оно придает смелость преступлению; только введенные в заблуждение люди заслуживают милость и прощение».⁴⁴ 14 июня секция Обсерватории, одна из секций предместий, представила Конвенту служащего в полиции Дюшеня, который 1 прериала передал Конвенту план восстания по выходе его из печати. Отмечалось, что заговор был составлен в доме бывшего члена революционного комитета секции Обсерватории.⁴⁵

18 июня депутация от секции Французского театра выражала сожаление по поводу выпуска на свободу четырех террористов из их секции и требовала их ареста.⁴⁶ 19 июня депутация от секции Арсенала, сообщая о выдаче пушек, выражала одобрение борьбе правительства с «террористами» и при оживленных аплодисментах заявляла: «Мы требуем, чтобы стерли с фасада наших храмов то свидетельство о существовании верховного существа, которое дал ему Робеспьер, и грамоту о бессмертии, которую будто бы душа получит от французского народа. Замечательно, что тираны поместили это выражение на дверях храма, который они закрыли для тех, кто являлся туда, чтобы почтить божество». Секция Единства жаловалась на выпуск на свободу террористов.⁴⁷

Даже термидорианцы в Конвенте вынуждены были выступить против необоснованных арестов и против контрреволюционных элементов в секциях. 20 июня, при обсуждении в Конвенте доклада Комитета общественной безопасности о петиции секции Французского театра от 18 июня, Лежандр призывал Конвент положить конец злоупотреблениям с арестами. «Пора, наконец, — говорил он, — чтобы Конвент вспомнил о своей энергии 1 жерминаля. Нужно знать, правят ли комитеты правительства или это делают секции в Париже (аплодисменты). Нужно, чтобы последние оставили в стороне ненависть и личную месть, которые могли руководить ими при некоторых арестах, и чтобы они предоставили мудрости комитетов исправлять их ошибки. Накажем кровопийц, злодеев, воров; но остережемся смешать с ними энергичных, даже экзальтированных людей, которые оказали столь большие услуги революции, не запятнав себя преступлениями. Будем внимательно отличать виновников злосчастных событий, относительно которых мы сокрушаемся, от граждан, которые не принимали в них активного участия. Подумаем о злоупотреблениях, которые делали из имени федералистов, и остережемся, чтоб подобное злоупотребление именем террористов не возобновило бы преследований и не воздвигло бы эшафотов».

Дюльсе, присоединяясь к мнению Лежандра об арестах по мотивам личной ненависти, прямо нападал на врагов республики, которые арестовывали под видом «террористов» защитников, республики. «Мы, — говорил он, — накажем, без сомнения, преступление; но мы не позволим тем, которые ничего не сделали для революции, тем, которые отказывались носить национальную кокарду, мы не позволим им, говорю я, угнетать друзей свободы, которые не перестали бороться за нее и которых нельзя упрекнуть в преступлении. Мы не принесем в жертву ненависти врагов республики тех, которые показали себя ее защитниками; я не могу здесь говорить о тех, которые объявили себя ее друзьями и утопили ее в крови (аплодисменты). Позавчера очень резкое обвинение у этой решетки сопровождали обдуманной и актерской манерой держать себя и почти повелительными жестами. Я хотел просить слово, но воздержался от этого: я опасался, что меня назовут «террористом» (смех и очень оживленные аплодисменты).⁴⁸

Отвергая обвинения в роялизме, депутация от одной из самых реакционных секций — секции Лепелетье — в адресе, представленном 29 июня Конвенту, резко выступала против вооружения «террористов». «Не говорят ли о попытках роялизма, — заявлял оратор депутации, — чтобы заставить нас забыть преступления терроризма? Преследуют тех, которые убивают во имя Иисуса, и покровительствуют, выпускают на свободу тех, которые убивали во имя Робеспьера. Мы спрашиваем защитников этих чудовищ, кто дал приказание об их разоружении? Весь Конвент. Кто его выполнил? Это те самые лица, которые в дни прериала не бросили

оружия, которые разделяли ваши опасности и которые решили погибать вместе с вами... Общее собрание секции Лепелетье, будучи осведомлено, что кровопийцы и убийцы везде поднимают голову; что большое число среди них снова вооружено и принято в общество; что давать оружие террористам — это значит сеять семена гражданской войны и подставлять под кинжалы мужественных граждан, разоблачавших их в момент, когда отечество было в опасности, — постановляет, чтобы Национальному конвенту был представлен объяснительный адрес о беспокойстве секции Лепелетье». Президент Луве ответил депутации от секции Лепелетье, что Собрание с интересом выслушало петицию и никогда не забудет, что секция Лепелетье всегда, в дни опасности, одна из первых являлась с оружием, чтобы поддержать и защитить республику и национальное представительство. В тот же день секция Брута выдвинула аналогичное требование.⁴⁹

30 июня депутация от секции Братства обвиняла перед Конвентом двух лиц, которые были сначала арестованы и разоружены, но потом по постановлению Комитета общественной безопасности были выпущены на свободу и получили оружие. «Мы не приходим, — говорил оратор депутации, — диктовать законы Национальному конвенту, как это говорил в эти последние дни один из его членов; но мы приходим осведомить представителей народа о двух лицах, которые при тирании децемвиров отличались своими кровавыми приказами и своим преступным поведением». Адрес секции был отослан в Комитет общественной безопасности.⁵⁰

На освобождение «террористов» снова жаловалась и секция Обсерватории, но Конвент и адрес этой секции отослал в Комитет общественной безопасности. При обсуждении адреса секции Обсерватории депутат Майль сказал: «Теперь меньшинство роялистов хотело бы выдавать за террористов большинство патриотов. То же самое происходит и во многих департаментах. Нужно наказать действительных виновников, которые до 9 термидора угнетали граждан, чтобы безнаказанность их не служила для роялистов предлогом смешивать с террористами добрых патриотов. Нужно установить различие между злодеями и добрыми гражданами».⁵¹

На заседании Конвента 19 июля депутация от секции Вильгельма Телля резко обвиняла монтаньяров и требовала скорого суда над арестованными. «Годовщина 9 термидора, — говорила депутация, — приближается, и добрые граждане все еще не уверены, должны ли они предаваться радости, которую внушает эта славная дата. Двадцать раз после этой даты развращенные люди пытались восстановить тиранию децемвиров. Они хотели возвысить Гору и ее сторонников. Хотели хитростью добиться у комитетов свободы людей, арестованных как террористы. И по какому мотиву? — Из-за опасения резни в тюрьмах. Нет, добрые граждане никогда не потерпят новых ужасов; они хотели бы быть в состоянии удалить из нашей истории все события, которые перед тем произошли. Отпустите на свободу тех, которых можно упрекнуть лишь в ошибках; не возвращайте им однако их оружия, пока их поведение не побудит нас потребовать его для них. Мы требуем от вас скорого суда над заключенными, полного уничтожения заговорщиков, искоренения ажиотажа, царства закона».⁵²

Секции арестовывали террористов после первого прериаля без соблюдения формальностей, без предъявления фактических доказательств, и теперь, когда встал вопрос об отсылке арестованных в трибунал, депутация от секции Лепелетье просила 21 июля Конвент, чтобы последний предоставил секциям 3 дня для представления фактических данных, уличающих арестованных «террористов».

«Вы, законодатели, должны, — заявил оратор депутации, — принять меры, чтобы подавить эти периодические движения. Нужно принять решение относительно заключенных. Ваши комитеты предложили вам послать их в трибуналы... 1 прериаля отечество было в опасности. Вы поручили секциям спасти его, предписав арест террористов. Добрые граждане отлично знали кровопийц своего округа; они не колебались высказаться и, не останавливаясь на юридических формах, слишком длинных в момент сильной кризиса, они отдали приказ об аресте хорошо известных террористов без указания фактов, что они сделали бы, если бы вопрос шел о представлении их в трибуналы. Теперь не очевидно ли, что если бы такие люди были преданы суду без затребования документов для официальных лиц, наиболее крупные виновники ускользнут, а они уже показали степень своей жестокости. Что стало бы тогда с добрыми гражданами, которые, положившись на ваши декреты, донесли на этих ужасных пособников тирании Робеспьера?... Мы требуем, чтобы секциям было позволено собираться в течение 3-х дней для того, чтобы указать официальным лицам факты против террористов, об аресте которых они вынесли постановление, чтобы дать трибуналам твердые основания для вынесения своего приговора». Во время этой речи в Конвенте несколько раз возобновлялся ропот. Петиция секции Лепелетье была отослана в Комитет общественной безопасности. Во время прений раздавались голоса против предания арестованных суду трибуналов, так как последние часто состояли из лиц, которые находились в заключении до 9 термидора или были эмигрантами. Решение этого вопроса было отложено.⁵³

24 июля прения в Конвенте о суде над арестованными «террористами» продолжались и закончились принятием декрета о создании особой комиссии 12 для разбора их дел.⁵⁴ Некоторые секции начали кампанию против этого постановления Конвента. 29 июля депутация от секции Монблан требовала скорейшего очищения Конвента от сторонников Робеспьера и суда над заключенными «террористами».

«Мы, — говорил оратор депутации, — питаем отвращение к тем, кто осмеливается пятнать свои руки убийствами; но мы вам открыто говорим, что медлительность правосудия относительно наемников жестокого Робеспьера истощает наше терпение и поддерживает все время у них преступные надежды еще господствовать над нами... Они беспрестанно кричат о роялизме. Есть люди, мы это знает, которые еще сожалеют о старой тирании, но их число не велико и их средства ничтожны. Роялизм является словом, которым террористы злоупотребляют, чтобы лишить энергии всех республиканцев, которые вас защищали 12 жерминаля и 1 прериала и которые будут вас защищать до смерти. Поспешите окончить столько раз обещанную чистку, изгоните из своей среды все нечистое, что там остается; тогда, пользуясь заслуженным безграничным доверием, вы поставите на непоколебимом фундаменте завершенное здание общественного блага».

Это выступление вызвало страстные прения. Один из депутатов, [Байлель](#), говорил в духе петиционеров, упрекал Конвент в медлительности и в издании «преступного декрета» об образовании комиссии 12 для суда над заключенными и требовал представления не позднее четырех дней доклада об обвиненных депутатах. [Дюбуа-Крансе](#), находя предложение Байлеля неразумным и способным вызвать смущение, которым воспользуются роялистские газеты, предлагал оставить декрет в силе. «Без сомнения, — говорил он, — если между нами есть виновные, они будут поражены. Мы все хотим правосудия. Но почему не преследуют с таким же пылом аристократов, заговорщиков, которые дерзко прогуливаются по улице с завернутыми вверх косичками или другими знаками, которые могли бы понадобиться им в случае нужды... В этих петициях, которые некоторые лица искусно прикрывают уважением к Конвенту, но которые скрывают коварные намерения, не говорят о медлительности правосудия; вам не говорят о бесстыдных речах против вас, говорят совсем о другом».⁵⁴

31 июля секция Обсерватории представила Конвенту адрес, в котором требовала предания заключенных суду военной комиссии и называла создание Конвентом комиссии 12 «деспотизмом» с его стороны и злоупотреблением властью. «С некоторых пор, — говорилось в адресе, — мы видим, что среди нас появляются по вашим приказаниям люди, которых мы постановили исключить из среды общества. Но мы не допустим в свои собрания вечных агитаторов, террористов, организовавших 31 мая, спасшихся 9 термидора от национальной мести и поднявших на Конвент оружие, которое он им неразумно оставил. Нет, мы клянемся в этом 9-м термидора, мы клянемся в этом свободой, мы прильем последнюю каплю нашей крови, прежде чем царство террора утвердится в этой державе, слишком долго опустошаемой (аплодисменты). Секция Обсерватории требует, чтобы вы рассмотрели, не следует ли отменить декрет, предписывающий создание в вашей среде комиссии, уполномоченной принять решение относительно заключенных (поднимается сильный ропот). Секция может видеть в этом декрете только соединение властей и, следовательно, деспотизм (новый ропот)... Секция Обсерватории требует, чтобы вы предоставили правосудие своему свободному течению, чтобы заключенные были преданы суду трибунала; чтобы вы довели до конца удаление из своей среды всех тех, тяжелые обвинения против которых были доказаны. Чтобы вы в частности отослали трибуналам те многочисленные документы, которые подтверждаю! неслыханные преступления, в которых повинны прежние угнетатели секции Обсерватории».

Чтение петиции прервалось ропотом, и председатель закрыл заседание. Во время перерыва некоторые депутаты Конвента вступили в пререкания с депутацией от секции Обсерватории. Дюбуа-Крансе осыпал депутацию бранными словами и доказывал, что она одурачена контрреволюционерами. «Так как вы аплодировали, — говорил он, — когда Конвент после 9 термидора выпустил на свободу всех находившихся в тюрьмах, то вы не должны жаловаться на то, что он хочет теперь сделать распоряжение об участии тех, которые там находятся. Могут ли сказать, что горизонт омрачился, когда заключен мир с Испанией? Вас одурачили контрреволюционеры. Если вы хотите, чтобы трибуналы вынесли решение относительно тех, кого вы называете террористами, отошлите же туда также роялистов, контрреволюционеров, которые выпущены на свободу. Хотите вы иметь войну внутри, когда мы имеем мир вне?»⁵⁵

Один из петиционеров ответил: «Мы не хотим более, чтобы нас умерщвляли; мы получили слишком сильный урок: 9 термидора большинство заключенных состояло из порядочных людей, которым нельзя было сделать никакого упрека; теперь почти все заключенные состоят из людей, которые убивали, грабили, воровали. Мы требуем и мы будем требовать, чтобы Конвент был справедливым».⁵⁶

Полиция продолжала указывать на недовольство выпуском из тюрем террористов.⁵⁷ Это недовольство проявляли контрреволюционные газеты и мюскадены, проводившие часто время в кафе. Дюбуа-Крансе за его выступление против петиционеров секции Обсерватории называли «террористом».⁵⁸

3 августа Конвент постановил ликвидировать военную комиссию, учрежденную по закону 4 прериаля (23 мая).

На заседании Конвента 4 августа Дюбуа-Крансе, извинившись за резкие слова, сказанные им 31 июля по адресу петиционеров из секции Обсерватории во время перерыва заседания, напал на роялистов и контрреволюционные газеты, для которых в Конвенте не было и 20 «чистых людей». Он заявил: «Есть люди, для которых вы все являетесь террористами, так как вы все объявили короля виновным и вотировали республику». Более левая часть Конвента требовала напечатания этой речи, но со стороны правой раздавался сильный ропот. Последовали страстные прения, после которых Конвент воздержался от напечатания речи Дюбуа-Крансе и от дальнейшего ее обсуждения.⁵⁹

6 августа Конвент по предложению правительственных комитетов отменил декрет 6 термидора (24 июля) об учреждении особой комиссии 12 для суда над заключенными. Во время горячих прений по этому вопросу бывший жирондист Луве, примкнувший теперь к буржуазным республиканцам, резко нападал на роялизм и белый террор.⁶⁰ На другой день полиция доносила, что «добрые граждане» удовлетворены решением Конвента и заявляют, что они не стремятся к мести и не желают крови, как это думает Дюбуа-Крансе, но требуют, чтобы агенты тирании были обезврежены.⁶¹

7 же августа делегации от секций Французского театра и Единства явились в Конвент благодарить его за отмену декрета 6 термидора. Фиефе, бывший потом одним из руководителей вандемьер с кого мятежа, призывал Конвент все усилия направить на борьбу с якобинцами. «Если поверить некоторым лицам, — говорил он, — друзья являются разбойниками, защитники Конвента роялистами и одни террористы патриотами; еще несколько дней — и Робеспьер и его сообщники будут жертвами, а убийцы Феро — республиканцами. Якобинцы никогда не простят вам 9 термидора. Не доверяйте этим преувеличенным донесениям, где вам рисуют всю Францию, как населенную роялистами и каннибалами, поочередно жертвами и палачами. Мы не стремимся к тому, что нужно набросить покрывало на совершенные убийства, мы питаем отвращение к убийцам, но мы хотим только законов и справедливых законов. Мы хотим, чтобы обвиняемые были отосланы к своим естественным судьям... Пусть не дают кровопийцам свободу с такой легкостью, с какой лишали ее добрых граждан. Выполните священные для вас самих обязанности, которые мы выполним в наших секциях: 31 мая Гора мстила за себя, изгоняя добродетель из этого зала; теперь надлежит изгнать отсюда преступление. Герои 9 термидора, несмотря на все интриги, посредством которых стремятся затемнить вашу славу, мы говорим всегда с признательностью воспоминание о вашем мужестве и подвигах, которые вы совершили. Представители народа, на нашем последнем заседании мы постановили просить вас об отмене декрета 6 термидора; ваша мудрость нас предупредила: пусть любовь добрых граждан будет вашей наградой».⁶² Таким образом, Фиефе призывал жирондистов отомстить за 31 мая. Конвент для реакционных элементов был приемлем лишь постольку, поскольку он расправлялся с демократами.

Действительно, 8 и 9 августа Конвент произвел новую чистку среди своих членов и вынес постановление об аресте еще 10 депутатов, бывших комиссарами Конвента до 9 термидора и обвиняемых как террористы (Лекинио, Лано, Лефио, Дюпен, Бо, Пиатри, Массие, Шудрон-Руссо, Лапланш и Фуше). Несмотря на то, что на защиту Фуше выступали такие влиятельные термидорианцы, как Лежандр и Тальен, указывавшие, что Фуше способствовал победе 9 термидора, большинство пошло за Буасси д'Англа, который заявил: «Фуше не принимал участия 9 термидора: этот день один прекрасен, чтобы быть обесчещенным его помощью».⁶³

Полиция доносила о разговорах в некоторых группах, что чистка Конвента не была полной; говорили даже, что если чистка не поможет, то нужно срубить дерево под корень, вырвать и сжечь его. Во многих секциях снова стали заключать в тюрьмы лиц, выпущенных на свободу.⁶⁴ Во время процесса бывших членов революционного комитета секции Общественного договора публика называла их «злодеями и плутами».⁶⁵ Они были приговорены к 2—6 годам тюрьмы и к выставлению на 4—6 часов у позорного столба.⁶⁶

На заседании Конвента 9 августа депутация от секции Хлебного рынка выражала удивление, что на свободе находятся люди, которых секция постановила арестовать, и требовала суда над всеми террористами, под какой бы маской — роялистов или якобинцев — они ни скрывались.⁶⁷ 11 августа депутация от секции Бон-Нувель, поздравляя Конвент с отменой декрета 6 термидора, требовала заключения в тюрьму «террористов» и отвергала обвинение, что секция находится под влиянием роялистов. «Остерегайтесь, представители, — говорил оратор депутации, — сторонники тирании децемвиров, видя, что им невозможно более избежать правосудия, хотят вас обмануть клеветой; они вам говорят, что мы роялисты. Но слышали ли вы, чтобы в каких-либо секциях агитировали за какое-либо предложение относительно роялизма? Мы — роялисты! Мы не были, однако, ими, когда в эти славной памяти дни мы пришли защищать вас и умереть за свободу. Да, мы хотим свободы, но мы не хотим получить ее от якобинцев, мы ничего не хотим от них, даже благодеяния».

Депутат Виллер внес предложение, чтобы в течение 3-х дней был сделан доклад об опасностях, которыми грозит создавшееся в секциях положение.⁶⁸ Но на другой день Буасси д'Англа заявил, что правительственные комитеты не считают возможным принимать какие-либо меры относительно секций, и Конвент перешел к порядку дня по поводу предложения Виллера.⁶⁹ Полиция отмечала недовольство предложением Виллера, которое приписывали сторонникам Дюбуа-Крансе, обвинявшим секции в стремлении господствовать.⁷⁰

12 фрюктидора (29 августа 1795 г.) Конвент принял декрет о суде над заключенными, носивший компромиссный характер; обвиняемым предоставлялось право выбирать для суда над ними не обязательно трибунал того департамента, где против них было возбуждено дело, а один из ближайших двух трибуналов.⁷¹

Таким образом, мы видим, что в антитеррористической кампании после прериального восстания принимали участие не только буржуазные секции, особенно такие, как Лепелетье и Французского театра, ставшие потом центрами вандемьерского мятежа, но и ряд демократических секций (Друзей отечества. Общественного договора, Братства и Хлебного рынка) и даже некоторые секции со значительным ремесленно-рабочим населением (Монблан, Обсерватории, Монтрейль, Бон-Нувель и Музея), в которых победили реакционные элементы.

III. Роялистская агитация и контрреволюционная пресса после прериального восстания

Подавление прериального восстания окрылило роялистов надеждами. По мнению некоторых современников, роялисты стремились извлечь пользу из движений 12 жерминаля и 1 прериала.⁷² Об этих необоснованных надеждах роялистов, раздираемых внутренними распрями, один из немецких корреспондентов писал из Парижа: «Ослепленные роялисты, под которыми я разумею приверженцев старого порядка вещей, партию первых эмигрантов, проявили себя здесь деятельными, как они делали с начала революции при каждом народном восстании, и, быть может, никогда с большей надеждой на успех, как в этот раз». Parisше они стремились вызвать ненависть к крайностям революции, «но им еще не удалось возбудить у простого народа желание, которое согласовалось бы с их намерением. Теперь настроение казалось более благоприятным. В некоторых группах можно было слышать мнения, которые совсем не обнаруживали приверженности к республике. Объединяющим пунктом или лозунгом не были более та или иная партия, а только ненависть и проклятия против Конвента. Если бы его уничтожить, то можно было бы надеяться, что голодная толпа охотно будет повторять: «Да здравствует король! Он накормит свой народ». Для более состоятельных классов народа объединяющим центром может быть только Конвент, единственный существующий высший авторитет во Франции. Никто не знает, слыша крик «да здравствует король!», идет ли речь о конституционном, более или менее ограниченном монархе, или нужно искать регента во Франции или вне ее, кто его назначит, как будет составлен Совет и т.д. Вся Франция могла бы утонуть в крови и быть опустошенной от одного конца до другого многолетней гражданской войной, прежде чем вожди роялистов сговорились бы между собою относительно этих вопросов».⁷³

Другой немецкий корреспондент, описывающий в письме от 27 мая 1795 года прериальское восстание, указывал и на социальную базу роялизма в Париже. «Роялисты, — писал он, — в Париже состоят из финансистов, купцов и мелких лавочников, которые все предпочитают тайно барышничать, чем вступать в открытую борьбу; из ученых и артистов, которые предпочитают теперь в «хороших домах» Парижа заниматься старческой болтовней при закрытых дверях об исчезнувшем великолепии двора, чем открыто выступать и действовать в пользу своего в тиши почитаемого маленького короля. Так в большой суматохе лишь немногие голоса решились требовать конституции 1791 года и, таким образом, лишь косвенно почтить своего кумира».⁷⁴

Монархически были настроены даже некоторые члены Конвента, особенно из бывших жирондистов, а именно: **Ланжюине, Саладин, Анри Ларивьер, Буасси д'Англа, Фермонт** и др. Они склонялись к монархической конституции 1791 года, но с поправками относительно двух палат усиления королевской власти; они сочувствовали вандемеристам. На них возлагали надежды и конституционные монархисты и роялисты.⁷⁵

Роялистская агитация велась в аристократических салонах, в некоторых кафе, где собирались мюскадены (Шартр, Валуа и др.), в театрах и группах. О развращающем влиянии аристократических салонов на депутатов **Тибодо** писал в своих мемуарах: «Золотые салоны», — так звали салоны старой аристократии, — пользовались большим влиянием. Революционеров привлекали в них не благодаря их личным заслугам, не благодаря удовольствиям, которые они доставляли; за ними ухаживали, их чествовали только для того, чтобы воспользоваться их услугами или чтобы влиять развращающим образом на их взгляды. В лицо их осыпали всякого рода соблазнами, а за глаза насмехались над ними. Это было в порядке вещей. Но многие из них не видели этого: они думали, что приобретают больше значения и уважения, посещая людей старого порядка, и они поддавались на эти обманчивые приманки. При них сначала позволяли себе некоторые насмешки над революцией. Как сердиться на это? Позволяли себе эти насмешки красивые женщины. Их республиканизм не мог устоять перед боязнью им не понравиться или оказаться смешным. Приучив их к насмешкам, незаметно приучили их презирать и учреждения. Они оправдывали пословицу: скажи мне, кто твой друг, и я скажу, кто ты. Действительно невозможно, какая бы твердость характера ни была, не подвергаться влиянию общества, которое посещаешь. Сначала уступают из вежливости, ложный стыд мешает потом вернуться назад, и кончают тем, что, так сказать, вопреки самим себе присоединяются к взглядам других. Таким образом республиканская партия испытала много измен, одни делали уступки, а другие целиком продавались роялизму».⁷⁶

Полиция много раз доносила о роялистских разговорах, которые пелись в кафе, театрах и группах. По донесению полиции от 13 июня 1795 года, в кафе Валуа ругали Конвент и с сожалением говорили о старом порядке вещей, предпочитая его настоящему.⁷⁷ Там же происходили встречи роялистов, которые говорили о высадке англичан и эмигрантов в Бретани и о соединении их с шуанами.⁷⁸ В кафе Дворца равенства (Пале-Рояле) говорили, что дочери Луи Капета дали медленный яд и что ее нужно отослать к родным за границу.⁷⁹ Подобные разговоры велись и в других местах.⁸⁰ О разговорах в кафе на эту тему полиция доносила и позднее.⁸¹ В кафе де Фуа передавали разговоры о том, что смуты не прекратятся, пока не будет короля.⁸² По донесению агентов полиции от 21 августа 1795 года, в одном кафе 5 хорошо одетых лиц приписывали все несчастье Конвенту и утверждали, что Вандея сильна, как никогда, что почти весь юг поднялся, что на улицах Парижа циркулирует манифест Людовика XVIII и что скоро увидят крупные события.⁸³

Об агитации роялистов, об их ночных собраниях в Пале-Рояле и о распространении слуха о «появлении короля Людовика XVIII» сообщали и республиканские газеты.⁸⁴ В кафе около базаров торговцы маслами и яйцами из Нормандии утверждали, что республика не может удержаться, так как Францией очень дурно управляли, и что большая часть департаментов против республиканского правительства.⁸⁵ В середине сентября 1795 года в кафе Республики говорили о том, по конституция дает право назначить по своему желанию выборщиков; можно будет созвать первичные собрания, под предлогом нарушения свободы голосования, благодаря присутствию «террористов». «Тогда конституция будет отвергнута и потребуют восстановления монархии».⁸⁶ В связи со смертью в тюрьме сына Людовика XVI роялисты распространяли клевету об отраве.⁸⁷ В театре Искусства трижды аплодировали словам в одной трагедии, что есть несчастные принцы, наказанные несправедливо.⁸⁸ Наоборот, в другом театре многочисленная публика не аплодировала дважды повторенным словам «да здравствует республика».⁸⁹

Благоприятную почву для роялистской агитации после подавления восстания парижских предместий представляла ужасная нужда в Париже. По донесению полиции, лица, лишенные всех ресурсов, открыто сожалели о старом режиме.⁹⁰ Полиция указывала, что, судя по разговорам среди малоимущего класса, он не высказывался открыто за короля, но, кажется, не будет ему противиться. Неимущие готовы остаться верными республике, но они не согласны умирать с голоду и нуждаться во всем среди изобилия.⁹¹ В середине августа во многих группах в Национальном саду и во Дворце равенства открыто говорили о восстановлении короля, указывая, что крестьяне сами присоединятся к Шаретту, чтобы разбить Конвент, который морит граждан голодом. Припевом разговоров являлось: «Короля или хлеба».⁹² Сравнивали существовавшие цены с ценами до революции и в отчаянии говорили, что Конвент способствует продолжению бедствия, чтобы заставить народ требовать короля.⁹³ На улицах и базарах открыто велись разговоры, что при короле были счастливее.⁹⁴ Сравнение настоящих обстоятельств со старым режимом обращалось не в пользу республики.⁹⁵

В кафе некоторые граждане говорили: «Несмотря на усилия правительства успокоить народ, давая ему несколько больше хлеба и обещая ему хорошие вещи, тем не менее верно, что аристократия поднимает голову. Во многих департаментах, даже в наших армиях говорят о короле, желают короля; то же самое и в Париже, в определенном классе общества. Конституцию считают за ничто; говорят только о королевской власти, на нее возлагают надежды, носят табакерки и эмблемы монархии». В ряде департаментов распространялись афиши: «Французский народ, вернись снова к своей религии и к своему законному королю, ты получишь мир и хлеб».⁹⁶ По сообщению одного агента от 28 августа 1795 года, «роялисты начали поднимать голову»; «во всех разговорах не стесняются говорить о короле и высказывать пожелание иметь короля», потому что устали страдать и не видеть никакого конца страданиям.⁹⁷ 29 августа в одной группе говорили, что граждане только тогда будут иметь ливр хлеба, когда граф Артуа будет в Париже, и этого недолго ждать, так как он должен туда прибыть на зимние квартиры.⁹⁸

1 сентября один агент доносил, что «распространяется надежда на монархическое правление, что со всех сторон слышны речи, что не может остаться, как оно есть, что пора, чтобы вещи приняли другое направление, что нельзя жить в республике с ассигнациями, которых земледельцы не хотят брать».⁹⁹ По донесению полиции от 18 сентября 1795 года, «если некоторые граждане, добрые патриоты, ожидают еще терпеливо организации правительства, питают себя надеждой, что новый режим положит конец их бедствиям, другие — и это наибольшее число — которым надоело подвергаться насмешкам и обольщаться непрерывной надеждой, позволяли себе говорить, что при старом режиме не было недостатка в хлебе даже после самых плохих урожаев, тогда как теперь терпят нужду среди изобилия. Речи такого рода сопровождаются жалобами и оскорблениями по адресу настоящего правительства».¹⁰⁰

Контрреволюционные газеты вскоре после подавления прерияльского восстания стали в оппозицию к Конвенту и поддерживали потом борьбу парижских секций против фрюкtidорских декретов. К этим газетам принадлежали: «Общественный обвинитель» Рише де Серизи, «Ежедневная газета», «Вечерний вестник» Ланглуа, «Цензор газет» Галле, «Универсальный курьер» или «Эхо Парижа», «Республиканский курьер», «Французский курьер», «Французская газета», «Журнал Перле» и «Политическая корреспонденция».

В противовес названным контрреволюционным газетам летом 1795 года стали выходить новые умеренно-термидорианские и буржуазно-республиканские газеты: «Журнал простака Ришара» Галлети, «Журнал законов французской единой нераздельной республики» Пулатье, «Часовой» депутата Луве и «Журнал оппозиции» Реаля Эти буржуазно-республиканские газеты вели борьбу с роялизмом, который тогда сделался главной опасностью; контрреволюционные же газеты обвиняли их в том, что они находятся на содержании правительства.¹⁰¹

Контрреволюционные газеты сначала вели кампанию за разоружение и арест «террористов», они одобряли бесчинства золотой молодежи, не желали допускать выполнение «Марсельезы»; они нападали на Конвент и в особенности на тех депутатов, которые выступали против роялистов и контрреволюционеров в парижских секциях; они возмущались преследованиям и арестам реакционных журналистов, помещали монархические проекты конституции и давали сведения об оставшихся в живых членах семьи Людовика XVI, наконец, они возбуждали парижские секции к борьбе против фрюкtidорских декретов, приведшей потом к вандемьерскому мятежу. После последнего большинство контрреволюционных газет временно было закрыто.

Так, «Вечерний вестник» нападал на депутатов Лувре и Шенье¹⁰² и вообще на Конвент.¹⁰³ «Французский курьер» прямо выступал против республики и республиканцев, говоря в статье от 10 августа 1795 года в связи с 3-й годовщиной падения монархии: «Национальный конвент празднует завтра годовщину 10 августа. Эта эпоха напоминает о событии, которое не может изгладиться из памяти людей. В этот день республика, построенная на трупах, родилась в потоке крови».¹⁰⁴ Газета насмешливо писала, что в Конвенте беспрестанно говорят о несуществующих роялистах: «В Конвенте говорят лишь о роялистах. В этом древнем дворце королей никогда, быть может, не было столько разговоров о королях, как тогда, когда их там более нет. Ну, я с фонарем Диогена в руке повсюду ищу роялиста и нигде не могу его встретить. Два номера «Часового» с оплаченной доставкой предлагается тому, кто даст мне возможность увидеть одного роялиста, живого или мертвого; четыре номера я предлагаю тому, кто покажет мне патриота 89 года». И, упрекая Конвент в тирании, газета добавляла: «Не прошло ли 15 месяцев, как мы совершили революцию 9 термидора; не хотят ли нас поместить в старые тележки?»¹⁰⁵

«Французская газета» иронизировала, что Конвент грезит о контрреволюции и во всех писателях видит заговорщиков; подобно Дон-Кихоту, он сражается с ветряными мельницами.¹⁰⁶ Эта же газета писала о смерти сына Людовика XVII¹⁰⁷ и о дочери последнего — Марии-Терезии.¹⁰⁸ Полиция обращала внимание на антиреспубликанский дух этой газеты,¹⁰⁹ собственница которой подвергалась аресту.¹¹⁰

«Республиканский курьер» называл конституцию 1795 года «демагогической» и сравнивал ее с конституцией 1793 года.¹¹¹ Полиция особенно часто обращала внимание на статьи этой газеты с резкими нападениями и сарказмами на Конвент и республиканцев.¹¹² Так, нападая на «тиранические» меры Конвента против журналистов, газета писала, что народ меньше страдает от одного тирана, чем от многих.¹¹³ Редактор «Республиканского курьера» подвергался аресту.¹¹⁴ Аналогичный характер носил «Универсальный курьер» или «Эхо Парижа».¹¹⁵ Полиция также находила эту газету антиреспубликанской и арестовала ее редактора.¹¹⁶

Обращала на себя внимание полиции и газета «Политическая корреспонденция», которая, нападая на Конвент, обвиняла его в намерении восстановить террор и принять репрессивные меры против тех, кто спас его в первые дни прерияля.¹¹⁷ Депутаты Конвента обвинялись в неспособности и продажности.¹¹⁸ «Журнал Перле» приводил высказываемые пожелания, чтобы дочь Людовика XVI была отослана за границу.¹¹⁹ «Журнал свободных людей» обвинял в скрытом роялизме журналистов, помещавших заметки о дочери Людовика XVI, заключенной в Тампле.¹²⁰

Аресты редакторов названных газет не помогали.¹²¹ Полиция выражала недовольство слишком большой вольностью, которую позволяли себе контрреволюционные журналисты. Одни из них обвиняли весь Конвент в совершенных жестокостях; другие приписывали вождям Конвента намерение продлить свою власть; иные сообщали о дезертирстве из армии, плохом питании и обмундировании и об увеличении сил врагов.¹²²

Роялисты-эмигранты радовались, что «пресса начинает сбрасывать маску». Малле дю Пан указывал в письме к Венскому двору от 16 августа 1795 года, что «свобода печати породила революцию, эта же свобода убьет ее, возмущаясь, как она это делает ежедневно, против собственного творения».¹²³ Журналист и участник вандемьерского мятежа — Лакретель-младший писал позднее о своих прежних сторонниках, что успехи вскружили им голову; они привыкли рассматривать Конвент, как свое послушное оружие, которое они могли устранить, если бы оно перестало служить их интересам.¹²⁴

При политической пассивности масс контрреволюционная пресса и аристократические салоны стремились создать «общественное мнение». По признанию одной из реакционных газет, «с тех пор, как некоторые члены могущественного Собрания несколько более сблизилась с хорошим обществом, нет такого будуара, который не был бы маленькой мастерской законов».¹²⁵ По некоторым наблюдениям иностранцев, «республиканец едва осмеливался обнаружить в светском обществе свои убеждения, в то время как, наоборот, открытые приверженцы старого режима, с их колкими сарказмами против свободы и равенства, находили благосклонный прием, если не явное одобрение».¹²⁶

Умеренно-республикански настроенные немецкие корреспонденты из Парижа правильно поняли, что после прерияльского восстания опасность Конвенту и республике начала грозить со стороны «хорошего общества» и роялистов. По их словам, это «хорошее общество запятнало себя своими интригами, своим корыстолюбием, своим презрением ко всему, что не является деньгами или не имеет ценности денег, и вообще всем своим поведением во время первых годов революции. При господстве террора, неистовство которого оно главным образом возбудило, оно больше всего подвергалось его преследованиям; следовательно, больше всего в его пользу должна была быть также и реакция, явившаяся следствием неожиданного падения тирании». Вместо того, чтобы «давать остальным гражданам пример умеренности, уважения к закону и власти», представители «хорошего общества» предпринимали смешные походы против террористов, устраивали шумные выступления в театрах, нарушали общественное спокойствие глупыми воинственными песнями, отличали себя по цвету отворотов платья и по форме своих косичек, возбуждали умы постоянными криками об убийствах и мести, делали сами или через посредство наемных писателей самые грубые выпады против правительства, которое дружественно протянуло им руку, взяли под свою защиту массу опозоренных плутов, которые, после того как продавались всем партиям, теперь были оплачены дороже за то, что надели на себя маску роялизма; одним словом, они действовали так, как будто они задались специальной целью сделать себя ненавистными для одной части граждан и презренными для большей части». ¹²⁷

«Конвент отдался в руки «хорошего общества», он рассчитывал на его благодарность; но он не подумал о том, что большая часть его членов не принадлежит хорошему обществу. В этом хорошем обществе французское легкомыслие находит свое настоящее место. В начале 1789 года, когда монархия находилась еще в полной силе, среди него было хорошим тоном проповедовать республиканизм, равно как теперь, когда основана республика, хорошим тоном является проявлять некоторую слабость к роялизму. Между тем, оно так же мало серьезно думает о монархии, как тогда о республике, и, содействуя всеми силами контрреволюции и гражданской войне, оно собственно не хочет ни контрреволюции, ни гражданской войны. Оно не любит террористов, его нельзя обвинить за это, так как эти господа «слишком плохо обошлись с ним». Оно плохо разбирается в различиях между языком республиканцев и жаргоном санкюлотов и благосклонно выслушивает насмешки над республикой бывших дворян и неприсягнувших священников, возвратившихся «при господстве милосердия».

«Оно покровительствует всем безразлично писателям, принадлежащим к оппозиции». «Вечерний вестник», орган парижской молодежи, помещающий злые эпиграммы на республиканцев, «лежит на туалетном столе всех знатных дам»... «Даже «Общественный обвинитель», предполагаемым составителем которого является недалекий [Рише Серизи](#), пользуется благоволением у хорошего общества. Ради доброго намерения ему прощают фанатический стиль и слепоту, с которой он в своей антитеррористической ярости нападает на всех, кто способствовал революции, начиная с ее первых виновников. Охотно даже видят, что он не щадит и философов». Однако, «эти люди, — продолжает корреспондент, — если бы дело действительно дошло до борьбы, были бы сами по себе неопасны». ¹²⁸

То же самое утверждал и другой немецкий корреспондент: «Все, кто имеет горячее сердце и мужественную душу, расположены к республике, и против них коалиция болтунов и остряков всегда останется совершенно бессильной». ¹²⁹

Однако, сами роялистски настроенные журналисты, находившиеся тогда во Франции, не считали момент благоприятным для восстановления монархии. Лакретель признавал, что партия роялистов вызывала отвращение у большинства, но отмечал вместе с тем, что в Париже «состоятельные классы наследовали власть толпы, у которой они научились господствовать или обуздывать, и называли себя в свою очередь нарсудом». ¹³⁰ Гюссон писал, что при господствовавших страстях и предрассудках монархия невозможна. ¹³¹ Воблан считал предложение о восстановлении монархии во Франции при тогдашних обстоятельствах «поступком безумца». ¹³² Эмигрант и конституционный монархист [Малле дю Пан](#) полагал в начале 1795 года, что Франция настроена монархически, но позднее в своих письмах к Венскому двору в 1795 году он неоднократно указывал на отвращение большинства французов к партии эмигрантов и к старому режиму; низшие же классы народа в Париже он считал настроенными решительно антироялистски. ¹³³ И только слепые и озлобленные эмигранты, сторонники феодально-абсолютистского порядка и принцев, старались оспаривать мнение, что Франция ненавидит роялистов и эмигрантов. ¹³⁴ Эмигрант Монгальяр утверждал, что Конвент состоит из тайных монархистов и что «если французская нация страстно желает мира, она наверно не менее желает монархии». ¹³⁵

Усиление роялистской опасности побудило Конвент принять 1 фрюктидора 3-го года (18 августа 1795 г.) декрет против эмигрантов, которые должны были в течение 3-х дней удалиться из Парижа и находиться под наблюдением муниципалитетов. Некоторые умеренные республиканцы, как Тибодо, предлагали ограничиться применением существующих законов, но Конвент последовал за Лежандром, который указывал, что многие эмигранты возвращаются и имеют сильную покровительницу. Он намекал на мадам де **Сталь**, которая жила в Париже в качестве жены шведского посланника и салон которой посещался некоторыми депутатами.¹³⁶

Через месяц, в разгар движения парижских секций против фрюктидорских декретов, Тальен на заседании Конвента 19 сентября 1795 года, нападая на роялистских писателей Рише Серизи, Понселена и Маршена, сообщил содержание одного роялистского памфлета под заглавием «Мое последнее слово парижанам». Там говорилось, что «если 10 вандемьера Конвент не прекратит своей длинной и ужасной сессии, то имя члена Конвента должно стать проскрипционным, что нужно поставить их вне закона; что воотирующие за смерть не умрут в своей постели».¹³⁷ Против роялистов был направлен декрет Конвента от 21 сентября 1795 года о запрещении исполнения общественных должностей близкими родственниками эмигрантов и неprisягнувших священников.¹³⁸

1 «Moniteur», 25/V-1795, № 246.

2 «Moniteur», 18/VI, 22/VI-1795, № 270, 274. p.1090, 1095.; Buchez et Roux, t.XXXVI, pp.394—105; «Annales patriotiques», 18/VI-1795, Paris, t.I, pp.20—21. «Courrier français», 19/VI-1795, Paris, t.II., pp.21—22. Мужественную смерть последних монтаньяров отмечает в мемуарах и палач Сансон, называющий их лучшей и самой чистой частью Конвента (Sanson, Memoires, t.V. pp.476—479) Подробнее о судьбе и гибели последних монтаньяров см. Е.Тарле. Жерминаль и прериаль, стр.233—246.

3 Ф.Энгельс. Праздник народов в Лондоне. Маркс—Энгельс, соч., т.V, стр.36—37.

4 «Moniteur», 1/VI, 2/VI-1795, № 253, 254.

5 «Moniteur». 5/VI, 6/V-1795, № 257, 268.

6 «Moniteur». 25/V-1795, № 246

7 «Moniteur», 27/VI-1795, № 248

8 «Moniteur», 28/V-1795, № 249

9 «Moniteur». 15/VI-1795, № 267

10 «Moniteur». 19/VI-1795, № 271, pp.1093—1094.

11 «Moniteur», 26/VI-1795, № 278.

12 J.Clarety. Les derniers montagnards, pp.391—403 (1867). Е.Тарле. Жерминаль и прериаль, стр.217—227, 244—252, 262—265.

13 «Moniteur». 26/VII-1795, № 308, p.1242; Buchez et Roux, t.XXXVI, pp.283—385; «Gazette française», 28/V-1795, Paris, t.I, p.752; Pariset. La Revolution, t.II, pp.256—257.

14 Mallet du Pan. Correspondance, t.I, p.316.

15 Н.Кареев. Неизданные документы по истории парижских секций, стр.23—24 (1912).

16. Там же, стр.76.

17 Там же, стр.17—22, 24.

18 Там же, стр.77.

19 Там же, стр.76—78.

20 О таком «примирительном отношении говорит Н Кареев, подходящий к документам формально и не разграничивающий непримиримого отношения к «террористам» и снисходительного к реакционерам, особенно начиная с фрюктидора 2 г. (Н.Кареев. Реакция в парижских секциях после 1-го прериала 3 г., «Исторические известия», 1916, № 3—4, стр.87—88).

21 «Courrier français», 20/VI-1795, Paris, t.II, p.22.

22 Paris, t.II, p.6, Rapport 11/VI-1795.

23 Paris, t.II. p.9, Rapport 12/VI-1795.

- 24 Paris, t.II. p.135, 155, Rapport 4/VIII, 12/VIII-1795.
- 25 Paris, t.II, p.22, Rapport 19/VI-1795, Paris, t.II. p.37, Rapport 26/VI-1795.
- 26 Cardenal. La province pendant la revolution. Histoire des clubs Jacobins (1789—1795), pp.226-228 (1929).
- 27 Paris, t.I, p.743. Rapport 25/VI-1795.
- 28 Paris, t.I, p.746, Rapport 26/V-1795.
- 29 Paris, t.I, p.749, Rapport 27/V-1795.
- 30 Paris, t.I, p.753. Rapport 24/V-1795.
- 31 Paris, t.I, p.757, Rapport 31/V-1795.
- 32 Paris, t.I, p.759, Rapport, 1/VI-1795.
- 33 Paris, t.I, p.751, Rapport, 28/V-1795.
- 34 Paris, t.I, p.753, Rapport 29/V-1795.
- 35 Paris, t.I, p.755—757, Rapport 30—31/V-1795.
- 36 Paris, t.I, pp.758—759, Rapport 1/VI-1795.
- 37 Beaulieu. Essais historiques sur les causes et les effets de la revolution de France, t.V, pp.177, 187—188, 190 (1803).
- 38 Fr.Pages Histoire secrete de la resolution francaise, t.II, p.278 (1797); Buchez et Roux, t.XXXVI, pp.429—430, 472.
- 39 A.Mathiez. La reaction thermidorienne, pp.226—227 (1929).
- 40 Lefebvre G. Les thermidoriens, pp.128—129, Pariset G. La Revolution, t.II pp.258—259
- 41 Durand de Maillan. Histoire de la Convention Nationale, p.277, ср. стр.276—279 и далее
- 42 Memoires du marechal Marmont duc de Raguse, t.I. p.56.
- 43 «Moniteur», 4/VI-1795, № 256, p.1025.
- 44 «Moniteur», 14/VI-1795, № 266, p.1073.
- 45 «Moniteur», 17/VI-1795, № 269, p.1086.
- 46 «Moniteur», 21/VI, 23/VI-1795, № 273, 275, pp.1094, 1108, 1109.
- 47 «Moniteur», 22/VI-1795, № 274, p.1105 Еще после 12 жерминаля в секции Единства был составлен список в 66 лиц, обвиняемых в том, что они были участниками сентябрьских казней в тюрьмах — Caron Pierre. Les massacres de septembre, p.208 (1935).
- 48 «Moniteur», 23/VI-1795, № 275, pp.1108—1109.
- 49 «Moniteur», 2/VII-1795, № 284, p.146; Buchez et Roux, t.XXXVII, pp.1—2.
- 50 «Moniteur», 3/VII-1795, № 285, p.1150.
- 51 «Moniteur», 15/VII-1795, № 297, p.1196—1197.
- 52 «Moniteur», 23/VII-1795, № 305, p.1230, ср. 14/VI-1795, № 306, p.1233.
- 53 «Moniteur», 26/VII-1795, № 308, p.1242.
- 54 «Moniteur», 30/VII-1795, № 312, p.1254.
- 55 «Moniteur», 4/VIII-1795, № 317, p.1275—1276.
- 56 «Moniteur», 9/VIII-1795, № 319, p.1284—1285.
- 57 Paris, t.II, p.126, 127 Rapport 1/VIII-1795.
- 58 Paris t.II, p.82, 116, 126—127, 128, 130, 140.
- 59 «Moniteur», 9/VIII-1795, p.322, p.1295—1298; Buchez et Roux, t.XXXVII, p.5—8.
- 60 «Moniteur» 10—11/VIII-1795, J» 323-324, p.1305—130 Buchez et Roux, t XXXVII, p.8—9
- 61 Paris, t.II, pp.112—143, Rapport 7/VIII-1795.
- 62 «Moniteur», 12/VIII-1795, № 325, p.1308.

- 63 «Moniteur», 12—14/VIII-1795, № 325—327; Buchez et Roux. T.XXXVII, pp.9—14.
- 64 Paris, t.II, pp.145—146, 148—150, Rapport 9—10—11/VIII-1795.
- 65 Paris, t.II, p.131, Rapport 3/VIII-1795.
- 66 «Sentinelle», 15/VIII-1795, Paris, t.II, p.147.
- 67 «Moniteur», 13/VIII-1795, № 326, 1313.
- 68 «Moniteur», 16/VIII-1795, № 329, p.1324.
- 69 «Moniteur», 19/VIII-1795, № 332, p.1335.
- 70 Paris, t.II, pp.154—155, Rapport 12/VIII-1795.
- 71 «Moniteur», 1/IX-1795, № 545, p.1390.
- 72 Larevelliere-Lepeaux. Memoires, t.I, p.219; Durand de Maillan. Histoire de la Convention Nationale, p.270; cp. Macdonald. The thermidorian reaction (The Cambridge Modern History, p.388)
- 73 «Frankreich im Jahre 1795», B.I, № 3, S.256-267, cp. Paris, t.I, pp.357—358, 370 107, 557, 560, 626, 631; Mallet du Pan. Correspondance, t.I, pp.157, 158—159, 171 -172, 205—206, 221.
- 74 «Frankreich im Jahre 1795», B.II, № 5, p.27.
- 75 Mallet du Pan. Correspondence, t.1, pp.307, 317, 201; Peltier. Paris pendant.l'annee 1795, t.III, pp.132—133; cp.Larevelliere-Lepeaux. Memoires. T.I, pp.294—295.
- 76 Thibaudeau. Memoires, t.I, pp.138—139, cp. стр.130—137 (1827).
- 77 Paris, t.II, p.10, Rapport 13/VI-1795, cp. t.II, стр.12, R 14/VI-1795.
- 78 Paris, t.II, p.59, Rapport 7/VII-1795.
- 79 Paris, t.II, p.18, Rapport 17/VI-1795.
- 80 Paris, t.II, p.30, Rapport 23/VI-1795.
- 81 Paris, t.II, p.144, Rapport 8/VIII-1795.
- 82 Paris, t.II, p.68, Rapport 10/VII-1795
- 83 Paris, t.II, pp.182—183, Rapport 21/VIII-1795.
- 84 «Journal du Bonhomme Richard», 7/VIII-1795, Paris, t.II, p.175.
- 85 Paris, t.II, pp.206—207, Rapport 31/VIII-1795.
- 86 Paris, t.II, p.252, Rapport 18/IX-1795.
- 87 Paris, t.II, pp.1—2, 5, Rapport 10—11/VI-1795; «Gazette francaise». 12/VI-1795. Paris, t.II, pp.2—3.
- 88 Paris, t.II p.73, Rapport 12/VII-1795.
- 89 Paris, t.II, p.210, Rapport 1/I-1795.
- 90 Paris. t.II, p.16, Rapport 16/V1 1795.
- 91 Paris, t.II, pp.77—78, Rapport 15/VII-1795.
- 92 Paris, t II, p.161, Rapport 14/VII-1795.
- 93 Paris, t.II, p.167, Rapport 16/VIII-1795.
- 94 Paris, t.II, pp.181—182, Rapport 21/VIII-1795.
- 95 Paris, t.II, p.184, Rapport 22/VIII-1795.
- 96 Paris, t.II, p.190, Rapport 24/VIII-1795.
- 97 Paris, t.II, p.200, Rapport 28/VIII-1795.
- 98 Paris, t.II, p.204, Rapport 30/VIII-1795.
- 99 Paris t.II, pp.209—210, Rapport 1IX-1795.
- 100 Paris t.II, p.251, Rapport 18IX-1795.
- 101 «Courner iipub)icain, 22/VII-1795, Paris, t.II, p.99.
- 102 Paris, t.II pp.49, 103—104 Rapport 2/VII, 22/VII-1795.

- 103 Paris, t.II p.79, 259 Rapport 15/VII, 21IX-1795.
- 104 «Courrier francais», 10VIII-1795, Paris, t.II, pp.149—150 .
- 105 «Courrier francais, 24—25I/X-1795, Paris, t.II, p.267.
- 106 «Gazette francaise», 20/VIII-1795, Paris, t.II, p.178.
- 107 «Gazette fiancaise», 12/VI-1795, Paris, t.II, pp.3—4.
- 108 Paris, t.II, p.51, 173, Rapport 3/VII, 17/VIII-1795.
- 109 Paris, t.II, pp.127—128, Rapport 1/VIII-1795.
- 110 Paris, t.II, pp.99, 103, «Gazette francaise?, 21—22/VII-1795.
- 111 «Courrier republican», 15/VIII-1795, Paris, t.II, p.165.
- 112 Paris, t.II, pp.103, 108, 112, 115, 128, 144, 146, 159, 165, 170—171, 192—193, 203, 210, 214—21 , 219, 231, 205, 248—249, 257.
- 113 Paris, t.II, p.105, Rapport 23/VII-1795.
- 114 «Gazette francaise», 12/VIII-1795, Paris, t.II, p.159.
- 115 «Courrier universel ou l'Echo de Paris», Paris, t.II, pp.117, 132, 203, 212, 019, 231, 240, 257.
- 116 Paris, t.II, p.135, Rapport 4/VIII 1796.
- 117 «La Correspondance politique», Paris, t.II, p.101, Rapport 21/VII-1795.
- 118 Paris, t.II, p.77, Rapoport 14/VII-1795. ср.т II, стр.105, 117, 130.
- 119 «Journal de Perlet», 16/VI-1795, Paris, t.II, p.17.
- 120 «Journal des hommes libres», 1/X-1795, Paris, t.II, p.281—282.
- 121 Paris, t.II, p.226, Rapport 8IX-1795, ср.«Gazette francaise», 5/VIII-1795, Paris, t.II, p.140—141, «Courrier republican», 12/VIII-1795, Paris, t.II, p.159.
- 122 Paris, t.II, p.97, Rapport 20/VI-1795.
- 123 Mallet du Pan. Correspondance, t.I, p.283, ср.стр.287.
- 124 Lacretelle. Dix annees depreuves pendant la revolution, p.234 (1842).
- 125 «Courrier fiancais, 18/VIII-1795, Paris, t.II, pp.173—174.
- 126 «Frankieich im Jalre1795», B.II, № 5, S.88.
- 127 Там же, II B , № 8, стр.358—359.
- 128 Там же, II B , № 7, стр.268—271. Статьи роялистского писателя Рише Серизи с похвалой перепечатывал, например, эмигрантский журнал, издававшийся Пельтье в Лондоне. Paris pendant l'annee1795 (Londres, 1795, t.1, pp.129—156, t.II, pp.40—430, t.III, pp.50—55). О Рише Серизи он отзывался так «Это свидетель-очевидец, мужественный человек и пылкий писатель, описывающий то, что он чувствует (Там же, т.I, стр.128). Лакретель в своих воспоминаниях о революции приводит свой разговор с этим Рише Серизи перед мятежом 13 вандемьера, в котором тот проявляет себя противником программы конституционной монархии, защищаемой Лакретелем, находя в ней «фельянтский вздор». В случае восстановления монархии Рише Серизи хотел потребовать для себя «выдающуюся поста и голубой ленты». Lacretelle. Dix annees depreuves pendant la Revolution, pp.254—256, ср.стр.23—24). Ср. А.Олар. Политическая история французской революции, стр.585, прим.3.
- 129 «Frankreich im Jachre1795», II B, № 15, S.89.
- 130 Lacretelle. Dix annees depreuves pendant la revolution, pp.235—236, 247.

131 «Courrier universel», 10/VI-1795, ср. «Frankreich im Jahre 1795», II B, № 6, S.99—101; А.Олар. Термидорская реакция. Очерки и лекции, стр.335, 336.

132 Vaublanc. Memoires, t.II, pp.305—366 (1833).

133 Mallet du Pan. Correspondance, t.I. pp.42—43, 219, 221, 226—227, ср. Barante. Histoire de la Convention, t.VI, pp.286—289, 400 (1803)

134 Peltier. Paris pendant l'annee1795, pp.10—14, 37 и др. О роялистском настроении во Франции и ненависти к Конвенту говорит еще в своих письмах одна англичанка, жившая во Франции в 1792—1795 г.г. и арестованная во время террора (Un sejour en France de 1792 a 1795. Lettres l'un temoin de la revolution francaise, traduite par H.Taine, pp.299—300, 1872).

135 Montgaillard. An 1795, pp.38—39, 84.

136 «Moniteur», 22—23/VIII-1795, № 335, 336.

137 «Moniteur», 23/IX-1795, № 1.

138 «Moniteur», 25/IX-1796, № 3, p.10.

ГЛАВА 11. КОНСТИТУЦИЯ 1795 года и БОРЬБА ПАРИЖСКИХ СЕКЦИЙ ПРОТИВ ФРЮКТИДОРСКИХ ДЕКРЕТОВ

I. Цензовая конституция третьего года республики

Только после подавления джизкени 12 жерминаля и 1 прериала термидорианцы осмелились открыто отвергнуть демократическую конституцию 1793 года и подготовить новую цензовую конституцию 1795 года, дававшую политические права собственническим элементам и лишавшую санкюлотов избирательных прав. Это признает в своих мемуарах Ларевельер-Лепо, один из членов комиссии одиннадцати, вырабатывавшей проект конституции.¹ Комиссия одиннадцати была выбрана после жерминальского движения для «выработки законов, необходимых для проведения в действие конституции». До прериальского восстания комиссия одиннадцати опасалась, однако, раздражать предместья и открыто ставить вопрос об отмене демократической конституции 1793 года, но после подавления прериальского восстания она отвергла якобинскую конституцию и занялась выработкой новой цензовой конституции.²

Большинство в комиссии одиннадцати принадлежало бывшим жирондистам (Ланжюине, Лесаж, Ларевельер-Лепо, Дону, Крезе-Латуш и Боден), из которых первые два были сторонниками конституционной монархии. Члены комиссии одиннадцати Ларевельер-Лепо и Тибодо сообщают в своих мемуарах о монархических симпатиях и Буасси д'Англа, вождя Равнины и «героя» буржуазии в день 1 прериала. Он затягивал работу комиссии, рассчитывая отсрочить республиканскую конституцию, и был избран докладчиком в Конвенте о новой конституции только по тактическим соображениям. По свидетельству Ларевельера-Лепо, старый Дюран Майян сначала боялся отвергнуть конституцию 1793 года, которую он называл «конституцией Сент-Антуанского предместья», а потом был так напуган прериальским восстанием, что не появлялся больше на заседания комиссии. Демократичнее остальных членов комиссии был настроен Берлье.⁴ Сийес не захотел принять участия в работе комиссии одиннадцати.⁵

Отвергнув единодушно конституцию 1793 года, комиссия одиннадцати стремилась, по выражению Тибодо, найти «средний путь между монархией и демагогией».⁶ Термидорианцы и их союзники из монархистов и роялистов не расходились в вопросе о цензовом характере конституции, но скрытые монархисты хотели, по крайней мере, усилить исполнительную власть и требовали передачи ее президенту с правом вето.⁷ Роялистский журналист Воблан написал «Размышления об основах конституции», где, выступая против демократической республики, требовал установления имущественного ценза для избирателей и предлагал передать исполнительную власть одному лицу, а законодательную двум палатам.⁸ Произведение Воблана имело успех. Реакционный «Вечерний вестник» с сочувствием писал о его проекте конституции: «Читали ли вы Воблана?» - такой вопрос задавали друг другу, по словам этой газеты, в кафе, читальнях, секциях, в театрах и на гуляньях и с «энтузиазмом» говорили об этом «превосходном проекте конституции».⁹

Реакционная пресса, ратовавшая за лишение санкюлотов и бедноты политических прав, приветствовала антитеррористическую брошюру А.Лезэ «Развалины, или Путешествие во Францию», где автор открыто и прямо защищал монополию имущих на политическую власть. Брошюра была написана в прериале 3-го года, но автор придал ей литературную форму наблюдения путешественника из Лиона в Париж во время террора.¹⁰ Брошюра Лезэ написана с точки зрения реакционной буржуазии, напуганной выступлениями санкюлотов, в частности, прериальским восстанием, и ставила себе задачей «внушить спасительный ужас к преступлению».¹¹ В государстве Лезэ различает граждан, имеющих что-нибудь и пользующихся значением, и простых обитателей, ничего не имеющих и ничего не значащих. Имущие по своей природе стремятся к сохранению порядка, а неимущие хотя и ниспровергнуть последний и стремятся к беспорядку. «Это война при обыкновенном ходе вещей является однако только простым поединком человека с человеком и нарушает существующий порядок, не низвергая его. Лишенный собственности, не обладающий и не пользующийся никакими политическими правами, не может влиять на правительство и ограничивается подчинением законам, которые ему предписаны».

Но во время революции права гражданина попадают в руки естественных врагов общества, и победители предаются грабежу. Так было в 1792 году, «когда народ санкюлотов заменил собой французский народ». Сторонники равенства восставали сначала против знатных, а затем и против богатых.¹² «Философ думал раньше о равенстве прав, анархист мечтал только о фактическом равенстве». Декларация прав является путеводителем для просвещенного человека и вводит в заблуждение невежественного.¹³ По словам автора брошюры, при терроре «санкюлоты составляли республиканскую знать, сувереном являлись якобинцы... Робеспьер ограбил богатых, чтобы обогатить бедных... В то время, как террор держал собственников в заключении в подземельи, санкюлоты отправлялись весело танцевать перед гильотиной». Только «революция 9-го термидора отняла у народа санкюлотов все его привилегии». Однако 9-е термидора устранило «тирана» Робеспьера, но не тиранию правительства.¹⁴

В дни 1-4 прериаля собственники вынуждены были защищаться, чтобы не быть убитыми и ограбленными, и они победили. Лезз поэтому решительно высказывался против предоставления избирательных прав санкюлотам.¹⁵ Суверенитет, по его мнению, должен принадлежать только тем, кто имеет собственность - земельную, промышленную и торговую - и постоянное местожительство; несобственник же - простой жилец. Гражданские права должны иметь заинтересованные в сохранении социального порядка; «если политическая свобода от этого несколько теряет, то настолько же возрастает гражданская свобода». В отдельных случаях могут быть даны права талантливым и выдающимся несобственникам.¹⁶ «Я заметил бы только, - писал Лезз, - что когда управление находится в руках крупных собственников, оно в гораздо менее невыгодном положении, чем когда оно в руках лиц, не имеющих собственности».¹⁷ Поэтому право избирать, быть избираемым и защищать общество принадлежит только собственникам-гражданам, исключение же и разоружение несобственников по политическим мотивам будут санкционированы правом.¹⁸ Исполнительная власть существует по милости законодательной. «Держава будет едина, а применяемая ею власть разделена. Единство в исполнении, разделение в обсуждении; исполнительная власть едина, законодательная власть разделена - такой естественный порядок, который вы примените к социальному порядку», - призывал Лезз.¹⁹ По его утверждению, цементом всех обществ являясь законы, религия и мораль; по мере ослабления одного из этих элементов надо усилить остальные. Для испорченных нужна не свобода, а полицейский режим.²⁰

27 июля 1795 года реакционная газета «Универсальный курьер» поместила статью Лезз «Что такое конституция 1795 г.» и отмечала, что до сих пор не было большей сатиры на законодателей.²¹ Сторонник конституционной монархии Дюпон де Немур также стремился доказать, что только собственники могут быть полноправными гражданами.²²

В связи с ограничением по декрету Конвента от 21 сентября 1795 года политических прав близких родственников эмигрантов и неприсягнувших священников, реакционная «Французская газета» вопила, что этот декрет снова передаст власть санкюлотам и бедным, между тем как она должна принадлежать только собственникам. «Во всех просвещенных ассоциациях, - писала газета, - одни собственники составляют общество. Остальные являются только пролетариями, которые, будучи отнесены к классу сверхштатных граждан, ждут момента, который дал бы им возможность приобрести собственность, чтобы получить право гражданства. Эти принципы, составляющие основу всех политических тел, существующих на земле, были совершенно забыты у нас последние 5 лет. За это время не переставали преследовать собственников и были употреблены все усилия, чтобы поставить на их место санкюлотов. Последний декрет, изданный против эмигрантов, вполне санкционировал эту новую доктрину. Есть мало собственников во Франции, которые не имели бы близких или отдаленных родственников, покинувших французскую территорию... Конвент только что устранил от общественных функций и низвел к классу простых пролетариев всех тех, кто имеет родных за границей. Если этот закон будет действовать, то ведь одни санкюлоты будут иметь в руках бразды правления Франции и так как бедный всегда непременно находится в состоянии войны с богатыми, и так как наиболее бедственной и наиболее упорной войной является та, которая начинается между этими двумя классами людей, то отсюда следует, что, если первичные собрания дадут свою санкцию этому декрету, то ужасная борьба, бывшая при Робеспьере, Шомете и Эбере между различными жителями Франции, скоро снова возобновится, и кровь не перестанет литься,

пока Франция, согласно желанию английского правительства, не покроется зарослями».²³ Таким образом, газета защищала роялизм, желая предоставить главное значение в политической жизни собственническим элементам, связанным родственными узами с эмигрантами и неприсягнувшими священниками.

Во время обсуждения в Конвенте проекта новой конституции доминирующим во всех пожеланиях буржуазных и собственнических элементов было сильное правительство, которое защитило бы лиц и собственность и поддерживало бы твердый порядок. В связи с обсуждением вопроса о новой конституции полиция указывала на «различие мнений и на противоположность интересов всех классов общества» относительно будущей формы правления. Масса «истинных и добрых» граждан стояла за республику, но за «твердую и справедливую» власть, которая могла бы охранять не только свободу и равенство, но и личную собственность. «Порядочная публика» приветствовала «энергичные и спасительные» мероприятия против всякого рода тирании.²⁴ По словам полиции, от нового правительства, устанавливаемого согласно новой конституции, «каждый ждет своего счастья: народ ждет от него изобилия; спокойный человек - восстановления порядка; патриот - твердого и неизменного утверждения республики; собственники и рантье - сохранения должного уважения к собственности. Одним словом, если исключить злонамеренных и дурных граждан, нет никого, кто бы не стремился читать в этом новом кодексе как свои обязанности, так в то же время и свои права».²⁵

Адрес секции Музея от 21 июня 1795 года требовал от имени «добрых граждан» такой конституции, которая «покровительствует республике». В ответ председатель Конвента заверял, что новая конституция установит республику, но «это не будет республика Робеспьера, республика децемвиров, республика расточителей и людей крови, а это будет энергичное правительство, которое гарантирует права всех граждан и которое не даст одной части народа восставать против внушительной массы целого; это не будет только республика Парижа, но это будет республика, учрежденная одинаково для всех департаментов, потому что все департаменты одинаково будут состояться, чтобы удержать и защитить ее».²⁶

5 мессидора 3-го года (23 июня 1795 г.) Буасси д'Англа сделал в Конвенте доклад о новой конституции, при чем нападал на демократическую конституцию 1793 года, узаконившую восстание и установившую анархию, и открыто защищал взгляд, что управлять должны «лучшие», собственники и образованные. «Гражданское равенство, - говорил он, - вот все, что может требовать разумный человек. Абсолютное равенство является химерой; для того, чтобы оно могло существовать, нужно, чтобы существовало полное равенство ума, добродетели, физической силы, воспитания и имущественного состояния всех людей». Если несобственники получают политические права, они снова могут установить максимум. «Страна, которой управляют собственники, - утверждал Буасси д'Англа, - находится в состоянии социального порядка, а страна, в которой правят лица, не имеющие собственности, находится в первобытном состоянии».²⁷

В прокламациях Комитета общественной безопасности от 26 июня 1795 года говорилось, что «Национальный конвент непрерывно занимается тем, чтобы дать французскому народу мудрую конституцию, которая должна прекратить навсегда анархию, способствовать заживлению кровавых ран отечества, заставить уважать личность и собственность и утвердить на прочных основаниях республиканское правление».²⁸

На заседании Конвента 14 мессидора (7 июля 1795 г.) речь Томаса Пэна в защиту всеобщего избирательного права часто прерывалась ропотом, и Конвент отказался напечатать эту речь.²⁹ Не обсуждалось в Конвенте и напечатанное произведение депутата Жульена Суэ, защищавшего предоставление всеобщего избирательного права неимущим, которые пролили много крови, чтобы низвергнуть аристократию и трон и победить внешних врагов.³⁰ 21 мессидора (9-го июля) жирондист Ланжюине выступил в Конвенте за установление имущественного ценза для избирателей и против предоставления избирательного права женщинам и неимущим. Он опасался возвращения «господства людей 40 су» с их максимумом, ожесточенными противниками которого выступали жирондисты, защищавшие интересы торговой буржуазии.³¹

24 июня полиция доносила: «Все вздыхают по сильному правительству, дорогому для тех, которые имеют что сохранять, и предмету опасения для введенной в заблуждение толпы, для которой порядок является беспорядком».³² По донесению полиции от 29 июня, «основы нового правления бесконечно нравятся здоровой части громадного населения этой коммуны, где каждый говорит себе: «Мы ведь скоро будем иметь, наконец, свободную, но справедливую конституцию; мы имеем уверенность навсегда освободиться от царства монарха-деспота и высокомерной надменности знатных, которые составляли его двор, и мы не будем более подвергаться зверствам мятежников, воспоминание о которых заставляет еще дрожать».³³ В ряде донесений полиция отмечала, что большинство одобряет новую конституцию, и возлагает на нее большие надежды. По ее словам, «все добрые граждане вздыхают по установлению такой формы правления, которая восстановит порядок среди людей и вещей»; проект комиссии одиннадцати соответствует этим пожеланиям.³⁴ «Добрые граждане» жаждали твердого правительства, которое могло бы защитить лиц и собственность.³⁵ В кафе Валуа говорили, что новая конституция должна дать твердое правительство и что только собственники должны быть допущены к участию в политической жизни.³⁶ «Добрые граждане» единодушно вздыхают по твердому и справедливому правительству», - неоднократно указывала полиция.³⁷ Страдавшие от нужды возлагали надежды на изобилие хлеба при проведении в жизнь новой конституции.³⁸ Однако полиция вынуждена была сообщать и о фактах критики конституции, отдельные статьи которой противоречили принципам свободы и равенства.³⁹ Были нападки и насмешки над конституцией и со стороны мюскаденов и роялистов.⁴⁰

Декларация прав и обязанностей человека и гражданина, предпосланная конституции 3-го года (1795 г.)⁴¹, является менее демократичной, чем декларация прав 1791 года, не говоря уже о якобинской декларации 1793 года. Не только была выброшена статья декларации 1793 года, что «целое общество является общим счастьем», но отпущена и статья декларации 1789 года о том, что «люди рождаются и остаются свободными и равноправными». Нашли это дополнение «бесполезным и опасным».⁴² Боясь «зажечь пожар анархии», отказались провозгласить «право на труд». Жирондисты Лесаж и Крезе-Латуш из консервативных соображений были против декларации прав, но комиссия одиннадцати решила добавить «противоядие» в виде декларации обязанностей с наставлениями в духе евангелия (ст.2).⁴³ Особенно подчеркивалось, что «на сохранении частной собственности зиждется земледелие, всякое производство, все средства труда и весь общественный строй» (ст.8).

Избирательное право предоставлялось гражданам, достигшим 21 года, платившим прямой налог, поземельный или личный, и имеющим годовой ценз оседлости (ст.8). Некоторые жирондисты в комиссии одиннадцати предлагали ограничить избирательное право не только имущественным, но и образовательным цензом, и предоставить политические права только грамотным.⁴⁴ Для молодых людей, начиная с 12 года республики, конституция требовала в качестве условия внесения в избирательные списки - умение читать и писать и знакомство с каким-либо видом физического труда (ст.16). Выборы устанавливались двухстепенные. Первичные собрания, состоявшие из граждан, которые удовлетворяли требованиям имущественного ценза и ценза оседлости, выбирали выборщиков (ст.17), одного на 200-300 граждан (ст.33). Выборщики должны были иметь не менее 25 лет и обладать более высоким имущественным цензом: в зависимости от количества населения в коммунах выборщиками могли быть или собственники имуществ, оцениваемых от 100 до 200 рабочих дней, или съемщики имуществ, приносящих такой же доход (ст.35). Выборщики выбирали членов Законодательного корпуса, администрацию и суд в департаментах и муниципалитетах (ст.41).

Законодательный корпус состоял из двух палат: Совета старейшин и Совета пятисот (ст.44). Консервативные соображения побудили учредить две палаты, причем в комиссии одиннадцати только один Берлье возражал против двух палат.⁴⁵ Против двухпалатной системы на заседании Конвента 30 мессидора (18-го июля) выступил депутат Делейр, считавший, что

такая система носит монархический характер. По его словам, «две палаты - это рассадник аристократии, худшая из тираний, потому что тирания многих в двести раз тяжелее тирании одного. Предложение двух палат показывает, даже у его авторов, зерно роялизма, являющееся замыслом аристократии... Страх перед анархией породил роялистскую конституцию; измены монархии неизбежно привели к народной конституции, а проскрипции демагогии увлекают нас к аристократии».⁴⁶ Для избрания в Совет пятисот нужно было удовлетворять таким условиям: иметь не менее 30 лет (временно до 25 лет) и прожить на территории республики 10 лет (ст.74). В Совет же старейшин, состоявший из 250 членов, могли быть избраны лица не моложе 40 лет, женатые или вдовцы, и прожившие 15 лет на территории республики (ст.82, 23). Неженатые католики-священники не могли быть, таким образом, членами Совета старейшин.⁴⁷ Право законодательной инициативы принадлежало исключительно Совету пятисот (ст.76); Совет же старейшин только одобрял или отвергал решения Совета пятисот (ст.86). Законопроекты последнего, принятые Советом старейшин, становились законом (ст.92).

Исполнительная власть вручалась Директории из 5 лиц, «выбранных Законодательным корпусом, выполняющим функции избирательного собрания во имя нации» (ст.132). Были предложения ежегодного президента, но боязнь монархического переворота побудила остановиться на органе исполнительной власти из 5 членов.⁴⁸ Совет пятисот намечал тайной баллотировкой десятикратное число кандидатов в члены Директории из числа членов Законодательного корпуса или министров, а Совет старейшин производил тайной баллотировкой выборы по этому списку из 50 лиц (ст.133, 135). Члены Директории должны были быть не моложе 40 лет (ст.134). Ежегодно один член Директории выбывал по жребию и мог быть переизбран не ранее, как через пять лет (ст.137, 138). Каждый член Директории по очереди становился президентом Директории в течение 3-х месяцев (ст.141). Директория имела право совещаться, если присутствовало не менее трех ее членов (ст.142). Она распоряжалась армией (ст.144), назначала главнокомандующих (ст.146), министров в числе от 6 до 8 и в возрасте не менее 30 лет (ст.143, 150) и через назначенных эо комиссаров наблюдала за выполнением законов департаментской и муниципальной администрацией и трибуналами (ст.147. ср. ст.191). Директория воспользовалась потом этим правом, чтобы бороться с роялизмом.⁴⁹ Министры не образовывали единого совета (ст.151) и отвечали за невыполнение законов и постановлений Директории (ст.152). Члены Директории должны были иметь при исполнении обязанностей особый присвоенный им костюм (ст.165). Пешая стража Директории состояла из 120 человек; конная имела такое же число (ст.166). Совет старейшин избирал на 5 лет 5 комиссаров национального казначейства из 15 кандидатов, предоставленных Советом пятисот; ежегодно одн из этих комиссаров заменялся новым (ст.315, 316). Таким образом, не хотели поставить казну в исключительную зависимость от исполнительной власти.⁶⁰

Администрация департамента состояла из 5 членов; ежегодно обновлялась одна пятая часть ее (ст.177). Каждая коммуна с населением от 5 до 100 тыс. жителей имела муниципальную администрацию (ст.178). В коммунах с населением менее 5000 избирали муниципального агента и его помощника (ст.179). Соединение муниципальных агентов коммун образовывало муниципалитет кантона (ст.180). Члены департаментской и муниципальной администрации должны были быть не моложе 25 лет (ст.175). В коммунах с населением свыше 100 тыс. могло быть по крайней мере 3 муниципальных администрации, каждая на городской округ от 30 до 50 тыс. (ст.183). Следовательно, Париж и крупные города не могли иметь единого муниципалитета, в чем сказался пережитый термидорианцами страх перед «коммунами» больших городов. Члены муниципальной администрации избирались только на два года, причем половина их ежегодно обновлялась (ст.185). Муниципальная администрация была подчинена администрации департамента, а последняя министрам (ст.193). Директория имела право отменить, мотивируя это, постановление департаментской или муниципальной администрации и сместить ее членов, назначая временных заместителей из членов прежней администрации (ст.196, 197, 198). Ввиду того, что позднее департаментская администрация часто состояла из конституционных монархистов и противников Директории, последняя нередко пользовалась своим правом смещения.⁵¹ Администрации департаментов и кантонов могли иметь между собою только деловые сношения, но им запрещалось переписываться об общих делах республики (ст.199). Термидорианцы боялись возникновения вандемьера в департаментах.

Члены гражданских трибуналов избирались на 5 лет и всегда могли быть переизбраны (ст.217). Для членов судебного персонала требовался возрастной ценз в 30 лет (ст.209). Избирательные собрания департаментов выбирали членов кассационных трибуналов на 5 лет (ст.259). Члены Законодательного корпуса и Директории подлежали особому суду «Высокой палаты суда» (ст.265), которая составлялась из 5 членов, двух национальных обвинителей из числа членов кассационного трибунала и из высших судей, назначенных избирательными собраниями департаментов (ст.266).

Боязнь узурпации власти сказалась в статье конституции, запрещавшей поручать командование армией республики одному лицу (ст.289). Война могла быть объявлена только декретом Законодательного корпуса по предложению Директории (ст.326). Исполнительная директория ведала внешними сношениями, распределяла сухопутные, морские силы, осуществляла главное руководство в случае войны (ст.329) и заключала договоры с иностранными державами (ст.331), которые подлежали ратификации со стороны Законодательного корпуса (ст.333).

Запрещалось образование корпораций и союзов, «враждебных общественному порядку» (ст.360). Особые статьи конституции запрещали, чтобы какие-либо собрания граждан превращались в «народные общества» (ст.361); частным обществам не разрешалось устраивать публичные заседания, сноситься между собой по политическим вопросам и иметь зарегистрированных членов (ст.362). Запрещались и коллективные петиции (ст.364). Вооруженные сборища подлежали рассеянию силой (ст.365), а в случае необходимости и невооруженные (ст.366).

Конституция 1795 года проявляла свой буржуазно-республиканский характер в тех статьях, где она подтверждала начало французского летоисчисления с 22-го сентября 1792 года, со дня основания республики (ст.372), запрещала возвращение эмигрантов во Францию, объявляла безвозвратной конфискацию их имущества в пользу республики (ст.373) и гарантировала покупателям национальных имущества неприкосновенность их приобретений (ст.374).

Сторонники умеренной буржуазной республики были в общем довольны конституцией 1795 года, некоторые только хотели еще более усилить исполнительную власть.⁵² Секция Арси одобряла конституцию, так как она «гарантирует свободу, равенство, собственность, безопасность и обеспечивает образование правительства, которое прекратит анархию, от которой изнывал французский народ, и более или менее угнетающую тиранию, являющуюся результатом соединения властей в одних и тех же руках».⁵³ По словам бонапартиста Лавалетта, конституция «не была хорошей, но давала независимость и силу исполнительной власти и сохраняла представительную систему».⁵⁴ Мадам де Сталь, сторонница конституционной монархии, дает в своих мемуарах похвальный отзыв о конституции 1795 года, считая ее лучше монархической конституции 1791 года; только исполнительная власть не располагала, по ее мнению, достаточным авторитетом для поддержания порядка.⁵⁵ Роялисты рассматривали конституцию 1795 года как переходную форму правления к монархии.⁵⁶

Таким образом, конституция 1795 года хотела сохранить цензовую буржуазную республику для собственнических элементов, лишая политических прав бедноту. Авторы конституции исходили из пережитого опыта шести лет революции и хотели гарантировать состоятельные буржуазные слои как от возврата к власти низов, так и от реставрации монархии. Они стремились установить зависимость исполнительной власти от законодательной, чего на практике при Директории не было, и помешать узурпации власти одним лицом, от чего также не смогли предохранить. Социальная база для цензовой буржуазной республики, установленной конституцией 1795 года, была недостаточна и неустойчива.

II. Борьба парижских секций против фрюктидорских декретов

Буржуазные республиканцы в Конвенте боялись, что республика и они вместе с ней окажутся в опасности, если будут произведены новые выборы всего состава Законодательного корпуса.⁵⁷ Весь дальнейший ход событий подтвердил, что их опасения были не напрасны. 3 фрюктидора 3-го года (20 августа 1795 г.) комиссия одиннадцати внесла в Конвент предложение о переизбрании двух третей Конвента в новый Законодательный корпус. Боден предложил, чтобы Конвент сам через специальную комиссию выделил из своей среды эти две трети.⁵⁸ Начавшиеся оживленные прения продолжались и на следующий день, когда было решено, что избирательные собрания произведут эти перевыборы двух третей Конвента. Предложение Лаканалья о жребии было отклонено.⁵⁹ Окончательная редакция декрета о двух третях была принята одновременно с текстом конституции 5 фрюктидора 3-го года (22 августа 1795 года). Только Саладин, связанный, как потом оказалось, с вандемьеристами, пытался возражать против декрета 5 фрюктидора. В защиту декрета о двух третях термидорианцы указывали на роялистскую опасность. Лежандр в своей речи сказал: «Я приглашаю Национальный конвент бросить внимательный взгляд на теперешнее положение республики. Уверяю, что многие эмигранты возвращаются во Францию, что они находят здесь убежище и найдут скоро защитников. Уже некоторые публицисты, забыв уроки опыта, распространяют брошюры, в которых проводится различие между эмигрантами и беженцами; первые, говорят они, эмигрировав в первые три года, должны быть изгнаны навсегда, но вторые, находясь в бегстве после второго сентября, должны вернуться в свое отечество. Знаете вы, к какому злу приведут вас подобные взгляды? Как! мы видим среди нас людей, которые подняли оружие против Франции... Нет, граждане, если эмигранты возвращаются во Францию, они должны найти здесь могилу, или эта несчастная земля должна стать могилой республики» (все собрание и все присутствующие граждане: «Да, они ее тут найдут»). Тальен, нападая на роялизм, призывал обратиться «к патриотам 89 года, истинным друзьям революции», и «обмануть надеждой роялистов».⁶⁰

Декрет о двух третях вызвал сильное недовольство со стороны режима, как роялистов, так и консервативных элементов буржуазии. О недовольстве декретом 5 фрюктидора полиция сообщала уже на другой день после его принятия. Говорили, что Конвент хочет сохранить власть в своих руках.⁶¹ Контрреволюционная пресса открыла кампанию против декрета о двух третях. «Негублительный курьер» писал 24 августа, что Конвент «слишком долго и столь ужасным образом пользовался властью».⁶² Демагогически прибегали к демократическим аргументам, утверждая, что декрет о двух третях «нарушает суверенитет народа».⁶³ Недовольство и беспокойство вызывало и начавшееся сосредоточение войск около Парижа. Отрицательно относились и к тому, что конституция и декреты ставились на голосование в армии.⁶⁴

11 фрюктидора (28 августа) секции Майль и Елисейских полей протестовали в Конвенте против декрета о двух третях и против сосредоточения войск вокруг Парижа. Оратором от секции Елисейских полей выступил молодой журналист Лакретель-младший, связанный с «золотой молодежью». Он говорил дерзко и с угрозой, при ропоте Собрания, закончил: «Вам осталось пройти очень короткий путь: бойтесь потерять мгновение: вы скоро подвергнетесь народному голосованию; заслужите его выбор и не командуйте».

Оратор от секции Майль отвергал обвинение в роялизме и жаловался на сосредоточение войск вокруг Парижа: «Находимся ли мы в осаде или накануне этого? Провинилась ли национальная гвардия, что ее окружают войсками?» Президент Конвента Шенье ответил, что «армия - также часть народа» и что войска под Парижем уже приняли республиканскую конституцию. Конвент выразил неодобрение представленным адресам и приветствовал заявление депутации войск под Парижем, которая сообщала о единодушном принятии конституции и провозглашала войну «анархии, роялизму, террору».⁶⁵

12 фрюктидора (29 августа) депутация от секции Монмартр также требовала отмены декрета о двух третях. Конвент ответил принятием 13 фрюктидора (30 августа) второго декрета, который определял способ выполнения декрета 5 фрюктидора и предписывал собраниям выборщиков начать с избрания двух третей из среды Конвента.⁶⁶ 15 фрюктидора (1 сентября) Конвент признал избирательные права за выпущенными из тюрем террористами.⁶⁷

16 фрюктидора (2 сентября) депутация от секции Лепелетье жаловалась на незаслуженное недоверие к национальной гвардии секций, на клевету по адресу «добрых граждан» как на контрреволюционеров и роялистов и на выпуск на свободу членов бывшего революционного комитета секции. «Мы все хотим республики и свободы, - уверяла депутация, - но мы их хотим для всех французов, а не для выгоды некоторых честолюбцев» Этот адрес, составленный еще в умеренном тоне, был встречен аплодисментами, и президент Конвента в своем ответе указал, что он ждет принятия конституции от «патриотов 14 июля, республиканцев 10 августа, от тех, кто не проливал крови, не расхищал общественного достояния, любил свободу ради свободы, боролся и побеждал ради нее». ⁶⁸ «Многие секции Парижа, - писал Малле дю Пан 6 сентября 1795 года, - руководимые скрытыми роялистами или известными конституционалистами, явились открыто протестовать против декрета, предписывающего переизбрание 500 теперешних депутатов, и против пребывания войск, мешающих свободе выборов». ⁶⁹

Все донесения полиции от конца августа и начала сентября повторяют, что общественное мнение за принятие конституции, но по вопросу о двух третях мнения расходятся, причем большинство высказывается против декретов о двух третях и за полную смену Конвента. ⁷⁰ По донесению одного агента от 4 сентября, «согласно разговорам, которые он слышал среди многих классов общества относительно принятия конституции, нет сомнения, что общее желание высказывалось в ее пользу, но, что касается переизбрания двух третей, то, за исключением некоторых членов, оно встретит очень большие затруднения. Не скрывают, что почти все депутаты потеряли доверие; возвращаются все время к аргументу о суверенитете народа». ⁷¹

Сообщая о разговорах в группах и кафе и отмечая различие мнений относительно фрюктидорских декретов, полиция признавала, что только небольшое число граждан защищало декреты о двух третях и находило их нужными для упрочения республики и внутреннего мира; большинство же держало дерзкие, оскорбительные и угрожающие речи против Конвента, который обвиняли во всех бедствиях, тяготевших над Францией. Ожесточенные споры приводили иногда к столкновениям, и полиция опасалась гражданской войны. Конвент обвиняли и в извращении результатов голосования за декреты, но это говорили лица «не из класса санкюлотов». ⁷²

Уже с 19 сирктидора (5 сентября) полицейские донесения начали отмечать агитацию роялистов в связи с декретами о двух третях; ⁷³ потом они приводили мнения, высказываемые рабочими и сторонниками Конвента о роялистском характере движения против декретов и Конвента. ⁷⁴ Группы рабочих начали приписывать руководство движением секций с самого его начала роялистам, но на собраниях секций их было мало. ⁷⁵ Донесение от 10 сентября отмечало, что «рабочие, соединившись в группы в разных кварталах, высказываются за Конвент и приписывают роялистам и вожакам секций все постановления против декретов 5 и 13 фрюктидора». ⁷⁶

Донесения от 17 и 19 сентября приводили следующие разговоры некоторых граждан в защиту фрюктидорских декретов: проведение в жизнь декретов «является единственным средством спасти общественное дело и погубить всякую надежду на сторонников монархии»; ⁷⁷ противники декретов «хотят полного обновления Законодательного корпуса, чтобы ввести новый порядок вещей, свергнуть республику и пролить кровь тех, кто ее поддерживал». ⁷⁸

Весь сентябрь 1795 года Париж жил под знаком борьбы против фрюктидорских декретов о двух третях. Атмосфера перед открытием первичных собраний 20 фрюктидора (6 сентября) накалялась. Контрреволюционные газеты с сарказмом и иронией осмеивали агитацию искренних республиканцев. «Французская газета» писала 3 сентября: несколько дней, как «белые, желтые и красные афиши расклеены на улицах. Тут воззвание к патриотам 1789 года, которое ни один патриот 1795 года us даст себе труда прочесть. Там советы республиканцам-солдатам, которым республиканские солдаты, конечно, остерегутся следовать, если они не захотят считаться янычарами и полицейскими. В другом месте Комитет общественного спасения обнадеживает не евших людей скорым завтраком. Наконец, тут департаментская администрация благосклонно приглашает суверен отравиться в первичные собрания, чтобы там подписать документ о своем близком возрождении. Во всем этом есть простодушие, известная наивность, которая забавляет и заставляет смеяться. Это развлечение среди мрачных воспоминаний, оставленных прошедшим, и

зловещих предположений, навеваемых будущим». ⁷⁹ «Республиканский курьер» иронизировал: «До этого дня все было у нас временным: временное правительство, временная коммуна, временные комиссии, временное собрание; нет ничего вплоть до зверинца ботанического сада, что не было бы также временным. Когда одних из нас заключали в оковы, это временно; когда выпустили на свободу, это тоже временно. Мы живем, мы дышим, мы рассуждаем, мы пишем только временно. Когда же мы будем иметь что-либо окончательное? Мы можем ответить на этот вопрос лишь в ближайшую декаду». ⁸⁰

«Французский курьер» так изображал отношение реакционных слоев буржуазии к конституции 1795 года и к декретам о двух третях: «Конституция скоро будет принята... Если дитя 11 отцов и не является красивым, оно, по крайней мере, имеет лучшую наружность, чем хромая дочь адвоката Тарже ⁸¹ или чем безобразный урод, произведенный на свет палачами 93 г. Народ французский женится на этой девственнице; хотя бы он был вынужден на всякий случай подвергнуться опасности развода. Но Конвент дает ей в приданое знаменитый декрет, и, так как этот подарок не является чрезвычайно ценным, то в конце концов женится без приданого». ⁸¹ Эмигрант Пелтье перепечатал из «Общественного обвинителя» дерзкую статью Рише де Серизи, направленную против Конвента, в которой роялистский журналист с демагогией писал: «Французы, собравшиеся на первичное собрание, суверенный народ! Соболаговолите выслушать меня! Узнайте наконец все ваши права и всю вашу власть; ничто не устоит перед ней, только божество могущественнее вас... Дрожите, глупые тираны, разве вы не видите, что ваша защита перед нами заключается в вашей слабости? Если вы не трусы, если вы не сознаетесь скоро в своей вине перед сувереном, вы скоро погибнете как убийцы; у вас нет другого выбора или прозвучит сигнал к вашей агонии. Как же вы осмеливаетесь приписывать народу оставаться бессменными и непрерывно иметь перед его глазами зрелище его палачей и его вечного позора». Свобода прессы, которую допустили термидорианцы для своих союзников из роялистов, превратилась теперь в орудие контрреволюционеров, направленное против самого термидорианского Конвента. По признанию Пелтье, «свобода печати, которой с таким пылом добивались Фрезон и Тильен, когда им нужно было уничтожить Барера и якобинцев, была рычагом, при помощи которого более всего расшатывали их собственное влияние. Рассуждения, насмешки, газеты, афиши, памфлеты, циркулирующие адреса - все было смело и упорно пущено в ход и окончательно губило Конвент, благодаря ненависти и презрению, которые изливали на него». ⁸²

20 фрюктидора (5 сентября) открылись первичные собрания. Буржуазная секция Лепелетье, возглавившая движение парижских секций против фрюктидорских декретов, приняла «Акт гарантии», в котором развивались положения, повторяемые потом в постановлениях большинства остальных секций. Исходя из принципа народного суверенитета, «Акт гарантии» защищал право каждого гражданина «свободно высказывать свое мнение о конституции, представленной на утверждение народом, равно как и относительно декрета 5 фрюктидора о переизбрании 500 из членов Конвента и вообще всех мерах общественного спасения». Преследования граждан за свободное высказывание их мнения объявлялись «покушением на суверенитет народа», и все граждане Парижа ставились «под специальную и непосредственную охрану их первичных собраний» и всех 48 секций Парижа. В то же время секция Лепелетье, защищавшая трон 10 августа 1792 года, нападала на правление «тиранов», установившееся после сентябрьских дней 1792 года.

Аналогичные постановления относительно гарантии прав граждан приняли до 40 секций. Постановление секции Арен от 21 фрюктидора (7 сентября) защищало «полную, безусловную и неограниченную свободу выбора представителей и должностных лиц» и объявляло декреты о двух третях не имеющими законной силы, поскольку «всякий акт или закон, который стесняет, ограничивает или изменяет это право, является покушением на суверенитет народа». Постановление хвалило Конвент за его позицию в дни 9 термидора и 1 прериала, но выделяло из его среды «лиц, которые должны нести ответственность за робеспьеровский децемвират». В постановлении, принятом 20 фрюктидора секцией Арсенала, которая в начале августа 1792 года высказывалась против низложения Людовика XVI, говорилось, что «каждый гражданин должен пользоваться в первичных собраниях самой полной свободой в проявлении своих желаний и в высказывании своих политических мнений». 21 фрюктидора первичное собрание секции Арсенала отвергло декрет 5 фрюктидора, объявив его покушением на «суверенитет народа» и насилием над «священными принципами, на которых покоится общественная свобода». ⁸³ Подобный язык

усвоили себе ораторы секций в борьбе против декретов о двух третях, и заявления в таком духе однообразно повторяли многочисленные депутации, которые посылали секции друг к другу.

21 фрюктидора «Акт гарантии» принятой секцией Лепелетье был предметом обсуждения в Конвенте. Тальен указывал, что роялисты, говоря о мерах «общественного спасения», хотят повторить в свою пользу 31 мая.⁸⁴ Донесение полиции сообщало о сильном недовольстве речью Тальена, произнесенной в Конвенте 7 сентября, и обвиняло его в призыве к гражданской войне.⁸⁵ Вечером 21 фрюктидора в Конвент явилась депутация от секции Арен, которая высказалась против террористов и роялистов, стремившихся разъединить секции и Конвент, которому они благодарны за 9-е термидора. Под аплодисменты депутация заявила: «Единые с Национальным конвентом в цели, хотя они и могут разойтись с ним во мнениях, они не забудут того, чем они обязаны освободителям 9 термидора». 7-го же сентября секция Лепелетье приняла постановление об образовании Центрального комитета из 48 представителей секций. В тот же день Конвент ответил на это постановление принятием декрета, который запрещал образование делегатами секций Центрального комитета и посылку делегаций от секции к секции и к воинским частям. В принятом постановлении секция Лепелетье заявляла, что «каждый гражданин имеет право свободно высказывать свое мнение о конституции и декретах и вообще о всех мерах общественного спасения», и объявляла, что такие граждане; находятся под покровительством всех парижских секций. Тибодо резко нападал на «новую анархию, которая хочет предать Францию королевской власти».⁸⁶

Предложение секции Лепелетье об образовании комитета представителей секции не было в начале движения против фрюктидорских декретов поддержано большинством секций, которые ограничивались защитой права секций сноситься между собою, с департаментами и армиями. Так, секция Арси, не желая создать новой Коммуны Парижа, отвергла предложение секции Лепелетье послать адрес войскам от имени 48 секций Парижа, но отстаивала право каждой секции сноситься с другими секциями, департаментами и армией и постановила довести об этом до сведения правительственных комитетов.⁸⁷ Были, однако, секции, как например, секция Гренельского фонтана, которые готовы были принять предложение секции Лепелетье.⁸⁸

Полиция в донесении от 8 сентября следующим образом характеризовала создавшееся положение: «Наблюдая жизнь этого большого города вне Конвента и секций, видя, что театры и гулянья переполнены народом, никогда нельзя было бы подумать, что мы приближаемся, быть может, к моменту самого опасного кризиса революции. Действительно, согласно донесениям сегодняшнего дня, оказывается, что граждане, собравшиеся на первичные собрания, в большинстве сильно расходятся с Конвентом, за исключением почти единодушного желания, высказывающегося за принятие конституционного акта. Два декрета 5-го и 13-го фрюктидора нашли вчера только небольшое число защитников и апологетов. Депутации от секции к секции, приносившие с собой и читавшие постановления, которые им вручались на этот счет, принимались с величайшим удовлетворением и встречались аплодисментами. Видно было, что адрес, гласящий, что всякий гражданин будет свободен высказать свое желание и мнение, какое бы оно ни было, с обещанием защиты, безопасности и неприкосновенности, объединил почти все голоса. В некоторых секциях держали много дурных речей против представителей, обвиняемых в том, что они совершили или допустили совершить все тиранические действия, которые опустошили Францию. Согласно наблюдениям многих инспекторов, многие секции стремятся, кажется, не только соперничать с народным представительством относительно власти, но еще и объявить себя суверенными и свободными; они расположены если не стеснить сразу Законодательный корпус, то, по крайней мере, затормозить ход его действий. К этой слишком верной картине прибавим картину общественной нужды и все время возникающих потребностей, удовлетворить которые большая часть граждан может лишь с величайшей трудностью. Скажем еще, что злонамеренные агитируют всякими способами, чтобы использовать обстоятельства, и получится справедливая оценка общественного настроения данного момента, равно как опасных и мучительных обстоятельств, среди которых мы находимся».⁸⁹

Фактически все секции нарушали декрет Конвента о недопущении сношений их между собою, а также с коммунами и войсками, и Конвент терпел это нарушение. Многие секции (до 14) объявили свои заседания перманентными до образования нового Законодательного корпуса.⁹⁰ В ряде секций уже 6 сентября был поднят вопрос о недопущении освобожденных «террористов» на секционные собрания.⁹¹ Так, секция Арси 21 фрюктидора постановила, что «все граждане, заключенные в тюрьму за участие в беспорядках в жерминале и прериале и выпущенные временно на свободу, не получившие обратно оружия и поставленные под надзор установленных властей, не будут допущены в среду собрания».⁹² Секция Прав человека исключила из своей среды всех тех, которые, будучи арестованы в первые дни прериала, получили только временную свободу. Секция Монмартр исключила из своей среды «террористов».⁹³ На заседаниях Конвента 8 и 9 сентября делегации от многих граждан жаловались на исключение их из собраний секций. Президент Конвента ответил, что люди 9-го термидора не покинут людей 14 июля и 10 августа. Лежандр выкупил против аристократов и роялистов, призывая патриотов к сплочению, и угрожающе заявил, что если оружие разума будет недостаточным, то будет применено более грозное оружие. Делегации от многих граждан обещали Конвенту свою поддержку.⁹⁴

Роялистская опасность, грозившая республике, побудила революционную секцию Сент-Антуа некоего предместья Кенз-Вен, разгромленную Конвентом в прериале, поддержать теперь последний против бунтующих буржуазных секций. Секция Кенз-Вен удалила у себя всех интриганов, которые могли мешать принятию декрета о двух третях.⁹⁵ Делегации других секций сообщали, что в секции Кенз-Вен господствуют «террористы».⁹⁶ 24 фрюктидора (10 сентября) делегация от секции Кенз-Вен сообщила Конвенту, что громадное большинство граждан секций приняло декреты 5 и 13 фрюктидора. В тот же день делегация от солдат и инвалидов заявила Конвенту о принятии конституции и декретов о двух третях.⁹⁷

25 фрюктидора (11 сентября) делегация от секции Единства заявила Конвенту о принятии конституции и об отвержении декретов о двух третях. Делегация от секции Тампля объявила «клеветой» утверждение, что не все члены секции пользуются свободой суждения.⁹⁸ О принятии конституции и об отвержении декретов о двух третях сообщала и секция Брута. 26 фрюктидора (12 сентября) делегация от секции Вандомской площади, говоря о принятии конституции и об отвержении декретов, жаловалась на стеснение свободы в секции и на меры, принимаемые против них. «Суверенитет великого народа, - заявляла делегация, - выше власти людей; он диктует законы и никогда их не получает». Делегации от секций Севера и Сите также сообщали о принятии конституции и о почти единодушном отвержении декретов, как нарушающих права и суверенитет народа. Только делегация от 5 тысяч инвалидов заявила Конвенту о принятии декретов о двух третях.⁹⁹

27 фрюктидора (13 сентября) о принятии конституции без дополнительных декретов сообщили Конвенту делегации от шести секций - Запада, Бон-Нувель, Французского театра, Обсерватории, Верности и Друзей отечества. Секция Бон-Нувель, протестуя против декрета 21 фрюктидора, запрещавшего гражданам сноситься между собою, и против нарушения неприкосновенности корреспонденции, заверяла, что не имеет к своей среде ни роялистов, ни сентябристов. Дюпон, оратор делегации секции Французского театра, дерзко заявил при ропоте негодования: «Национальный конвент, еще несколько дней, и истина обнаружится! Ты ее узнаешь, но слишком поздно. Ты увидишь, лучше ли было слушать голос твоих льстецов или голоса свободных людей, которые согласились забыть преступление. Нам поручено прочесть адрес, и первичное собрание секции найдет средства сообщить его департаментам, армиям и повсюду, где оно сочтет это необходимым. Обманывающие всех заслуживают, чтобы все их обманули». Председатель Конвента Тибодо ответил: «Конвент не боится дня петиции; на своих клеветников он апеллирует к французскому народу». Конвент не пожелал выслушать представленный адрес и перешел к порядку дня, делегация же секции Французского театра удалась, не оставшись на заседании Конвента.¹⁰⁰ Сообщения о принятии конституции и об отвержении декретов были сделаны Конвенту 28 фрюктидора (14 сентября) делегациями четырех секций - Мельничного холма. Арен, Рынка и Прав человека.¹⁰¹ 29 фрюктидора (15 сентября) делегация от секции Тюильри заявила Конвенту: «Нас не обманывали, на нас не оказывали влияния, когда мы приняли конституцию, отвергли декреты, провозгласили непрерывность наших заседаний и опрокинули преграды, поставленные вами нашей свободе. Какова бы ни была воля Франции, мы хотим видеть, что вы оканчиваете ваш путь без волнений или возобновляете его без сожалений». Президент

Президент Конвента ответил депутации: «Общая воля скоро проявится; она станет нашим и общим законом».¹⁰²

30 фрюктидора (16 сентября) Дону доложил Конвенту, что конституция принята почти единодушно, а декреты крупным большинством.¹⁰³ 17 сентября секция Братства просила Конвент проверить результаты голосования за конституцию и декреты с помощью самых избирательных собраний. Секции Майль и Грснельского фонтана сообщали о принятии конституции и об отвержении декретов. Депутация от граждан предместья Монмартр, не голосовавших в первичном собрании, заявила, что они стоят за принятие конституции. 18 сентября депутация секции Нового моста высказывалась против «террористов»¹⁰⁴. 20 сентября секция Пантеон также сообщала о принятии конституции и об отвержении декретов.¹⁰⁴ 22 сентября депутация от секции Лепелетье требовала от Конвента суда над якобинцами Пашем и Бушоттом, недавно выпущенными на свободу, сопровождая это требование угрозой: «Граждане представители, - сказал оратор депутации, оканчивая речь, - если не будет воздано по заслугам этим злодеям, мы опасаемся величайших бедствий».¹⁰⁶

Борьба секций против Конвента побудила правительственные комитеты выпускать на свободу заключенных «террористов». Более правые термидорианцы, как, например, Тибодо, были против этой меры. Большинство вернувшихся в Конвент жирондистов хранило молчание по поводу агитации секций против Конвента, и их стали подозревать в сочувствии к секционерам. Последние пытались привлечь на свою сторону Ланжюине и Буасси д'Англа, избранию которых в Законодательный корпус не помешало бы отвержение декретов о двух третях. Между термидорианцами и жирондистами, сидевшими вместе на правой стороне Конвента, произошло разделение. Некоторые термидорианцы требовали даже принятия ряда исключительных мер, против которых высказывались более умеренные термидорианцы, видя в этом позыв к революционным мерам.¹⁰⁷

В секциях шла борьба между противниками и сторонниками декретов о двух третях, дававшими друг Другу клички «роялистов» и «террористов».¹⁰⁸ Но масса трудовых элементов была в стороне от этой агитации. Реакционные газеты сами указывали на контраст между «народом секций», который будто бы обличал тиранию во имя свободы, и «народом дня», который был занят своими делами и оставался равнодушен к призывам правых.¹⁰⁹ «Французская газета» писала об этом: «Было бы трудно изобразить беззаботность и оцепенение, которые господствуют вообще в этом городе. Площади, театры, кафе, все гулянья полны зеваками, не подозревающими, что мы переживаем наиболее серьезный момент, в котором может находиться государство. По-видимому, уже забыли о конституции и о всяком проекте правительства. Однако, большая часть первичных собраний сохраняет свою энергию, и большинство среди них кажется расположенным скорее похоронить себя под развалинами столицы, чем уступить пядь земли тирании. Там находятся многочисленные друзья народа, поддерживающие мужество добрых граждан и раздувающие огонь свободы в душах тех, которые склонны к равнодушию».¹¹⁰

Буржуа парижских секций, говоря беспрестанно о народном суверенитете, боролись со своими противниками собственным оружием последних.¹¹¹ По мнению республиканца Паже, роялисты руководили секциями в их сопротивлении декретам о двух третях, утверждая, что эти декреты нарушают суверенитет народа. «Никогда суверенитет народа не защищался с таким жаром», - иронически замечает по этому поводу Паже.¹¹² Относительно демократической аргументации секционеров Лакретель писал позднее: «В прокламациях, враждебных Конвенту, употребляли со строгостью, а иной раз, быть может, и с насмешкой, самый демократический язык».¹¹³ Термидорианец Реаль, оставивший описание вандемьерского мятежа, писал, что лица, бывшие роялистами при Людовике XVI, осмелились 20 фрюктидора говорить с «пылом и бесстыдством» о «суверенитете народа». «Имя «суверен» давалось, произносилось с любезностью и наивностью, которая возбудила бы смех зрителя, если бы печальные последствия этого опьянения не возбуждали бы негодования».¹¹⁴

Ораторы секции использовали то обстоятельство, что «цены на съестные припасы увеличивались в быстрой и приводящей в отчаяние пропорции». Они вели агитацию в том духе, что «таких несчастий не было при короле; бедствия произошли от Конвента, нужно его прогнать».¹¹⁵ Первичные собрания «были для порядочных людей театром, где они проявляли таланты и просвещение, которыми их одарили природа и воспитание, но которые подавил страх. Воспитанные в школе революции салонные ораторы попытались, наконец, применить на практике столько раз данные лекции, броситься в среду народа, чтобы его вернуть... Целью этих искусных комбинаций было восстановление королевской власти; предлогом к этому - отвержение декретов о двух третях; средством к этому - опьянение народа его суверенитетом».¹¹⁶

По словам Тибодо, декреты о двух третях «имели пристрастиями роялистов и некоторых честолюбцев из всех партий. Роялисты, присоединившись к Конвенту после 9 термидора, чтобы сразить терроризм, сбросили вдруг маску и объявили нам войну. Якобинцы извлекли из этого пользу и в свою очередь примкнули к Конвенту, который принял их услуги. Масса нации, которая склонилась к покою и надеялась найти его в конституционном режиме, была расположена принять конституцию и декреты... Оппозиция проявилась сначала в секциях Парижа, раньше чем они были созваны как первичные собрания, чтобы законным образом вести обсуждение. Однако, роялизм так мало верил в свое дело, что он не выдвигал вперед знатных, которых народ отверг бы, а только писателей, разночинцев, возмнивших о своих заслугах и раздраженных тем, что они ничего не значат». Среди агитаторов секций были генерал Миранда, Лемэтр, адвокат Аршамбо и журналисты - Лагарп, Лакретель младший, Фиефе, Ланглуа, Рише де Серизи, Коле-Гассинкур и др.¹¹⁷

Мемуары самых умеренных республиканцев относили роялистов к противникам декретов о двух третях.¹¹⁸ По мнению бонапартиста Лавалетта, первичные собрания находились под влиянием тайных роялистов и антитеррористически настроенных ораторов.¹¹⁹ По словам маршала Мармона, «порядочные люди» из «среднего класса» хотели низвергнуть Конвент: «Правительство Конвента, не поддерживаемое более казнями, сделалось предметом презрения и отвращения; все «порядочные люди» страстно ждали его падения и ниспровержения; но чем заменить правительство, вот о чем спрашивали себя многие рассудительные люди. Конвент разошелся с мнением Парижа, т.е., по крайней мере, с мнением жителей среднего класса, так как низший класс не был ему враждебен».¹²⁰ «Когда были изданы фрютидорские декреты, - пишет очень умеренный Дюран Майян, - тогда все их враги беспощадно напали на них. Париж сделался центром контрреволюционных маневров. Секции, имея во главе пресловутую секцию Лепелетье, которая ими руководила, являлись одна за другой к решетке Конвента, чтобы оскорблять всех его членов. «Вы все виновны, - говорили они, - вы, как одни, так и другие, не достойны заседать больше в Сенате нации, вы, монтаньяры, за ваше преступление, а вы, правая сторона, за вашу слабость, что вы их терпели, не сопротивлялись, не осмеливаясь возвысить голос, сказать хоть одно слово против столь жестокой тирании».¹²¹

Декрет о двух третях, как пишет мадам де Сталь, «произвел ужасную сенсацию в общественном мнении и сразу разорвал договор, молчаливо заключенный между Конвентом и порядочными людьми».¹²² В письме одного немецкого корреспондента, покинувшего Париж 6 сентября, говорилось, что на первичных собраниях мстительность, честолюбие и роялизм взаимно помогают друг другу. «Настоящие республиканцы стоят уже давно одни, непризнанные и оклеветанные, в то время как большая часть народа под давлением умножившихся страданий воздерживается от живого участия, которое она прежде принимала в общественных делах отечества, и с необузданностью, с какой раньше придерживалась якобинства, отдается страсти ажиотажа...» В поход против республики собралась армия аристократии: «вся банда агентов и шпионов враждебной заграницы, священников и возвратившихся эмигрантов, толпа бывших дворян, все спекулянты, справляющиеся в Пале-Рояле о меняющемся курсе, чтобы определить на сегодня цену своих подозрительных товаров; большинство банкиров, которые большей частью стоят во главе ажиотажа; толпа лавочников, конторских служащих, портных, парикмахеров, которые... неожиданно превратились в гренадеров и стрелков; наконец, шайка продажного сброда, которого не видно было во время самого неистового якобинства». Исход столкновения остается «сомнительным». Опасным является равнодушие народа, мужество которого ослаблено продолжающимся падением ассигнаций. «Аристократия, уверенная в победе,

сбрасывает маску», а секции лишились множества почтенных граждан, занятых заботой о семье и добывании хлеба. «Декрет 5 фрюктидора дает повод к первой борьбе; роялисты не могут его принять, потому что отвержение декрета открывает для них множество вакантных мест и только состав новой легислатуры из их приверженцев может дать им в руки тот пункт, откуда они без шума и незаметно могут похоронить новую конституцию и нанести ей непоправимый смертельный удар».¹²³

Другой корреспондент в письме от 11 сентября 1795 года так характеризовал агитацию против декретов Конвента о переизбрании двух третей его членов: «Декрет о двух третях должен был не понравиться хорошему обществу. Честолюбцы, имеющие тем менее вероятия попасть в правительство, чем более остается там старых членов, и роялисты стоят во главе его. Средний класс в крупных общинах одобряет их и, так как ревностные республиканцы из низших классов изгнаны из секций как террористы, то не следует удивляться, что декрет так единогласно был отвергнут в Париже, что, вероятно, произойдет также в большинстве других больших городов Франции. В небольших общинах, где нет хорошего общества, где нет массы интриганов, которые становятся во главе оппозиции, там все, за малым исключением, голосуют за Конвент, и большинство департаментов, вероятно, одобрит декрет».

Можно опасаться, что одна треть правительства будет состоять из врагов Конвента, и роялисты надеются перетянуть это меньшинство на свою сторону и совершить переворот в свою пользу. Но в этом они, вероятно, ошибутся; вне собрания они не могут рассчитывать на большую помощь. Во Франции есть, быть может, много таких, которые считают желательным для спокойствия Франции наследственного президента Совета, но у них нет энтузиазма к монархии и в решительный момент они не будут сражаться с республиканцами. «Таков мой взгляд на вещи. И на этой энергии республиканцев и на всеобщей ненависти к первой эмиграции покоится моя вера в дальнейшее существование республики».¹²⁴

По словам конституционного роялиста Малле дю Пана, «роялисты в собственном смысле слова имели благоразумие присоединиться к конституционным монархистам, сторонникам ограничения монархии... Франция снова разделилась на две партии, одну - республиканцев, якобинцев, террористов, сентябристов, и другую - монархистов, роялистов, умеренных и революционеров первого времени, ставших аристократами. Ведь еще раз повторяется картина Парижа перед 10 августа 1792 года, с тем различием, что каждый теперь испытал, что означает революция убийц, и что если теперь защищают свою жизнь, то в 1792 году защищали только отвратительную конституцию».¹²⁵

1 вандемьера 4-го года (23 сентября 1795 г.) Конвент заслушал предварительные результаты голосования за конституцию и декреты о двух третях. За конституцию было подано 914853 голоса и 41892 - против; за декреты же - 167758 голосов и 95371 - против. Через несколько дней были напечатаны более полные результаты голосования, согласно которым конституция была принята 1057390 голосами против 49978, декреты только 205498 голосами против 108784, причем они были отвергнуты в Париже всеми секциями, за исключением одной секции Сент-Антуанского предместья Кенз-Вен.¹²⁶ Депутат Пеле усомнился в результате голосования и потребовал отложить объявление декретов законом, но его предложение было отвергнуто. Новая конституция и дополнительные к ней декреты о двух третях были провозглашены законом. Одновременно было постановлено закрыть первичные собрания 10 вандемьера (2 октября), открыть 20 вандемьера (12 октября) собрание выборщиков, а заседание Законодательного корпуса начать 15 бримера (6 ноября 1795 г.).¹²⁷ Буржуазным секциям Парижа оставалось или подчиниться декретам Конвента, или поднять против него мятеж. Надеясь на легкую победу, они решились пойти на мятеж.

1 Larevelliere-Lepeaux. Memoires, t.I, pp.227-228.

2 Cp. А.Олар. Политическая история французской революции, стр.601-604.

3 Larevelliere-Lepeaux. Memoires, t.I, pp..232-235; Thibaudeau. Memoires, t.I, p.179; cp. Pontecoulan. Souverirs, t.II, p.368.

4 Larevelliere-Lepeaux. Memoires, t.I, pp.231-232.

5 Комиссия одиннадцати предлагала принять участие в ее работах и Сийесу, которого считали наиболее сведущим в вопросах политического устройства, но этот трусливый «молчальник», полный самомнения и себялюбия, считал, что время для осуществления его идей о конституционной буржуазной монархии еще не настало. Когда же опасность снизу после прериаля миновала, он

представил было 2 термидора 3 г. в Конвент свой проект конституции, в котором было много общего с позднейшей конституцией 8 г. (1790 г.), но проект Сийеса был отвергнут. Сийес и Комбасарес, будущие участники переворота 18 брюмера, равно как и Буасси д'Англа, остались скрыто враждебными к конституции 1795 г. (Thibaudeau. Memoires, t.I, p.186; Larevelliere-Lepeau x. Memoires, t.I, pp.230, 239-245).

6 Thibaudeau. Memoires, t.I, p.180.

7 Memoires sur Carnot, t.I, p.587.

8 Vaublanc. Memoires, t.11, p.365; Ср. А.Олар. Политическая история французской революции, стр.606.

9 «Messenger du soir», 20/VI-1795, Paris, t.II, p.24.

10 Adrien Lesay. Les Ruines, ou Voyager en France (2-e ed., Paris, 1an 2).

11 Там же, стр IV-V.

12 Там же, стр.32, 35.

13 Там же, стр.39.

14 Там же, стр.55-56.

15 Там же, стр 36-37.

16 Там же, стр.23, 29-30.

17 Там же, стр.26. .

18 Там же, стр.57.

19 Там же, стр.59, 61.

20 Там же, стр.68-69.

21 Paris, t.II, p.117, Rapport. 27/VII-1795. Эту статью перепечатал в Лондоне эмигрант-роялист Пелтье. (Peltier, Paris pendant.l'annee 1795, t.II, pp.500-515).

22 А.Олар. Политическая история французской революции, стр.605.

23 «Gazette francaise», 24/IX-1795, Paris, t.II, pp.267-268.

24 Paris, t.I, p.765, Rapport 4/IX-1795.

25 Paris, t.II, p.15, Rapport 16/VI-1795.

26 «Moniteur», 23/VI-1795, № 275, pp.1109-1110.

27 «Moniteur», 30/VI-1795, № 282, p.1136; ср. стр.1135-1138; «Moniteur», 26/VI, 29/VI, 1-3/VII-1795, № 278, 281-285, pp.1122, 1131-1132.

28 «Gazette francaise», 27/VI-1795, Paris, t.II, p.38.

29 «Moniteur», 10/VII-1795, № 292, pp.1176-1177.

30. А.Олар. Политическая история французской революции, стр.607-608.

31 «Moniteur», 13/VII-1795, № 295, p.1188.

32 Paris, t.II, p.31, Rapport 24/VI-1795; ср. т.II, стр.30, R. 23/VI-1795.

33 Paris, t.II p.34, Rapport 25/VI-1795.

34 Paris, t.II, pp.44-45, Rapport 30/VI-1795; ср. т.II, стр.36-37, 43.

35 Paris, t.II, p.104, Rapport 23/VII-1795.

36 Paris, t.II, p.110, Rapport 25/VII-1795.

37 Paris, t.II, p.144, Rapport 8/VIII-1795: ср. т.II, стр.134, R. 31/VII-1795.

38 Paris, t.II, p.57, Rapport 6/VII-1795.

39 Paris, t.II, p.53, Rapport 4/VII-1795; ср. т.II, стр.56, R. 5/VII-1795.

40 Paris, t.II, p.192, Rapport 25/VIII-1795.

41 См. текст конституции «Constitution de la Republique francaise L'an 3 de la Republique» (1795), также «Moniteur», 27/VIII-1795, № 340, Buchez et Roux, t.XXXVI pp.485-517.

42 «Moniteur», IOVITI-1795, № 332, заседание Конвента 13 августа 1795 г.

43 Thibaudeau Memoires, t.I, p.180.

44 Там же т.I стр.182.

45 Там же т.I стр.182-183.

46 «Moniteur» 23/VII-1795 № 305, pp.1228-1224.

47 «Moniteur» 25/VII-1795, № 307 прения на заседании Конвента 20 июля 1795 г

48 Thibaudeau Memoires, t.I, pp.183-184

49 A.Mathiez Le Oirectoirp.pp.71-74 (P34)

- 50 Larevelliere-Lepeaux. Memoires, t.I, p.338.
- 51 A Mathiez Le Pirectoire po 81-82.
- 52 Thibdiaedu Memoires, t.I, p.37; Larevelliere-Lepeaux. Memoires, t.I pp.237-239, cp. Pontecoulant. Souvenirs, t.II, p.377;
- Fr.Pages. Histoire secrete de la revolution francaise, t.II, pp.285-286.
- 53 Н.Кареев Неизданные документы по истории парижских секций 1790, 1795 гг. стр.47 (1912).
- 54 Lavalette. Memoires, t.I, c.141.
- 55 Mme de Stael. Consideration sur les principaux evenements de la revolution francaise. t.II p.15 (3-e ed. 1820).
- 56 Mallet du Pan. Correspondance, t.I p.248.
- 57 Memoires sur Crirnot.tip.587 Thibaudeau Memoires, t.I, p.187, Pontecoulant. Souvenirs t.II p.3611.
- 58 «Momteir» 25-26/VIII-1795 № 338.
- 59 «Moniteur 26-27/VIII 1705 № 339-340.
- 60 «Moniteur» 27/VIII-1795 № 340, p.1368-1369.
- 61 Paris t.II p.186 Rapport.23/VIII.1795.
- 62 «Couincr republican» 24/VIII-1795 Paris t.II, p.188
- 63 Paris t.II p.P5 Raoport.26/VIII-1795 cp.т II, стр 200 R 28/VIII-1795
- 64 «Courrier republican», 29/VIII-1795. Paris t.II, p.203, т.II, p.195,200-301.
- 65 «Moniteur» 31/VIII, 1/IX-1795, № 344,345, pp.1386-1384 Эмигранты роялисты перепечатавали петицию секции Елисейских полей, представленную Лакретелем (Peltier. Paris pendant l'anne 1795 t.II, pp.438-442).
- 66 «Moniteur» 3-4/IX-1795, № 347, 348 pp.1398-1400
- 67 «Moniteur» 5/IX-1795 № 349, p.1405.
- 68 «Momteur 6/IX-1795, № 350, pp.1408-1409.
- 69 Mallet.du Pan orrespondance, t.I, p.300.
- 70 Paris t.II, p.200-221.
- 71 Paris т.П, p.216, Rapport.4/IX-1795.
- 72 Paris, т.II, pp.237 239- 210 242-243, 245-246, 248, 254, 255-256, 258, 260-261 263 cp.Mallet.du Pan Correspondance, т.I, p.312.
- 73 Paris, т.II, pp.221, 251-252, 273.
- 74 Paris, т.II, pp.230 242 252, 255, 256, 261, 269.
- 75 Paris, т.II, pp.227, 228 235.
- 76 Paris, т.II, p.232.
- 77 Paris, т.II, p.252.
- 78 Paris т.II, p.256.
- 79 «Gazette francaise» 3/IX-1795, Paris, т.II, p.2.15; cp.Mallet.du Pan. CorrespondanLe, т.I, pp.301-305.
- 80 «Courrier republican», 4/IX-1795, Paris, т.II, p.217.
- 81 Адвокат Тарже был одним из авторов конституции 1791. «Courrier francaise», 7/IX. Paris, т.11 p.224.
- 82 Peltier. Paris pendant l'annee 1795, т.III, p.110.
- 83 Н.Кареев. Неизданные документы по истории парижских секций, стр.31, 33, 67, 69.
- 84 «Moniteur», 10/IX-1795, № 354, pp.1425-1426, Buchez et Roux; т.XXXVII, pp.20-21.
- 85 Paris, т.II, p.225, Rapport 9/IX-1795. В ночь с 6 на 7 сентября на Тальена было произведено нападение, бросали в окна камнями и ранили одного человека («Sentinelle», 10/IX-1795, Paris, т.II pp.226-227).
- 86 «Moniteur», 11/IX-1795, № 355, pp.1429-1430, Thibaudeau Memoires, т.I. pp.190-191.
- 87 Н.Кареев. Неизданные документы по истории парижских секций, стр.34, 36,37.
- 88 Там же, стр.79.
- 89 Paris, т.II, p.225, Rapport.8/IX Л795; cp. т.II, стр.220, R. 6/IX-1795.

- 90 Paris, t.II, p.229, Rapport.10/IX-1795.
- 91 Paris, t.II, pp.222-223, Rapport.7/IX-1795.
- 92 Н.Кареев. Неизданные документы по истории парижских секций, стр.29.
- 93 Там же, стр.71.
- 94 «Moniteur», 12/IX-1795, № 356, pp.1421-1433.
- 95 Paris, t.II, pp.2.31, 232, Rapport.11/IX-1795.
- 96 Н.Кареев. Неизданные документы по истории парижских секций, стр.80.
- 97 «Moniteur», 14/IX-1795, № 358, p.1441.
- 98 Там же, стр.1442.
- 99 «Moniteur», 15/IX-1795, № 359, pp.1444-1446.
100. «Moniteur», 16/IX-1795, № 350, pp.1147-1160, ср. Thibaudeau. Memoires, t.I, pp.192-193.
- 101 «Moniteur», 18/IX-1795, № 362, p.1457.
- 102 «Moniteur», 19/IX-1795, № 363, p.1461.
- 103 «Moniteur», 20/IX-1795, № 364, pp.1465-1166.
- 104 «Moniteur», 21/IX-1795, № 365, pp.1469, 1470.
- 105 «Moniteur», 24/IX-1795, № 2, p. 7.
- 106 «Moniteur», 25/IX-1795, № 3, p. 12.
- 107 Th i b a u d e a u. Memoirs, t.I, pp.194-201.
- 108 Paris, t.11, p.242, Rapport.15/IX-1795.
- 109 «Courrier francaisc..», 17/IX-1795, Paris, t.II, p.249.
- 110 «Gazette francaise», 17/IX-1795, Paris, t.II, p.249.
- 111 Cp. Mallet du Pan. Correspondance, t.I, p.282.
- 112 Fr.Pages. Histoire secrete de la revolution francaise, t.II, pp.342-343.
- 113 Lacretelle. Precis historique de la revolution francaise, t.II, pp.462-463(1803).
- 114 Real. Essai sur les Journees des treize el quaterze vendemiaire,p.11 (Paris), l'an 4 de la Republique).
- 115 Там же, стр.19-20.
- 116 «Censeur des journeaux», 25/IX-1795, Paris, t.II, pp.270-271; ср. перепечатку этой статьи у Пелтье. (Peltier. Paris pendant l'annee 1795, t.III, p.125).
- 117 Thibaudeau. Memoires, t.I, pp.188-189.
- 118 Larevelliere-Lepaux. Memoires, t.I, pp.255-256, 295-296.
- 119 Lavalette. Memoires, t.I, pp.141-142.
- 120 Memoires du marechal Marmont.due de Raguse, t.I, p.82.
- 121 Durand de Maillane. Histoire de la Convention Nationale, t.1,pp.288-289.
- 122 Mme de Stael. Considerations, t.II, p.152.
- 123 «Frankreich im Jahre 1795», III B., № 9, S.3-6.
- 124 Там же, т.II, стр.268, 272-273.
- 125 Mallet du Pan. Correspondance, t.I, pp.318-319, 322.
- 126 См. таблицу голосования за конституцию и за фрюкtidорские декреты в статье Н.Кареева «Борьба парижских секций против декретов 5-го и 13-го фрюкtidора 3 г.» (Ж.М.Н.Пр., 1915 г. № 3, стр.168, 169), ср. А.Олар. Политическая история французской революции, стр.633-635.
- 127 «Moniteur», 26-27/IX-1795, № 4, 5, p.16; ср. Paris, t.II, p.265, Rapport 24/IX-1795.

Подавление прериальского восстания было исходным пунктом для расхождения между термидорианцами и их реакционными союзниками из буржуазных секций и «золотой молодежи», которые предъявили Конвенту счет со своей стороны, стремясь толкать его все более вправо. Преследования республиканцев в реакционных секциях под видом борьбы с «террористами», антиреспубликанские выходки «золотой молодежи», усилившаяся агитация роялистов, нападки реакционной прессы на депутатов-республиканцев и на республиканские учреждения и обычаи, волна жестокого белого террора на юге и высадка эмигрантов в Кибероне, - все эти выступления летом 1795 года контрреволюционных элементов, скрытых и открытых роялистов, свидетельствовали об усилении роялистской опасности. Для предотвращения последней Конвент, в дополнение к конституции 3 года, издал декреты 5 и 13 фрюктидора о переизбрании двух третей из своего состава в новый Законодательный корпус. В течение всего фрюктидора месяца реакционеры и скрытые роялисты вели яростную агитацию против декретов о «двух третях», однако, эта агитация не могла поколебать решение буржуазно-республиканского большинства Конвента и заставить его отказаться от декретов 5 и 13 фрюктидора. Когда Конвент после произведенного плебисцита провозгласил 1 вандемьера 4 года (23 сентября 1795 г.) законом новую конституцию, вместе с дополнительными к ней декретами, противники фрюктидорских декретов от агитации перешли к прямому сопротивлению законам и подняли мятеж против термидорианского Конвента.

Первые столкновения по поводу декретов о «двух третях» произошли 2 вандемьера (24 сентября) между молодыми людьми и военными в Саду равенства, в Пале-Рояле, который являлся одним из главных очагов агитации против Конвента. Молодые люди обвиняли Конвент в опубликовании ложных сведений о результатах голосования за декреты о «двух третях», утверждая, что три четверти департаментов и весь Париж отвергли эти декреты. Военные возражали и называли роялистами молодых людей, носивших черные воротнички и зеленые галстуки. Прибывшая военная сила предотвратила рукопашную). 3 вандемьера (25 сентября) столкновения в Саду равенства продолжались, причем молодые люди стреляли в гренадер Конвента; группы их ходили с пением «Пробуждения народа» и криками: «Долой две трети и да здравствуют секции!». В нескольких театрах прибывшие мюскадеры прервали представления, крича, что арестовали некоторых молодых людей.²

Предместья обвиняли в этих столкновениях роялистов. Когда депутация от секции Монблан явилась в секцию Сент-Антуанского предместья Попинкур и сообщила, что стреляли в народ, она получила ответ: «Если это верно, то, быть может, стреляли только в роялистов, и мы сейчас закроем наше заседание, чтобы поступить с ними таким же образом».

5 вандемьера (27 сентября) самая революционная секция Антуанского предместья Кенз-Вен представила Конвенту адрес о принятии декретов о двух третях и о готовности секции поддержать Конвент.³ Но большинство парижских секций продолжало вести борьбу против фрюктидорских декретов. 3 вандемьера депутация от секции Хлебного рынка выразила в Конвенте сомнение в правильности опубликованных результатов голосования за декреты о «двух третях».⁴

Депутат Шенье требовал применения декрета 12 флореаля 3 года (1 мая 1795 г.), вотивированного по его предложению и приговаривавшего к изгнанию из Франции тех, кто своими писаниями или возмутительными речами призывал к оскорблению национального представительства или к восстановлению королевской власти. Отдан был приказ арестовывать тех, кто оскорблял за возглас «да здравствует Конвент!» и кричал: «Долой Конвент! Долой штыки! Долой республиканцев! Да здравствует король!». «Вечерний вестник», орган молодых людей, нагло писал по этому поводу, что «вожди секций представляют почти все население Парижа, за исключением 800-900 патриотов 1789 года» и что «почти нет парижан и особенно парижанок, которые не заслуживали бы ссылки, если бы закон Шенье относительно оскорбителей был в полной силе». Газета рассчитывала, что масса, страдавшая от нужды, не поддержит Конвента. «Недостаток продовольствия, - добавляла она, - привел в раздражение умы, которые совсем не обвиняют мнимых роялистов секций, но так как эта нужда является почти всеобщей, то можно сомневаться,

чтобы Конвент даже в Шалоне был в безопасности от ропота и криков этих несчастных».⁵ Та же газета 25 сентября опубликовала дерзкое обращение к «представителям народа, сторонникам «двух третей», в котором указывала, что «никто более не верит» в таланты и добродетели депутатов, желающих сохранить власть в своих руках, что народ «возмущается против своих приказчиков и намеревается создать для них закон», что они «были соучастниками самого низкого из всех тиранов» и дрожали перед ним как рабы. Газета угрожающе добавляла по адресу депутатов Конвента: «Вы губите славу и жизнь, если отдаетесь вашей ярости... Корабль, которому слишком долгое плавание угрожало ужасной судьбой, боится еще кораблекрушения, когда он готов войти в порт. Тогда его руль доверяется рукам нового кормчего. Пусть разбушевавшееся море скорее проглотит ваш корабль».⁶

4 и 5 вандемьера (26 и 27 сентября) Конвент принял несколько декретов, направленных против молодых людей, подлежавших призыву в армию, и против самовольных и противозаконных действий секций. На председателей и секретарей первичных собраний секций возлагалась ответственность за постановления, чуждые выборам. Вооруженная сила не должна была совершать передвижения без приказаний уполномоченных на это депутатов.⁷ Согласно декрету 5 вандемьера, ограничивавшего функции первичных собраний секций выборами. Конвент 6 вандемьера (28 сентября) отказался допустить депутацию от секции Монблан.⁸ 7 вандемьера (29 сентября) он отказался принять декларацию, исходившую от имени «большинства» первичных собраний (фактически от 23) и подписанную комиссарами этих собраний.⁹

В этой декларации развивалась та мысль, что с принятием конституции законодательные функции Конвента кончились и он пока может выполнять только функции исполнительной власти. Выставлялось также требование обратного заключения в тюрьму «террористов», выпущенных без суда.¹⁰ Секции, не присоединившиеся к декларации секции Лепелетье, не были склонны идти так далеко в борьбе против Конвента и ограничивались пока пассивным сопротивлением. Так, секция Арси, не признав фактичности декретов законом, решила и впредь оказывать тиранам твердое пассивное сопротивление, если только не будет активной агрессии со стороны правительства.¹¹

Во время обострения конфликта между Конвентом и парижскими секциями реакционные газеты все ярее стилизовали сражение воинов в Парижу, но они возлагали надежды на то, что войска не станут стрелять в парижан.¹² Секции посылали депутации к войскам и пытались вести среди них агитацию,¹³ а в то же время они отказывались выполнять постановление Комитета общественной безопасности о вооружении «террористов», выпущенных на свободу, и выносили постановления о том, чтобы снова их арестовывать.¹⁴

10 вандемьера (2 октября) Конвент назначил открытие заседаний нового Законодательного корпуса на 5 брюмера (27 октября). 11 вандемьера (3 октября), во время чествования памяти погибших в период тирании децемвиров, Конвент узнал о постановлении секции Лепелетье, которым все остальные секции призывались не признавать постановлений Конвента и прислать в зал Французского театра выборщиков всех первичных собраний. Секция Лепелетье предлагала первичным собраниям возможно скорее закончить избрание выборщиков, дать клятву защищать их до смерти и послать вооруженную силу для их охраны. Выборщики приглашались собраться 11 вандемьера в 10 часов утра в зале Французского театра, чтобы без промедления ввести в действие новую конституцию, т.е. произвести выборы членов нового Законодательного корпуса. Это постановление было прямым объявлением войны Конвенту со стороны мятежной секции Лепелетье. В ответ Конвент объявил свои заседания непрерывными и декретировал не позднее 15 вандемьера (7 октября) закрыть первичные собрания, а 20 вандемьера (12 октября) открыть собрания выборщиков.¹⁵ «Наконец, секция Лепелетье, - доносила полиция, - сбросила маску и постановлением, продиктованным мятежом и анархией, которые роялизм разносит по другим секциям, пригласила последние послать выборщиков во Французский театр».¹⁶

Не все секции решились стать на путь открытого неповиновения Конвенту. 5 секций (Кенз-Вен, Музея, Инвалидов, Терм и Французских гвардейцев) закрыли свои заседания, 4 секции (Бонкочсейль, Гравилье, Соединения и Тампля) перешли к порядку дня, а 2 секции - Арси и Ботанического сада - протестовали против собрания выборщиков как против незаконного. Секция Арси постановила составить от имени всех граждан секции адрес

Конвенту, возложив на последний ответственность за кровь, если она будет пролита.¹⁷ В большинстве из этих 11 секций, за исключением 3-х секций (Французских гвардейцев, Тампля и Арси) преобладало ремесленно-рабочее (Кенз-Вен, Музея, Гравилье и Ботанического сада) или мелкобуржуазное население (Инвалидов, Бонконсейль, Терм и Соединения).

20-22 секции выразили согласие с постановлением секций Лепелетье и Французского театра, но только 15 секций послали своих выборщиков в зал Французского театра, а именно - секции Лепелетье, Мельничного холма, Тюильри, Елисейских полей, Прав человека. Арсенала, Единства, Гренельского фонтана, Люксембург, Друзей отечества, Вандомской площади. Французского театра, Брута, Монблан и Бон-Нувель. Первые из 9-ти названных секций принадлежали к секциям с преобладающим или очень значительным буржуазным населением. Все 15 секций были секциями центра и запада Парижа и окружали со всех сторон Тюильри, где заседал Конвент. Фактически во Французском театре собралось от 60 до 80 выборщиков. Не все из них явились охотно. Герцог Ниверне, например, заявил, что он пришел вопреки своей воле и что его повели на смерть. Посланы были комиссары еще раз пригласить остальные секции послать своих выборщиков во Французский театр. Фиефе, обрывая собрание, призывал не признавать Конвент ни как законодательную власть, ни как правительство, но он соглашался, что нельзя думать о восстановлении монархии. «Это, - говорил он, - отжившее правление; тем, которые попытались бы его восстановить, удалось бы только вызвать гражданскую войну». Председатель собрания Лебуа провел постановление, что Конвент является только административной властью. Огласить роспуск Конвента выборщики, однако, не решились, считая, что их собралось недостаточно. Вечером на площади Французского театра секционеры встретили свистом, воем и оскорблениями попытку огласить декрет Конвента от 11 вандемьера. Тушили факелы глашатаев и кричали: «Долой две трети, долой Конвент, да здравствуют выборщики, да здравствуют секции, долой депутатов!». Правительственные комитеты послали военную силу, чтобы взять под стражу выборщиков, собравшихся во Французском театре, но когда в ночь с 11 на 12 вандемьера войска прибыла, зал Французского театра уже опустел.¹⁸

Войска запоздали, так как командующий внутренней армией генерал Мену, не колебавшийся при усмирении прериальских повстанцев, не был теперь склонен действовать решительно против буржуазных секций. Депутатам секций на вопрос об отношении армии к декретам о «двух третях» он давал уклончивые ответы.¹⁹ Секции вводили его в заблуждение мирными заявлениями и стремились усыпить его лестью. Конвент не мог иметь к Мену большого доверия. В письме к депутату Тибодо от 11 вандемьера генерал Мену просил помешать принятию мер, «которые могли бы вызвать гражданскую войну» «Постараемся, - писал он, - достигнуть цели без того, чтобы это стоило крови; выигрывая время, выигрывают все, и я надеюсь, что мы учредим республику вопреки злонамеренным и интриганам». Своей нерешительностью генерал Мену только поощрял секции к вооруженному выступлению, внушая им надежду, что войска не будут сражаться с национальной гвардией секций. Отряды же последней состояли из собственников, торговцев и вообще из лиц, которые были в состоянии сделать экипировку за свой счет.²⁰

Донесение полиции от 4 октября так изображало начало мятежа секций 11 вандемьера: «Очаг восстания - среди секции Лепелетье. Это оттуда звучит и слышится набат анархии. К счастью, гений свободы бодрствует, и этих мрачных криков роялизма не слышно со стороны большинства секций. Выборщики, уже избранные собраниями, собрались, согласно данному согласию на постановление секции Лепелетье, во Французском театре. Большинство там не было. В этом незаконном собрании лиц постановили, чтобы избирательный корпус (так они себя называют) имел гвардию в 12 тысяч и чтобы в случае атаки отразили силу силой».²¹

Реакционный «Французский курьер» писал о дне 11 вандемьера: «Все принимает вокруг нас вид войны. Каждый момент вступают новые войска. Национальный конвент ошестинился штыками и пушками. Разоруженные люди получили оружие. Секции непрерывно заседают. Выборщики многих секций собрались вчера во Французском театре, заседание их затянулось до ночи. В два часа депутаты, которые распоряжаются военной силой, отправились во главе двух тысяч человек, чтобы выполнить декрет, постановляющий закрытие избирательного корпуса; они никого не нашли и взяли звонок председателя и некоторые бумаги. Накануне прокламация Конвента была встречена шиканьем».²² Но по словам одного современника событий, «Париж представлял тогда для наблюдателя

общественных страстей разительный контраст между возбуждением партий и спокойным равнодушием народа. Избирательные собрания находились в открытой войне, а в городе все шло, как раньше».²³

С 11 вандемьера обе стороны. Конвент и секции, спешно готовились к предстоящему столкновению. Правительственные комитеты выделили из своей среды комиссию из 5 лиц (Барраса, Коломбея, Дону, Летурнера и Мерлена де Дуэ), поручив ей принять меры к поддержанию общественного спокойствия. 11 же вандемьера Конвент обратился с призывом о поддержке к «патриотам» 1789 года, к людям 14 июля и 10 августа». Ряд лиц, заключенных в тюрьму после прерийских дней и выпущенных оттуда по распоряжению Комитета общественной безопасности, получил теперь оружие. Образовался батальон патриотов 1789 года, насчитывающий около 1500 чел. От вступавших в этот батальон требовали предъявления или гражданской карточки или рекомендации граждан-патриотов. По желанию батальона, во главе его был поставлен генерал Беррюе. Генерал же Мену протестовал против образования этого батальона, заявив днем 12 вандемьера комиссии пяти: «Он узнал, что вооружают всех бандитов. Я категорически заявляю, что не хочу иметь под своим командованием, ни в своей армии, ни маршировать с сборищем злодеев и убийц, организованных в батальон патриотов 89 г.». Комиссия пяти ответила генералу Мену: «Эти искренние друзья свободы не будут находиться под Вашим командованием, они будут под командованием республиканского генерала, в распоряжении представителей народа и останутся возле Конвента для его защиты».²⁴

12 вандемьера волонтеры батальона патриотов 1789 года клялись у решетки Конвента соблюдать уважение к лицам и собственности и выражали солидарность с Конвентом. В связи с этим депутат Дюбуа-Крансе заметил, что «это будет первым ответом мятежникам, а если они этого потребуют, им дадут ружейными выстрелами второй ответ». Конвент постановил выпустить прокламацию к парижанам о движении в секциях, устанавливая относительно состава и намерений «патриотов 1789 г.» и заявляя: «Все они дали клятву уважать личность, собственность и защищать их» и разойтись, когда Конвент не будет иметь нужды в их услугах. На том же заседании Конвента гражданские комитеты секций Терм и Французских гвардейцев заявили о своем признании декретов Конвента.²⁵

Вооружение «террористов», как называли секционеры «патриотов 1793 г.», вызывало страх и особое возмущение в буржуазных секциях. «Граждане, - говорилось в прокламациях секционеров, - царство террора, грабежа и смерти скоро снова получит свою формальную силу; Конвент скоро вас предаст в руки палачей; ваши жены, ваши дети будут убиты».²⁶ Вожаки движения секций использовали вооружение «террористов» как предлог для перехода к более решительному сопротивлению Конвенту и для того, чтобы увлечь за собой секции, которые колебались и не прислали своих выборщиков во Французский театр. Посылались делегации от одной секции к другой. Центрами организации сопротивления Конвенту стали секции: Лепелетье - на правом берегу Сены и секция Французского театра - на левом берегу. По словам агентов полиции, в секции Лепелетье приглашали прохожих вооружаться, чтобы сражаться против Конвента и террористов, говоря, что «только король мог бы сделать нас счастливыми». Председатель выборщиков во Французском театре Лебуа сказал делегации секции Бонконсейль: «Как, вы не вооружены, а злодеи вооружились, чтобы вас умертвить, вас разграбить». Постановление о вооружении граждан прошло также и в секции Бонконсейль. Секция Хлебного рынка постановила снова заключить в тюрьмы террористов, а тех граждан, которые не последуют призыву вооружиться, считать подозрительными и арестовывать.

Под предлогом, что вооруженные террористы угрожают лицам и собственности, во многих секциях (Лепелетье, Французского театра, Единства, Нового моста, Люксембург, Брута, Монблан, Бон-Нувель и др.) вечером 12 вандемьера было решено начинать выступление. Решили вооружить своих граждан и несколько других секций (Майль, Люксембург, Гренельского фонтана, Друзей отечества и др.). Некоторые из этих секций заявляли, что они ограничатся защитой (например, секции Бон-Нувель к Друзей отечества).²⁷

В ответ на вооружение «террористов» секция Арси, до сих пор не шедшая так далеко, как секция Лепелетье и др., постановила держать наготове часть вооруженной силы.²⁸

Ремесленники и рабочие приписывали разрастающийся мятеж секций проискам роялистов. Накануне мятежа 13 вандемьера, донесение полиции так характеризовало отношение парижан к конфликту между Конвентом и секциями: «Молодые люди и некоторые женщины аплодируют комедии избирателей, рассудительные люди и добрые граждане порицают это поведение и со скорбью видят, что большое число граждан еще обмануто негодьями и интриганами, которые ввели секции в заблуждение. Поведение Конвента одобряется, и если, к несчастью, дело дойдет до решительного столкновения, партия избирателей, даже поддержанная шуанами, журналистами, красивыми дамами..., не одержит верх. Таков результат мнений, собранных в различных группах... Группы у ворот Мартен и Дени, составленные частью из ремесленников, все стоят на стороне Конвента, и их мнение было бы высказано более определенно, если бы дороговизна продуктов, дров, угля не озабочивала их.²⁹ Полиция указывала, что в нескольких частях города рабочие, страдающие от голода, готовы поддержать Конвент «вопреки роялистам, которые командуют секциями».³⁰

Вечером 12 вандемьера правительственные комитеты получили сообщение, что секции Лепелетье, Французского театра. Мельничного холма, Общественного договора, Тампля, Люксембург, Брута, Пуассоньер и некоторые другие объявили себя в состоянии восстания против Конвента, заявив, что не признают ни одного из его декретов, и предложили своим гражданам собраться вооруженными, под предлогом защиты от вооруженных «террористов». Комитеты отдали приказ об аресте бюро секции Лепелетье, и индигноз возмутительного постановления и предводителей вооруженной силы мятежных секций. Пришлось снова вызывать из Саблонского лагеря под Парижем войска, вернувшиеся туда после запоздалой и бесплодной экспедиции к Французскому театру в ночь с 11 на 12 вандемьера.

Войска прибыли в 7 час. вечера и образовали 3 колонны, но не все генералы были на своем посту. Бригадный генерал Деспьер, который должен был командовать третьей колонной, прислал письмо с сообщением, будто лихорадка удерживает его в постели, хотя за несколько часов перед тем его видели вполне здоровым. Только между 9 и 10 час. вечера 3 колонны войск могли двинуться к секции Лепелетье. Бюро секции разошлось. Собрание также было распущено, но 700 -800 вооруженных секционеров защищали вход в него. Действуя решительно, войска легко могли бы разоружить этот отряд и потушить главный очаг мятежа, но генерал Мену вступил в переговоры с вожаками секции Лепелетье и с согласия сопровождавшего его депутата Лапорта обещал увести войска, если вооруженные граждане секции Лепелетье разойдутся. Мену будто бы даже сказал гренадерам колонны, во главе которой он находился, что он «заколет своей шпагой того солдата, который осмелится оскорбить добрых граждан секции Лепелетье». Вопреки инструкции депутата Лапорта, генерал Мену дал приказ своим войскам удалиться, не дождавшись роспуска вооруженных секционеров, которые сначала симулировали, что они расходятся, и снова собрались, когда войска удалились. Узнав о ненадежности генерала Мену, правительственные комитеты и Конвент постановили немедленно устранить и арестовать Мену, командование же вооруженной силой в Париже в ночь на 13 вандемьера было поручено депутату Баррасу, в помощь которому были присоединены депутаты Дельма, Лапорт и Гупилло де Фонтене.³¹

Двусмысленное поведение генерала Мену питало надежды секционеров, что войска не будут сражаться против них. Роялистский генерал Даникан, командовавший мятежными секциями 13 вандемьера, писал потом, что некоторые генералы стыдились той роли, которую их заставил играть Конвент за). Безрезультатная экспедиция войск генерала Мену в секцию Лепелетье вечером 12 вандемьера воодушевила теперь секции и внушила им уверенность в нейтралитете войск. О Конвенте отзывались с презрением и считали его уже побежденным. Вооруженные батальоны ряда секций центра шли на помощь секции Лепелетье. После неудачной экспедиции генерала Мену вооруженное столкновение между мятежными секциями и защитниками Конвента и республики стало неизбежным.³²

II. 13 вандемьера четвертого года республики (5 октября 1795 г.)

Ночь с 12 на 13 вандемьера прошла в приготовлениях к сражению.

«Французская газета» писала об этом: «Нас окружают приготовления к сражению; каждая улица оцетинилась линейными войсками или национальной гвардией. Значительное ядро последней окружает секцию Лепелетье, от которой вчера вечером потребовали, чтобы она распустила себя. Войска, сопровождавшие депутата, уполномоченного на это требование, удалились. Уверяют даже, что многие солдаты побратались с гражданами. Во многих секциях бьют сбор. Каждый бежит, каждый спешит».³³

В секции Лепелетье образовалась центральная комиссия во главе с Рише-Серизи и в составе Лафона, Дюфайяна и баронов Лапорта и Фортоссора. Комитеты правительства и члены Конвента, за некоторыми исключениями, были объявлены вне закона. Все вооружившиеся на защиту Конвента были внесены в проскрипционные списки. Был образован и чрезвычайный трибунал. Заставы были закрыты, и корреспонденция просматривалась. Казначейство было занято секцией Лепелетье; секционеры также захватили продовольствие для войск, лошадей и оружие, направленное в верную Конвенту секцию Кенз-Вен. Некоторые депутаты, бывшие вне Национального дворца (Тюильри), были задержаны в качестве заложников. Командование восставшими было поручено бригадному генералу Даникану, который раньше вел войну с вандейцами, но осенью 1793 года был устранен, а после 9 термидора стремился зарекомендовать себя противником террористов и теперь протестовал против декретов о «двух третях». Даникан прибыл в Париж 12 вандемьера и вступил в командование утром 13 вандемьера.³⁴

Секции Лепелетье, которая была главным очагом мятежа против Конвента, наиболее активно помогали крупнобуржуазные секции Мельничного холма, Майль и Тюильри и мелкобуржуазная секция Брута. К батальонам левобережной секции Французского театра присоединились батальоны буржуазной секции Единства и секций Гренельского фонтана и Люксембург со значительным количеством буржуазного населения. В секции Мельничного холма было объявлено, что все, кто не возьмется за оружие, будут рассматриваться как террористы. Секция Люксембург грозила разоружением и арестом тем гражданам, которые откажутся вооружиться. К этим 9 секциям, составлявшим ядро восстания и бывшим, за исключением секции Брута, буржуазными по составу своему населения, присоединились в той или иной мере и другие секции с преобладающим или значительным буржуазным населением (Верности, Арсенала, Прав человека. Нового моста, Арен, Ломбар и Вооруженного человека), а также некоторые секции мелкобуржуазные и демократические по преобладающему составу своего населения, в которых, однако, буржуазные элементы возобладали в течение термидорианской реакции (Друзей отечества, Вандомской площади, Бонконсейль, Соединения, Монблан, Пуассоньер и Бон-Нувель). Но из этих 14 секций некоторые, например, секции Бон-Нувель и Арен, склонны были ограничиться только защитой. Так, секция Арен постановила не оставлять оружия, пока террористы не будут разоружены и заключены опять в тюрьму, и поддерживать сношения с остальными секциями. В общем, в мятеже 13 вандемьера приняли участие почти все секции с преобладающим или значительным количеством буржуазного населения, а из секций с преобладанием мелкобуржуазного и ремесленно-рабочего населения те, в которых буржуазные слои стали господствовать после 9 термидора.³⁵

Некоторые секции, например, Нераздельности, объявили себя нейтральными. Секции Монмартр, Терм и Французских гвардейцев заявили о своей солидарности с Конвентом. Секции Антуанского предместья (Кенз-Вен, Монтрейль и Попинкур) вооружились, чтобы выступить на защиту Конвента и республики против роялистов. Туда направился депутат Фрерон, и батальон из секции Кенз-Вен в 250 человек прибыл для защиты Конвента, Против 25-30 тыс. восставших секционеров Конвент располагал только 5-6 тыс., в состав которых входили линейные войска, полицейский батальон, батальон патриотов 1789 года и небольшой батальон секции Кенз-Вен.³⁶

По словам Лакретеля, «секции могли выставить армию в 25 тыс. национальных гвардейцев, среди которых 7 или 8 тыс. были очень решительны, и это те, которые принадлежали к секциям центра. Конвент, опираясь на 5 тыс. человек линейных войск и батальон старых якобинцев, называемых тогда террористами, вид которых приводил нас в бешенство, но особенно рассчитывая на пушки Бонапарта, с большим хладнокровием допустил блокировать себя в своем поясе укреплений».³⁷ Сами восставшие преувеличивали свои силы и полагались особенно на численность буржуазной национальной гвардии и малочисленность войск Конвента. Генерал Даникан ошибочно рассчитывал иметь в своем распоряжении 50 тысяч, относя к сторонникам Конвента только 4 секции и «террористов».³⁸ Термидорианец Реаль рассказывает о встрече с командующим батальоном секции Французского театра, который хвастливо заявил ему: «Ба, Конвент не имеет и 8 тысяч человек, а мы будем их иметь 100 тысяч».³⁹ Генерал Мену заявил Баррасу, что восставшие имели сил в 8 раз больше, чем Конвент.⁴⁰ По словам депутата Конвента Тибодо, восставшие имели 20-25 тысяч хорошо вооруженных и были, по крайней мере, в 5 раз многочисленнее войск Конвента.⁴¹

По предложению Барраса, главнокомандующего войсками Конвента, помощником ему был назначен по соглашению с Комитетом общественного спасения генерал Наполеон Бонапарт, бывший после 9 термидора в немилости за свою связь с Робеспьером младшим и другими якобинцами. Ряд генералов, получивших отставку после 9 термидора, предлагали Баррасу свои услуги. Среди них был Вашо, которого Даникан обвинял в «терроризме». Баррас и Бонапарт отдали прежде, всего распоряжение доставить 40 пушек, которые находились в Саблонском лагере под Парижем и плохо охранялись. Эскадрон стрелков в 300 человек под командованием Мюрата прискакал в 2 часа ночи в Саблонский лагерь, заставил удалиться одну колонну секционеров, намеревавшихся захватить артиллерию, и в 6 часов утра доставил пушки к Конвенту. Другой отряд доставил боевые припасы из Медона. В Тюильри удалось сосредоточить и прозаявить для войск

Ввиду малочисленности своих войск, имевших, однако, пушки, которых почти не было у восставших, Баррас предпочел не рассеивать своих сил, а занять подступы к Конвенту и держаться пока оборонительной тактики, которую официально он оправдывал нежеланием начинать гражданскую войну. Войска и артиллерия Конвента заняли позиции, которые давали им возможность защищать подступы к Конвенту на правом берегу Сены со стороны секций Мельничного холма и Лепелетье и в то же время мешать левобережным секциям проникнуть в Тюильри через мосты. Генерал Беррюе, командовавший батальоном патриотов 1789 года, прикрывал с 4 пушками подступы со стороны Ван-домской площади. Генерал Брюн охранял позиции со стороны площади Карусель. Генерал Вердьер должен был с 4 пушками мешать секциям Сен-Жерменского предместья перейти Национальный мост, ведущий прямо к Тюильри. Генерал Карто, которого называли «генералом санкюлотом», охранял Новый мост и одновременно подступы к Конвенту со стороны центра Парижа. Отряд стрелков, доставивший пушки из Саблонского лагеря, был расположен на площади Революции и должен был, в случае поражения, обеспечить Конвенту отступление в Сен-Клу. Таким образом, линия защиты простиралась по набережной на правом берегу Сены от Нового моста до Елисейских полей.⁴²

Войска Конвента, немногочисленные, но воодушевленные желанием бороться за республику, были сконцентрированы, имели пушки и находились под начальством решительных республиканских генералов. Вооруженные батальоны секций были разъединены рекой Сеной, действовали несогласованно и имели во главе неспособного и нерешительного генерала Даникана. Кроме того, многие секции, вовлеченные в движение, рассчитывали добиться победы над Конвентом, не прибегая к упорной вооруженной борьбе, а лишь опираясь на свое численное превосходство. Генерал Даникан, с своей стороны, также хотел держаться оборонительной тактики и ждал, чтобы войска Конвента перешли в наступление и рассеяли свои небольшие силы, что давало секциям шансы на успех. Но роялистские руководители секции Лепелетье толкали его на атаку. «Я спрашивал, - писал потом генерал Даникан, - где были наши пушки, наша амуниция и особенно наши припасы. Мне ответили на это, что войска не будут стрелять в своих сограждан, что нельзя терять ни одной минуты, что победа принадлежит нам».⁴³

Батальоны восставших секций заняли Вандомскую площадь, Пале-Рояль, улицу Сент-Оноре и расположенные на ней Театр республики и церковь Сен-Рош. Батальоны секции Лепелетье и Вандомской площади пытались «брататься» с войсками Конвента. Такой же тактики держались колонны секций Единства и Гренельского фонтана (1200 человек), стремившиеся пройти через Новый мост. Генерал Карто, командовавший республиканской колонной, стоявшей у Нового моста, опасаясь быть окруженным, очистил Новый мост, который и был занят секционерами. Последние задержали на мосту конвой с 800 ружей, которые перевозились для секции Кенз-Вен. К 3-4 часам дня колонны секционеров приблизились к республиканским войскам на расстояние в 12 или 15 шагов. Бонапарт и другие генералы хотели использовать этот момент, чтобы открыть огонь из пушек, но Баррас отдал приказ ждать атаки со стороны секционеров.⁴⁴

Даникан, рассчитывая на поддержку некоторых членов Комитета общественного спасения и жирондистских депутатов Конвента, послал в Комитет общественного спасения парламентаря с письмом, в котором просил свидания и предлагал Комитету успокоить жителей Парижа и тем предотвратить гражданскую войну. Он утверждал, что парижане «взялись за оружие только из страха быть убитыми террористами, которыми Конвент недавно себя окружил».⁴⁵ По свидетельству Реаля, в самом Комитете общественного спасения Буасси д'Англа был за соглашение с Даниканом. Байлель предлагал немедленно разоружить тех патриотов 1789 года, поведение которых в ходе революции «заслуживало порицания». Гамон представил Конвенту проект обращения к жителям Парижа о роспуске патриотов 1789 г. и о приеме жалоб от «добрых граждан». Таким образом, сами правительственные комитеты колебались и готовы были положиться на лояльность секций. Но Конвент с ропотом выслушал этот проект капитуляции. Жирондист Ланжюине пытался было выступить на защиту соглашения с секциями, но ему не дали говорить. Тогда Ланжюине бросил большинству Конвента упрек, что оно хочет гражданской войны. На это некоторые депутаты ему кричали: «Это ты начинаешь гражданскую войну». «Не видишь ли ты, Ланжюине, - возразил ему один из депутатов, - что готовят 31 мая наоборот». Если бы Конвент пошел на соглашение, он стал бы пленником секций, которым сочувствовали жирондисты. Решено было не отвечать Даникану, а послать в секции 24 депутатов, чтобы просветить введенные в заблуждение секции. Но эта мера не была приведена в исполнение, так как после 4-х часов пополудни началось сражение между восставшими секциями и войсками Конвента.⁴⁶

Кто начал атаку после 4-х часов пополудни, не является вполне точно установленным. Каждая из сторон приписывала впоследствии противнику инициативу сражения. Мерлен де Дюэ и Баррас, официальные докладчики в Конвенте о событиях 11-14 вандемьера, и Конвент в своих обращениях к парижанам после победы обвиняли секции в том, что они под видом «братания» коварно и неожиданно напали на отряды Конвента, стремясь захватить пушки. Войскам Конвента был отдан формальный приказ не начинать атаки, избегать всяких провокаций со стороны секционеров. Выстрелы последовали со стороны колонны восставших, находившейся у церкви Сен-Рош, где им противостоял отряд патриотов 1789 года под командованием генерала Беррюе. Последний получил приказ от Барраса ответить силой на силу.⁴⁷ Реаль⁴⁸ некоторые газеты приписывали инициативу атаки секционерам и роялистам.⁴⁹ На другой день после восстания полиция указывала на трудность установить, что именно послужило поводом к первому пушечному выстрелу.⁵⁰ Победенные же участники вандемьерского мятежа возлагали ответственность за начало атаки на войска Конвента.⁵¹ Лакретель приписывал первый ружейный выстрел депутату Дюбуа-Крансе. «В 4 часа вечера, - пишет он, - сцена изменилась: ружейный выстрел, произведенный членом Конвента Дюбуа-Крансе из дома одного ресторатора в национальную гвардию, расположившуюся на ступенях церкви Сен-Рош, был сигналом к атаке».⁵² Возможно, что сам генерал Даникан, не будучи уверенным в победе, опасался начать сражение, но он же сам потом утверждал, что «заставил замолчать тех, которые говорили только об атаке». Вожаки секции Лепелетье были недовольны переговорами Даникана и обвиняли его в миролюбии, трусости и даже измене. «Я был, - пишет Даникан, - среди злодеев двух партии. Конвент объявил меня мятежником и заговорщиком, а секция Лепелетье постановила застрелить меня как изменника и труса».⁵³ Таким образом, из признания генерала Даникана с несомненностью вытекает, что роялисты секций Лепелетье и Мельничного холма хотели решительных действий.

Сражение началось после 4-х часов пополудни между колонной секции Мельничного холма, расположенной у церкви Сен-Рош, и стоявшим против этой колонны отрядом патриотов 1789 года. Секционеры, вооруженные мушкетами, не долго могли противостоять убийственным пушечным выстрелам республиканских войск. По словам Даникана, «толпа, покрывавшая ступени Сен-Рош, была опрокинута; беспорядок охватил батальоны, которые, будучи готовы удалиться, не ожидали атаки, около часу сопротивлялись стрельбе картечью, но, наконец, пришлось отступить».⁵⁴ Вскоре войска Конвента вместе с батальоном патриотов 1789 года перешли в наступление и к 6 часам вечера отбросили секционеров на площадь Малой карусели. Многие канониры в войсках Конвента были убиты и ранены. Из 50-ти марсельцев, сражавшихся в батальоне патриотов 1789 года, было ранено 15. Под генералом Беррюе была ранена лошадь. Часть секционеров укрылась в церкви Сен-Рош, откуда продолжали безуспешно отстреливаться до 8 часов вечера.

Неудачна была и попытка генерала Даникана захватить пушки у Национального моста, при помощи многочисленной левобережной колонны секционеров. Участник мятежа Лакретель так описывает эту неудачную попытку: «Нашими военными предводителями было решено попытаться атаковать Конвент, двигаясь через Новый мост и следуя набережной до Королевского моста, занятого войсками и батареями Конвента. Наша колонна увеличилась, образовав массу в 15 тысяч человек, но прибывшие последними не были очень решительными и имели лишь показное мужество. Генерал Даникан заставил нас двигаться по набережной от Нового моста до Королевского моста как будто для того, чтобы дать пушкам очень богатую добычу, а Бонапарт, генерал совсем другого рода, терпеливо допустил нас приблизиться... Пушки загремели, когда мы были не более, чем в 50 или 60 шагах. Это был момент, чтобы нам броситься вперед, но нашего генерала не было тут, чтобы дать нам приказ и пример. Однако мы держались твердо и отвечали двумя залпами, направленными на Королевский мост. Мы выиграли даже немного пространства, когда, обернувшись, увидели, что длинная набережная опустела от национальных гвардейцев, за исключением двух или трех тысяч, которые начали движение. Мы вынуждены были отступить на улицу Бон, где пушки нас не преследовали; но победа Конвента была решительной».⁵⁵ «Я принял общее командование в 10 часов утра и я был совершенно разбит в 6 часов вечера», - признавал сам генерал Даникан.⁵⁶ В течение всего двух часов победа Конвента была обеспечена и опасность для него миновала, но секционеры занимали еще недалеко от Тюильри позиции в церкви Сен-Рош, Театре республики и во Дворце равенства (Пале-Рояле).

К ночи войска Конвента выбили секционеров из Театра республики и Дворца равенства и установили там свои форпосты. В 9 часов 30 мин. вечера Баррас известил Конвент, что лучшие позиции в руках республиканцев и опасности со стороны мятежников более не существует.⁵⁷ Попытки секционеров строить баррикады были скоро прекращены выстрелами из пушек и мушкетов. Ночью раздавались только отдельные выстрелы с той и другой стороны. Во время сражения заседание Конвента непрерывно продолжалось. Когда загремели первые выстрелы, некоторые депутаты взяли оружие и пошли во главе солдат. Раненых приносили в Тюильри, где за ними ухаживали депутаты, бывшие врачами по профессии (Барайон и др.), и жены некоторых депутатов, находившиеся в Конвенте (Бентаболь, Дюбуа-Крансе, Тальен и др.).⁵⁸

В секциях Лепелетье, Мельничного холма, Брута и Французского театра призывали бросать камни и лить воду из верхних этажей на войска Конвента. В секции Лепелетье готовились еще к сопротивлению и имели 4 пушки. В секции Брута задержали жену одного депутата и еще утром 14 вандемьера призывали бороться. В секции Майль постановили задержать в качестве заложников жен и детей патриотов. Распускали слух, что Конвент обещал войскам отдать им Париж на 2 часа на разграбление. Стремясь ободрить секционеров, вожаки секций уверяли, что окрестные коммуны - Сен-Жермен, Сен-Дени, Версаль и др. - прислали вооруженных людей и пушки на помощь секциям Парижа. Но большинство секционеров покинуло батальоны и разошлось по домам.

В 4 часа утра генерал Вашо занял церковь Сен-Рош, очищенную секционерами Утром 14 вандемьера (6 октября) войска Конвента двинулись, чтобы разоружить непокорных в секциях. Без сопротивления они заняли секции Лепелетье, Брута и Французского театра. В секции Лепелетье было захвачено большое количество ружей, 4 пушки и 30-40 лошадей. Отряд кавалерии захватил 2 пушки и обезоружил сопровождавший их конвой и 200 человек из предместья Сен-Жермен. Большинство вожаков секций скрылось.⁵⁹ В дневном заседании 14 вандемьера Конвент принял текст обращения к парижанам, в котором ответственность за бунт возлагал на роялистов, успокаивал, что собственности ничто не угрожает, и говорил о наказании преступников, но не тех, кто был введен в заблуждение.⁶⁰

Легкость победы Конвента объясняется тем, что масса мятежников состояла из колеблющихся буржуа и народные низы не пошли за мятежными буржуазными секциями. По словам умеренного буржуазного республиканца Тибодо, «13 вандемьера большая часть граждан, объединившихся под знаменем секционеров, не имела, из благоразумия или из принципа, никакой охоты сражаться и была только вовлечена ложным представлением о чести. Кроме того, их вожаки убедили их, что ружья и пули нужны только для формы и что, как только они подойдут к Тюильри, войска будут брататься с ними и большинство Конвента примет их с распростертыми объятиями. Вот почему, когда послышались залпы из пушек и мушкетов, большинство секционеров спасалось, осыпая проклятиями интриганов, которые их обманули». Тибодо подчеркивает, что число убитых не превышало 100 и среди них не было ни одного вожака или оратора секций. «А вечером зрелища были переполнены, как будто ничего не случилось».⁶¹

В таком же духе писал 9 октября 1795 года и один республикански настроенный немецкий корреспондент: «Хорошо вооруженная 1-вар-дия секций могла иметь около 30 тысяч человек, но большинство молодых людей, из которых она состояла, не знало, что они собственно должны были делать, и являлось лишь попутчиками. Нет, следовательно, ничего удивительного, что они образумились, коль скоро дело стало серьезным, и не боролись с неизменным мужеством республиканцев, одушевленных величайшим энтузиазмом. Только ложный стыд мешал им положить оружие при первом выстреле и предоставить кучке заговорщиков сражаться за свое собственное дело... Париж представлял в этот ужасный день удивительный контраст. В самых отдаленных частях города никто не подозревал о гражданской войне, каждый спокойно шел по своему делу, а к вечеру кабаки были полны людьми, занимающимися танцами, питьем и своими обычными удовольствиями. Наоборот, внутри, возле Тюильри, Пале-Рояля и окружающих секций, все представляло боевой вид: лавки, рестораны и театры были закрыты, все проходы улиц, все мосты были заняты пушками и на всех больших площадях были поставлены грозные батареи. В этом тесном пространстве вступили в ожесточенную борьбу друг с другом две значительные армии: стреляли из ружей и пушек, сражались саблями и штыками и конница дико врубалась в ряды той и другой стороны».⁶² Участник мятежа Лакретель признавал, что 14 вандемьера «толпа, далекая от того, чтобы помогать нам, перешла на сторону победителей».⁶³

По донесению полиции от 6 октября 1795 года, «густое покрывало, которое злонамеренность, роялизм и анархия набросили на глаза гражданам всех классов, наконец разорвано. Вчерашняя катастрофа, возбуждая жалобы и сожаления, возбудила также и ропот и возмущение против мятежных секций, именно секций Лепелетье, Брута, Мельничного холма и Французского театра. Сожалуют, что Конвент был вынужден применить столько суровости; возмущаются секциями, что они вызвали эту меру... В общем, секции не имеют за собой массы граждан, и разумные и рассудительные граждане выражали желание, чтобы Конвент одержал верх над возмутившимися секциями... Большинство жителей Парижа не за секции Лепелетье и Мельничного холма, так как из недр этих двух округов выходят все спекулянты, которые производят бесстыдную торговлю во Дворце равенства».⁶⁴

После подавления мятежа 13 вандемьера одна республиканская газета писала, что «наибольшим доказательством того, что только горсть людей довела до этого нового бедствия, является то, что на другой день ни с одной стороны не слышно было разговоров о мести. Если бы большинство граждан этого города приняло участие в сражении, какая сила могла бы противостоять этому потоку. 14-го били сбор в секции Французского театра, но главари скрылись. Объявили, что нужно разобрать мостовую улиц и бросать все, что можно, через окна. Пожимали плечами, и ни один булыжник не был тронут с места».⁶⁵ Реаль

объяснял поражение вандемьерского мятежа тем, что он, в отличие от всех других восстаний во время революции, не был «народным». Несмотря на нужду, народ не понимал секционеров и не ответил на их призывы. По словам Реаля, секционеры «были разбиты потому, что не имели ни популярности, ни мужества».⁶⁶

III. Современники и историки о вандемьерском мятеже

Победа Конвента над парижскими секциями 13 вандемьера была победой республики над роялизмом. О роялистском характере вандемьерского мятежа говорят самые разнообразные источники. Прежде всего, секции Антуанского предместья с преобладающим количеством ремесленно-рабочего населения и выпущенные из тюрем «террористы» стали на защиту того Конвента, который жестоко расправился с ними после прериальных дней. Ведь для них дело шло не о защите Конвента, как такового, а о спасении республики, которой грозила роялистская опасность. Через день после мятежа полиция отмечала «ропот прощв людей, которые под маской патриотизма стремятся только к установлению королевской власти и ради осуществления своих замыслов ввели в заблуждение своих сограждан и повели их на бойню».⁶⁷ «Людам, зрелым летами и опытом, - указывала полиция в донесении от 10 октября 1795 года, - рассудок показывает, что возвращение к монархии было бы могилой для Франции или, по крайней мере, залило бы ее собственную кровью».⁶⁸

Республиканские газеты считали роялистов ответственными за мятеж 13 вандемьера, указывая на участие в мятеже эмигрантов и шуанов. Одна из лево-республиканских газет находила следующие убедительные доказательства роялистских замыслов секций: цветы лилии, вышитые на отворотах рукавов и впереди на рубашках у убитых мятежников, маленькие белые ротные значки в стволе их ружей; многие имели банты из белых лент на своих саблях и шпагах. В числе мертвых признали людей грубо одетых, но с очень тонкими чертами и с вышитыми на одежде цветами лилии. Их охранными листами были ассигнации в 5 ливров, согнутые вдвое, и на них можно было прочесть: «свобода, равенство, единство, нераздельность, братство или смерть республике», вместо республиканского лозунга: «единство, нераздельность республики, свобода, равенство, братство или смерть». В бумагах секции Лепелетье нашли образец циркуляра к департаментам, где во имя короля требовалась помощь людьми и припасами.⁶⁹ Другая газета передавала о слухах, что «в зале заседаний секции Лепелетье нашли белое знамя и переписку с врагами отечества. Очевидцы говорят, что видели предназначенные для раздачи карты восьмиугольной формы, на которых было написано имя Людовика XVIII. Ведь хотели-то короля».⁷⁰

Газеты вандемьеристов изменили свой язык. Одна из них писала 7 октября: «Никогда в действительности республика не подвергалась большому риску. Конвент победил в последнем сражении всех королей Европы. Он овладел общественным мнением. Последнее теперь составляется людьми, которые, будучи наэлектризованы этим великим событием, искренно привязаны к республике, людьми, которые под влиянием страха кричат из всей силы своих легких: «Да здравствует республика!»⁷¹

Самые умеренные республиканцы из депутатов Конвента считали вандемьерский мятеж роялистским. Умеренный республиканец и типичный представитель просвещенной буржуазии Ларевельер-Лепо, бывший жирондист, а позднее член Директории, все движение секций против декретов о «двух третях» рассматривал как роялистское. По его мнению, опасность грозила большинству членов Конвента, за исключением небольшого числа депутатов, склонявшихся к монархии.⁷² По словам Тибодо, считавшего движение секций против фрюкtidорских декретов делом роялистов. Конвент 13 вандемьера избежал роялистской опасности.⁷³ Мерсье считал мятеж 13 вандемьера делом роялистов, отмечая также участие в движении и честолюбцев.⁷⁴ Карно оценивал движение против декрета о «двух третях» как роялистское и контрреволюционное.⁷⁵

Официальная версия представляла дело как заговор, руководимый роялистами, эмигрантами и шуанами. Докладывая 14 вандемьера от имени правительственных комитетов о событиях 11-14 вандемьера, Мерлен де Дуэ назвал день 13 вандемьера «победой республики над роялизмом и анархией» и говорил об угрозах роялистов и о «контрреволюционерах секции Лепелетье», стоявшей во главе движения.⁷⁶ Баррас в своем отчете о событиях 5-6 октября, сделанном в Конвенте 22 октября, указывал на стремление роялистов доказать народу, что «республиканское правление является химерой, которая не может осуществиться во Франции». Изображая мятеж роялистским. Баррас сообщал, что колонна секционеров под командованием Даникана кричала: «Да здравствует король».⁷⁷ В своих же мемуарах Баррас пишет, что секция Лепелетье, защищавшая трон 10 августа 1792 года, «была населена наиболее богатым классом» и что большая часть национальной гвардии состояла из «порядочных буржуа, которые называли и считали себя, быть может, республиканцами, но не заметили, что они поставили во главе себя подлых интриганов из привилегированных». Большинство убитых и раненых из мятежников оказались вандейцами и эмигрантами с черными или зелеными воротничками и с прическами жертв гильотины. Баррас оспаривает мнение тех, которые отрицали, что мятеж 13 вандемьера имел целью восстановить королевскую власть и вернуть Бурбонов.⁷⁸

Реаль изображал мятеж 13 вандемьера как вполне роялистский и писал, что мятежники были разбиты потому, что хотели королевской власти. «Так, - говорит Реаль, - окончилось это восстание, которое давно готовилось и на которое роялизм возлагал такие большие надежды».⁷⁹ Редактор «Монитора» Труве поместил 14 октября 1795 года статью, в которой говорил, что в случае успеха бунтовщиков последние уничтожили бы депутатов Конвента и провозгласили бы королевскую власть, но их успех оказался бы непрочным и временным.⁸⁰ Один лейтенант (Эне) в письме от 7 октября 1795 года сообщал, что «в Париже существует много недовольных, но мало роялистов», и что «восстание позавчера является результатом недовольства, которое нельзя изобразить и которое можно сравнить только с народной нуждой. Я знаю, что многие роялисты хотели сменить правительство и что они смещались с экзальтированными людьми, которые произвели восстание». Письмо оканчивалось словами: «Я настаиваю и утверждаю, что Париж является республиканским».⁸¹ По мнению Паже, в движении против декрета с «двух третей» принимали участие и республиканцы, но их звели в заблуждение роялисты. Вожаки движения хотели уничтожить Конвент и провозгласить короля, но в день 13 вандемьера «была вырыта могила роялизму».⁸² Некоторые современники прямо утверждали, что мятежом не только руководили роялисты, но что и организован был агентами роялизма.⁸³

Немцы, очевидцы восстания, сочувствующие буржуазной республике, считали движение секций «аристократическим», направленным против республики, а 13 вандемьера называли «ударом для хорошего общества и роялизма», «восстанием роялистов во имя суверенитета народа» и «борьбой слишком рано возмущившегося роялизма». Немецкие корреспонденты приписывали руководство мятежом 13 вандемьера роялистам. Один из них писал 9 октября 1795 года «Если бы 5 октября победили секции, то никто не знает, что 6-го стало бы с республикой. Новые партии среди победителей и бесконечная гражданская война в Париже и в департаментах были неизбежны. Собрание избирателей, которое всем руководило, само состояло из самых разнородных элементов, из чистых, менее чистых и конституционных роялистов, из фанатиков, честолюбивых и недовольных республиканцев и, наконец, из людей, которых толкнул к отчаянному шагу чрезмерный страх при не совсем чистой совести. Триумф войск является собственным триумфом средних классов народа, к которым они большей частью принадлежат и которые также везде проявляют живейшую радость относительно счастливого исхода этого события. Они и крестьяне являются собственно подлинным зерном патриотов». По словам другого немецкого корреспондента, «первые выстрелы раздались со стороны секций, партия роялистов решила довести дело до пролития крови; но именно, благодаря такому способу нападения, она должна была восстановить против себя войска. Результат показал, что опасность возвращения к террору была призрачной». Корреспондент выражал надежду, что республика удержится.⁸⁴

Мадам де Сталь, сторонница конституционной монархии, указывала позднее, что партия роялистов думала воспользоваться восстанием против Конвента, но «страх потерять все выгоды революция привязывал народ и солдат к существующей власти» Она осуждала нападение секций, не желавших ждать еще 18 месяцев для легальных выборов 2-й новой трети в Законодательный корпус. «Нетерпение их погубило. Они с оружием атаковали 13 вандемьера Конвент, и исход не был сомнительным».⁸⁵

Роялистский писатель Лакретель младший, участник мятежа и один из агитаторов секций, задним числом не отрицал в своих мемуарах роялистских замыслов некоторых руководителей движения, например, Рише-Серизи. причем самого себя он выставлял в то время сторонником конституционной монархии Он признавал справедливость слов мадам де Сталь, которая предупреждала его, что восстание не будет иметь успеха, что не только армия, но и предместья и якобинцы будут за Конвент, хотя недавно и пострадали от него; мало того, она боялась самой победы над Конвентом, могущей вызвать гражданскую войну и белый террор, так как умеренные могли оказаться бессильными противостоять роялистам, которые были в меньшинстве.

По словам Лакретеля, мадам де Сталь говорила ему: «Для вас, конечно, ново говорить о суверенитете народа, вы заикаетесь, говоря языком, с которым революционеры познакомились лучше вас и который они создали для собственного употребления... Это спор, который сможет решиться лишь оружием Вы хотите кончить революцию, и нужно будет сражаться на улицах Парижа. Конвент, обязанный своим рождением 10-му августа, укрепится посредством нового 10-го августа... Я страшилась бы даже вашей победы, в ней я вижу сигнал к мести, которая еще не утолена убийствами в Лионе и Марселе. Разве вы не знаете, что многие роялисты, - а я понимаю под этим словом сторонников абсолютной власти, - идут в ваши ряды? Я знаю, что они в меньшинстве, но будете ли вы всегда достаточно сильны, чтобы их сдержать? Вы скоро зажжете пламя гражданской войны на западе и на юге. В состоянии брожения все крайние мнения стремятся получить преобладание, и вы, умеренные конституционалисты, после того как вы были жертвами при правлении кровавой фракции, вы будете снова жертвами при правлении фракции насилия». - «Никто из нас, - замечает Лакретель, - не воспользовался этими хорошими указаниями, но после, особенно в молчаливом уединении, они пришли мне на память».⁸⁶

Лакретель не отрицал, что секция Геттезье, являвшаяся главной кэжуарской мятежников, была «денежным, однако, храбрым кварталом. Если бы все секции были воодушевлены тем же духом, 10 августа не было бы»⁸⁷). Тот же Лакретель в 1803 году в своем «Историческом очерке французской революции» способен был считать мятеж 13 вандемьера ошибкой. Он признавал при этом участие в движении роялистов и агентов заграницы или принцев; правда, «толчок исходил не от них, но они уже громко приписывали себе эту жалкую честь; их влияние не было еще господствующим, но могло сделаться таковым».⁸⁸ Такие признания Лакретель сделал, перейдя на службу к Наполеону I и сделавшись официальным историографом.

Другой участник движения секций Гид де Нейвиль так определяет в своих мемуарах роль роялистов в мятеже 13 вандемьера: «Не роялизм создал 13 вандемьера, но он ему содействовал и, вероятно, воспользовался бы успехом, если бы его имело восстание»⁸⁹). Третий участник мятежа 13 вандемьера Болье также утверждает, что секции не ставили прямой задачей восстановление королевской власти, но победой, вероятно, воспользовались бы роялисты. «Людовик XVIII, - пишет он, - не имел никакого значения в деле 13 вандемьера; я с уверенностью свидетельствую об этом, но он мог бы легко обернуть это восстание на пользу королевской власти, это также мне кажется неопровержимым. В состоянии раздражения, в котором находились умы, не зная, на какой партии остановиться даже после победы, которая имела также свои опасности, парижане, быть может, окончили бы тем, что выбрали бы королевскую власть за точку опоры. Но это не было первым пожеланием восстания; хотели образовать, согласно конституционным принципам, законодательный корпус, вполне национальный, который имел бы возможность тотчас дать французам правительство, которого требовало общественное мнение... Если народ не взял сторону буржуазии в день 13 вандемьера, то ведь это была та самая буржуазия, которая раньше бралась за оружие против народа, чтобы защитить Конвент».⁹⁰ Четвертый участник движения секций против Конвента роялист Паскье, служивший потом Наполеону I, пишет, что 13 вандемьера «революция была атакована в своем святилище».⁹¹

Но не все участники движения признавали позднее, что мятеж 13 вандемьера грозил республике. Роялист Воблан, председатель секции Пуассоньер и позднейший министр Людовика XVIII, в своих мемуарах защищает мятежных секционеров лицемерными фразами о «свободе», говоря, что «этот день, известный под именем 13 вандемьера, был роковым для свободы».⁹² Роялистский генерал Даникан, командовавший секциями 13 вандемьера, после поражения стремился доказать, что «в этот несчастный день не было вопроса ни о возвращении к монархии, ни об отвращении, которое давно внушала республика; с нашей стороны не было ни планов, ни распоряжений (события это доказали); хотели только разоружения террористов и свободы выборов своих депутатов».⁹³ По его словам, «поражение секций» - дело людей, которые говорили в течение месяца, вместо того, чтобы действовать мужественно и быстро; 13 вандемьера было для парижан днем одураченных, и я это предвидел».⁹⁴ Но он же не скрывал своих антиреспубликанских и роялистских чувств⁹⁵ и признавал свою прежнюю связь с роялистским писателем Рише-Серизи, который был одним из наиболее активных руководителей вандемьерского мятежа⁹⁶). Утверждая, что «ваша республика - политическая химера»⁹⁷ и что «установление республики не является желанием народа»⁹⁸, Даникан взывал к французам: «Отвергните с негодованием чудовищ, которые проповедуют вам республику».⁹⁹ «Я, - писал он, - добрый роялист и никогда не изменю этого мнения. Короля, хлеба и мира, - это крик сердца у всех, кого сделали республиканцами, не спрашивая их».¹⁰⁰ О судьбе членов Конвента в случае поражения правительственных войск он сам писал:

«Нельзя скрывать, что в случае неуспеха их гибель была бы несомненна».¹⁰¹ Даникан, наконец, утешался тем, что самое поражение секций может послужить на пользу роялизму. «Расстреливавшийся картечью народ, - писал он, - размышлял о дне 10 августа, он невольно оплакивает смерть доброго и добродетельного монарха, которого умертвили стреляющие картечью».¹⁰²

Эмигрант и конституционный роялист Малле дю Пан полагал тогда, что роялисты, «более пылкие, чем способные», и заграничные эmissары преждевременно увлекли секции Лепелетье и Французского театра к нападению.¹⁰³ Он же в письмах до мятежа не скрывал тех надежд, которые монархисты разных направлений возлагали на движение секций против Конвента и на будущий Законодательный корпус.¹⁰⁴

После реставрации Бурбонов роялисты могли уже открыто хвалиться, что они подняли в октябре 1795 года мятеж в пользу Бурбонов. Это утверждение роялистов оспаривал бонапартист Лавалетт, который при вторичной реставрации Бурбонов был приговорен за верность Наполеону к смерти и спасся бегством из тюрьмы накануне казни, благодаря мужеству своей жены. Он писал, что секционеры хотели только устранить Конвент, но при победе была бы, вероятно, сделана попытка восстановить Бурбонов, хотя такая попытка вряд ли удалась бы. По словам Лавалетта, «несколько лет, как роялисты стали претендовать, что это восстание парижан было отважным усилием в пользу Бурбонов. Я утверждаю, что это неверно. Я находился в благоприятном положении, чтобы следить за игрой страстей и интригами, которые привели к этой несчастной катастрофе 13 вандемьера; я был связан со многими почтенными людьми, которые встали на сторону секций, я не нашел никакой склонности ни у толпы, ни у большинства вождей желать возвращения Бурбонов, и еще менее - какого-либо проекта призвать их обратно. Все разумные люди питали отвращение к смерти короля, но любили свободу: ненависть к Конвенту дотла до высшей точки по причине всех ужасов, которыми он наполнил Францию. Я спрашивал у наиболее разгоряченных, что они хотят поставить на место этого испускающего дух правительства. Они мне отвечали: «Мы не хотим более его! Мы не хотим ничего от него, мы хотим республики и правления честных людей». Они не шли дальше. В секциях, правда, были сделаны некоторые намеки в пользу королевской семьи, но настолько слабые и окольные, что им уделили мало внимания. Никто не вздумал назвать им этой фамилии. Я, конечно, думаю, что если бы секции одержали верх, то были бы более прямые и смелые попытки; быть может, Бурбонам удалось бы даже вернуться, но тогда гражданская война разразилась бы везде, и если 18 лет позднее, при помощи всей Европы, они не могли удержаться на троне, какова бы была их судьба в то время, когда во Франции, неприученной еще к игу, были распространены все республиканские правила и идеи и при наличии энергии, которая не могла терпеть какой-либо узды».¹⁰⁵ Свидетельство Лавалетта совпадает, таким образом, с показаниями участников вандемьерского мятежа - Лакретеля,

де Нейвиля и Болье.

Большинство французских историков, либеральных, демократических и социалистических, приписывало роялистам значительную роль в вандемьерском мятеже. По мнению Тьера, на активные выступления толкнули парижскую буржуазию честолюбцы и особенно роялисты, скрывавшие свои истинные намерения.¹⁰⁶ Другой либеральный историк Минье еще резче подчеркивал руководящую роль роялистов в вандемьерском мятеже. По его удачному выражению, «13 вандемьера было 10 августа роялистов против республики, с тем различием, что Конвент значительно лучше сопротивлялся буржуазии, чем трон предместьям».¹⁰⁷ Главную роль в движении приписывает роялистам и Мишле, следовавший в этом за свидетельством Реаля.¹⁰⁸ Кинэ называет 13 вандемьера «роялистским 10 августа».¹⁰⁹ Бюше и Ру полагают, что движение секций было направлено против республики, а вдохновителями вандемьерского мятежа были роялисты.¹¹⁰ Вслед за Реалем и Луи Блан рисует все движение парижских секций против Конвента как дело роялистов и говорит о «борьбе между термидорианцами и роялистами» и о «победе термидорианцев над роялистами».¹¹¹

Зиви, написавший специальную работу о 13 вандемьера, приходит к выводу, что секции Парижа «были подняты роялистами». По его словам, «день 13 вандемьера был концом конфликта, завязавшегося между Конвентом и секциями Парижа, которые подняли на мятеж роялисты. Оппозиция декретам о «двух третях» его вызвала, вооружение «патриотов» правительственными комитетами внезапно привело к развязке. Большинство, без сомнения, берясь за оружие, было чуждо мысли о нападении, но вожаки и богатые буржуа, конечно, решились на него. Ведь это партия роялистов руководила оппозицией, роялистами были почти все писатели, которые возбуждали общественное мнение против террористов и толкали секции сопротивляться до конца... Вожди движения действовали по монархическому убеждению, только от монархии ждали они режима порядка: быть может, они ждали от нее исключительного господства богатых классов. Роялисты были, собственно говоря, только штабом. Эта борьба была не только заговором кучки агитаторов-роялистов; это было общее восстание в Париже против Конвента». По мнению Зиви, роялистскими были секции Лепелетье, Французского театра и некоторые другие, но секционеры из буржуа, настроенные монархически, хотели, подобно фельянам, конституционной монархии и были против восстановления дореволюционного порядка. Вот почему роялисты, сторонники Бурбонов, не решались тогда выступить открыто и «вопрос о королевской власти 13 вандемьера не ставился: он возник бы на другой день после победы секций».¹¹²

По мнению Олара, в мятежа 13 вандемьера деятельное участие принимали замаскированные роялисты. «В Париже, - пишет он, - вспыхнуло восстание, инициаторы которого не называли себя роялистами и выставили умеренную антимонтаньярскую программу, но в котором, в действительности, принимали участие роялисты, а в особенности будущие роялисты... Секции попытались тогда устроить, если можно так выразиться, реакционное 31 мая... Это был знаменитый день 13 вандемьера 4 года, когда потерпел неудачу своего рода заговор против Конвента, состоявшийся между умеренными и роялистами. Но в этом восстании не было никакой роялистской манифестации, и замешанные в нем сторонники Людовика XVIII остерегались сбросить с себя маску, так как хорошо сознавали всю непопулярность королевской власти».¹¹³

Девиль считает, что движением буржуазных секций против Конвента руководили роялисты. «Несомненно, - пишет он, давая общую оценку вандемьерскому мятежу, - что парижская буржуазия в вандемьере дала провести себя роялистам. Если последние с такой настойчивостью толкнули буржуазию на восстание, то это потому, что они хотели во что бы то ни стало захватить власть, приобрести которую почти легально помешали фрюкидорские декреты».¹¹⁴

Консервативные и реакционные историки обыкновенно затушевывают роль крайних роялистов в вандемьерском мятеже, но признаки, что большинство вожаков секций принадлежало к сторонникам конституционной монархии. В таком духе писал умеренный конституционный монархист Барант.¹¹⁵ Сорель, приписывая движение в секциях умеренным конституционалистам, опиравшимся на парижскую буржуазию, полагает, что победой секций могли воспользоваться роялисты, содействовавшие восстанию.¹¹⁶ Реакционные историки Тэн и Ссиу, сочувствующие мятежу 13 вандемьера против Конвента, считают его движением парижской буржуазии.¹¹⁷ Мадлен признает, что без толчка со стороны роялистов секции не

секции не решились бы пойти на восстание.¹¹⁸

Неудачная попытка пересмотра вопроса о роялистском характере вандемьерского мятежна была предпринята русским либеральным историком Н.Кареевым, принадлежавшим к конституционно-демократической партии. Последний старается, по собственному выражению, «умалить» роялистский характер Движения и доказать, что «большинство участников движения, приведшего к восстанию 13 вандемьера, вовсе не было «настроено роялистски» и что «специально роялистского характера 13 вандемьера не имело».¹¹⁹ Н.Кареев признает, что в вандемьерском движении «главную роль играла буржуазия», что в нем «участие принимали, главным образом, центральные секции, где сильны были в населении именно буржуазные элементы»¹²⁰, и что «события входят в число явлений реакции».¹²¹ Он также не отрицает, что «роялисты приняли участие в восстании»¹²² и «думали им воспользоваться»¹²³, что они «ловили рыбу в мутной воде».¹²² Роялизм Н.Кареев понимает в данном случае, невидимому, в узком смысле реставрации Бурбонов и прежних сословных привилегий¹²⁴, чего парижская буржуазия, действительно, тогда не желала. Он стремится изобразить движение секций как борьбу «за основные принципы французской революции», борьбу, «шедшую под знаменем свободы».¹²⁶ Фиксируя свое внимание только на формальной стороне дела, Н.Кареев без оговорок принимает демократическую аргументацию секций, бывших, по его же словам, «непоследовательными» и выгонявших демократов из своих собраний.¹²⁷

Нужно сказать, что для определения характера движения важны не столько субъективные заявления самих участников движения, сколько объективное значение мятежа, который другие источники изображают как антидемократический и контрреволюционный, расчищавший дорогу роялистам. Н.Кареев не полагается на субъективные суждения современников и мемуары и сомневается в правильности официальной версии, которая представляла дело как заговор, руководимый роялистами, эмигрантами и шуанами.¹²⁸ Но он стремится уменьшить также и значение тех сообщений о роли роялизма в мятеже 13 вандемьера, которые имеются в полицейских донесениях, объективности которых он, следуя за Оларом, доверяет.¹²⁹ Вполне можно, однако, согласиться с Кареевым в том, что открытое выступление за монархию было невозможно и что в массе господствовало антироялистское настроение.¹³⁰ В противоположность Н.Карееву, Е.Тарле, на основании полицейских же донесений, правильно называет мятеж 13 вандемьера «роялистским»¹³¹

IV. Конец Конвента

После победы Конвента 13 вандемьера Париж был занят войсками и началось разоружение секций, протекавшее без сопротивления. Бонапарт сначала получил пост 2-го генерала внутренней армии, а после отставки Барраса был назначен ее командующим. От патриотов 1789-года Конвент постарался освободиться, и их три батальона 15 вандемьера (7 октября) были распущены, а республиканцы, сражавшиеся 13 вандемьера против мятежных секций, получили почетные свидетельства. 6 октября Конвент постановил лишить состоятельных граждан права получать ежедневно порцию хлеба по 3 су за ливр, но большинство Конвента не хотело вставать на путь действительной революционной борьбы с роялизмом и контрреволюцией и отвергло предложение как о создании из членов правительственных комитетов комиссии трех для централизации борьбы с роялизмом, так и об отмене закона 12 фрюктидора (29 августа 1795 г.) относительно заключенных революционеров.¹³² Конвент отказался вернуть в свою среду кого-либо из арестованных после прерийских дней депутатов, которых он, таким образом, лишил возможности быть избранными в Законодательный корпус.¹³³ 16 вандемьера 4 года (8 октября 1795 г.) Конвент принят декрет о разоружении и реорганизации парижской национальной гвардии. Общий штаб и штабы секций уничтожались. Временный командующий национальной гвардией должен был назначаться Конвентом по представлению Комитета общественного спасения.¹³⁴ По декрету 17 вандемьера (9 октября) закрывались заседания секций по декадам.¹³⁵

Для суда над активными участниками вандемьерского мятежа были учреждены в секциях Лепелетье, Французского театра и Мельничного холма три военные комиссии.¹³⁶ Декрет 15 вандемьера (7 октября) устанавливал смертную казнь за активное участие в мятеже 13 вандемьера, но в действительное! и были казнены только двое: Лебуа, который

председательствовал на собрании выборщиков во Французском театре 12 вандемьера, и аристократ-эмигрант Лафои, который вместе с Даниканом командовал мятежными секциями. Заочно к смерти были присуждены еще несколько скрывшихся вожаков мятежа, в частности, генерал Даникан и роялист Воблан. Остальных присуждали к тюремному заключению и даже к штрафу как введенных в заблуждение. Заставы три дня были открыты, и желающие могли скрыться. Скрылись почти все председатели и секретари секций. Некоторые, как Лезе-Марнезия и Лакретель, скрывались в Париже, и их не разыскивали. Генерал Мену был предан суду, но оправдан, причем на защиту его выступал депутат Тибодо.¹³⁷ При Директории был сначала отдан приказ об аресте и предании суду журналиста Лагарпа, но вскоре все было забыто.¹³⁸

Насколько Конвент был жесток по отношению к прериальским повстанцам из парижских предместий, настолько он был мягок по отношению к мятежникам из буржуазных элементов в вандемьере. В разговорах относительно действия военных судов, приводимых полицией, отмечался классовый (буржуазный) характер приговоров этих судов. «Военные суды и их поведение, - доносила полиция 14 октября 1795 года, - дают повод к различным рассуждениям: одни порицают чтение приговоров и снисходительность судей к подсудимым; они опасаются, что роялистская партия злоупотребит этим; другие одобряют это поведение, надеются даже на амнистию. Некоторые замечают, что восставшие в прериале были менее виновны, чем восставшие 13 вандемьера, так как первые требовали только хлеба, а последние хотели напасть и уничтожить народное представительство; однако, прибавляют, восставшие в прериале испытали, конечно, большую суровость и поспешность приговоров над ними, чем восставшие 13 вандемьера, над судьбой которых Конвент, несомненно, готов сжалиться».¹³⁹

Многие республиканцы были недовольны этой мягкостью Конвента к вандемьерским мятежникам и выражали беспокойство за будущее.¹⁴⁰ «Нужно сказать, - писал Реаль, - Конвент не сумел использовать победу... Заговорщики были побеждены, а заговор продолжал существовать».¹⁴¹ Наоборот, побежденные участники вандемьерского мятежа были довольны мягкостью Конвента по отношению к ним. «Конвент, - писал позднее Лакретель, - приобрел уважение умеренным использованием своей победы; он доказал, что наши страхи были преувеличены, когда мы не предполагали у него другой опоры и другого желания, кроме более или менее кровавого террора».¹⁴²

После шумных собраний в Париже перед 13 вандемьера после него настала тишина. Разговоры велись топотом, а вслух только ругали роялистов и виновников мятежа.¹⁴³ Роялисты замолкли, но не считали, что их дело проиграно. По донесению полиции, зачинщики и главные виновники мятежа 13 вандемьера не считали себя побежденными. В Саду равенства велись разговоры, то победа 13 вандемьера не будет продолжительной. Роялисты возлагали надежды на десант англичан и эмигрантов и на вождя вандейцев Шаретта.¹⁴⁴ Они распускали слух о прибытии армии Конде и Шаретта во главе с Артуа.¹⁴⁵ Согласно донесениям полиции, роялисты не теряли надежды на успех и доказывали в группах и кафе превосходство королевской власти, указывая, что при короле не было столько несчастных, как при правлении депутатов, которые сами обогащаются.¹⁴⁶

Народные низы по-прежнему были недовольны, что Конвент ничего не делал для смягчения нужды, уменьшения дороговизны и подавления спекуляции.¹⁴⁷ Рабочие высказывались за Конвент, но хотели уменьшения дороговизны.¹⁴⁸ «Отчаяние, - доносила полиция 18 октября 1795 года, - является результатом нужды, в которую ввергнуто столько граждан среди изобилия, которое их окружает... Семейства, продавшие свои вещи, чтобы прожить это лето, смотрят лишь с дрожью на приближение зимы. Почти полное обесценение ассигнаций возбуждает не меньшее беспокойство... В этом состоянии кризиса обвиняют Конвент в том, что он не интересуется участью народа и тратит на личные дискуссии время, которое нужно было бы посвятить изысканию средств для прекращения спекуляции, для понижения цен на товары».¹⁴⁹

Конвент, после 13 вандемьера все же качнулся несколько влево. Декрет 21 вандемьера (13 октября 1795 г.) запрещал осуждать бывших членов революционных комитетов, муниципалитетов и администрации за произведенные аресты.¹⁵⁰ При поддержке Барраса, Тальена и Шенье, 22 вандемьера (14 октября) прошел декрет, предписывавший освободить из тюрем тех, которым не было предъявлено обвинение в нарушении законов. Под действие этого декрета подпали арестованные после прериальских дней.¹⁵¹ Декрет 29 вандемьера (21

(21 октября) предписывал устранить мэров и прокуроров, не принявших мер против белого террора на юге.¹⁵²

23 вандемьера (15 октября) Тальен и его друзья снова заняли места Горы, которую они покинули после 9 термидора. Бывшие монтаньяры, как Тальен, Баррас, Бурдон из Уазы, Дюбуа-Крансе и Лежандр, разорвали с жирондистами, как Ланжюине, Ларивьер, Лессаж, и вождями болота, как Буасси д'Англа и др. Ланжюине обронил фразу об «ужасной резне 13 вандемьера», и Тальен стал обвинять его и его друзей в сочувствии мятежным секциям. 23 вандемьера Делоне из Анжера делал в Конвенте от имени правительственных комитетов доклад о раскрытом роялистском заговоре. Бумаги, захваченные у роялистского агента Леметра, доказывали, что в Базеле существовал тайный комитет эмигрантов, который рассчитывал на первичные собрания секций в Париже и на журналистов Лагарпа, Лакретеля и Рише де Серизи. Конвент постановил арестовать Леметра и предать его суду военной комиссии. Тальен потребовал секретного заседания Конвента для того, чтобы можно было обвинить тех депутатов, которые хранили молчание во время движения секций и покровительствовали мятежникам. Секретное заседание Конвента было очень бурным. Тальен обвинял в сообществе с мятежниками Ланжюине, Буасси д'Англа, Анри Ларивьера и Лессажа, имена которых упоминались в переписке, захваченной у Леметра, но Конвент не признал предъявленных обвинений достаточно обоснованными.

24 вандемьера (16 октября) Лежандр и Луве обвинили в сообществе с секциями и в роялизме депутатов Ровсра, Саладина и Обри. Ровер, будучи членом Комитета общественной безопасности, занимался преследованием революционеров и покровительством убийствам и белому террору на юге. Саладин опубликовал брошюру против фрюктидорских декретов. Обри, будучи членом Комитета общественного спасения, удалил из архива республиканцев и заменил их роялистами. Конвент постановил арестовать Ровсра и Саладина.¹⁵³

25 вандемьера (17 октября) Изабо, уполномоченный Комитетом общественной безопасности зачитать в Конвенте бумаги, захваченные у Леметра, заявил, что «видимые строчки этих писем написаны совершенно черными чернилами и содержат безразличные вещи, иногда республиканские выражения, но между строк находится настоящая корреспонденция, написанная составом, который чернеет от кислот. В этих письмах Конде обозначен цифрой 77, Артуа - 29, претендент (позднейший Людовик XVIII) - 49 и т.д.» Из корреспонденции Леметра ясно видно, что роялисты возлагали надежду на движение секций против декретов о «двух третях» и против Конвента, полагая, что успех конституционалистов был бы непродолжителен.¹⁵⁴ 29 вандемьера (21 октября) Шенье представил доклад Конвенту об убийствах на юге. Конвент постановил устранить чиновников, не принявших мер против банд убийц, организовавшихся под названием «обществ Иисуса» и «обществ солнца», и предложил правительственным комитетам обследовать поведение депутатов (Кадруа, Шанбона и др.), которые были комиссарами на юге и потом были отозваны.¹⁵⁵

Левое крыло термидорианцев добилось 30 вандемьера (22 октября) постановления Конвента об аресте Обри, его секретаря Го, избранного в новую треть, депутата Ломона, скомпрометированного по бумагам Леметра, и генерала Миранды. Все они обвинялись в связи с секциями. Но настоянию Барраса и Тальена была восстановлена чрезвычайная комиссия пяти для принятия мер общественного спасения. В эту комиссию были избраны Тальен, Дюбуа-Крансе, Флориан Гюйо, Ру из Верхней Марны и Понсо из Вердена.¹⁵⁶

Левая часть Конвента хотела аннулировать выборы в Законодательный корпус, на которых реакционеры взяли первый реванш за свое поражение 13 вандемьера. Новая треть состояла в большинстве из конституционных монархистов и тайных роялистов. Из пятисот членов Конвента, подлежавших переизбранию, избраны были депутаты, принадлежавшие к правой и самой умеренной части Конвента (Буасси д'Англа, Ланжюине, Анри Ларивьер, Дюран де Майян, Камбасарес, арестованный Саладин и др.). Тальен указывал 30 вандемьера, что новые выборы дали приверженцев королевской власти, что в течение трех месяцев контрреволюция может быть совершена конституционным путем и что нужно принять экстренные меры, чтобы помешать восстановлению трона. После этой речи и прошло его предложение о восстановлении комиссии пяти, созданной сначала 13 вандемьера.

Но бывшие жирондисты-республиканцы (Шенье, Луве, Ларевельер-Лепо и Дону), шедшие раньше вместе с термидорианцами, теперь не поддерживали их. Вожди умеренных,

, как Тибодо, боялись возвращения к революционному порядку и к террору. Первого брюмера (23 октября) Тибодо выступил в Конвенте с резкими нападками на Тальена, обвиняя последнего в том, что тот был защитником сентябрьских убийств, организатором реакции после 9 термидора и вдохновителем молодых людей, образовавших потом гнездо мятежа против Конвента. Тибодо указал, что относительно Тальена, который сделался теперь оратором Горы, претендент (Людовик XVIII) в одном письме говорит, что он при восстановлении королевской власти рассчитывает на Тальена.¹⁵⁷ Решительно выступая против намерений кассировать выборы и отсрочить образование Законодательного корпуса, Тибодо потребовал также роспуска комиссии пяти. Он заявил, что «свобода Конвента не может существовать наряду с комиссией, которую сравнивают с пылающей палатой и которая держит поднятый меч над головой каждого депутата». Тальен в своем ответе Тибодо указывал, что среди вновь избранных имеются защитники короля, эмигранты и участники последнего заговора, готовые повалить республику. Конвент отверг предложение Тальена продолжить свои заседания до 5 брюмера.¹⁵⁸

2 брюмера (24 октября) Тальен, от имени комиссии пяти, представил Конвенту проект декрета, который запрещал занимать общественную должность бывшим эмигрантам, их родственникам и лицам, делающим мятежные предложения в первичных или избирательных собраниях. Возобновлялось действие законов 1792 и 1793 гг. против священников, подлежавших ссылке или заключению. Матери, жены и дочери эмигрантов должны были находиться под надзором муниципалитетов по месту своего жительства в 1792 году. Тем, которые не желали подчиниться законам республики, разрешалось в течение трех месяцев добровольно покинуть Францию без права возвращения обратно, но они не могли вывозить ни денег, ни драгоценных металлов, ни запрещенных к вывозу товаров. Речь Тальена, произнесенная в обоснование предложенного декрета, была направлена против вандемьеристов и роялистов, однако, комиссия пяти не решилась потребовать кассации выборов в Законодательный корпус и ограничилась предложением декрета против роялистов, эмигрантов, их родственников и неприсягнувших священников. Этот декрет и был принят 3 брюмера 4 года (25 октября 1795 г.).¹⁵⁹

На последнем заседании 4 брюмера (26 октября 1795 г.) Конвент принял декрет об отмене смертной казни и о политической амнистии, за исключением участников восстания 13 вандемьера, сосланных священников, возвратившихся эмигрантов и фальшивомонетчиков.¹⁶⁰

В последние три недели деятельности термидорианского Конвента борьба в нем шла, главным образом, по вопросу о том, как воспользоваться победой 13 вандемьера, когда роялизм был побежден, но роялистская опасность не была устранена. Правая и большая часть Конвента, опасаясь возвращения к террору, не хотела вставать на путь исключительных мероприятий и стремилась продолжить свою деятельность в будущем Законодательном корпусе и установить конституционный режим, согласно конституции 3-го года республики. По удачному выражению Тибодо, «Конвент был созван под пушечные выстрелы 10 августа, пушки 13 вандемьера возвестили его уход в отставку».¹⁶¹

В течение 10 месяцев, от 9 термидора 2 года до прериала 3 года, термидорианцы вместе с союзниками справа и врагами республики громили демократов и устраняли активных защитников республики. Субъективно буржуазные республиканцы стремились сначала устранить опасность слева, а когда эта опасность в прериале 3 года была устранена, контрреволюционные и роялистские союзники термидорианского Конвента выступили уже против последнего и против республики. Термидорианский Конвент поддерживала только новая спекулятивная буржуазия, его ненавидели и презирали демократические низы, и он после прериала стал ненужным и своим контрреволюционным роялистским союзникам справа, которые думали теперь устранить Конвент, рассчитывая на свою непопулярность. Контрреволюционная буржуазия стремилась к конституционной монархии и имела своих агентов в самом Конвенте и даже в правительственных комитетах (Ланжюине, Буасси д'Англа, Обри, Ровер, Саладин и др.). Она рассчитывала получить большинство на выборах и легально придти к власти, так как белым террор устранил активных демократов, а цензовая конституция 3 года лишили избирательных прав плебейские массы. Фруктидорские декреты о «двух третях» разрушили эти надежды контрреволюционной буржуазии и ее вождей - конституционных монархистов.

Но в начавшейся борьбе парижских буржуазных секций против декретов о «двух третях» наиболее активную и руководящую роль стали играть чистые роялисты, которые находились в меньшинстве и не осмеливались выступить открыто, но которые рассчитывали использовать успех в пользу роялистской реставрации. Наиболее сознательная и активная часть демократических слоев поняла, что республике грозит опасность роялистского переворота, и поддержала Конвент в борьбе против контрреволюционных и роялистских мятежников. Но после победы умеренное буржуазно-республиканское большинство термидорианского Конвента не желало ни расширить социальную базу республики, ни прибегнуть к решительным и революционным мерам борьбы с опасностью монархической реставрации.

Победа над вандемер нотами и роялистами была прогрессивным явлением, но она была использована совершенно недостаточно. Термидорианцы не допустили своих временных демократических союзников к участию в политической жизни и ограничились тем, что сохранили свое господство. Они больше боялись своих вчерашних союзников, чем побежденных роялистов.

В результате роялисты 13 вандемера 4 года республики были побеждены, но роялистская опасность не была устранена, и весь последующий период Директории прошел под знаком борьбы с этой опасностью.

1 «Moniteur», 29/IX-1795, № 7, p.26; A.Aulard. Paris pendant la reaction thermidorienne. t.II, pp.269-270, Rapport 25/IX-1795.

2 Paris, t.II, p.272-273, Rapport 26/IX-1795.

3 «Moniteur», 30/IX-1795, № 8, p.32; IX-1795, № 9, pp.34-35.

4 «Moniteur», 29/IX-1795, № 7, pp.25-26.

5. «Messenger du soir», 27/IX-1795 (Paris, t.II, pp.278-279).

6 «Messenger du soir», 25/IX-1795 (Paris, t.II, pp.274-275).

7 «Moniteur», 30/IX-1795, № 8, p.30; 1/X-1795, № 9, p.35.

8 «Moniteur», 1/X-1795, № 9, p.36.

9 «Moniteur», 2/X-1795, № 10, p.39.

10 H.Zivy. Le treize vendemiaire an 4, pp.118-119 (1808).

11 Н.Кареев. Неизданные документы по истории парижских секций 1790-1795 гг., стр.48-50 (1912).

12 «Gazette francaise», 3/X-1795 (Paris, t.II, p.288); «Courrier republicain», 4/X-1795, Paris, t.II, p.292.

13 «Courrier francais», 28/IX-1795 (Paris, t.II, p.278).

14 Paris, t.II, p.265, Rapport.24/IX-1795; «Gazette francaise». 26/IX, 27/IX-1795, (Paris, t.II, dd. 274, 277, 278).

15 «Moniteur», 7/X-1795, № 15, pp.57-58; Buchez et Roux, Histoire parlementaire de la revolution francaise, t.XXXVII, pp.28-30.

16 Paris, t.II, p.286, Rapport, 3/X-1795.

17 Paris, t.II, pp.289-290, Rapport.4/X-1795; Н.Кареев. Неизданные документы по истории парижских секций, стр.51-52.

18 Доклад Мерлена де Дуэ о событиях 11-14 вандемера 4 года. «Moniteur», 1/IX-1795, №18; Buchez et Roux, t.XXXVII, pp.33-36; Paris, t.II, pp.291-202. Rapport 3/X-1795: Real. Essai sur les journees des treize et quatorze vendemiaire, pp.27-32. (Paris, L'an 4 de la Republique); Thibaudeau. Memoires sur la Convention, t.I, pp.207-208 (1827).

19 Н.Кареев. Неизданные документы по истории парижских секций, стр.71-72.

20 Там же, стр.209-210.

- 21 Paris, t.II, p.289, Rapport.4/X-1795.
- 22 «Courrier francais», 5/X-1795 (Paris, t.II, pp.292-093).
- 23 Buchez et Roux, t.XXXVII, p.31.
- 24 Доклады Мерлена де Дуэ и Барраса о вандемьерском восстании, «Moniteur», 10/X-1795, № 18; 27/X, № 35; Buchez et Roux, t.XXXVII, pp.36-37, 48-49.
- 25 «Moniteur», 7/X-1795, № 15, p.59.
- 26 Real. Essai sur les journees des 12 et 14 vendemiaire, p.35.
- 27 Paris, t.II, pp.293-298.
- 28 Н.Кареев. Неизданные документы по истории парижских секций, стр.52-53.
- 29 Paris, t.II, p.290.
30. Paris, t.II, p.296.
- 31 «Moniteur», 7/X-1795, № 16, p.60; 1ПХ 1795, № 18, p.72; Й7Х 1795, № 35, p.127; Buchez et Roux, t.XXXVII, pp.37-40; Real. Essai sur les journees des 13 et.14 vendemiaire, pp.38-40; Lareveillier-Lepeaux. Memoires, t.I, p.257.
- 32 A.Danican. Les brigands demasques, p.37 (1796).
- 33 «Gazette francaise», 6/X-1795 (Paris, t.II, p.303).
- 34 Real. Essai sur les journees des 13 et 14 vandemiaire, pp.44-46.
- 35 Paris, t.II, pp.301-302, ср. стр.293-298; Н.Кареев. Неизданные документы по истории парижских секций, стр.54-56.
- 36 «Moniteur», 7/X-1795, № 15, pp.58-60; 9/X-1795, № 17, p.68.
- 37 Lacretelle. Dix annees depreuves pendant.la revolution, p.260 (1842).
- 38 Danican. Les brigands demasques, p.58.
39. Real. Essai sur les Journees des 13 et.14 vendemiaire, p.33.
40. Barras. Memoires, t.I, p.251.
- 41 Thibaudeau. Memoires, t.I, p.21.
- 42 «Moniteur», 27/X 1795, № 35, p.140, Buchez et Roux, t.XXXVII, pp.50-52, Barras Memoires, t.I, pp.251-253; ср. Danican. Les brigands demasques p.53, n.14.
- 43 Danican. Les brigands demasques, pp.41-42
- 44 Real. Essai, pp.51-54, Ba r r a s Memoires, t.I, pp.253-257.
- 45 Danican. Les brigands demasques. pp.44-45
- 46 «Moniteur», 8/X,10/X-1795, № 16, 18, pp.64, 71-72, Buchez et Roux, t.XXXVII, p.42, Real. Essai, pp.56-62.
- 47 «Moniteur», 8/X, 9/X-1795, № 16, 17, pp.64, 67, Buchez et Roux, t.XXXVII, pp.43; Barras. Memoires. t.I, pp.254-256.
- 48 Real. Essai, pp.63-64.
- 49 «Censeur des journeaux», 7/X-1795 (Paris, t.II, p.304).
- 50 Paris, t.II, p.300, Rapport 6/X-1795.
- 51 Bedulieu. Essais historiques sur les causes et les effets de la revolution de France, t.V, p.220, (1803).
- 52 Lacretelle. Dix annees depreuves, p.261.
- 53 Danican. Les brigands demasques, pp.48-53.
- 54 Там же, стр.52; ср. Real. Essai, p.64.
- 55 Lacretelle. Di annees depreuves, pp.361-363.
- 56 Danican. Les brigands demasques, p.57.
- 57 «Moniteur», 9/X-1795 № 17, p.67.
- 58 «Moniteur», 7/X 1705, № 15, p.60.
- 59 Мятёж 13-14 вандемьера описан в официальных докладах Мерлена де Дуэ и Барраса и в произведениях участников и современников мятежа (см. «Moniteur», 10/X-1795, № 18, pp.71-72, 27/X-1795, № 35, pp.139-140, Buchez et Roux, t.XXXVII, pp.41-45, 52-56; Barras. Memoires, t.I, pp.250-259, Real. Essai, pp.46-90, Lacretelle. Dix annees depreuves, pp.258-263; Beaulien. Essais historiques, t.V, pp.220-228, Danican. Les brigands demasques pp.43-57.
- 60 «Moniteur», 9/X-1795, № 17, p.68.
- 61 Thibaudeau. Memoires, t.I, pp.213-214.
- 62 «Frankreich im Jahre» 1795, B II № 8, S 359-360.
- 63 Lacretelle. Dix annees depreuves, p.263.
- 64 Paris, t.II, p.2»9, Rapport 6/X-1795.

- 65 «Journal du Bonhomme Richard», 9/X-1795 (Paris, t.II, p.303).
- 66 Real. Essai p.91.
- 67 Paris t.II p.305, cp стр.299, 314.
- 68 Paris, t.II, p.312, Rapport 10/X-1795.
- 69 «Journal des hommes libres», 12/X-1795 (Paris, t.II, p.3181).
- 70 «Journal du Bonhomme Richard», 9/X-1795 (Paris, I II, p, 304).
- 71 «Censeur des Journeaux» 7/X-1795 (Paris, t.II, p.305).
- 72 Lareveilliere-Lepeaux. Memoires, t.I, pp.255-256, 295-896.
- 73 Thibaudeau. Memoires. t.I, pp.216, cp стр.188.
- 74 Mercier Paris pendant la revolution, t.II, pp.71,215,218,251.
- 75 Memoires sur Carnot, t.I, p.587.
- 76 «Moniteur», 10/X-1795, № 18, pp.71-72, Buchez et Roux, t.XXXVII, pp.32,35 45.
- 77 «Moniteur», 27/X-1795, № 35, pp.139-140; Buchez et Roux, t.XXXVII, pp.47, 54, 59-61.
- 78 Barras. Memoires, t.I, pp.247-248, 258, 259-260.
- 79 Real. Essai, pp.90-91.
- 80 «Moniteur, 14/X-1795, N 22, p.85.
- 81 H.Zive. Le treize vandemiaire an 4, pp.124-126.
- 82 Fr.Pages. Histoire secrete de la revolution francais, t.II. pp.345-347(1797).
- 83 Touchard Lafosse. Souvenns d'un demi-siecle, 1789-1830, t.V, pp.289, 293 (1836).
- 84 «Frankrekh im Jahre 1795», B II, № 7, S. 268; № 8, S 358-361; B.III, № 9, S 3-4, № 10, S 110.
- 85 Mme d e Stael. Considerations sur les principaux evenements de la revolution francaise, t.11, pp.146, 154 (2ed 1843).
- 86 Lacretelle. Dix annees depreuves, pr 249-251, 255-256; cp. Mme de Stael. Considerations, t.II, pp.309-310.
- 87 Lacretelle. Указ.срч, стр.255-256, 258.
- 88 Lacretelle. Precis historique de la revolution francaise, t.II, pp.462-463 (1863).
- 89 Hyde de Neuville. Memoires et.souvenirs, t.I, p.130 (1888).
- 90 Beaulieu. Essais historiques, t.V, pp.231-234.
- 91 Pasquier, R. Memoires, t.I, p.121 (5 eel 1844).
- 92 De-Vaublanc. Memoires de la revolution de France, t.II, p.368 (1833).
- 93 Danican. Les brigands demasques, p.42.
- 94 Там же, стр 58.
- 95 Там же, стр 123, 128, 129; cp. стр.110.
- 96 Там же, стр 219.
- 97 Там же, стр.81.
- 98 Там же, стр 210.
99. Там же, стр 109.
- 100 Там же, стр .235.
- 101 Там же, стр 45.
- 102 Там же, стр 64.
- 103 Malle du Pan. Correspondance inedite, t.I, p.340 (1884). 104 T.ivi же, т.1, стр.315-316, 318-319, cp. Peltier Paris pendant.1annee 1795, t.I, pp.414-445, f III. p.298 105. Lavalette. Memoires et.souvenirs, t.I, pp.148-149 (1831).
- 106 A.Thiers. Histoire de la revolution francaise, t.VII, pp.324-375, особ. стр.324, 339-341, 348-350, 361, 373-374 (13ed 1865).
107. Mignet. Histoire de la revolution francaise, I. II, pp.169-170, cp. стр.160-170 (11 ed. 1875).
108. Michelet. Histoire di; XIX siecle, t.I. pp.295-330, 301, 308, 313-314 (1875).
- 109 E.Quinet. La revolution, t.II, pp.400-401, cp.стр.405 (4ed 1866).
- 110 Buchez et Roux, t.XXXVII, pp.17, 26, 31, 32.
- 111 L.Blanc. Histoile de la revolution francaise, t.XIII, pp.218-229, особ. стр 250, 252, 255, 263
- 112 H.Zivy. Le treize vendemiaire an 4, pp.108-112.
- 113 A.Олар. Политическая история французской революции, стр 582-585; он же. Термидорская реакция, очерки и лекции, стр.136-137 (1908).
- 114 G.Deville. Thermidor et.Directoire, p.145; cp. .стр.128-147, особ.стр 137-138, 143.

- 115 Barante. Histoire de la Convention National, t.VI, pp.342, 389, 401 (1853).
- 116 А.Сорель. Европа и французская революция, т.IV, стр.334-337.
- 117 Taine. la revolution, t.II, p.346 (24 ed 1904); L.Sciout. Le Directoire, t.I, pp.352-353, 355, 365-367 (1895).
- 118 L.Madelin. La Revolution, pp.423-431 (1912).
- 119 Н.Кареев. Было ли восстание 13 вандемьера 4 года роялистическим? (Сб.ст.в честь проф.В.Бузескула, 1914, стр.246; ср он же. Борьба парижских секций против декретов 5 и 13 фрюктидора 3 г. (Ж.М.Н.Пр. 1915, март, стр.108-122), он же. Политические выступления парижских секций за время великой революции («Русское Богатство», 1912 г. кн.12, стр.56 и дал., 65); он же. Историки французской революции. 1924, т.II, стр 203.
- 120 Н.Кареев. Борьба парижских секций против декретов 5 и 13 фрюктидора 3 г. (Ж.М.Н.Пр, 1915 г, март, стр.125).
- 121 Н.Кареев. Политические выступления парижских секции («Русское Богатство», 1912 г, кн.12, стр.58),
- 122 Н.Кареев. Борьба парижских секций против декретов 5 и 13 фрюктидора, сто 160, ср.стр.165.
- 123 Н.Кареев. Политические выступления парижских секций («Рус. Богатство». 1912 г, 12 кн. стр.56-58).
- 124 Н.Кареев. Было ли восстание 13 вандемьера 4 г. роялистическим? (Сб.ст., стр.241).
- 125 Н.Кареев. Борьба парижских секций против декретов 5 и 13 фрюктидора (ЖМН Пр, 1915 г, март, стр.161).
126. Н.Кареев. Политические выступления парижских секций («Рус. Богатство», 1912 г., кн.12, стр.65.
- 127 Там же, стр 59.
- 128 Н.Кареев. Борьба парижских секций против декретов 5 и 13 фрюктидора (ЖМНПр, 1915, март, стр.122, 160-161).
- 129 Н.Кареев. Было ли восстание 13 вандемьера 4 г. роялистическим? (Сб. ст, стр.238-241), он же. Политические выступления парижских секций («Рус. Богатство», 1912 г., кн. 12, стр.56).
- 130 Н.Кареев. Борьба парижских секций против декретов 5 и 13 фрюктидора (Ж М Н Пр, 1915 г, март, стр.163). Ср.А.Олар. Термидорская реакция. Очерки и лекции, стр.334-337 и др.
- 131 Е Тарле Рабочий класс во Франции в эпоху революции ч II, стр 499 (1911).
- 132 «Moniteur», 10/X-1795, № 18, pp 69-70, Thibaudeau Memoires, t.I, pp.216-218.
- 133 «Moniteur», 12/X-1795, №20, 13/X, № 21, Thibaudeau. Memoires, t.I, pp.218-220.
- 134 «Moniteur», 13/X-1795, № 21, p. 82.
- 135 «Moniteur», 14/X-1795, № 22, p 87.
- 136 «Moniteur», 11/X, 12/X 175, № 10, 20, см. текст декрета на стр 76.
- 137 Thibaudeau Memcires, t.I p.235
- 138 H.Zivy. Le teize vendemiaire an 4, pp, 99-101.
- 139 Pars, t.II, p.319, Rapport.14/X 1795.
- 140 Там же, т II, стр.319.
- 141 Real. Fssai, p.91.
- 142 Lid c retell e Dix anneps d epreuves, p.,263.
- 143 Paris, t.II, pp.310, 312 325 Rdpport.9/X, 10/X, 18/X-1796.
- 144 Paris, t.II pp.320, 321, Rapport.15/X 1795.
- 145 Paris I II, p.319 Rapport.14/X-1795.
- 146 Paris, 1 II, pp.26-327, 334, Rapport 20 X, 24/X, 25/X-1795.
- 147 Paris, 1 II, pp.334, 336, Rapport 24/X, 25/X-1795.
- 148 Paris. t.II, p.311 Rapport 9/X-1795, ср.стр 306, R 7/X-1795.
- 144 Paris, t.II p.325 Rapport.18/X-1795.
- 150 «Moniteur», 17/X-1795, № 25, p.100.
- 151 «Moniteur», 19/X 1705, N 27, pp.106-107.
- 152 «Moniteiin, 26/X 1745 N 3 p.136.
- 153 «Moniteur, 20/X, 21/X-1795 №28, 29, Thibaudeau. Memoires, t.I,pp.220-228.
- 154 «Moniteur», 22/X, 23/X-1795, № 30, 31, Buchez et Roux, t.XXXVII.pp.66-72.
- 155 «Moniteur 26/X, 27/X-1795, № 34, 35.
- 156 «Moniteur», 28/X 1705, № 36.
- 157 Тибодо в своих мемуарах приводит это письмо, о котором была фраза: «Я не могу сомневаться, что Тальен склоняется к королевской власти, но мне трудно поверить, что это настоящая королевская